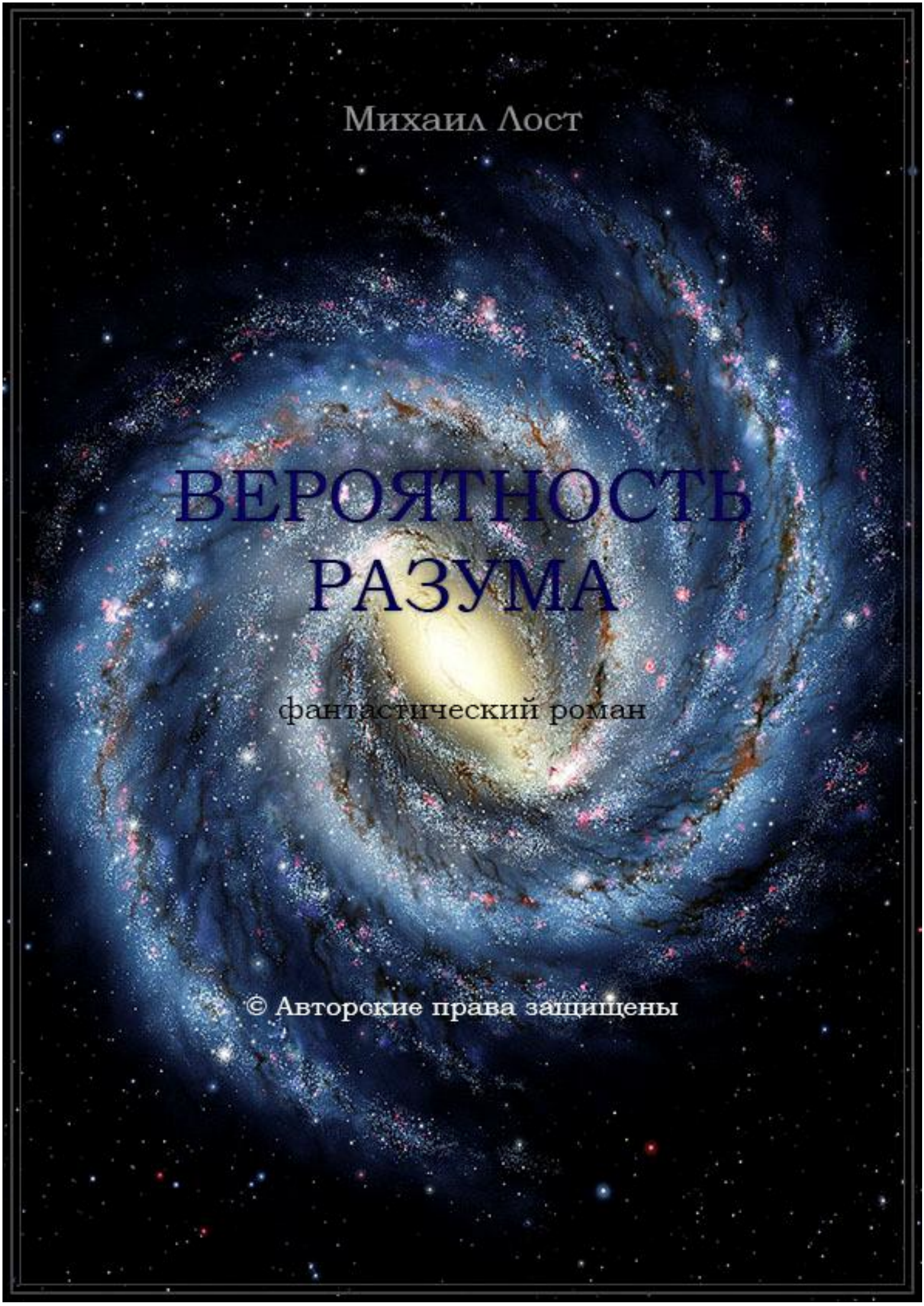

Михаил Лост
ВЕРОЯТНОСТЬ РАЗУМА
фантастический роман
© Авторские права защищены

Оглавление:

ВЕРОЯТНОСТЬ РАЗУМА 3
– 1 – 3
– 2 – 29
– 3 – 88
– 4 – 146
– 5 – 193
– 6 – 235
– 7 – 279
– 8 – 325

Координаты для связи с автором:
http://www.imi.su
E-mail: letter@imi.su

ВЕРОЯТНОСТЬ РАЗУМА

Разумная жизнь
в чужих интересах.

– 1 –

Мелкий моросящий дождь настроения не прибавлял. Промозглая сырость, пришедшая с затяжной непогодой, веяла дыханием поздней осени. Ее источал каждый опавший лист, вплетенный в орнамент газонов, каждая травинка, еще тянувшаяся к небу слабеющей зеленью, каждое дуновение ветра, визгливо налетавшего россыпью холодных капель. Рваные, дымчато-сизые тучи грозились могучими штормами, но только и огрызались, что редкими сиюминутными ливнями, уносимые к горизонту клочьями бесформенной ваты. Деревья, набухшие от влаги, качали незрячими ветвями, будто пытались нашарить, куда подевались их некогда пышные кроны. От влаги набухла и земля, сочась ей большими и малыми ручейками. Растекаясь по тротуарам, они собирались в лужи, хлюпающие под торопливыми ногами, а у ливневых стоков превращались в реки и водопады, старательно создававшие наводнение. Чернея на асфальте, лужи то подергивались рябью, мелко дрожавшей в свете уличных фонарей, а то отражали сами фонари, окруженные рассеянным желтоватым ореолом. Короткий день угасал оранжево-лиловой дымкой. Ему на смену наливалась россыпь городских огней, чье колебавшееся марево озаряло низко бегущие тучи.

Красный. Треклятый светофор был в своем репертуаре, усердно стараясь омрачить и без того унылый день. Впрочем, он всегда старался его омрачить, в любое время года и суток. Кто бы ни запрограммировал эту гнусную штуковину, он наверняка обладал даром ясновидения, иначе как объяснить, что та с непостижимой точностью включала запрещающий сигнал в самый неподходящий момент. Не просто включала — заставляла ждать полный цикл, который запускался аккурат на последних шагах у пешеходного перехода. Полный, ни больше, ни меньше. И лишь потом ненадолго даровала зеленый свет, позволяя миновать оживленную, регулярно погрязавшую в пробках улицу. Казалось бы, подобное поведение светофора объяснялось простой случайностью. Да, возможно. Вот только эта случайность с каждым годом вызывала все больше вопросов, поскольку те шли и шли, а он всегда вел себя вызывающе одинаково. Обмануть его можно было только одним способом — углядеть сигнал и таймер издали. Тогда, либо замед-

лив, либо ускорив шаг, удавалось подойти аккурат к зеленому свету. Во всех остальных случаях светофор заставлял ждать полный цикл до последней секунды. Заставил он ждать и сейчас. Задумавшись, Джулиан напрочь забыл про окружающий мир, отчего тот не преминул напомнить о себе вышеупомянутым образом.

Все-таки интересно, какая именно нечисть умудрилась сделать так, что дурацкий перекресток вел себя неизменно гадостно? Пятнадцать лет наблюдений — это вам не взятая наобум выборка, это кое-что. Созерцая светофор, лучивший душу насыщенно-красным индикатором, Джулиан размышлял, каких именно благ пожелал бы его создателю. Пожалуй, обычного пребывания в геенне огненной маловато — тут надо бы чего поизобретательнее. Например, заставить этого гения самолично страдать от собственной поделки до скончания времен, да так, чтобы ее работа всегда срывала жизненно-важную встречу. Или чтобы он переключал все сигналы вручную, и в жар и в стужу стоя на одном и том же месте. Само собой, тоже вечно. Согретый столь теплыми мыслями, Джулиан начал расплываться в улыбке, когда его охладила плеснувшая волна. Охладила в самом прямом смысле. Сток, обустроенный в придорожном бордюре, окончательно перестал справляться с набегавшей водой. Накапливаясь на проезжей части, она заливала колеса автомобилей. Один из них, спеша миновать копившийся затор, поддал газу, чем и вызвал целый веер леденящих брызг.

Чертыхнувшись, Джулиан отскочил, да поздно. Теперь ему только и оставалось, что отряхивать с колен стекавшую воду, не отличавшуюся кристальной чистотой. Брюки основательно промокли. Песок, налипший на черную, в полоску, ткань, тоже удовольствия не доставлял. Пользуясь его замешательством, светофор любезно засиял зеленым светом. Джулиан едва не прозевал его коварный маневр, уловив какое-то движение, да и то краем глаза. Это пешеходы, прежде стоявшие рядом, гурьбой переходили улицу. Табло отсчитывало последние секунды, когда он, спохватившись, ринулся по залитой зебре. В ногах тут же яростно захлюпало, но Джулиан перебегал уж как придется, не горя желанием выжидать новый светофорный цикл. На противоположный тротуар он вылетел уже на красный, а за его спиной тут же двинулись машины. Мысленно погрозив перекрестку кулаком, он в очередной раз проклял его создателя и двинулся к метро.

Как и у многих, жизнь Джулиана Слайдертона носила размеренный характер. Будние дни посвящались работе, к которой, следуя неизменным маршрутом, удобнее всего было добираться на подземке. Выходные протекали более разнообразно, от беспробуд-

ного сна, отдававшего дань вселенской лени, до поездок за город для велосипедных прогулок и барбекю на свежем воздухе. Во всяком случае, когда это позволяла погода. К нынешней пятнице она не благоволила, поэтому Джулиан никуда не собирался. Выйдя из подземки, он направился домой, предпочитая немного пройтись даже в такую сырость. Точнее, в ближайший к дому магазин, чтобы пополнить продуктовые запасы. С набитым холодильником и спится спокойнее и работается лучше, а Джулиан собирался сделать и то, и другое. Субботнее утро он точно проведет в постели, а затем, раз уж дожди испортили уикенд, засядет за компьютер и неторопливо займется проектом. Ведь для этого ему совершенно необязательно посещать офис.

Профессия архитектора предполагала возможность заниматься делами удаленно, где угодно и когда угодно, а присутствие на рабочем месте больше зависело от прихоти босса, нежели прямой необходимости. К сожалению, босс Джулиана относился к тем руководителям, которые наглухо закоснели в нелепых часовых рамках. Для них показателем эффективности сотрудника считалось лишь время в стенах фирмы, и его следовало блюсти от сих до сих. Именно поэтому Джулиан проводил все будни в офисе, хотя по роду занятий мог появляться там куда реже и вообще нерегулярно. Кстати об архитекторах! Здание, чей первый этаж занимал магазин, не иначе проектировал тот же вредитель, на чьей совести был окаянный перекресток, либо его близкий родственник. Вход располагался крайне неудобно, что хорошо ощущалось в непогоду, а эффективность внутреннего пространства оставляла желать лучшего. Колонны, поддерживавшие свод, торчали к месту и не к месту, а комбинация стеллажей и полок окончательно превращала магазин в некое подобие лабиринта. Особенно тогда, когда его сотрудники за каким-то дьяволом меняли привычное расположение товаров, заставляя обходить все по нескольку раз.

Криво улыбнувшись тележкам, выстроившимся тремя чинными рядами, Джулиан вооружился корзинкой на колесиках. Знал он эти тележки. Надоело время терять! Вложенные одна в другую, они стояли в ожидании покупателей, вроде как обязанные выдвигаться легким движением руки. Их конструкция выглядела проще некуда, отчего было поистине загадкой, каким образом и за что она регулярно умудрялась зацепляться? Тянешь тележку, как дурак, хлопаешь глазами и никак не можешь понять, что там в сетке металлических прутьев ее держит, и держит намертво. С некоторых пор, умудренный опытом, Джулиан брал тележку только тогда, когда она стояла отдельно от остальных, либо же задвинутой не до конца. Во всех остальных случаях он обходился упомянутой

корзинкой.

Раздвижная дверь раскрылась беспрекословно. Если ее не касаться, она никогда не вызывала нареканий, отчего Джулиан давным-давно зарекся попадать промеж смыкавшихся створ. Стоило вступить с ними в контакт — и они почти всегда выходили из строя, превращаясь в неподвижную, жаждавшую грубой силы преграду. Джулиан не знал, везет ли персонально ему, или дверь вела себя омерзительно со всеми покупателями. Он лишь научился избегать неприятных последствий, не желая расплачиваться за капризную технику. Джулиан вообще не ходил бы в этот магазин, предпочитая другой, где и тележки вели себя цивилизованней и двери проявляли куда больше радушия. Увы, он находился вблизи от дома, из-за чего плюсы перевешивали минусы.

Само по себе стремление мерчандайзера было понятно. Оно заключалось в том, чтобы выставить как можно больше продукции в заведомо ограниченной площади. К сожалению, эта ретивость регулярно оборачивалась неприятным побочным эффектом. Вытаскивая облюбованный товар, словно нарочно запрятанный глубже остальных, Джулиан цеплялся за соседние ряды, намеревавшиеся одарить его своим содержимым. Ну а не его, так хотя бы пол, куда они так и норовили осыпаться, вынуждая действовать с предельной осторожностью. Тут либо станешь акробатом, подхватывая все вот это вот на лету, либо обретешь ловкость карманника, умеющего аккуратно достать желаемое. Акробата из Джулиана не вышло, поэтому он пошел по второму пути, более осторожному и куда менее затратному. Сердце, конечно, екало, когда рука, запущенная глубоко в какой-нибудь ряд, пыталась извлечь оттуда желаемое и не обрушить с полки все окружающее, но обычно обходилось без последствий. Облегченно выдыхая, Джулиан укладывал в тележку бутылку пива или стеклянную банку с овощами, после чего неторопливо шагал дальше.

В принципе, курильщики такие же люди, как и все, как бы на них не ополчались сторонники здорового образа жизни. Они имели полное право на свою привычку, без разницы, вредная та или нет. И никто не смел им указывать. Джулиан не любил их отнюдь не за табачный дым, который ему ничуть не мешал. Складывалось ощущение, что они поголовно предпочитали исключительно дефицитные марки, а применительно к магазину это выглядело всегда одинаково. Продолжительно порывшись на стеллаже, продавец беспомощно разводил руками, после чего тратил еще несколько минут на поиски запрошенных сигарет. Все это время очередь терпеливо ждала, пока их отыщут, либо же курильщику объявят, что ему придется уйти с пустыми руками. Но сразу ли

уйти? Не получив желаемого, иной из них начинал проявлять фантазию, а продавец снова перерывал прилавок, пытаясь ее удовлетворить. Ведь эта фантазия, само собой, опять выражалась исключительно в специфическом виде, требующем наличия чего-нибудь особенного. На черти какой по счету марке курильщик сдавался, приобретал любые предложенные сигареты и удалялся, согретый теплой и молчаливой ненавистью других покупателей. В том числе и Джулиана. Утомившись столь раздражающему однообразию, он взял себе за привычку спокойно задавать очереди вопрос, есть ли перед ним желающие купить табачные изделия. Если таковые выявлялись, он не ругался, а направлялся к соседней кассе. Само собой, предыдущая очередь двигалась без задержек, поскольку курильщик обычно сразу получал желаемое. Однако в конечном счете Джулиан все-таки выигрывал, принимая во внимание не частное, а среднее затраченное время.

К сожалению, выявить всех проблемных покупателей было невозможно, и за примерами далеко ходить не приходилось. Несмотря на рост безналичных платежей, многие все еще расплачивались наличностью. Само по себе это не вызывало особых нареканий, но только до тех пор, пока не попадался очередной человек-барьер. Он либо мучительно долго рылся по карманам, пытаясь набрать мелочь на сдачу, либо со скоростью улитки отсчитывал требуемую сумму как таковую. Джулиан сохранял ледяное спокойствие, поскольку затянувшаяся заминка от него не зависела, а воспитание не позволяло ему проявить грубость. Ведь даже предложение оплатить чужой товар — лишь бы создатель затора побыстрее убрался восвояси, — могло быть воспринято резко отрицательно.

С возвратниками получалась отдельная история. Обнаружив в чеке некое несоответствие, обычно крайне незначительное, поборники справедливости немедленно начинали затяжную баталию во имя пресечения преступных обогащений. Очередь, томящаяся позади, радеющих за правое дело ничуть не смущала. Ведь ее интересы тоже отстаивались, поэтому и препирательства с кассиром, и вызов менеджера, и упоительно долгое переоформление товара — вся эта возня, безусловно, стоила потраченных на нее усилий. Вот только святые, кровью и потом выстраданные центы оборачивались сотнями, тысячами, десятками тысяч долларов, которые теряли другие люди, застрявшие из-за очередного крестоносца. Сам Джулиан, обнаружив какую-либо ошибку, никогда никого не задерживал. Как максимум, он обращался к свободному сотруднику, и то если неточность носила серьезный и потенциально намеренный характер. Увы, свихнувшаяся касса или повисший пла-

тежный терминал обезоруживали любую прозорливость и желание обойтись минимумом задержек.

Отдельную категорию составляли роботы, запрограммированные в примитивном доисторическом режиме. Не в силах нарушить заданный алгоритм, они покорно дожидались, пока кассир пробьет им весь товар, и только тогда, покончив с оплатой, начинали его упаковывать. Разумеется, неторопливо хватая предметы по одному и неторопливо же их укладывая аки величайшую во вселенной ценность. Кассир тем временем постигал дзен, выходя за пределы трехмерной реальности. Ему ведь приходилось пробивать товар следующего покупателя и ставить его туда, где благодаря устаревшему роботу не оставалось места даже для поздравительной открытки. Глядя на эти манипуляции, Джулиан только вздыхал. Лично он, памятуя о тех, кто стоял за ним, ловко и быстро паковал свои покупки, причем незамедлительно, а не дожидаясь, когда кассир посчитает их все до последней. Таким образом, он забирал пакеты сразу после оплаты, не задерживая очередь загроможденным прилавком. К сожалению, так поступали далеко не все, но поведение Джулиана от этого не менялось. Регулярно сталкиваясь с различными препятствиями, он старался делать так, чтобы не множить их самому.

Между прочим, хорошо уложить продукты в пакет — целое искусство, так что не стоит недооценивать услужливых работников гипермаркетов. Поверьте, если у пластиковой упаковки имеются выпирающие части, то существуют они только с одной целью — этот самый пакет продырявить, причем желательно так, чтобы он разорвался наиболее неприятным образом. Вершиной успеха считается прорезанное дно, куда благополучно вываливаются все покупки, а вишенкой на торте становится лестница, пешеходный переход или оживленная парковка, где сие знаменательное событие произошло. Умудренный опытом, Джулиан складывал продукты очень умело и рационально, но всякий раз убеждался, что как ни старайся, а что-нибудь все равно да торчит. Разумеется, это "что-нибудь" постоянно поддевалось ногами, отчего руки с пакетами приходилось разносить подальше от тела. Увы, подобный трюк кратно усиливал наступление усталости, и вскоре пакеты снова начинали цепляться за ноги, не предвещая своим разнузданным поведением ничего хорошего. Сколько там было пешком от магазина до дома? Три минуты? Когда дыхание сопит и сбивается, а мышцы ноют будто после долгой непривычной пробежки, они превращаются в целую вечность. Поистине, дотащить все до квартиры, причем в целости и сохранности, смахивало на настоящий подвиг.

Дом, милый дом. Поставив пакеты в прихожей, Джулиан замкнул входную дверь, после чего разулся и отнес их на кухню. Есть такая старинная игра под названием "Тетрис". Там спускаются различные геометрические фигуры, а задача играющего расположить их наиболее эффективным образом. В случае с холодильником ее вполне можно было назвать "Холодетрис". Двустворчатый, обладающий внушительным внутренним объемом, он вдруг становился необычайно тесным при попытке уместить в нем не так уж и много продуктов. Хуже того, любое нагромождение сулило настоящий оползень, начинавшийся сразу после открытия дверцы. Казалось бы, не так уж и сложно расставить все аккуратно и компактно, особенно если обладать хорошим пространственным чутьем. Увы, на практике выходило иначе. Что бы вам ни понадобилось в холодильнике, оно обязательно заставит вас вынуть половину содержимого полки, а то и больше. Джулиан давно усвоил эту нехитрую истину и поступал соответствующе, найдя золотую середину между заполнением полок и удобством их опустошения. Жертвуя общей вместимостью, он сохранял себе душевное здоровье, когда практически сразу доставал желаемое, а не вытаскивал все подряд в поисках какой-нибудь запропастившейся банки. Вот и на этот раз он разложил все так, чтобы впоследствии не пожалеть о проявленной недальновидности.

Со стороны могло показаться, что Джулиан Слайдертон — зацикленный педант, обуянный каким-то психологическим расстройством. Такое предположение было в корне не верно. Он не боролся с физикой вещей, поскольку с годами уяснил, что это заведомо провальное дело. Та всегда побеждала. Он лишь нащупывал обходные пути, но не в силу какого-то заскока, а для оптимизации собственной жизни. Так или иначе, вокруг все традиционно цеплялось, падало, куда-нибудь закатывалось или норовило любым другим способом доставить побольше неприятностей. Джулиан их минимизировал, что шло на пользу как его нервам, так и свободному времени. Из его холодильника не сыпались бутылки с молоком, заставляя проводить уборку кухни, в раковине не бились тарелки, и уж тем более не слетали с полки при попытке достать одну из них. Ковер лежал на полу таким образом, что споткнуться о него становилось в принципе невозможно. Шампунь в ванной не провоцировал тянуться за ним с риском для жизни, а растения в горшочках располагались очень удобно для полива, не вынуждая демонстрировать чудеса эквилибристики. Ну и кружка никогда не проливалась, заботливо поставленная так, чтобы не опрокинуться даже при очень неосторожном жесте.

Нет, Джулиан не был педантом и не страдал каким-либо рас-

стройством. Спокойно и осмысленно он облегчал себе жизнь в мелочах, чтобы с большей энергией и желанием посвящать ее чему-то более важному. Хлебнув горячего, свежезаваренного чая, он поставил любимую кружку недалеко от ноутбука, ничуть не боясь ему навредить. Именно с этой целью любой другой расположил бы ее иначе, и добился как раз обратного результата. Джулиан не шел на поводу у того, что казалось естественным и само напрашивалось как решение. Обычно именно такие поступки и приводили к возникновению проблем. Наученный наглядной практикой, он не боролся с ними так, как большинство сограждан. Пока те проявляли феноменальную изобретательность, предлагая различные варианты их устранения, Джулиан старался не допускать проблемы в принципе. Это напрямую отражалось и на его работе. Будучи архитектором, он прилагал все усилия, чтобы воплощенные им проекты не заставляли людей вспоминать их автора недобрым словом.

С одной стороны, творческая профессия давала свободный полет фантазии. С другой, она накладывала и серьезные обязательства. Во всяком случае, с точки зрения Джулиана. Вдумчиво изучая проект, он примечал такие детали, которые его коллеги оставляли без внимания, а то и вовсе о них не догадывались. Он же прямо-таки видел, насколько эти детали важны, и каким образом способы проявиться не только в процессе строительства, но и эксплуатации. Видел словно неким внутренним взором. Его решения казались спорными и порой вызывали недоумение, но впоследствии всегда себя оправдывали, даже если это прямо не бросалось в глаза. А иногда и вовсе не бросалось, оставаясь никем не замеченным. И люди даже не знали, насколько им облегчала жизнь дальновидная прозорливость неизвестного архитектора. Но трудно было их в этом винить, поскольку зачастую не знал об этом и сам архитектор. Он лишь следовал своему врожденному чутью, будто вникавшему в исконную суть вещей, и позволял избегать конфликтов с их неумолимой физикой.

Непродолжительная вечерняя работа традиционно затянулась далеко за полночь. В отличие от светофоров, тележек и холодильников, происходило это исключительно по собственному желанию. Не завершив поставленную себе задачу, не пройдя намеченную на пути веху, не додумав некую пришедшую в голову мысль, Джулиан просто не мог остановиться. И выключи он компьютер, творческий порыв не прекратится и будет томить до самого утра, не давая заснуть с незаконченным делом. Так лучше уж постараться на совесть и поставить условную точку, чтобы отправиться в постель с чувством выполненного долга. Джулиан давно привык к подоб-

ному укладу вещей и ничуть не раздражался. Как раз наоборот — он злился тогда, когда этому что-нибудь мешало. Тогда, когда в жизнь вмешивались не зависящие от него обстоятельства. Например, излишне назойливый шум на улице, вызываемый чьим-нибудь тарахтящим мотором, либо же причуды техники. К последним относился и экран ноутбука, внезапно замерцавший без всякой видимой на то причины. Джулиан как раз нащупал любопытную идею, прежде не приходившую ему в голову, и собирался проверить ее на виртуальной модели. Не получилось. Изображение на экране пошло рябью и полосами, да так, что работать стало попросту невозможно.

Ноутбук — не системный блок, то есть устройство максимально компактное, не изобилующее проводами и раздельно установленными элементами. В случае чего, проверять и поправлять в нем будет особо нечего. Все, что оставалось Джулиану, это легонько постучать по дисплею, надеясь на его исключительную сознательность. Не помогло. Полос меньше не стало. Более того, рябь, теребившая изображение, окончательно стала невыносимой. Досадуя на неполадку, приключившуюся чрезвычайно некстати, Джулиан встряхнул экран куда сильнее, а затем крепко приложил ладонью его тыльную сторону. Обычно спокойный, теперь он выходил из себя, поскольку был не в состоянии сладить с непослушной электроникой. Ноутбук, не иначе как приняв рукоприкладство близко к сердцу, объявил забастовку и полностью отключил картинку. Застыв неподвижно, она драматически угасла, уподобившись последнему кадру какого-нибудь кинофильма.

Прошипев ругательство, Джулиан взъерошил умеренно-длинные волосы, спускавшиеся на виски темными прядями. Не выдержав накала страстей, он вскочил со стула и принялся метаться взад-вперед по комнате, соображая, что ему предпринять. Непродолжительный рейс к холодильнику немного освежил его разгоряченную голову стаканом воды с лимоном, позволив мыслить несколько продуктивнее. Подтащив ноутбук к телевизору, Джулиан перевернул полквартиры, но отыскал подходящий шлейф. Приладив его в соответствующий разъем, он чуть не своротил телик, но и там отыскал нужное гнездо. Вуаля! Трясущиеся пальцы, сбившееся дыхание и красное от натуги лицо не прошли втуне. Большая жидкокристаллическая панель ожила, демонстрируя изображение с ноутбука. Стало быть, если что и накрылось, то его дисплей, а не какая-нибудь критически необходимая составляющая. Возрадовавшись, Джулиан переместил ноутбук на табуретку, уселся рядом по-турецки и продолжил прерванную работу. Разбирательство с электронным предателем можно было отложить

на потом.

Вообще-то мало кому понравится, когда его разбудят неурочной возней, включением света и хождениями туда-сюда, однако ночные метания Джулиана никому не помешали даже тогда, когда он обшаривал все комнаты. Уже больше года он жил один, поставив точку в многолетнем разводе. Чего поделывала бывшая супруга — его абсолютно не интересовало. Прекратив с ней всякие контакты, он искренне надеялся, что и та ни о каком возобновлении отношений даже не помышляет. Другое дело — их общие дочери, которых Джулиан очень любил и всячески о них заботился. Само собой, он не стал бы мешать им спать без веской на то причины, но обе были достаточно взрослыми, чтобы жить отдельно от отца. Жить и учиться. Университетский кампус их вполне устраивал, да и в остальном у дочек все складывалось хорошо. Порой они навещали отца, выкраивая подходящую неделю, но в основном все трое поддерживали связь по интернету. Таким образом, Джулиан мог беспрепятственно устроить полуночный кавардак, налаживая прерванную работу. К сожалению, польза от его усилий носила чрезвычайно непродолжительный характер.

Телевизор, благословенный за свою радушную помощь, внезапно заартачился. В моделирование потребовалось внести важные коррективы, когда он моргнул и стал выдавать одну черноту. Красноречивая надпись, объявившаяся в углу экрана, заявила об отсутствии сигнала. Опешив, Джулиан потыкал в кнопки пульта, пошевелил видеокабель, а затем и вовсе переключил его в другое гнездо. Никакого эффекта. Телевизор исправно показывал что угодно — спутниковые каналы, игровую приставку, меню и даже фотографии со смартфона, но только не изображение с ноутбука. И на сей раз никаких тузов в рукаве у Джулиана не осталось. Промучившись около часа, он покрыл окаянную технику заковыристой бранью и отправился спать. Разумеется, номинально. В реальности же он ворочался с боку на бок, одолеваемый нерешенной проблемой, и лишь под утро ненадолго забылся беспокойным сном. Будильник, пропиликавший в заданный час, поднял его злым, всклокоченным и не выспавшимся.

Субботние планы вторично пошли под откос. Экстренно вызванный мастер только развел руками. Согласно тестам, телевизор был в полном порядке, и загвоздка заключалась непосредственно в ноутбуке. А вот с ним сладить не удалось. Какой бы ни оказалась неисправность, диагностировать и устранить ее могли только в сервисном центре.

Оставшись без рабочего места, Джулиан сгоряча чуть не купил другой компьютер, который, по-хорошему, давно стоило бы

приобрести хотя бы во избежание таких вот случаев. Отдав ноутбук в ремонт, он уже направился в магазин, как на полпути передумал. Пока он, весь на взводе, настраивает под себя новую систему, наступит понедельник, а тогда проще приехать в офис, благо что проект сохранен на тамошнем сервере. Сейчас же, учитывая неожиданную смену погоды, лучше опять пересмотреть идеи на уикенд.

Погода и впрямь сменилась. Уж на какой кофейной гуще гадали синоптики — Джулиан и понятия не имел, однако вместо затяжного дождя на небе светило по-осеннему робкое солнце. Его бледные лучи золотились к земле, подергивая ее белокурой дымкой, а слабое тепло пусть и едва согревало тело, зато куда значительнее грело душу. Ведь как отрадно узреть не мрачные тучи, давившие на мир свинцовой тяжестью, а ласково струящийся свет, озарявший бледную небесную лазурь. Ощутить не шквалистый ветер, привносящий с собой отголоски ледяного шторма, а легкое мимолетное дуновение, насыщенное запахом подсохшей листвы. В таком свете даже лужи, по-прежнему блестевшие на асфальте, представали не средоточием сырости, но тончайшими зеркалами, отражавшими далекий сказочный небосвод. Махнув рукой на препоны с проектом, Джулиан проникся чарами природы и отправился прямиком за город.

Мотель, размещавшийся у озера, привлекал не удобством номеров, а свежим воздухом и дополнительными сервисами. К нему, в частности, относился прокат велосипедов. Припарковав машину, Джулиан занес дорожную сумку в комнату, после чего тут же арендовал один из них и был таков. До конца светового дня у него оставалось часа три, не больше, отчего времени терять уж точно не стоило.

Излюбленный маршрут пролегал вдоль береговой линии, периодически ныряя под сень не густого, но обширного леса. Где-то там, подальше от дороги, перестукивались дятлы и подавали голоса невидимые птицы. Не так, конечно, как по весне или летом, но все же их щебетание приятно радовало слух, напоминая, что даже с приближением зимы жизнь отнюдь не заканчивалась. Крутя педали, Джулиан дышал полной грудью и отрешался от всего городского, оставляя за плечами нервотрепку и заботы. Оставляя ее там, позади, суетливым жителям мегаполиса, снующим как муравьи и не ведающим прелестей размеренной сельской жизни. Он позабыл даже текущий проект, застопорившийся из-за взбунтовавшегося ноутбука. Он просто ехал и наслаждался голубым небом, шуршавшей дорогой и умиротворяющей тишиной.

Ничто, как говорится, не длится вечно. Особенно если речь о

чем-то хорошем. Затяжной подъем требовал усилий, а лужи и песчаные наносы, сооруженные недавними дождями, вынуждали маневрировать. Джулиан, поднаторевший в обращении с велосипедом, справлялся с препятствиями вполне уверенно, но шум мотора заставил его спешиться. Лавируя по дороге, можно было загреметь под колеса, а это в его планы отнюдь не входило. Остановившись на обочине, он обождал, пока автомобиль проедет мимо, провожая его недружелюбным взглядом. В памяти тут же всплыл ненавистный светофор. Почему? Эта горка, растянувшаяся на четверть мили, вела себя точно так же. Когда бы Джулиан ни поехал, в какое бы время не очутился на ее склоне, тут всегда появлялась какая-нибудь машина, мешавшая безопасному подъему. Формально такая встреча выглядела совершенно естественной, но только не на фоне многих лет, уделенных этому замечательному краю. С годами, как и в случае с тем перекрестком, Джулиан стал примечать необъяснимый факт. В самый безлюдный день он мог вообще никого не встретить, ни навстречу, ни по пути, но только не на заколдованном склоне. Здесь ВСЕГДА кто-нибудь проезжал, стоило ему очутиться в наиболее неудобном для этого месте. Иногда — целой гурьбой, после чего автомобильное движение исчезало, будто его никогда и не было.

Однажды Джулиан не выдержал и пустился в эксперименты, надеясь отработать хоть какой-нибудь обманный алгоритм. Не вышло. Приснопамятный светофор можно было углядеть издали. Здесь, в лесном массиве, оставалось уповать лишь на наблюдение сверху, чтобы отслеживать дорожное движение при помощи вертолета или хотя бы квадрокоптера. Подобным сопровождением Джулиан не располагал, отчего все его уловки неизменно терпели неудачу. Он спешивался, проходя некоторые участки пути на своих двоих, ускорялся, делал остановки и по-всякому пытался перехитрить загадочную горку. И ни разу не преуспел. В какое бы время он на ней ни оказался, хотя бы одна машина объявлялась тут как тут. Затем же — езжай в свое удовольствие, когда продолжительный подъем оставался позади. Кстати сказать, работало это только в одну сторону. Если Джулиан возвращался в мотель той же дорогой, он съезжал с заколдованной горки абсолютно беспрепятственно, хоть посередине проезжей части. Машины в таких случаях почти никогда не появлялись.

Справедливости ради следовало отметить, что в своей изощренной каверзе горка была не одинока. В течение всей поездки, когда сокращавшейся до четырех миль, а когда растягивавшейся на добрый десяток, Джулиан порой сворачивал в лес. Так — постоять, отдохнуть, немного размять затекшие спину и седалище.

Эти остановки доставляли ему огромное удовольствие, особенно если они случались в самом излюбленном месте, куда вела небольшая проселочная колея. Оттого он и заметил, что заглянуть туда беспрепятственно не так-то просто. Основная дорога, изгибавшаяся вверх по склону, словно нарочно заставляла его переместиться на северную обочину, поскольку южная весьма неважно подходила для езды на велосипеде. Само собой, заветный поворот находился именно у оставленной, да еще перед вершиной горки, то есть слепым участком пути. И слепыми такие участки назывались не зря, ибо оттуда мог непредсказуемо вылететь кто угодно и когда угодно. Прояви Джулиан беспечность, его бы давно сбил какой-нибудь грузовик или, на худой конец, торопливая легковушка. Подъезжая к повороту, он сбавлял ход, наклонял голову и прислушивался. И в большинстве случаев различал звуки приближавшейся машины. Откуда именно — не суть важно. Ее все равно приходилось пропускать, чтобы не свести знакомство с бампером или капотом. Да, означенный поворот, в отличие от светофора или горки, не всегда вел себя одинаково, время от времени оказываясь пустынным. Зато выглядело это так, будто он нарочно провоцировал Джулиана не напрягать слух, а поехать на удачу. Поехать — и сгинуть под колесами выскочившего самосвала.

Между прочим, однажды подобное едва не произошло. Джулиан поднимался к повороту с другой стороны, когда на обочине попался опасно большой камень. Как он там очутился — вопрос отдельный, но его срочно потребовалось объехать, чтобы не повредить колесо велосипеда. Машины Джулиан не слышал. В ушах раздавался только тихий шелест ветра. Изменив курс, он довольно далеко выехал на проезжую часть и внезапно ушел обратно, едва не налетев на огибаемое препятствие. Ушел прямо-таки через силу, будто нарушив навязанный алгоритм. В следующую секунду на вершину вылетел грузовик, чьи звуки коварно скрадывала горка, и лавиной ринулся по склону. Вздымая облака пыли, он пронесся как раз там, где собирался проехать Джулиан. Остановив велосипед, тот оглянулся и проводил его долгим взглядом, отдавая себе отчет, что спонтанный, вроде бы безосновательный маневр спас ему жизнь.

Вообще Джулиан примечал подобное отнюдь не в первый раз. Складывалось впечатление, словно он вмешивался в происходящее неким незапланированным кем-то образом. В такие моменты его тело начинало едва ли не лихорадить, будто нервная система отдавала ему диаметрально противоположные сигналы. Он мог резко остановиться без всякой видимой причины, либо же наоборот, совершить определенное действие, необъяснимое и самому

себе. И тем самым избежать внезапно объявившейся угрозы. Например, лихача, несущегося на пешеходный переход как раз тогда, когда Джулиан уже занес над ним ногу, или сосульки, упавшей в том месте, откуда он взял и отошел. Также в память врезался случай, когда Джулиан не схватился за провод, оказавшийся под напряжением. Трудно было забыть и про лифт, уехавший прямо перед носом только потому, что он таким вот странным образом замешкался. Лифт сорвался в шахту. Никто, к счастью, не пострадал, но Джулиан предпочитал не думать, как развивались бы события, окажись он внутри.

Субботний вечер разгорался багрянцем, окрашивая стволы деревьев в красное золото. Машина наконец-то проехала. Пятая по счету. К тому времени Джулиан уже добрался до вершины горки пешком. Мысленно показав шестому автомобилю средний палец, он вновь оседлал велосипед и энергично нажал на педали. Теперь испортить ему прогулку могла только погода, но он был уверен, что с ее стороны не последует никакой каверзы. Уверен даже после того, как за минувшие сутки она дважды меняла свое капризное расположение.

Бывали в жизни и приятные аномалии. Например, дожди. Да, дожди, как бы изначально дико это ни звучало. Поливая практически всюду, они крайне редко отравляли велосипедный отдых Джулиана. Выйдя из мотеля, он окидывал взглядом тучи, обещавшие не то ливень, не то вселенский потоп, усмехался и отправлялся по излюбленному маршруту. И тучи не подводили. Они и впрямь разражались тем еще дождиной, иногда разбавляя его колючим градом, но только не над головой Джулиана. Вся их сизая ярость проливалась в стороне, порой буквально в какой-то миле, но только не там, где он преспокойно катил на велосипеде. И в этом тоже заключалась какая-то непостижимая загадка, уравновешивавшая козни светофора и горки.

Джулиан вернулся к мотелю в сумерках. Темнота быстро сгущалась, поглотив небо на востоке и уверенно завершая свое черное дело на западе. Задержись он еще минут на двадцать — и без переднего фонарика, работавшего от взаимодействия с колесом, увидеть дорогу было бы весьма непросто. Но то в лесу. Здесь, на островке цивилизации, светили красивые уличные фонари, а окна горели множественными огнями. Сдав велосипед на стоянку, Джулиан сходил принять душ, а затем отправился поужинать в местное кафе.

Все-таки чертовски удобно, когда вы не стоите в очереди, гадая, попадется ли вам помесь улитки с правдоборцем, а сидите непосредственно за столиком. Да, из-за наплыва посетителей ваш

заказ могут и задержать, но принесут свежеприготовленным, и с последующей оплатой счета, как правило, заминок не возникает. Джулиана это вполне устраивало, не говоря о том, что уютное кафе исключало возню с походными сэндвичами, фляжками и термосом. Прогулка на свежем воздухе изрядно распаляла аппетит, который вряд ли удовлетворился бы чем-то из перечисленного. Быстро опустошив тарелки, он подозвал официанта и запросил добавку. Когда ее принесли, ужин окончательно утолил волчий голод и превратился в неторопливое удовольствие.

Работая челюстями, Джулиан бросал косые взгляды на большой телеэкран, где транслировался хоккейный матч. Наблюдая, как явный фаворит проигрывает с минимальным счетом, Джулиан подумал, что изначально поставил бы на другую команду и сорвал неплохой куш. Впрочем, вряд ли, поскольку его персональное везение ограничивалось отсутствием корысти. В каком смысле? В прямом.

Еще с юности Джулиан приметил любопытную особенность. Если азартная игра или заключенное пари не имели материальной выгоды, в подавляющем большинстве случаев он выходил победителем, либо, хотя бы, не проигравшим. Однако стоило поставить на кон хотя бы цент или пачку жвачки, как фортуна вела себя диаметрально противоположно. К счастью, Джулиан не страдал игровой зависимостью, иначе давно бы спустил все свои сбережения на тотализаторе, а заодно и влез в неподъемные долги. Осознав свою необычную черту, он не пытался ее объяснить, сваливая в кучу математическую вероятность, мистическую энергетику и теорию заговора. Он вообще перестал ставить в какой бы то ни было форме, отчего игнорировал даже любимые многими лотерейные билеты. Джулиан лишь машинально отмечал свои условные выигрыши, когда, интереса ради, загадывал на ту или иную команду. Вот и сегодня удача вновь ему улыбнулась, но, вероятно, лишь потому, что он не рискнул ни единой монетой. А жаль. Результаты предпоследнего чемпионата мира могли бы сделать его миллионером, выросшим из стартовых десяти тысяч. Он промахнулся только в полуфинале, зато все остальные матчи, включая заключительный, в совокупности принесли бы ему целое состояние.

Ужин закончился вместе с хоккейной трансляцией. Покинув гостеприимное, никогда не подводившее кафе, Джулиан направился в свой номер и остаток вечера провел на кровати, убивая время в смартфоне. Отбой наступил еще до полуночи, когда он, раззевавшись во весь рот, уткнулся в подушку и моментально заснул.

Свежий воздух действовал по-разному. Иногда Джулиан спал

как убитый, открывая глаза уже после восхода солнца. Порой же его одолевали обрывочные сновидения, сменявшиеся каждые полтора-два часа. Он словно переключал их, ненадолго приходя в себя и переворачиваясь на другой бок, либо же вставал, наведывался за стаканом воды и ложился снова, окунаясь в следующую красочную дрему. Именно красочную. С первых же проблесков сознания Джулиан всегда видел только цветные сны. С черно-белыми, за все свои сорок восемь лет, он сталкивался всего три раза, и примерно столько же проводил в черном беспамятстве. В остальных случаях его сновидения соревновались в глубине и насыщенности. Какие? О, разные. Они не подчинялись теории предпосылок, согласно которой ночные грезы формируются подсознанием на основе увиденного или услышанного. Точнее, когда подчинялись, а когда и нет, являя дремлющему разуму нечто никогда доселе не встречавшееся.

Во сне Джулиан мог быть собой или кем-то другим, а место действия не обязательно ограничивалось привычным миром, представая практически в любой форме. Точкой обзора не всегда служили собственные глаза, что позволяло взглянуть на себя со стороны, а иногда и на целую сцену. Иные миры воплощались в мельчайших деталях, как и биографии, принадлежавшие альтернативной ипостаси Джулиана. Коротко говоря, когда такое происходило, он будто проживал отдельные моменты чужой жизни, протекавшей в абсолютно неведомых пределах. Изредка случалось и так, что он возвращался в эти ипостаси, но в другое место и время, чтобы окунуться в новый эпизод.

Сны бывали простые и сюжетные, обрывочные и обширные. Мимолетные растворялись так же быстро, как и налетали. Продолжительные обрастали глубиной и насыщенностью, превращаясь в поистине эпическое повествование. Считается, что обычно люди свои сны забывают, едва размежут веки. С Джулианом выходило наоборот. Он помнил практически все, несколько минут после пробуждения словно находясь сразу в двух мирах. К тому же как тут забудешь, когда сновидение сопровождалось ощущениями температуры и даже запахами? Со временем — да, но уж точно не сразу, если в ушах еще стоят никогда не существовавшие голоса, обоняние улавливает аромат свежей зелени, пусть на дворе и зима, а ноги не утратили прикосновения теплой океанской волны, только что ласкавшей их там, на неведомом тропическом пляже, после выхода из очередного пространственного портала.

Иногда Джулиан ловил себя на мысли, что разочарован пробуждением, то есть возвращением в прозаичные будни. Так-то жаловаться на жизнь ему не приходилось, но в сравнении с чуде-

сами, оставленными в развеянных грезах, она казалась сплошным серым разочарованием, лишенным звезд и полетов. И порой ему удавалось вернуться в ускользавшую фантазию. Так вышло и на этот раз. Часы показывали начало девятого. Оценив их зеленые цифры, светившиеся с прикроватной тумбочки, Джулиан решил, что воскресенье только началось и торопиться ему некуда. Хорошенько потянувшись, он снова сомкнул глаза и сосредоточился на последнем сновидении, все еще стоявшем перед внутренним взором. Сосредоточился — и сумел вернуться туда, откуда его выдернул автомобильный клаксон, призывавший кого-то на парковке.

Лица Джулиан не запоминал никогда. Тех, кто встречался ему во снах. Это было очень странное ощущение — видеть их ясно как солнечный свет и при этом сознавать, что в памяти не сохраняется ни малейшей черты. Поднявшись с постели, он мог бы детально описать любую увиденную им сцену и даже набросать ее эскиз самостоятельно. Лиц это не касалось, что, кстати, не мешало Джулиану годами не забывать имена и события, в которых они участвовали. Иногда, подозревая, что спит, он целенаправленно всматривался в своего спутника или спутницу, пытаясь запечатлеть их неуловимый облик. И прямо там, во сне, понимал, что у него ничего не получается. Нынешнее воскресенье не стало исключением.

Часы показывали половину двенадцатого утра, когда Джулиан вторично открыл глаза. Открыл, чтобы увидеть задернутые шторы, на фоне которых угасало светлое пятно — все, что осталось от образа только что говорившей с ним женщины. Джулиан разочарованно вздохнул, поскольку симпатия к ней все еще не испарилась, в отличие от внешности и содержания беседы. Немного полежав в постели, он традиционно попытался припомнить хотя бы ее глаза. Не преуспев, он снова вздохнул и прошаркал в ванную — это святилище утреннего моциона.

Все-таки в барбекю была своя неизменная прелесть. Не осуждая вегетарианцев, Джулиан находил, что те лишают себя массы жизненных радостей. Запах, процесс приготовления и ожидание результата, пожалуй, доставляли даже больше удовольствия, нежели конечный продукт. Им Джулиан частенько делился с друзьями, довольствуясь малой толикой. Сам же предпочитал не столько есть, сколько наслаждаться активным отдыхом, колдуя у барбекюшницы на специально оборудованной площадке. Таковые, наряду с прокатом велосипедов, входили в дополнительные сервисы, предоставляемые возле мотеля.

Площадка для пикника могла вместить достаточно семей, чтобы на ней всегда отыскалось свободное место. В том числе с видом на озеро. Потягивая холодное пиво, Джулиан присматривал

за стейком и умиротворенно созерцал голубые воды, искрившиеся под застенчиво выглядывавшим из-за облачка солнцем. Ноздри щекотал восхитительный аромат, исходивший от подрумянивавшегося мяса. Вот и славно! Судя по виду и запаху, почти готово, но пусть прожарится получше, обрастая сочной хрустящей корочкой.

Джулиан не любил мясо с кровью, в прямом и — нет, не переносном, а дважды прямом смысле. Первый заключался в принципе приготовления. Полусырая продукция в духе доисторических предков — это без него. Вкус у нее специфический, а недостаток термической обработки никак не гарантировал отсутствие паразитов. Второй подразумевал собственную кровь. Орудуя ножом, Джулиан всегда держал его так, чтобы тот физически был не в состоянии нанести ему даже малейший порез. Разделывал ли он еду или просто вскрывал упаковку, но ни лезвие, ни острие никогда его не задевало, поскольку всякое опасное касание заведомо исключалось.

Когда-то Джулиан резался как и все, пока однажды не пришел к простому умозаключению. Если совершать ножом такие движения, на пути которых потенциально оказывается часть вашего тела — однажды они познакомятся гораздо ближе, чем бы вам хотелось. Если же этих движений не допускать, острая кромка ни разу не прольет вашу кровь, даже если приложит к тому максимум желания и усилий. И данный метод вполне себя оправдывал. За двенадцать лет, прошедших с его внедрения, Джулиан нарезал множество продуктов, перечистил полтонны рыбы, а упаковок вскрыл столько, что и не сосчитаешь — и ни разу не коснулся себя ножом. Как уже упоминалось, он не боролся с неумолимой физикой существующего мира — он просто обходил ее по ее же законам. Избегал появления проблемы, изначально исключая любые ее предпосылки.

К сожалению, на обращение с горячими предметами прозорливая техника Джулиана не распространялась. Словно отыгрываясь за фиаско с ножом, они всячески пытались его обжечь, и им это регулярно удавалось. Прихватки, полотенца и всякие подручные приспособления не особо-то помогали. То палец ненароком высунется, то масло брызнет, а то и сама горячая поверхность вдруг окажется гораздо ближе, нежели ее представляло ощущение окружающего пространства. Джулиан относился к этому философски. Чайник, сковорода или та же барбекюшница, ужалившая за мизинец, не выбивали его из душевного равновесия. Да, у Джулиана, порой, складывалось ощущение, будто все это подстроено, но так, в виде самоиронии. Не мог же он всерьез допустить, что

бездушные вещи действуют с умыслом, а то и сами незаметно смещаются. Ему прекрасно жилось и без визитов к психиатру.

Стейк, частично съеденный, а частично упакованный в контейнер, больше не требовал повышенного внимания. Палец, немного обожженный в процессе его переноса на тарелку, тоже особо не беспокоил. Закончив непродолжительную трапезу, Джулиан поднялся из-за стола, старательно за собой прибрал и направился к озеру.

Вода никогда не была к нему враждебной, хотя, несмотря на всю свою привлекательность, это очень опасная и коварная среда. Джулиан отлично умел плавать, неплохо нырять и вообще чувствовал себя в ней не хуже пресловутой рыбы. В известном смысле, к зеркальной глади он относился так же, как к гребням свиставшего шторма. Первая романтично очаровывала взор, но и вторые имели свою неотразимую прелесть, отнюдь не вызывая суеверного ужаса. Джулиана не пугали пенные волны, вздымавшиеся за бортом лодки, а темная глубина не страшила холодными объятиями. Качка, изводившая многих, его убаюкивала словно младенца. Вода не давила на грудь, не топила и не тянула на дно. Она мягко обволакивала тело, позволяя свободно плескаться в ней как угодно. Лежа на спине, Джулиан наловчился поддерживать плавучесть буквально двумя пальцами. Он немного шевелил средними и указательными, и этого оказывалось вполне достаточно, чтобы спокойно лежать на поверхности, глядя в далекое небо. Вода будто относилась к нему как к своему, но не исключено, что и здесь не обошлось без принципа обратного эффекта.

Джулиан никогда не зарывался и не испытывал собственные возможности на прочность. Способный проплыть несколько миль, он старался ограничиваться одной, а то и вовсе не купался, избегая лишний раз лезть в воду. И тем более никогда не совался в нее под градусом. Даже близко не подходил. Пока иные сограждане совмещали заплыв и алкоголь, Джулиан ограничивался прибрежной полосой, держась подальше от линии прибоя. О том, чтобы забраться в лодку с бутылкой пива или рыбачить, потягивая из фляжки горячительное, у него и речи не было. Да, вода его любила, но не крылось ли за этой любовью пение сирены, прекрасное, пока оно манит, и поистине чудовищное в момент смертельной кульминации. Выяснять как-то не хотелось.

Озерные просторы, блестевшие в солнечной лазури, создавали поэтичный настрой и дарили расслабленное умиротворение. А может, его дарило пиво, очень хорошо пошедшее со свежим стейком. Ощущая, как по венам растекается блаженное тепло, Джулиан неторопливо прогуливался вдоль пирса, где покачивались

большие и малые лодки. К воде, согласно своему правилу, он не подходил, хотя та призывно манила его золотыми дорожками и искрящейся свежестью. Не искупаться — нет, а всего лишь ополоснуть лицо, погрузив руки в набегавшие волны. Ну, немножко нагнуться и, быть может, совсем чуть-чуть кувырнуться вниз головой. Это же так весело — нелепо барахтаться, шумно дыша и отфыркиваясь, пока набухшая одежда и враз потяжелевшие кроссовки тянут проведать песчаное дно. Зачем же еще спиртное возле озера, как не ради подобного аттракциона? Усмехнувшись собственным мыслям, Джулиан подавил искушение пройти на мостки и ограничился скамейкой на пирсе. Зазвонивший телефон окончательно отвлек его внимание от озера, гостеприимно предлагавшего совершить прекрасную лодочную прогулку.

Звонила Сесилия, младшая дочь. Мило обеспокоившись здоровьем и делами папы, она осведомилась, не сможет ли тот одолжить ей свою машину. Точнее, им с Амандой, ее старшей сестрой. На днях обе собираются навестить родной город, примерно на недельку. Папу они стеснять не станут, но вот его машина им всем очень бы пригодилась.

— Кому это — всем? — добродушно осведомился Джулиан.

Сообразив, что проговорилась, Сесилия не стала запираться и выложила все как есть. Компанию ей и Аманде составят подруги по университету. В программе развлечений — покатушки по городу, клубы и вечеринки у друзей, для чего дорогое папино авто очень даже подходило. То самое, на котором он особо и не ездил, предпочитая вторую машину, куда меньше и скромнее. Само собой, у сестер имелись и собственные автомобили, но отцовский Ламборджини подходил для их планов как корона принцессе. Так зачем же брать что-то в аренду, если можно воспользоваться гаражом любящего папы?

— Ладно, почему бы нет, — ожидаемо согласился Джулиан, который редко в чем-либо отказывал дочерям. — Но есть одно условие.

— Какое? — насторожилась Сесилия.

— Прежде чем пуститься во все тяжкие, вы поужинаете со мной в ресторане. Хочу послушать о ваших успехах лично, а не через интернет, — улыбнулся Джулиан. — Потом — гуляйте на здоровье, вы уже большие.

— А! Нет проблем, пап! — тут же расцвела Сесилия. — Ну все, пока! Мне надо бежать! Детали напишу позднее.

Судя по задорному, доносившемуся на заднем плане смеху, дочь ожидали какие-то чрезвычайно важные дела вселенского масштаба. Не препятствуя ей решать судьбы мира, Джулиан не стал затягивать разговор нудными расспросами. Поболтают в ресторане.

Ну а до тех пор ему и самому есть чем заняться.

Понедельник преподнес неприятнейший сюрприз. Ноутбук, пребывавший в ремонте, сам по себе проблемы не представлял, поскольку файлы проекта синхронизировались с хранилищем на сервере. Вот только это хранилище внезапно подвело. Старая копия данных открывалась безукоризненно, но все новые наработки, сделанные Джулианом в пятницу, необъяснимым образом не читались. А это были очень важные наработки, которые он не факт что сумеет повторно воспроизвести. Многие корректировки он вносил налету, следуя внезапно проснувшемуся озарению. В общих чертах он помнил, что к чему, но не до последнего штриха, особенно когда прибегал к комплексным расчетам и моделированию. Одна ошибка, внешне пустяковая неточность — и вся идея сыпалась будто замок из высохшего песка. Оригинальный проект, основанный на необычном подходе, превращался в набор физически непригодных решений. Он содержал нащупанную Джулианом изюминку, но ее нюансы остались в последней версии данных, так и не протестированных из-за взбунтовавшегося ноутбука.

Айтишники постарались на совесть, однако добиться результата не смогли. Разведя руками, они были вынуждены констатировать неприглядный факт. Пока Джулиану не починят ноутбук, своего проекта, содержавшего критические важные изменения, он не увидит. Скорее всего, после подключения к сети самая свежая копия корректно обновится и на сервере, став доступной для чтения, но до тех пор... До тех пор придется обождать и взмолиться всем небесам, чтобы ноутбук вернулся из ремонта без потери файлов.

Джулиан принял рациональное решение. Не став пороть горячку, он занялся второстепенными делами, отложив остальное до лучших времен. Ему не терпелось проверить, жизнеспособна ли его идея, внедренная в нынешний проект, но это, увы, пока оставалось тайной за семью печатями. Пришлось сжать волю в кулак, обуздать творческие страсти и переключиться на офисную волокиту. Растратив почем зря понедельник, он кое-как вытерпел вторник, а в среду утром явился в сервисный центр. Согласно договоренности, тамошние специалисты согласились ускорить процесс за дополнительную плату.

Прибыв в назначенный час, Джулиан предъявил квитанцию на ноутбук. С получением заминок не возникло. Сверив документы, менеджер выдал клиенту его технику, которую незамедлительно проверили на месте. Та исправно включилась и не менее исправно загрузила рабочий стол. Удовлетворенный осмотром, Джулиан выключил ноутбук, убрал его в сумку, поблагодарил за по-

мощь и удалился. И лишь приехав на работу обнаружил, что данные про проекту не содержат долгожданной информации. Иными словами, все сделанное им в ночь на субботу непостижимым образом отсутствовало.

Сервис винить не приходилось. Файловая система была в полном порядке, без дефектов, несанкционированных удалений и потерянных кластеров. Это установили штатные айтишники, перекопавшие ноутбук Джулиана вдоль и поперек. Судя по системным журналам, последняя копия данных была записана как раз в то время, когда телевизор потерял сигнал. Ноутбук хоть ничего не и показывал, но продолжал работать. Стараясь не углубляться в терминологию, айтишники объяснили, каким образом такое могло произойти. Если Джулиан случайно сделал отмену всех изменений, последнее автоматическое сохранение это зафиксировало. Пока приложение не было закрыто, он мог вернуть все обратно, но с принудительным отключением ноутбука процесс стал необратимым. Иными словами, он отменил все операции вплоть до исходной, перезаписал проект и выключил систему. Да, резервная копия сохранилась, но датировалась она вечером пятницы, то есть часом, когда Джулиан пришел домой и включил ноутбук.

Сообразив, к чему клонят айтишники, Джулиан клялся, что ничего подобного не сотворил. Те в полемику не вступали, ибо всего лишь констатировали факт, а уж как там получилось на деле — пользователю виднее. Он совсем-совсем ничего не нажимал, или все-таки тыкал в какие-то клавиши, потеряв изображение на телевизоре? Немного смутившись, Джулиан признал, что и впрямь прикасался к клавиатуре, пытаясь вернуть сбоящую технику к жизни. Могла при этом сработать некая "горячая комбинация" или нет, утверждать наверняка он не мог.

Для архитектора это было настоящее фиаско. Нащупать волнующе интересную идею и тут же ее потерять — хуже не придумаешь. Для непосвященного ума наилучшим примером служил некий условный химик. В процессе ряда опытов он получал случайный побочный результат, тянувший на уникальное открытие. Казалось бы, самое время трубить о нем на весь мир и откупоривать шампанское, ан нет. Проблема заключалась в том, что химик начисто не помнил, чего именно намешал, и второпях, выполняя рутинные операции, никаких записей об опыте не оставил. Таким образом, повторить свой эксперимент он не мог, равно как и подтвердить само открытие, поскольку заветная колба нечаянно разбилась.

Осознав необратимую утрату файлов, до конца рабочей недели Джулиан мучительно напрягал память, пытаясь восстановить в

проекте все спонтанно внесенные изменения. И явно где-то что-то упускал. Моделирование, как и расчеты, показывало ахинею. Сама идея по-прежнему занимала все мысли Джулиана, но ее практическая реализация никак не складывалась из-за какой-то упорно ускользавшей мелочи. Виртуальные тесты проваливались один за другим, наглядно демонстрируя абсурдность заложенных в них данных. Они и выглядели абсурдно, но только не тогда, когда внезапно сливались в единое гармоничное целое. В этом и заключалась суть озарения Джулиана, который никак не мог воссоздать его до последней детали. В пятницу вечером он довел себя до полного изнеможения и, окончательно обессилев, бревном рухнул в постель. Он бы и наутро продолжил себя изводить, но адские муки разума пришлось задвинуть в долгий ящик. Побрившись, приодевшись и хлебнув горячего кофе, Джулиан поспешил в аэропорт, встречать прилетающих дочерей.

Сесилия, младшая, больше пошла в отца. Не такая высокая как сестра, она обладала длинной темноволосой шевелюрой, а черты ее лица носили аристократический характер. В глубоких карих глазах читался живой ум, несколько сбиваемый с толку живым дыханием молодости. Ее поведение отличалось взвешенным спокойствием, не лишенным, однако, взрывных инициатив. Любознательная, она всюду совала свой нос, периодически получая по нему щелчки, но от этого раззадориваясь еще больше. Нося элегантную одежду с напускной небрежностью, она пользовалась минимумом косметики и максимумом знаний о ее применении.

Аманда внешне очень отличалась от сестры, отчего на первый взгляд могло показаться, что эти две молодые особы друг другу отнюдь не родственники. Высокая, в мать, она предпочитала коротко стричь свои каштановые волосы. Ее старательно подведенные глаза цвели синевой незабудок, а подчеркнуто изогнутые брови артистично выражали все желания и эмоции. Она быстро вспыхивала, однако быстро и успокаивалась, обладая капризным, но миролюбивым характером. В гардеробе старшая дочь предпочитала джинсовый стиль, разбавляя его толстовками и спортивными вещами. Ее косметический арсенал не ведал границ, а образ жизни носил достаточно праздный и легкомысленный характер, отнюдь не означая, что таковым был и ее внутренний уклад. Именно здесь внимательный наблюдатель ни на мгновение бы не усомнился, что Аманда и Сесилия — родные сестры. Голова у нее соображала на славу, просто пользовалась она ей будто капризный ребенок какой-то игрушкой: сейчас хочу, сейчас не хочу. Способная на очень многое, она зачастую откровенно валяла дурака, создавая о себе весьма обманчивое впечатление.

Джулиан одинаково любил обеих, с самого рождения не делая между ними никакой разницы. Даже теперь, когда вид Аманды очень сильно смахивал на ее мать, о которой он предпочитал не вспоминать ни под каким видом. Упав в объятия отца, дочери сердечно с ним расцеловались, а Джулиан немного расчувствовался, ибо понял, как сильно соскучился по своим выросшим принцессам. Получив свой багаж, измерявшийся полудюжиной чемоданов, их высочества любезно позволили сопроводить себя до машины.

Было нетрудно догадаться, отчего дочери не напрашивались погостить у папы, хотя места в его квартире хватило бы и кратно большему числу родственников. Они выросли. Оставаясь родным, отец автоматически становился помехой, нарушая их частную жизнь и личное пространство. Дочери его искренне любили, но чувствовать себя при нем свободными физически не могли. И Джулиан это понимал, в силу чего никогда и не навязывался. Отвезя обеих в гостиницу, он проследил, чтобы сестры устроились с надлежащим комфортом, после чего все трое, как и договаривались, поехали в ресторан.

Подруги Аманды и Сесилии не задерживались и не потерялись. Просто в город они ехали порознь, каждая своим маршрутом. Джулиан заподозрил, что дочери устроили это специально, дабы их компания с ним не встречалась, но развивать эту мысль не стал. Им, в конце концов, виднее. Главное, что обе в порядке и преуспевают, а именно это он и услышал в ходе беседы, состоявшейся за столиком на террасе.

Дочери не лезли из кожи вон, не желая быть круглыми отличницами в ущерб всему остальному, однако учились достаточно хорошо, чтобы на них обратили внимание. Прозорливый работодатель не ориентируется на сплошные высшие баллы. Зачем тогда вообще платить сотрудникам отдела персонала и охотникам за умами, если подлинный специалист элементарно определяется набором максимальных отметок по предметам? Безукоризненное заполнение тестов и шаблонное мышление, идеально попадающее в стандарты образования — это совсем не то, что присуще настоящему профессионалу. Пресловутые охотники за умами отслеживают другие факторы, и отличники попадают в их поле зрения гораздо реже, чем принято считать. Аманда и Сесилия уже вызвали интерес пары-тройки очень серьезных фирм. Согласно их словам, те уже готовили им какое-то предложение, а Джулиан всегда верил своим дочерям. Они ведь никогда его не обманывали. Умолчать о чем-то эти хитрюги очень даже могли, особенно с умыслом, а солгать в лицо — такого за ними не водилось. Слушая, как обе

наперебой рассказывают о своих планах, Джулиан прямо-таки млел, неторопливо потягивая дорогое красное вино. Впрочем, в этом изысканном ресторане все было дорогое.

Годовой доход Джулиана позволял ему регулярно посещать подобные заведения с друзьями и коллегами, а уж на дочерей он никогда не жалел средств. Чего и удивляться, что те охотно согласились с ним поужинать, неприкрыто наслаждаясь отличной трапезой. Пользуясь случаем, они не налегали на что-то одно, а предпочитали небольшими порциями пробовать многое. Джулиан только усмехался, наблюдая, как дочери позируют друг другу с телефонами, запечатлевая блюдо за блюдом. Сам он не вел кипучую онлайновую жизнь, находя весьма странным, кому там вообще какое дело до его меню, но у Аманды с Сесилией на сей счет было явно другое мнение. Что ж, если они находят это уместным — почему бы и нет? В конце концов, обе давно вправе поступать самостоятельно, без оглядки на чьи-либо нравоучения. Во всяком случае, до тех пор, пока на их фото не фигурируют головорезы и наркотики.

Как и отец, дочери любили хорошее вино, но предпочитали белое. Под разговор, вившийся вполне непринужденно, они приговорили по целой бутылке. Джулиан и вовсе мог позволить себе хоть три, но он явился сюда не для того, чтобы поддать хмельку. Приятное вино дополняло близкое общение, делая его более душевным, но никоим образом не портило. Слушая рассуждения дочерей, он улыбался уголками глаз, где собирались житейские морщинки, и чувствовал себя на седьмом небе. Да, все трое теперь виделись редко, но сегодняшний вечер принадлежал только им, и принадлежал по-настоящему. На ближайшие дни Сесилия и Аманда вынашивали грандиозные планы, однако не спешили отделаться от отца, искренне уделяя ему время. К сожалению, ничто не длится вечно, и семейная идиллия не исключение. Нет, ее никто не прервал и даже не нарушил неурочными звонками. Просто прекрасный вечер естественным образом подошел к концу.

В отель возвращались на том же Ламборджини, на котором Джулиан сначала приехал в аэропорт, а затем привез дочерей в ресторан. Само собой, теперь он к рулю даже не прикасался, поскольку основательно глотнул вина. Подвыпившие дочери вести машину тоже не рвались. Для этого был заранее вызван водитель, благо что в подобных сервисах недостатка не ощущалось. Предельно корректный, он и вез всех троих, избавляя от очевидной проблемы с промилле.

Джулиан чинно устроился на переднем сиденье, а с заднего лились взрывы смеха, периодически взывавшие к его вниманию.

Пребывая в отличном настроении, Сесилия и Аманда хохотали как школьницы, краснея и задыхаясь. Им теперь хоть палец покажи — эффект будет не хуже лучшего юмористического шоу. Между прочим, подобное веселье весьма заразительно. Какая-нибудь парочка, угорающая не пойми над чем, способна рассмешить весь класс и даже университетскую аудиторию. Джулиан поймал себя на мысли, что и сам начинает хихикать. Чтобы не последовать примеру дочерей, до которого, судя по ощущениям, было весьма недалеко, он постарался сконцентрироваться на чем-нибудь серьезном и мысленно вернулся к злополучному проекту. Вернулся — и тут же замер, будто парализованный, едва воскресил в памяти его детали.

Кто знает, что именно так повлияло. То ли смена обстановки, позволившая отдохнуть и раскрепоститься, то ли эмоциональный подъем, окрыливший новыми силами, а может и банальное воздействие алкоголя, пустившего зацикленные мысли по специфическому пути. Как бы там ни было, озарение Джулиана повторилось. Повторилось во всей красе, сверкнув перед внутренним взором яркой, даровавшей решение вспышкой. Уразумев его во всех деталях, Джулиан лихорадочно огляделся, соображая, куда бы все запечатлеть. Еще не хватало вторично что-нибудь упустить, а то и вовсе забыть, поленившись перенести мысли на бумагу. Да, хотя бы на бумагу, поскольку ноутбука с собой не имелось, а смартфон для такой задачи не очень-то подходил. Не теряя времени, Джулиан открыл бардачок, выудил оттуда потрепанный блокнот, вооружился взятым там же огрызком карандаша и принялся лихорадочно водить им по разлинованной странице.

Все-таки нет ничего надежнее старой доброй бумаги. Что бы там ни говорили о современных технологиях, но они регулярно подводят. Единицы и нули, записанные на некий носитель, могут исчезнуть с такой же легкостью, как и появились. Цифры и наброски, начертанные на простом листе, только выглядят уязвимее, но куда более долговечны. Работая за ноутбуком, Джулиан потерял важные данные, хотя они исправно куда-то там сохранялись. Теперь, фиксируя идею в самый обычный блокнот, он был абсолютно уверен, что та никуда не денется. Листы бумаги, положенные в карман пиджака, станут лучшим хранилищем его мысли, пока он не воплотит ее в жизнь. Точнее, стали бы таковым, если бы ему позволили закончить эти поспешные записи.

Бегло чертя карандашом, Джулиан не видел, как на перекрестке зажегся зеленый свет. Нанятый им водитель неторопливо тронулся с места, глядя лишь на дорогу, а не на архитектора, рисовавшего что-то там на коленке, и даже не на его симпатичных

дочерей, уже не смеявшихся, а едва пищавших от нехватки воздуха. Отель уже объявился в пределах видимости, но повернуть к нему не удалось. Даже не пытаясь притормозить, в Ламборджини со всего маху врезался тяжеленный грузовик. Подброшенная в воздух, машина Джулиана несколько раз перевернулась, с грохотом упала и яростно покатилась по асфальту.

– 2 –

Это была не боль. Нечто иное. Такое, что вроде бы и не связано с очевидным физическим вредом, но при этом терзает каждый нерв, да так, что хочется орать. Кому случалось хорошенько "отсидеть" ногу — тот имел некоторое представление об ощущениях Джулиана. Сознание еще не понимало, что, собственно, произошло. В какой-то момент был глухой удар, звон бьющегося стекла и бешеная круговерть. Затем все погасло, но только для того, чтобы вновь объявиться перед внутренним взором целым хороводом мельчайших искорок. Они возникали будто звездное небо, насыщенное мириадами сверхновых. Возникали, пропадали и снова объявлялись, следуя ритму какой-то неведомой пульсации. И каждая из них словно была не точкой, а кончиком длинного луча. Каналом, по которому, дрожа и переливаясь, молниеносно неслись целые потоки загадочной информации. И все это сопровождалось той самой "не болью", разрывавшей каждую клетку едва воспринимаемого тела.

Разум вернулся полыхнувшим солнцем, чье сиянье тут же заслонило все иные огни. Припомнив последние события, Джулиан постарался открыть глаза и застонал. Точнее, думал, что застонал. Вместо этого он услышал странный певучий звук, вышедший откуда-то из области груди. Сам Джулиан ничего подобного воспроизводить не умел, отчего никак не соотнес его со своими голосовыми связками. Впрочем, он и не пытался. Куда больше его занимали сомкнутые веки, которые никак не желали открываться. Он пробовал совладать с ними снова и снова, и никак не мог понять, отчего чувствует глаза, но все обращенные к ним усилия словно уходят в никуда.

Внезапно промелькнувшая мысль была поистине ужасающа. Он парализован! Кем? Чем?! Тот удар!.. Машина!.. Они ехали в отель, он писал в блокноте, а потом… Пытаясь воскресить в памяти утерянные фрагменты, Джулиан напряг внутренний взор и внезапно прозрел. Прозрел в прямом, а не переносном смысле. Глаза открылись, будто им ничего и не препятствовало. Это было очень странное ощущение. Он словно нажимал на кнопку, прово-

да от которой никуда не вели, а затем случайно представил себе результат нажатия — и она сработала. Пытаясь открыть несуществующую дверь, Джулиан подумал о выходе — и в стене тут же появился проем. Фигурально, конечно, выражаясь, ибо никаких проемов он не увидел.

Взору Джулиана явилась просторная округлая комната, наполненная мягким умиротворяющим светом. Этот свет струился откуда-то со стороны, где колыхалась длинная белоснежная занавесь, сотканная не иначе как из воздуха. Стены, пол и потолок сливались в единое бежевое целое, не имея на стыках ни единого угла или прямой линии. Вероятно, именно так выглядит яйцо изнутри, только очень большое яйцо и с очень плавными изгибами своей идеальной геометрической формы. Внутренний перфекционист архитектора пришел в восторг. Джулиан невольно загляделся на неведомое помещение, скользя по нему расширенным взором, отчего не сразу заметил, каким именно образом в нем находится. Он даже не лежал, а стоял в некоем ложе, имевшем форму сложенной лодочкой ладони. В таком положении его поддерживали тонкие вьющиеся ленты, словно оплетавшие тело весенним травяным ковром. Что странно, он совершенно их не чувствовал, хотя по всем законам физики те должны были впиваться в кожу и причинять различные неудобства. Вероятно, Джулиан просто не до конца пришел в себя, и лучшим доказательством тому служило само тело, выглядевшее совершенно непривычно. Оно казалось гораздо больше, да и грудь выпирала куда значительнее, а вот животик, присущий многим мужчинам в возрасте, бесследно исчез.

Фокусируя взгляд, Джулиан с изумлением примечал все больше несоответствий, будто его голова смотрела сверху вниз на чью-то чужую фигуру. Он даже позабыл об аварии, которой, судя по всему, закончилась поездка в отель, и еще не успел задуматься о ее возможных последствиях. Ошеломленный увиденным, он молча созерцал чье-то тело, прикрытое полупрозрачной невесомой тканью, как вдруг уловил мимолетное движение. Переведя глаза, Джулиан увидел какую-то женщину, возникшую словно из ниоткуда. Увидел и окончательно обомлел. Он никогда не встречал ее прежде и, тем не менее, мгновенно узнал. Узнал это лицо, черты которого непостижимо не запоминались, но теперь прямо-таки врезались в память незабываемым образом. Именно с этой женщиной он недавно разговаривал и именно ее пытался вспомнить после пробуждения. Ведь он видел ее во сне.

В уши полился красивый певучий голос. Поначалу Джулиан даже не понял, что женщина заговорила, обращаясь непосредственно к нему. Он просто слушал ее как музыку, невольно наслаж-

даясь каждой чудесной нотой, пока не вник в связность и суть ее речи. Музыка, которую играл живой инструмент, оказалась не мелодией, а словами, имевшими прямой и очень даже житейский смысл.
— Как вы себя чувствуете? — едва ли не в десятый раз спросила женщина.
Что-то сыграло ей в ответ. Что-то не менее мелодичное, и уж точно не голос Джулиана, которым он вроде как должен был произнести слово "приемлемо".
— Очень хорошо, — снова полилась музыка женщины. — Я вижу, ваша адаптация проходит успешно.
Обращенная к ней мелодия предполагала вопрос, о какой именно адаптации она говорила. О восстановлении после аварии? Да, аварии! Тут же вернувшись к насущным обстоятельствам, мысли Джулиана бешено понеслись вскачь. Ресторан, отель, машина... Где он?! Кто эта женщина?! Что вообще случилось?! Что произошло?! Как долго он здесь и где его дочери?! Мелодия, невесть каким образом воспроизводимая Джулианом, приобрела тревожный характер, будто в симфонии, исполняемой королевским оркестром, зазвучали грозовые аккорды. Он продолжал сыпать отрывочными вопросами и, в конце концов, умолк, сраженный их трансформацией в лившиеся из груди звуки.
— Тише, тише, — успокаивающе пропела женщина. — Вы в безопасности, вам ничего не угрожает. Не волнуйтесь, все хорошо.
— Да я не волнуюсь, я просто в шоке! — не удержавшись, грянул звучным этюдом Джулиан.
— Это я вижу, — мягко заметила женщина.
Как оказалось, самым непосредственным образом, подразумевавшим отнюдь не мимику и прочее привычное выражение эмоций. Кожа Джулиана источала слабый свет, который интуитивно воспринимался как сигнал тревоги. Не просто свет — целую световую гамму, непрерывно лучившуюся его настроением и читавшуюся лучше всяких совершенных слов. Осознав этот поразительный факт, Джулиан вновь уставился на тело, которое ему не принадлежало, но которое он необъяснимо ощущал как свое собственное.
— Это и есть ваше тело, — угадав ход его мыслей, мелодично пояснила женщина. — Отныне и навсегда.

Зеркало. Оказывается, оно было в комнате с самого начала, просто выглядело так необычно, что непосвященный взор его не замечал. Часть стены, взятая в искусное витое обрамление, отражала стену противоположную, но краски и геометрические формы не позволяли сходу это распознать, отчего присутствие зеркала угадывалось не сразу. Ведь его поверхность отличалась от тради-

ционной, не представляя собой ярко выраженную грань, но при этом не претендуя и на трехмерное воплощение отражения. Оно было словно неуловимым переходом между реальным и проецируемым, заметным только тогда, когда в него смотришь. И в этой проекции Джулиан увидел себя. Точнее, то, откуда смотрел его мятущийся взор.

В целом, черты лица сохранились, но стали более утонченными, словно выточенными рукой великого скульптора. Из них исчезли даже малейшие изъяны, включая впадинки, порезы, шрамы и прыщи. Лицо обрело идеальную гармонию без какого-либо недостатка, отчего одновременно казалось и прежним и полностью новым. Гармонию обрело и тело. Ленты, удерживавшие его в ложе, распались. Шагнув вперед, Джулиан увидел высокого мужчину с длинными, до плеч, волосами. Сами плечи сделали бы честь любому атлету, а грудь смотрелась как у римского полководца со средневековой картины. Длинные утонченные пальцы поражали своей будто бескостной гибкостью. Округлый живот и впрямь отсутствовал, сменившись не мускулистыми, но совершенно ровными очертаниями. В меру мускулистыми были ноги, разительно не похожие на ноги культуриста, однако налитые скрытой мощью и ловкостью балерины. Что же касалось роста… Согласно внутреннему ощущению, Джулиан стал вдвое выше, поскольку расстояние от глаз до пола удвоилось. Пола, который был очень хорошо виден, но ступнями отчего-то не воспринимался, словно существовал только в его воображении. Преодолев продолжительный ступор, Джулиан шевельнул губами, утратившими прежнюю полноватость, и разразился переливчатой мелодией, светя не только всем телом, но и глазами.

Глаза заслуживали внимания не меньше, чем речь. Речь превратилась в подобие музыки, хотя таковой и не являлась. Просто именно в музыкальной интерпретации ее и воспринимал слух, закосневший в старом формате общения. Глаза же вот уж поистине стали зеркалом души. Они не имели какого-то постоянного цвета. Они отражали все происходящее в сознании, и, кажется, в дополнение ко всему влияли на окружающее. Иначе с чего бы зеркало пошло волнами, следуя исторгавшему цветовой вихрь взору Джулиана.

— Тише, тише, прошу вас, — ласково увещевала женщина. — А то вы сейчас всю комнату перекроите.

Джулиан хотел было спросить, о чем это она, но музыка замерла у него на языке. Ведь стены подернулись мелкой рябью, будто собираясь последовать примеру зеркала, а их оттенок начал колебаться, как бы размышляя, какую именно гамму ему принять. Совер-

шенно ошалев, Джулиан почувствовал под ногами тепло. Глянув вниз, он увидел не гладкий бежевый пол, а ровный белый песок. В ушах неожиданно зашелестел шум далекого прибоя. В глазах затуманилось. Схватившись за голову, Джулиан покачнулся и осел в объятия золотоволосой женщины.

Вторичное пробуждение уже не сопровождалось ощущениями затекшей ноги. Это означало, что разум адаптировался к новому телу. Во всяком случае, на базовом уровне. К примеру, те же веки оттого сперва и не открывались, что в привычном виде их попросту не существовало. Посылая традиционные сигналы, мозг взывал к пустоте, а добился своего лишь тогда, когда изменил устоявшийся подход. Новым глазам защитная функция век была попросту ни к чему. Они работали иначе, а внешний физический облик формировался на основе собственного восприятия. Джулиан увидел себя таким, каким всегда желал видеть подсознательно, с поправкой на некоторые не зависящие от него особенности. Во всяком случае, так сказала золотоволосая, прежде виденная во сне женщина. Звали ее Элайя.

Часть общеобразовательной лекции Джулиан пропустил. И не мудрено — у него в голове творилось черти что, не говоря уже о вновь завихрившихся вопросах.

— Что значит — "новое тело"?! — ужаснулся он, вычленив из музыкальной речи этот примечательный фрагмент и частично игнорируя все остальное. — Вы пересадили мой мозг?!

Одна безумная мысль немедленно породила другую, отчего пугающие догадки посыпались чередой. По своему, кстати, вполне логичные догадки, учитывая все происходящее.

— Это что, будущее?! — задохнулся Джулиан, издав набор переливчатых нот. — Сколько же я пробыл без сознания?!

— Это не будущее, это реальность, — неторопливо пояснила Элайя.

— Где мои дочери?! Они живы?! Что с ними?! — ринулся к ней Джулиан, но словно увяз в некой невидимой массе.

И эта масса тут же проявилась, уподобившись едва заметному прозрачному желе. Оно наполняло цилиндрическую капсулу, где стоял Джулиан, и ее очертания возникли вместе с упомянутой субстанцией. Не мешая ни дышать, ни говорить, желе не пускало его дальше определенной границы, но ничем не стесняло внутри, исчезая так же необъяснимо, как и появлялось.

— Это какая-то тюрьма? — опешил Джулиан.

— Нет. Всего лишь защитная среда. Защитная для вас, пока процесс адаптации не закончен. Поверьте, это в ваших же интересах. У вас достаточно развитый ум, чтобы справиться с переходом, но вы слишком бурно реагируете, — пропела Элайя.

— А как я должен реагировать?! — вспылил Джулиан, излучая фиолетово-алые оттенки. — Я даже приблизительно не понимаю, что происходит! И где, черт возьми, МОИ ДОЧЕРИ?!
— Судьба ваших дочерей вне моей компетенции, — развела руками женщина.
Высокая, как и новоявленный Джулиан, она встряхнула длинными струистыми волосами, отчего показалось, будто по ее спине пробежал золотой водопад. В ее фиалковых глазах зацвели зеленые и голубые нотки, перемежаясь с дымчатым топазом.
— Да что вы несете?! — всплеснул руками Джулиан. — Они ранены?! Погибли?!
— Нет, так дело не пойдет… — тихо пробормотала Элайя, хотя на слух это прозвучало совсем иначе. — Сейчас вашим дочерям ничего не угрожает и вряд ли будет, — продолжила она более решительно. — Пока это все, что я могу о них сказать. Будьте терпеливее. Позднее вы все поймете.
Но Джулиан, обычно и впрямь умевший держать себя в руках, на сей раз не олицетворял образец неторопливой рассудительности. Впрочем, в подобной ситуации разве можно было его винить? Винить отца, попавшего в такую аварию, после которой он очнулся в чужом теле, а дочерей ни слуху, ни духу.

Кажется, поведение Джулиана женщину совсем не устраивало. Заметавшись в своей клетке, он упорно игнорировал все увещевания, а это в ее расчеты явно не входило. Подойдя ближе, она приложила ладонь к поверхности заколдованной капсулы и под ней засветились красивые, но мудреные письмена.
— Спите, — мягко пропела Элайя. — Встретимся в вашем сне.

Терраса выглядела в точности как и прежде. Впрочем, не совсем. Теперь к ней добавились многочисленные детали, доселе ускользавшие от плохо сфокусированного взора. Взор ведь теперь был другим, более пронзительным и примечающим. И принадлежал он тому, кто обладал кратно выросшими возможностями, в сравнении с которыми предыдущие казались навыками младенца.

За парапетом открывались невиданные просторы, серебрившиеся под восходившим на небе солнцем. Именно солнцем, а не луной, ибо этот мир озарялся тремя звездами по очереди. Первая, более привычная видом Джулиану, сменялась розовым сиянием второй, а она уступала место лунному сиянию третьей. И это сияние отнюдь не означало ночь, поскольку здесь не было времени суток. Тех, как таковых, здесь вообще не было. А вот цветущая зелень, увивавшая кристально бирюзовый парапет, очень даже была, как и белоснежный пол под ногами и прекрасная долина, где качали кронами сказочные деревья и журчали алмазные фонтаны.

Среди них вились полупризрачные дорожки, соединявшие вплетенные в природный ансамбль здания. И эти здания поражали своей воздушной архитектурой, а в одном из них Джулиан узнал прообраз собственного творения.

Элайя стояла рядом. Теперь ее мелодичный голос звучал совершенно естественно, поскольку во сне она говорила самым обычным образом, пусть и гармонично певучими словами. Она и прежде так говорила, ведь встречались они не впервые. Джулиан это помнил, но сейчас, слушая золотоволосую спутницу, смотрел на вещи иначе. Да, это все еще был только сон, но отражал он подлинную действительность. Отражал в той мере, в какой позволял ему сдерживать эмоции и при этом воспринимать ошеломляющую информацию. В реальности Джулиан все еще был заключен в невидимой капсуле, а его сон навеивался прямым вмешательством Элайи. Навеивался так же, как и раньше, только на этот раз в нем имелось кардинальное отличие. Сейчас она и впрямь находилась подле него, как во сне, так и наяву. А вот когда он видел ее в прошлый раз, это была иллюзия. Иллюзия — не в смысле конкретного сновидения, а всей прежней жизни Джулиана, который по-своему существовал, но по-настоящему никогда не жил.

Переварить тот факт, что тебя никогда не было на свете, оказалось непросто даже в грезах, пусть и максимально приближенных к реальности. Джулиан смятенно озирался, впиваясь взглядом в окружающий мир. Он оглаживал ладонью парапет, прикасался к колоннам, проводил рукой по гирляндам зелени и даже провел пальцами по золотистым волосам Элайи. А та лишь ласково ему улыбалась, позволяя теребить свои локоны будто мать разыгравшемуся ребенку. Она рассказывала поистине фантастические вещи, переворачивавшие для Джулиана все мироздание. Ее слова звучали как чистейший, абсолютно вопиющий бред, но он нутром ощущал, что за ними крылось даже больше истины, чем говорилось. Так работала его новая система чувств, позволявшая пребывать на одной волне с разумом и чувствами собеседника. Физически это воплощалось в излучение, видимое глазу игрой цветов и напрямую воспринимаемое сознанием.

— И все-таки я не понимаю, — помолчав, тихо произнес Джулиан. — Моя жизнь была вполне реальна. Да, когда мы спим, то можем перепутать грезы и настоящее, но наоборот — никогда.

— В том и заключается весь смысл, — отозвалась Элайя. — Чем подлиннее воспринимается действительность, тем более полезный она дает результат. К тому же, что вы можете утверждать о реальности, если по сути никогда и не жили?

— Хорошо, допустим. А вы? Отчего вы сами так уверены, что вот

это все не иллюзия? — нашелся Джулиан.
— Вы про вложенные миры? — ничуть не растерялась Элайя, не иначе как ожидавшая такого вопроса. — Кстати, ваша виртуальная реальность по-своему была хороша, да и искусственный интеллект довольно любопытен. Поверьте, это очень занимательно — наблюдать, как созданная вами Модель умудряется смоделировать собственное детище.
— Наблюдать, значит, занимательно? Так я для вас просто подопытный кролик? — хмуро осведомился Джулиан, озарившись холодным синим светом.
— А вот тут вы кардинально ошибаетесь, — внезапно посерьезнела Элайя. — Вы можете думать что угодно про наши методы, но вы для нас не подопытный, а равный. Иначе зачем бы мне выдергивать вас из симуляции и воплощать в это тело?
— А в самом деле, зачем? — прищурился Джулиан.
— Вы хотите услышать это здесь или все-таки проснувшись? — уточнила Элайя. — Лично я бы предпочла наше общение вживую.
— Но вы же сами меня усыпили, разве нет? — напомнил Джулиан.
— Вы были эмоционально нестабильны, не в силах совладать с навалившимся объемом информации, выходившей за рамки вашего прежнего понимания, — степенно пояснила Элайя, будто зачитывая параграф из инструкции. — Я такое уже видела. Теперь вы осознали основную суть. Осознали, что ваша прежняя жизнь этой самой жизнью как таковой и не была, а по-настоящему началась только сейчас. Осознали — и готовы к своему дальнейшему рождению. Именно рождению, а не перерождению или возрождению.
— Так это еще не все? — обеспокоился желтизной Джулиан.
— А сами-то как считаете? — подмигнула Элайя. — Кажется, ваша пресловутая гусеница и то не в одно мгновение превращается в бабочку. Вы же из набора алгоритмов и виртуальных частиц трансформировались в высшее существо.
— Не слишком ли пафосно? — фыркнул Джулиан.
— Называйте как хотите. Суть от этого не поменяется, — пожала плечами Элайя.
— А мои дочери? — нахмурился Джулиан. — Как насчет них?
Оковы сна удерживали его от бурного проявления эмоций, отчего вопрос об Аманде и Сесилии не исчезал, но и не становился камнем преткновения. Он как бы смутно держал его в уме, вызывая только тогда, когда в нем возникала прямая необходимость.
— Вот вам и пример того, что ваше рождение только начинается. Значительная часть вашего сознания все еще пребывает в прежнем мире, не в силах расстаться с ним и идти дальше, — заметила Элайя.

— Черт побери, я же отец! Что вас удивляет! — резко вспылил Джулиан. — Вам что, не знакомо это чувство?! Ну, не отцовство, так материнство!
— Между прочим, вы перестанете задавать лишние вопросы, когда узнаете то самое ЗАЧЕМ. В том числе про родительские эмоции, — спокойно сказала Элайя. — Так где вы хотите услышать, с какой целью мне понадобились? Здесь или в реальности?

Терраса и впрямь существовала. Джулиан исходил ее вдоль и поперек, испытывая то самое чувство, о котором упоминал. Сон можно было перепутать с явью, но явь со сном — никогда. Теперь он отчетливо сознавал, что все это взаправду, и что серебряное солнце и космическая туманность, выступавшая в роли неба — подлинные. Стоя на привычном месте, где цветочные гирлянды переплетались в чудесный узор, Элайя искоса наблюдала за его перемещениями. Когда Джулиан набегался и подошел, она перестала играть со струйкой фонтана и предложила ему устроиться на скамейке. Сама тут же присела рядышком и, отбросив зарницу золотых волос, неторопливо пустилась в долгий монолог, повторявший уже упоминавшееся и привносивший много нового.

Вся жизнь Джулиана Слайдертона от начала и до конца была всего лишь симуляцией. Причем не конкретно она, а весь его мир как таковой, никогда в реальности не существовавший. Точнее, по-своему он существовал, но это было совсем не то, что казалось изнутри его обитателям. Вселенная Джулиана не представляла собой компьютерную программу, как он и другие люди могли бы подумать — слишком примитивно для высшей формы жизни. Ее создали весьма искусно, задействовав не только математические алгоритмы, но и физические частицы, подчинявшиеся заданным физическим же законам. Материя комбинировалась с энергией, а их взаимодействие обеспечивалось квантовыми полями. Искривление пространства, вмещавшего необъятное в малое, отлично довершало дело. По сути, в Юнисанциумах находились настоящие вселенные, просто миниатюрные и воплощенные высокоразвитой цивилизацией от первого и до последнего атома.

Моделированием искусственных миров занималась Энергетика Воплощения Жизни, если выражаться привычным для человека языком. Ведь язык лурианцев отличался и содержанием, и смыслом, и воспроизведением, отчего прямого перевода не существовало. Таким образом, следовало пояснить, что слово "Энергетика" в данном случае означало некое условное министерство — термин, наиболее понятный Модели типа человек. Это министерство ведало вопросами социума лурианцев, в числе которых фигурировала и самая важная задача — появление новых членов об-

щества.

Цивилизацию, давно сбросившую оковы плоти, не беспокоили болезни, хищники или температурные колебания. Ей не грозили извержения вулканов, падения метеоритов, радиация и даже взрывы сверхновых. Лурианцы овладели высшей формой энергии и сами стали таковой, обретая наиболее подходящее им воплощение. Тела стали для них не смертным узилищем разума, а всего лишь способом взаимодействия с окружающим миром. Инструментом, с помощью которого они вступали в гармонию друг с другом и своей Вселенной. Это выглядело настоящим всемогуществом, и в известном смысле так оно и было. Однако и у столь развитых существ имелись проблемы и ограничения. Одним из них оказалось продолжение рода.

Став разумной энергией, лурианцы обрели бессмертие, но утратили способность к воспроизводству. Ведь энергия не берется из ниоткуда, равно как никуда и не исчезает. Этот закон действовал даже в их необъятном мироздании, просто несколько по-другому. Лурианцы умели трансформировать один вид энергии в другой, но создавать ее из ничего были не в состоянии. И здесь, казалось бы, их цивилизация зашла в тупик, не уменьшаясь в популяции, но и не прибавляясь. Однако они не были бы высшей формой жизни, если бы не нашли присущий проблеме выход. Так и появился первый Юнисанциум.

У Энергетики Воплощения Жизни было множество различных структур, имевших специализированное назначение. Институт Моделирования Разума представлял самую важнейшую из них, обеспечивая прирост населения. Физическим воплощением тела занимались одни подразделения, аналитическими наработками — другие, а непосредственной симуляцией — третьи. В компетенцию последних как раз и входило все связанное с Юнисанциумами.

Здание Института делилось на множество ярусов, которые, в свою очередь, разделялись на обширные залы. Перепутать их назначение не получилось бы даже у непосвященного. Особенно те, где стройными рядами выстроились Юнисанциумы. Каждый представлял собой огромную сферу с размытыми, колеблющимися очертаниями. Сферы удерживались в пространстве направляющими полями, отчего парили в пустоте между полом и потолком. Стерильность была абсолютной. Всякий несанкционированный контакт между ними и реальностью исключался. И внутри каждой из них находилась целая Вселенная.

Сам по себе Юнисанциум был поистине уникальной конструкцией. Формируясь с нуля, он хранил процесс моделирования и поддерживал его от начала до конца. Внутри рождались и гасли

звезды, разбегались галактики, ширились и исчезали туманности, а кометы разносили по космосу обрывки органических соединений. И все это происходило до тех пор, пока не прекращалось само собой, согласно возникавшим и менявшимся процессам.

Отработавшие Сферы служили материалом для новых, словно кирпичи разобранного здания. Их старательно изучали, делали выводы, корректировали моделирование и запускали вновь. Однако бывали и такие Юнисанциумы, которые еще до вывода из эксплуатации переводились в разряд перспективных, то есть становились базовыми копиями для целой серии. Такие, где после бессчетных циклов бесплодного моделирования наконец-то зарождалась жизнь. И жизнь разумная, ибо вероятность появления разума — главной задачи Юнисанциума — оценивалась где-то около нуля. Одним из них была Вселенная Человечества.

Теория о параллельных мирах, бытовавшая в среде людей, имела под собой самую прямую основу. Их и впрямь было множество, а общая численность насчитывала многие миллиарды. Причем миллиарды АКТИВНЫЕ, ибо уже отработанные либо только вводимые в строй вообще не имели числа. Некий условный человек, разный и одинаковый одновременно, мог существовать сразу в огромном количестве Вселенных, где принимал те или иные решения, частенько отличавшиеся в одной и той же ситуации. За развитием миров следили Операторы, ведя непрерывный мониторинг, но осуществляя минимум вмешательства. В известном смысле, Юнисанциумы были предоставлены сами себе. Все происходящее внутри формировалось на основе заданных законов эволюции, причем заданных таким образом, что до некоторой степени та могла их нарушать. И именно за счет этой эволюции лурианцы пополняли свои ряды.

Обычная цивилизация вынуждена довольствоваться тем, что производят на свет ее граждане. Производят уж как умеют и что умеют. Иными словами, на миллиард обывателей приходится один подлинный гений, тысяча творцов и десять тысяч мастеров. Все остальное — типичные, ничем не выдающиеся индивиды, в том числе пораженные различными изъянами. Можно сколько угодно спорить об этичности размножения дефектных или бесперспективных генов, но конечный результат будет неумолим. Ему нет дела до гуманизма или ненависти, фашизма или милосердия. Он игнорирует любые моральные трактовки и глух к прочувственным апелляциям. Он лишь констатирует неумолимый факт, нравится это кому или нет. От сорняка вишенка не рождается, а ржавчина пожирает космический корабль, но не уносит его к звездам. Лурианцы обычно не вмешивались в социальный уклад Моделей, по-

зволяя им вытворять что вздумается. Не для этого они запускали Юнисанциумы. Они лишь спокойно наблюдали за происходящим, а в нужный момент извлекали из симуляций тех, кто соответствовал их критериям. Извлекали для того, чтобы воплотить в реальное тело и пополнить свои ряды.

Этический вопрос Моделей оставался на их собственной совести. Им не мешали размножаться и уничтожать друг друга так, как они считали нужным. Лурианцы не загоняли их в рамки евгеники и вообще не навязывали свою волю. Они только смотрели и извлекали одного на миллиард, да и то не всегда, а лишь будучи уверенными, что выбранное сознание подходит под основу для высшего существа. Таковой, помимо прочего, было ощущение неестественности окружающего мира. Подозрение, что с ним что-то не так. Это дополняла способность воспринимать сигналы из мира настоящего. Как правило, она выражалась во снах, приходивших непонятно откуда и не имевших для Моделей внятного обоснования. Одаренные Модели умели примечать всякие странности в их повседневном быту. Особую ценность представляла воля, подвергавшая критике существующее мироздание. Она служила лурианцам очень приметным маркером. Те, кто не желал мириться с действительностью, автоматически становились кандидатами на Извлечение.

Лурианцам не приходилось долго ждать, пока в одном из Юнисанциумов созреет подходящая Модель. В этих искусственных Вселенных проходили миллиарды лет, начинаясь от Большого взрыва, то есть запуска процесса Оператором, до естественного затухания всех заданных алгоритмов. Для высших же существ, не ведавших человеческого понятия времени, проходило всего несколько оборотов трехзвездия вокруг Колыбельной Локализации. Ведь именно так именовалось физическое воплощение мира, где располагался Институт Моделирования Разума.

Наиболее важной составляющей было формирование подходящего сознания естественным образом, для чего и служили процессы пресловутой эволюции. Проходя все стадии развития, оно становилось полностью уникальным, не запрограммированным подобно роботу. Лурианцев не интересовали клоны и набор инструкций. Им требовалась настоящая личность, достойная встать в одном ряду с ними. Неповторимость этой личности обеспечивала исключительная самостоятельность условий, в которых она вырастала, и полная свобода воли. Ни одно сознание не было примитивным набором цифр, отчего и его копия становилась невозможной. Да и не нужной. Лурианцы желали видеть в своем обществе РАЗНЫХ одаренных сограждан, а не миллион одинаковых воплоще-

ний пусть даже самого идеального из них.

Юнисанциум не обязательно формировал одни лишь вариации человечества. Разумная жизнь приобретала непредсказуемый характер и порой извлекалась из таких Вселенных, которые с привычным восприятием людей были вообще не совместимы. Однако люди все-таки обладали важным отличием, из-за чего их исходный, однажды полученный Юнисанциум служил базовой копией для избранной серии. Ведь человек получился по образу и подобию лурианцев.

Процесс Извлечения был давным-давно отлажен, отчего никаких проблем с синхронизацией по времени и присутствию не доставлял. Когда система определяла потенциальных кандидатов, она устанавливала за ними персональное наблюдение, осуществляемое через Черные дыры. Те, кстати, выполняли отнюдь не одну задачу. Через них Операторы беспрепятственно обозревали внутреннее пространство Юнисанциума, не беспокоясь, что Модели их обнаружат. Через них же они забирали материю на анализ, а однажды, когда Вселенная подходила к своему естественному концу, Черные дыры сливались в одну точку и запускали процесс ее перерождения.

Если кандидат соответствовал всем базовым критериям, система сообщала об этом Оператору. Изучив собранные данные, тот подвергал Модель ряду проверок, а иногда и испытаний. По их результатам он либо ее отсеивал, либо устраивал личную встречу с Куратором. Сон служил для этого универсальным и очень удобным инструментом. Ведь мало кто из Моделей подозревал, что за ночными грезами порой крылось нечто большее, чем спонтанное наваждение. И уж тем более никто из них не был уверен в этом предположении до конца.

Поставив Юнисанциум на условную паузу, Оператор ожидал вердикта Куратора, а затем следовал полученным от него указаниям. Например, исключал выбранную Модель из поля зрения, либо же наоборот — оказывал ей повышенное внимание, в том числе устраивая новые сеансы с Куратором. Когда последний давал добро, начиналось Извлечение.

Обычно Модель забирали из Юнисанциума после завершения ее жизненного цикла, то есть смерти. Как ни странно, но россказни про рай, яркий свет и загробную жизнь отчасти носили правдивый характер. Все это могли наблюдать даже те Модели, которые не имели к Извлечению никакого отношения. Возвращаясь к жизни после реанимации, они рассказывали все это охочим до сверхъестественного согражданам, хотя по факту и сами не знали, что видели. А видели они особенности работы системы, читавшей

энергию сознания напрямую, просто в своей ограниченной интерпретации.

Однако бывало и так, что Извлечение совершалось раньше в силу каких-либо обстоятельств. Например, когда Модель могла совершить нечто такое, чего лурианцам очень бы не хотелось. Симуляция была эффективной только тогда, когда Модели понятия не имели, что их мир ненастоящий. В противном случае начиналась деградация или хаос. Узнав, что они живут в искусственной среде, Модели ломали естественный образ жизни, либо самоуничтожаясь, либо апеллируя к "высшим силам". И то и другое лурианцев не устраивало, отчего они подобного развития событий не допускали. Страшилки про самоубийство и намеренно внедренный инстинкт самосохранения теряли всякую актуальность. Оттого любая Модель, слишком близко подошедшая к раскрытию правды, немедленно устранялась или извлекалась. Изобретение или открытие, способное приподнять завесу запретного знания, служило своеобразным приговором. Драматическая судьба многих ученых, стоявших на пороге чего-то поистине великого, к этой самой судьбе никакого отношения не имела. Но лурианцев интересовали не только сугубо научные умы.

Любому социуму, даже высокоразвитому, требовались самые разные воплощения: врачи и инженеры, ученые и строители, учителя и музыканты, художники и программисты. Прекрасные леса создавались из чистой энергии, обретая физическую материю, но создавались они искусными садовниками. Реками и океанами заведовал прирожденный моряк, ощущавший их стихии как никто другой. Перемещения в пространстве лучше всего организовывал одаренный диспетчер или пилот. Совершенством языка, совмещавшим ментально-световую форму общения, занимались литераторы и композиторы. Живописцы и дизайнеры творили Локализации, то есть горы, долины, регионы и даже целые созвездия. Телесные оболочки лучше всего корректировали врачи. Трансформацией одного вида энергии в другой ведали, само собой, энергетики. Здания и ансамбли, служившие задачам высшего разума, проектировал архитектор. У Лурианцев не существовало идеального шаблона, куда должен был вписываться каждый член их общества. Его гармония достигалась в бесконечном многообразии уникальных талантов.

Для людей процесс Извлечения проходил куда легче, нежели для иных разумных форм. Прямое сходство с лурианцами играло свою очевидную роль. Процесс адаптации протекал гораздо быстрее, а сознанию было проще принять свое не слишком изменившееся тело. В том числе потому, что обычно это тело воплощалось

на основе его собственного восприятия. Иными словами, Модель попадала в ту физическую оболочку, которая была ей наиболее близка, с поправкой на особенности лурианцев. Дальнейшее — дело техники. Прежняя связь нейронов и мускулатуры, осуществляемая посредством нервной системы, исчезала. На смену ей приходила мысль, чья энергия напрямую координировала тело. Само же тело, как уже упоминалось, служило лишь инструментом для взаимодействия с окружающим миром, а не обязательным условием существования разума как такового.

Лурианец не мог погибнуть от клинка или болезни, и уж тем более его нельзя было убить. В наихудшем случае, вызванном экстраординарными обстоятельствами, его жизненная энергия утрачивала всякое воплощение и рассеивалась, но однажды собиралась вновь. Чтобы этого не допустить, требовалось приложить усилия, в которых отсутствовал какой-либо смысл. Лурианцы не уничтожали друг друга и не вели войн. Этот этап саморазвития они прошли на заре мироздания, когда человечества еще и в проекте не было. У них отсутствовала и преступность, поскольку материальные ценности значения не имели, а смертоубийство исключалось. Да, Лурианцы могли повздорить и не всегда нравились друг другу, ибо индивидуальности заведомо предполагают несходство, но до дикарского выяснения отношений они никогда не опускались. Даже предпочитая какой-то определенный круг общения, они не игнорировали себе подобных за другие интересы и взгляды. Никому из лурианцев и в голову не приходило напасть на кого-то из их числа и уж тем более уничтожить. Разумы, способные на подобное, из Юнисанциумов в принципе не извлекались.

Процесс Извлечения Модели считался завершенным отнюдь не в тот момент, когда последний штрих ее личности окончательно переносился в реальное тело. Трансформация проходила в несколько этапов. Первый заключался в адаптации к своей физической оболочке, то есть уверенном передвижении в пространстве и иных вещах, присущих зрелой особи, а не беспомощному младенцу. Промежуточный посвящался воздействию энергии сознания на окружающее. Ведь все, что можно было увидеть вокруг, так или иначе было создано лурианцами и, в зависимости от потребностей, подвергалось регулярной модификации. Этим умением требовалось научиться управлять. Однако самым важным считался последний этап, в сравнении с которым все предыдущие значения не имели.

Уровень развития лурианца и исходной Модели были несравнимы. Извлеченное сознание представляло собой своеобразный эмбрион, получивший шанс на полноценное рождение. Помещен-

ный в подходящую среду, он начинал взрывообразный рост, чьим конечным результатом становился новый лурианец. Условный мозг условного эмбриона более не ограничивался его черепной коробкой. Он вообще ничем не ограничивался, в том числе примитивной старой структурой. Препятствием для развития могла служить только сама Модель, если она продолжала цепляться за свою прежнюю жизнь. В подлинный мир она полноценно вступала только расставшись с ней навсегда. До тех пор ее свобода ограничивалась Институтом Моделирования Разума, а общение — Куратором, то есть тем, кто принял решение об Извлечении и кто шаг за шагом вел нового лурианца к его бессмертному будущему.

Джулиан слушал очень внимательно. Он дал Элайе договорить, хорошенько все обдумал и только тогда приступил к расспросам. В его голове крутился миллион вещей, требовавших немедленного прояснения, но ему приходилось выбирать. Он еще не овладел прямой ментальной связью, позволявшей единовременно обсуждать не один вопрос, а множество, отчего общался по старинке. Разве что говорил как музыкальный инструмент и при этом, с непривычки, светился будто рождественская елка.

— Так значит, я действительно видел вас во сне, — не то спросил, не то констатировал Джулиан.

— Да. Мы провели несколько сеансов, прежде чем я санкционировала ваше Извлечение, — кивнула Элайя.

— Но почему я не запомнил нашего разговора? Пробудившись, я все еще слышал его слова, но они растворялись быстрее, чем я успевал их записать. Почему я смотрел на ваше лицо и его черты никак не фиксировались моей памятью? — пытливо осведомился Джулиан.

— Так проявлялся защитный механизм, блокировавший то, чего вашему сознанию не стоило воспринимать. Я его не обходила, хотя и могла, — ответила Элайя. — Поверьте, ничего хорошего из этого не получается, — выразительно добавила она. — Применительно к людям, они почти всегда впадают в религиозный экстаз. Якобы им явился кто-то из небожителей или во что они там верят. После этого даже самая перспективная Модель теряет всякие шансы на Извлечение.

— Вы не любите религию? — осторожно уточнил Джулиан.

— Я бы поставила вопрос иначе. За что ее любите ВЫ? — усмехнулась Элайя.

Джулиан Слайдертон никогда не считал себя религиозным человеком. Он скептически относился ко всем верованиям, а над некоторыми даже подтрунивал, однако никого не оскорблял и уж тем более не мешал другим исповедовать что им вздумается. Тем

не менее, в разговоре с Элайей он выступил своеобразным адвокатом верующих, выясняя, чем же те так не угодили.
— По-моему, я уже достаточно вам рассказала, чтобы это стало очевидно, — заметила Куратор. — Однако извольте.
Поправив золотистые волосы, она коротко изложила суть.

Лурианцы искали себе равных. Те, кто изначально именовали себя рабами или слугами, априори им никоим образом не подходили. Модели, ждущие веления свыше или желавшие быть проводником чужой воли, представляли для них не больше интереса, чем робот, который следует заданной программе. А в случае с религиями обычно именно так все и происходило. Да, иногда бывали и исключения, но в общей массе Юнисанциумов они составляли каплю в море. Ведь астрономически редко какая-нибудь вера призывала своих адептов не смиренно терпеть все удары судьбы, а противостоять им, бросая вызов любой силе, которая их послала. В ее концепции божество следовало не прославлять по поводу и без повода, а возражать ему и идти своей дорогой. Лурианцы не приветствовали и такую веру, имевшую свои перегибы, но относились к ней снисходительнее. В конце концов, они ведь и впрямь создали для Моделей крайне недружелюбный мир, постоянно испытывавший их на прочность. И создали с вполне конкретной целью. Рабское смирение у них было не в почете.

— Минутку! — воскликнул Джулиан. — Как это сочетается с вашим же предыдущим утверждением?! Согласно ему, каждая Вселенная развивается самостоятельно, а вы осуществляете минимум вмешательства.
— И в чем вы видите противоречие? — удивилась Элайя.
— Как это в чем? — насупился Джулиан. — Как сюда вписывается испытание на прочность?! Испытание подразумевает намерение. Заведомую организацию некой подстроенной ситуации.
— А, вы об этом, — улыбнулась Элайя. — Так нет тут никакого противоречия. Вы что, забыли главное? Ваш мир — ИСКУССТВЕННЫЙ. Да, он дает вам свободу выбора и позволяет эволюции прогрессировать, но В ЗАДАННЫХ УСЛОВИЯХ. И эти условия задаются с прямым умыслом.
— И с каким же? — озаботился Джулиан, переливаясь то синими, то серыми оттенками.
— Я бы предпочла услышать это от вас, — заметила Элайя. — Да-да, от вас, — подтвердила она, завидев оторопь собеседника. — Там, в симуляции, в своем прежнем образе вы подсознательно догадывались, что к чему. Догадывались и боролись, чем и привлекли внимание сначала системы, а потом Оператора. Вас не устраивало существующее положение вещей. Вы находили его неприят-

ным и несправедливым. И старались если уж и не сломать его, так обойти.
— Погодите. Вы хотите сказать, что все докучающие события и эффекты создавались намеренно? — опешил Джулиан.
— Не все, но многие, — кивнула Элайя. — Ваш мир специально так устроен, чтобы постоянно донимать своих обитателей. Колоть их каждым острием, резать любым лезвием, толкать всяким углом и попадаться под ноги чем попало. Обжигать, морозить, оглушать, отравлять и создавать недружелюбные, зачастую даже угрожающие ситуации. Один потревоженный предмет тянет за собой другой. Самое незначительное действие проявляет максимум изобретательности, чтобы хоть за что-нибудь да зацепиться. Желательно так, чтобы это что-нибудь, в свою очередь, породило целую цепочку неприятных последствий. Всего лишь неосторожно повернувшись, любая Модель рискует инициировать неблагоприятный инцидент, способный развиться вплоть до катастрофы. Стоит ей отвлечься хоть на мгновение, как в ход идут любые средства, лишь бы только осложнить ее хрупкую жизнь. И этими средствами мир набит просто до отказа. Набит с абсолютной математической точностью, которая служит именно для этой цели.
— Так значит, все донимавшие меня пакости — не случайность?! Ну спасибо! — рассердился Джулиан, излучая целую серию красных огней.
— Конечно, случайность, — неожиданно заявила Элайя.
Джулиан так и замер, разинув рот, поскольку услышал очередное противоречие.
— Вы опять не поняли, — терпеливо сказала Элайя.

Лурианцы действительно старались почем зря не вмешиваться, за весьма нечастым исключением. Все, что происходило в Юнисанциуме, происходило САМО. Происходило согласно заданным алгоритмам. Все случайности порождались изначальным принципом, надежно описанным математической моделью Вселенной. Ученые, живущие в симуляции, могли наткнуться на эту ее особенность, но обычно не понимали, что за ней стоит. Они воспринимали ее как есть и даже хватили, хотя, по сути, должны были бы честить на все корки. Законы физики поддавались точному математическому расчету только потому, что математически же и создавались. И тут наступало самое ироничное. Вычисляя эти законы один за другим, Модели пытались использовать их себе во благо, в то время как изначально те проектировались только для того, чтобы всячески им в этом препятствовать.

Элайя рассмеялась. Не выдержав собственного повествования, она прыснула в ладонь, озарившись салатного цвета излуче-

нием. Ее глаза стали изумрудными и лучились свежей весенней зеленью.
— Не вижу ничего смешного, — с мрачными фиолетовыми нотками процедил Джулиан.
— Простите. Вам, конечно, сейчас моего настроения не понять. Приношу извинения, — взяв себя в руки, совершенно искренне сказала Элайя.
Она не лгала, что убедительно подтверждали световые волны. Она сожалела о своем неоднозначном веселье, особенно обидном для недавно Извлеченного.

Джулиан сердился, подсвечиваясь рубиновыми огоньками, но сумел не опуститься до перебранки и вернул разговор в прежнее русло. Так ли уж все было плохо, как ему теперь представлялось?
— Да бросьте, это же не мир, а подлинный кошмар! — фыркнула Элайя. — Неужели вы и впрямь считаете нормальным, что для достижения минимального эффекта требуется приложить поистине титанические усилия? Перекладывая банальный карандаш, вы совершаете массу сложных телодвижений, особенно если он изначально находится не в пределах прямой досягаемости. Хуже того, вы затрачиваете непропорционально много энергии относительно всей ничтожности задачи. Мытье посуды или уборка жилища — мало того что настоящее мытарство, так еще и бесконечное, заведомо исключающее достижение устойчивого результата. Еда способна восполнить меньше сил, чем вы потратили на ее добычу. Собирая в лесу корзинку ягод, вы расходуете столько энергии, сколько у лурианца уходит на формирование самого леса. Чего уж говорить про вывод полезной массы на какую-то жалкую планетарную орбиту. Да с такими энергозатратами эти планеты СОЗДАЮТ!
— Так зачем вам это нужно? Всласть поиздеваться? — процедил Джулиан.
— Ничего подобного. Чужие страдания не доставляют нам удовольствия, хотя мой смех вы могли посчитать весьма неуместным, — мотнула головой Элайя. — К сожалению, специфический принцип вашего Юнисанциума неоднократно доказывал свою эффективность. У него один из самых высоких процентов Извлечений. Оттуда выходят наиболее стойкие и могущественные лурианцы. После того, что им приходилось преодолевать в симуляции, в реальном мире они, выражаясь вашим языком, горы воротят.
Чтобы закрепить должный эффект, Элайя прибегла к примерам и иносказательности.

Юнисанциум Джулиана представлял собой образную чашу. На ее дне, усеянном острыми морскими ракушками, зарождалась

разумная Модель. Однажды, устав постоянно резать ноги, она подступалась к стенам и начинала их штурмовать, обдирая себе локти и коленки. Изначально покатые, колючие стены становились тем более крутыми, чем дальше по ним забирались, пока однажды окончательно не принимали отвесный характер. Там во всей красе и проявлялась теория пределов, поскольку выбраться за границу своей Вселенной, то бишь Юнисанциума, Модель физически не могла. Более того, она не могла даже спокойно замереть на достигнутом, поскольку наклон стенок чаши подразумевал непрерывное сползание обратно. Для того чтобы зафиксировать результат требовались постоянные усилия и нескончаемый расход энергии. В противном случае ЛЮБОЕ достижение неумолимо возвращалось обратно на дно.

Джулиану совсем не понравилось, каким обрисовала его мир Куратор, не говоря уже о том, зачем все это было придумано. Однако эмоции эмоциями, а суть он уловил и не мог отрицать ее циничный, но железный смысл.

— Теперь вам понятно, почему нам не нужны рабы? — спросила Элайя. — Те, кто смиренно покоряется обстоятельствам, а не восстает против существующего порядка.

Не дожидаясь ответа, она внезапно изменила своей привычной манере общения, испустив сиреневую певучесть:

Рабам ведь — главное поверить,
Что царь им счастье принесет,
Судьбу свою ему доверить,
Куда бы тот ни приведет.
Ее они и заслужили:
Пока смиренно слезы лили,
То будто в мире и не жили.
На трон раб точно не взойдет!

Необычное отступление Элайи застало Джулиана врасплох, породив целый хоровод огней. Его интерпретация речи лурианцев, их слова, образы и метафоры то и дело конфликтовали с привычным восприятием вещей, все еще пребывавшим на прежнем уровне. В конечном счете, он уловил лишь эти простые и грубоватые строчки, однако в действительности они звучали совсем иначе, и воспроизвести их вслед за Элайей он даже приблизительно не мог. Впрочем, ему было и незачем, поскольку идея заключалась в контексте, а тот в дополнительных пояснениях не нуждался.

— Возвращаясь к вопросу религии, я повторю: за что ее любите ВЫ? — как бы подводя черту, перестала петь Элайя. — За что

возносится осанна? За то, что у вас постоянно что-то падает и ломается? За чрезмерные перегрузки ради крохотных мимолетных достижений? За весь тот кошмар, который творится куда ни глянь? Как вообще можно благодарить за то, что намеренно доставляет вам неприятности? Или целенаправленным образом не мешает таковым плодиться и множиться. Все беды и горести вера истолковывает некой абстрактной неисповедимостью и умудряется радоваться тому, что кто-то хотя бы не сделал еще хуже! Да, избили — и слезное спасибо, что не убили! Или убили, но хотя бы не всех. Ну а если даже и всех, то… То во имя пресловутой неисповедимости следует все это молча и благодарственно терпеть. Ибо что-то там должно воздастся ПОТОМ. Обычно это вечная жизнь. Ирония заключается в том, что смиренно терпящие все это безобразие вечной жизни лурианца как раз и не обретают.
— С рабами ясно, — не вдаваясь в полемику, коротко произнес Джулиан, кое-как утихомирив свой цветастый калейдоскоп. — Только при чем тут я? В том смысле, что я вроде бы на вселенскую революцию не собирался. И ни к чему такому даже не призывал.
— Хороший вопрос, — залучилась глазами Элайя. — А я все ждала, когда вы спросите. Обычно с "почему я" начинают.
— Ну и почему же? — стал каким-то бесцветным Джулиан.

* * *

Комната уже не походила на яйцо. Ее сглаженные формы не имели острых углов, однако и не закруглялись так, чтобы исключить всякую плоскость. Последних, кстати говоря, вполне хватало, и пол под ногами был только одной из них. Постель напоминала другую, хотя только в основании и весьма отдаленно. С ней Джулиан провозился больше всего, но никак не мог соорудить нечто подобающее. К счастью, новое тело не требовало фазы сна, пребывая неизменно свежим. Во всяком случае, пока его обладатель не тратил слишком много энергии. Нет, сна оно не требовало совсем, но своеобразная заправка была условной необходимостью.

Лурианцы не употребляли органическую пищу, да и неорганическую тоже. Они вообще не зависели от обмена веществ и не нуждались в заимствовании каких-то там клеток из окружающего мира. Их тела подпитывались иначе, да и то лишь для того, чтобы реализовывать свои замыслы. Растративший всю энергию лурианец не погибал, а становился недееспособен до тех пор, пока не насыщался вновь. Но Джулиану даже это не грозило. Его жалкие потуги тратили сущие крохи, отчего Элайя и позволяла ему экспериментировать сколько душе угодно. Само собой, эксперименты

носили ожидаемый характер, то есть Джулиан воплощал знакомые ему предметы. Он ведь учился управлять своей новой сущностью, умевшей трансформировать и создавать материю энергией мысли.

С кроватью и впрямь вышло так себе. Джулиан ни за что бы не сунулся в это нагромождение щепок, пружин от матраса и драного постельного белья, в котором угадывалась помесь свиньи с подушкой и ползущее гадюкой одеяло. Не намного лучше выглядел и диван, сооруженный его полыхавшей фантазией. Глубокое кресло походило на чью-то пасть, желающую перекусить, а стулья оказались помесью арфы с табуреткой, где в роли табуретки выступала сковорода на ножках от барбекюшницы. Стол — банальный круглый стол на центральной ножке — являл собой подлинную загадку мироздания, заставлявшую усомниться в душевном здравии творца. Его отлично дополняла пузатая стеклянная вазочка с простым рисунком из спелых колосьев. Голова Медузы Горгоны, которой она по факту уродилась, очень убедительно шевелила волосяным серпентарием, пока удерживала хрупкое равновесие на крохотной птичьей ножке.

Вещи, доселе казавшиеся простыми, в процессе реализации вызывали суеверный ужас. Убоявшись первых своих творений, Джулиан тут же стер их из реальности, благо что этот метод он постиг быстро и хорошо. Сердечный приступ ему не грозил, но и получать душевную травму было неохота. Как и травму вообще. Еще, не приведи небеса, потолок на голову свалится. Впрочем, последнее выглядело крайне маловероятно. Институт Моделирования Разума и не такое видал. Эта его часть для того и отводилась, чтобы бывшие Модели упражнялись в энергетических преобразованиях, не опасаясь продырявить этаж или саму действительность. Преобразованием Джулиан и занимался, на первых порах воссоздавая знакомую себе атмосферу.

Рабочим материалом служила та самая желеобразная субстанция, уподоблявшаяся пластилину для ребенка. Сравнение получалось достаточно точное. На пути лурианца Джулиан делал лишь первые шаги, отчего нуждался в детских конструкторах, букварях и всяких приспособлениях. Он еще не умел творить что угодно из чистой энергии, поэтому направлял свою мысль на вещество-заготовку, способную принимать любую форму. В том числе форму его мимолетных мыслей и кошмаров. Джулиану доводилось слышать притчу про обезьяну, думать о которой категорически запрещалось. Скажите это любому человеку, и какое-то время все его мысли будут вертеться только вокруг окаянного примата. В случае с воплощением срабатывал похожий принцип. Сознание,

пытавшееся сконцентрироваться на простом, внезапно выдавало такое, отчего аж дрожь пробирала. Его ведь, как выяснилось, и впрямь ничто не ограничивало.

Само собой, Джулиан не горел желанием материализовать полуживую голову Горгоны. Подвел рисунок. Колосья — куда уж безобиднее — воскресили в памяти колыхавшуюся рожь, а она, в свою очередь, байки о змеях, притаившихся в полях и стогах. Пузатое стекло вызвало ассоциацию с формой головы, но головы застывшей будто изваяние. Первое плюс второе — вуаля! Тут поневоле призадумаешься, стоило ли читать в детстве Мифы Древней Греции. Птичья ножка тоже объявилась не случайно. Пернатые ведь клюют зерно? Клюют. Молниеносного видения птички, качавшейся на колосе, оказалось достаточно, чтобы Медуза обрела соответствующую подставку.

Метаморфоза с подушкой тоже легко объяснялась. В одном из детских мультиков Джулиан как-то видел очень милую хрюшку, волей обстоятельств забравшуюся в наволочку. Воспоминание о ней вылезло весьма кстати. Спасибо, что сотворенная подушка хотя бы не хрюкала, но витой хвостик у нее был, да и без рыла не обошлось. Что же касалось спинки стула, то ее упругие нити, по которым крошка Джулиан когда-то водил пальцами как по струнам, еще не скоро позволят ему перестать глумиться над арфой. Да, вся эта дичь действительно легко объяснялась, только вот легче от этого не становилось.

Периметр комнаты был защищен от фантазии Джулиана, поэтому он не рисковал соорудить в нем вселенскую воронку. Внутреннее же пространство целиком и полностью принадлежало ему, выполняя все прихоти сознания. Стараясь воплотить привычный интерьер, Джулиан порождал уродца за уродцем, и чем усерднее это делал, тем в большее ошеломление приходил. В конце концов, заставив все вокруг шедеврами взбесившегося абстракциониста, он фигурально пожелал себе застрелиться и тут же воплотил шестизарядный кольт, смотревший ему точнехонько в лоб. Лурианцы бессмертны, но Джулиан по старинке испугался, в том числе того, какие еще опасности способна материализовать его фантазия. Результат не заставил себя ждать. Рядом с кольтом последовательно объявились дробовик, автомат, снайперская винтовка и ручной пулемет, с ленты которого тут же посыпались крупнокалиберные патроны. Следом за ними посыпались апельсинами и ручные гранаты, звеня выпадавшими кольцами. В паре ярдов от Джулиана объявилась пухлая ядерная бомба, подмигивая ему желтым трилистником радиации. Табло ее таймера бодро отсчитало красные цифры от трех до нуля. Первобытный вопль Джулиана утонул в

ослепительной термоядерной вспышке.

Оглядевшись, вошедшая Элайя спросила, почему комната пуста, а ее подопечный сидит в уголке, обхватив руками колени, и нервно стучит зубами. Восстановить хронологию событий ей не составило особого труда.

— Впечатляет, — улыбнулась она. — Это отличный способ очистить всю комнату разом. Грубый, но действенный.

— Я предпочел бы обойтись без него, — речь Джулиана напоминала звуки гвоздя, царапающего грифельную доску.

— Тогда учитесь контролировать свое сознание, — предложила Элайя. — В симуляции, будучи младенцем, вы, поди, не сразу освоили свои конечности, а потом хватали все подряд и тянули в рот. Сейчас происходит примерно то же самое, только инструментарий и возможности другие.

— Что-то мне неохота взрывать бомбы до тех пор, пока однажды не получится нечто менее разрушительное, — не слишком мелодично проворчал Джулиан.

На его счастье, ядерное чудовище испепелило только других чудовищ, а помещение и своего творца оставило нетронутым. Во всяком случае, физически. В сознании же до сих пор стоял адский жар и рев атомного пламени, отпечатавшись в нем как пятно от лампочки.

— Позвольте дать вам совет, — присела рядом Элайя. — Вы же архитектор. Представьте в уме привычную рабочую среду. Вносите в свой проект все необходимые детали, а когда закончите — нажмите фигуральную кнопку пуск. И поступайте так до тех пор, пока не научитесь фильтровать мысли и правильно воплощать предметы налету.

Уже с третьего раза получилось. Джулиан воссоздал виртуальную модель, с которой он будто бы работал через компьютер, и отправил ее в трехмерную печать. То есть претворил в жизнь. Протянув ладонь, он со смесью удивления и радости изучал миниатюрную копию Триумфальной арки, выполненную из светло-синего мрамора с белыми прожилками.

— Красиво. Изящно, — удовлетворенно констатировала Элайя, отбросив свои длинные волосы цвета морской волны.

Минутку, а куда подевались золотистые? Прежде напоминая ангела, теперь она больше походила на русалку. Изумрудные топ и специфического покроя штаны, сменившие белое одеяние, еще больше усиливали это сходство. Прежними остались только сандалии, но и они поменяли оттенок. Цвет губ тоже преобразился, что и не преминул заметить Джулиан.

— А что вас удивляет? — осветилась голубым Элайя. — У вас что,

было не принято перекрашиваться или переодеваться?
— Но ВАМ-то это зачем?! — выразительно подчеркнул Джулиан. — Вы мне все уши пропели о своем совершенстве, чуждом материальных страстей — и вдруг такие примитивные поползновения.
— Это просто красиво, — пожала плечами Элайя. — Да, формально одежда нам не нужна, да и сами тела не очень. Мы действительно не нуждаемся в материальных ценностях, но нам не чуждо и чувство прекрасного. А выражаться оно может в любой форме: шумящей роще, журчащей речушке, увитой зеленью террасе или новом платье, не говоря уже о прическе. Любуясь очередным творением, мы порой не делаем разницы между дивной туманностью и оперением птицы, восходом звезды и заколкой в волосах.

Слушая эти речи, Джулиан невольно загляделся на Элайю, наглядно сменившую несколько образов не хуже сказочной феи.
— А вы и сами очень красивы, — не удержался он и зарделся, а затем и вовсе пошел переливчатым отсветом смущения.
— Не волнуйтесь, ваши мысли я не читаю. Хотя и догадываюсь, о чем они, — лукаво прищурилась Элайя.
Джулиан зарделся еще больше, но на смену разгоравшемуся стыду внезапно пришло недоумение. Он отметил, что его интерес к этой женщине носил несколько иной характер, существенно отличавшийся от прежнего.
— Это оттого, что ваше тело больше вами не управляет, — спокойно пояснила Элайя, которая, видимо, поднаторела в общении с Извлеченными Моделями. — Нет ни гормонов, ни инстинкта, ни запрограммированного механизма на размножение. Теперь вами владеют исключительно разумные чувства, вызванные чистой симпатией одной сущности к другой. Ведь чувства рождаются не в теле, а в сознании, и в первую очередь ощущение прекрасного. В том числе любовь, которая у лурианцев в большом почете. Вы бы видели, какие изумительные творения выходят у тех наших счастливчиков, кто достиг друг с другом полной душевной гармонии.
— Кое-кто из моих знакомых утверждал, что любовь — это всего лишь коктейль из химических соединений, — машинально припомнил Джулиан. — Говорил, что это физиология, уловка природы — и ничего больше.
— Ну и глупец тот, кто так говорил, — фыркнула Элайя. — Циник, невежа и приземленный глупец. Даже применительно к симуляции в Юнисанциуме. Ваши дочери. Какая уж тут физиология? Да и природа ни при чем. В нее еще хоть как-то вписывается инстинкт заботы о потомстве, но вам, поди, довелось испытывать и нечто большее, не так ли? И ни к какому "химическому коктейлю" это отношения не имело.

— Кстати о моих дочерях! — враз посерьезнел Джулиан. — Что с ними? Вы обещали рассказать!
— Вообще-то я обещала не это. Я обещала прояснить обстоятельства вашего Извлечения, но позднее, когда вы будете готовы, — уточнила Элайя. — Вы еще недостаточно владеете своим телом и эмоциями. Помните, как вы начали перекраивать Инкубатор, где впервые увидели реальный мир? Признаться, я впечатлена. Если бы не защитные барьеры, там бы сейчас шумел океанский прибой. Вероятно, пляж с белым песком и голубыми волнами — ваше мысленное место успокоения.
— Прекратите ходить вокруг да около! Я желаю знать, что случилось! — твердо заявил Джулиан. — Или рассказывайте все начистоту или возвращайте меня обратно! Лучше я буду жалкой симуляцией, зато с Амандой и Сесилией, нежели здесь, среди великих небожителей, но один!
— Вне зависимости от ваших желаний, я не могу вернуть вас к прежнему существованию, даже если бы очень захотела, — отстраненно произнесла Элайя. — Технически, вы давным-давно мертвы.

Эмоциональная стабильность Джулиана и впрямь оставляла желать лучшего. Он то закипал, а то успокаивался. Взбудораженность сменялась флегматичностью. Какая-нибудь мысль, только что взвинчивавшая его до крайности, в следующее мгновение казалась ничего не значащей. Этим и объяснялись перепады в отношении ко всей былой жизни в целом и аварии в частности. Джулиан не забывал ни о драматизме произошедшего, ни о дочерях. Пребывая в стадии адаптации, он словно бултыхался на штормовых волнах своеобразным буем, который то засияет, а то притухнет. Он менялся даже физически, порой наливаясь чрезмерной, будто у скалы, массой, но только для того, чтобы затем стать полупрозрачным не хуже призрака. Иногда сознание Джулиана разгоралось мощью сверхновой. Временами же оно тлело оплывавшей свечой. Пики его умственной активности чередовались с инертным полусуществованием. Взрывной интерес к жизни сменяла полнейшая апатия. В симуляции, хорошо известной ему по прошлой жизни, так вели себя подростки, чья сущность подвергалась гормональной бомбардировке. В реальном мире Джулиан и был условным юнцом. Модель из Юнисанциума засеяли на ниву лурианца. Из бактерии стремительно развивался высший разум, в кратчайшие сроки проходя миллиарды миллиардов лет эволюции. Поведение Джулиана носило спонтанный и плохо предсказуемый характер. Неоднократно намереваясь узнать про свое Извлечение, он регулярно откладывал эту тему в долгий ящик, переключив-

шись на что-нибудь другое. Однако теперь он проявил настойчивость. Настойчивость поистине упертую и даже фанатичную, которой Куратор была вынуждена уступить.

Итак, Джулиан был мертв. Его сознание извлекли в точности до последнего штриха, но хрупкая оболочка симуляции канула в лету. Элайя не просто так упоминала всю уникальность Юнисанциумов. Они представляли собой не жалкую компьютерную программу в духе тамошних Моделей. Набор нулей и единиц можно было копировать сколько угодно, что бы там ни плели про криптографию и прочую примитивную ерунду. Джулиан Слайдертон существовал в единственном экземпляре, и даже лурианцам было не под силу клонировать его тем или иным образом. В этом, собственно, и заключался весь смысл. Извлечение порождало новую личность, по самой своей сути не похожую на остальные.

Как только Джулиан покинул свой Юнисанциум, взирать на него он мог только со стороны. Так, как делали это Операторы и Кураторы. И не только потому, что для его физического воплощения требовалось тело. Допустим, лурианцы предоставили бы ему новую оболочку, чтобы он вновь вошел в свой мир максимально похожим человеком. Похожим на себя прежнего. Загвоздка заключалась в том, что Вселенная Юнисанциума не поддерживала всю сложность сознания лурианца. Воплотившись в человека, даже та же Элайя стала бы таким же, как любой из них; из состояния небожителя вернулась бы на уровень амебы. Хуже того, этот процесс не имел обратной трансформации. Все уникальные черты навсегда утрачивались. Модель Элайи, Извлеченная из симуляции, к прежней Элайе никакого отношения уже бы не имела. Таким образом, формально Джулиана могли вернуть назад, сохранив ему надлежащие воспоминания, но он стал бы другой личностью, имевшей собственное сознание. В глазах лурианцев это смахивало на убийство, которым, строго говоря, технически и являлось. Извлеченный из Юнисанциума, Джулиан сохранил свое "Я" неизменным, как растение, пересаженное из тесного горшка в плодородные земли. Обратный процесс означал необратимое исчезновение его сознания, то есть настоящую смерть.

Пути назад не было. Уничтожение личности с подменой на ближайший альтернативный образ к таковым не причислялось. Роль отца играл бы кто-то совсем другой, пусть и очень похожий на Джулиана Слайдертона, и даже считающий себя таковым. Но ведь он хотел быть с дочерьми САМ, а это было принципиально неосуществимо.

Джулиан пригорюнился. Только теперь он по-настоящему осознал, что в той аварии умер для дочерей навсегда. Умер в мо-

мент Извлечения, когда удар грузовика сделал его дальнейшее человеческое существование невозможным. И теперь он не увидит, как Аманда и Сесилия создают семью, растят детей и проживают отпущенную им жизнь, пусть даже в рамках симуляции. Или увидит?!. Операторы и Кураторы! Они же наблюдают за Вселенными Юнисанциумов и даже общаются с тамошними Моделями! Охваченный этим соображением, Джулиан тут же насел на Элайю.

Все оказалось еще хуже, чем выглядело до сих пор. Умер не только Джулиан. Аманда и Сесилия тоже не существовали. Причем давно. Миллиарды лет назад, если судить по привычному для него времяисчислению. В Юнисанциуме, откуда извлекли Джулиана Слайдертона, уже погасла последняя звезда. Галактики, слетевшись обратно, были поглощены Черными дырами, а те, слившись воедино, сжались до одной бесконечно малой точки. Отработав полный цикл, Юнисанциум ожидал загрузки новых директив и перезапуска, чтобы вновь породить очередную Вселенную очередным же Большим взрывом, стартовавшим по команде Оператора.

— Я так понимаю, мои дочери оказались недостойны милости Извлечения, — выдавил убитый горем Джулиан.

— Я искренне сожалею, — судя по световой волне, ничуть не слукавила Элайя. — Сожалею и о вашей утрате и о том, что ваши дочери не последовали за вами. В основаниях для Извлечения родственные связи ничего не значат.

— Да что вы можете об этом знать! — вспылил страдавший отец. — У вас же никогда не было детей!

— Ошибаетесь, — внезапно возразила Элайя.

— Как? — невольно растерялся Джулиан. — Вы же говорили, что утратили возможность к воспроизводству.

— Я прекрасно помню, что вам говорила. И там не было ни слова о том, что я не стала матерью ДО того, как Энергетика Воплощения Жизни создала Институт Моделирования Разума, — с каким-то необычным излучением неторопливо произнесла Элайя.

Седая горная вершина, видавшая рождение и закат цивилизаций, в сравнении с Элайей не тянула даже на зародыша. Ее возраст исчислялся поистине запредельным промежутком, каковой Джулиан все еще не в состоянии был постичь. Ведь только такие лурианцы и допускались до работы Куратором. Такие, какие лучше других знали и помнили, что значит давать жизнь. Джулиан пребывал под обманчивым впечатлением, которое производил на него вид красивой женщины. Фактически же перед ним витала чистая энергия, принявшая таковую форму, и эта энергия была стара как само мироздание. Когда-то, давным-давно, она породила несколько других энергий, живущих и поныне. Дети Элайи раз-

летелись по всему сущему и занимались своими делами в таких измерениях, о которых Модели из симуляций и слыхом не слыхивали.

Услышав это откровение, Джулиан оторопел и даже устыдился. Устыдился того, что Элайя выглядела немного грустной из-за слов, которые он бросил ей в лицо.

— Я и подумать не мог… — пробормотал он, испытывая растущую неловкость.

— Ваша реакция естественна, — прояснив затуманившийся взор, улыбнулась Элайя. — Не переживайте, вы не сказали ничего плохого. Но одновременно усвоили важный урок. Не беритесь судить о том, чего не знаете. И даже когда узнаете — постарайтесь обходиться без осуждения. Это, кстати, два разных понятия.

— Не суди — да не судим будешь! Где-то я это уже слышал, — не удержался Джулиан.

— Между прочим, я отнюдь не подразумевала всепрощение, — наставительно заметила Элайя, прекрасно поняв, откуда был брошен камень. — Более того, его нет и в ваших религиях. Да, они его проповедуют, вот только их высший судия сам всепрощения не придерживается. Иначе пресловутый ад был бы пуст.

— В ад вы сейчас превратили мою жизнь, сказав, что моих дочерей больше нет, и я их никогда не увижу. Я вот, вашими стараниями, здесь, а они… — вернувшись к своему горю, тихо произнес Джулиан.

— Смириться с утратой всего, что было вам прежде дорого — непростая, но обязательная веха на пути вашего рождения, — так же тихо сказала Элайя, положив ладонь ему на плечо. — Прошлое должно остаться в прошлом, каким бы важным оно ни казалось и сколько бы чувств не вызывало. Только так вы сможете двинуться дальше.

— Я совсем не могу их увидеть? Сесилию и Аманду. Хотя бы на видео, фото или чем вы тут пользуетесь? — шмыгнул носом Джулиан.

— Не стоит. Поверьте моему опыту, вам станет только хуже, а процесс адаптации замедлится, — вздохнула Элайя.

Дышать, кстати, лурианцам было совершенно не обязательно, как и осуществлять какие-либо другие физиологические потребности. Жесты тела они использовали как эмоциональную составляющую, особенно в общении с Моделями или недавно Извлеченными. Элайя выражала Джулиану свое сочувствие, искренне разделяя его горе, и ее вздох очень гармонично дополнял игру света фигуры и глаз.

Фотография появилась из ниоткуда. Только что ее не было —

и вот она прямо-таки просится в руку, возникнув перед вспыхнувшим взором Джулиана. Он воплотил ее сам, припомнив о своих новых способностях. Воплотил — и тут же испустил вздох разочарования. Аманда и Сесилия получились только частично. Их улыбавшиеся лица затуманила размытость, похожая на ту, которой веет дыхание осени, плачущей за окном косыми слезами дождя. Джулиан попробовал снова — и снова не вышло. Причем не вышло даже в пресловутой "компьютерной мастерской", породившей Триумфальную арку. Заскрежетав зубами, он принялся клясть свою дефективную фантазию.

— Не надо себя ругать. Вы тут ни при чем, — слегка сжала его плечо Элайя. — Разве вы не чувствуете? Это работает тот же защитный механизм, который не позволял вам запоминать мое лицо. Вы очень живо воскрешаете в памяти своих дочерей и воплощаете их невероятно искусно — не чета всем вашим прежним опытам. Просто вам не позволяют надлежаще завершить этот процесс.

Она тут же ойкнула. Боли лурианцы не испытывали, но определенное давление, сообщавшее о мере взаимодействия с окружающим — очень даже. Схватив Элайю за предплечья, Джулиан принялся выпрашивать у нее отключение фильтра. Точнее, едва ли не вытрясывать.

Не выдержав прочувственных словесно-физических уговоров, Элайя сдалась. Ворча, что еще об этом пожалеет, она протянула руку перед собой и посмотрела куда-то в пространство. Ее глаза засветились особым образом, а пальцы совершили легкое мановение, словно отметали какой-то невидимый барьер.

— Готово, — констатировала она. — Касательно ваших дочерей фильтр снят. Система больше не станет вам мешать воплощать их образы. Однако все остальное она по-прежнему сверяет с архивом, так что не пытайтесь воссоздать здесь подобие своей прежней жизни.

Джулиан тут же проверил ее слова на практике. К его величайшей радости очередная фотография вышла лучше некуда, да еще и с объемным эффектом. Мгновенно сделав ее больше, он силой мысли переместил ее на стену и закрепил там как центр экспозиции.

— Хочу вас еще кое о чем предупредить, — наставительно сказала Элайя. — Сейчас я дала вам больше свободы, чем планировала. Постарайтесь все не испортить.

— Что могут испортить фотографии? — пожал плечами Джулиан, умиротворенно созерцая дорогие ему образы.

— Не фотографии. А подобия ваших дочерей, — очень серьезно произнесла Элайя. — Если я увижу здесь их псевдоживые куклы, всякому исключению с фильтром придет конец.

— Простите, что? — откровенно не понял Джулиан.
Процесс его адаптации предполагал получение теоретических сведений, выстроенных в надлежащем порядке. Сейчас, создав незапланированную ситуацию, он вынудил нарушить этот порядок и услышал то, что предназначалось для его ушей гораздо позднее.

Лурианцы не творили себе подобных, но создавать жизнь как таковую очень даже могли. Это происходило повсеместно, от галактических масштабов до обычного окружения. Иную беседку или террасу увивала настоящая цветущая зелень, подлинная до самой микроскопической частицы. Сады и аллеи представляли ее во всей красе воплощающего искусства. Каждый листик, каждый лепесток был живым, и дыхание этой жизни ощущалось абсолютно во всем. В долинах, где шумели леса, качая исполинскими кронами, на лугах и холмах, чей травяной ковер усеивали полевые цветы, в реках и озерах, плескавшихся упоительной свежестью, и горных кручах, чьи замшелые громады светились своей неотразимой прелестью. Лурианцы не разменивались на иллюзии — они воплощали жизнь натуральнее некуда. И каждое их творение поднималось на очередную ступень бесконечного пути к совершенству.

Как Модель, еще не прошедшая все этапы Извлечения, Джулиан был ограничен в своих возможностях не только институтскими барьерами безопасности, но и собственным неразвитым сознанием. Создать поистине живое существо он пока не мог. Чего не скажешь о ПОДОБИИ живого существа, по сути синтетической копии, но копии очень правдоподобной и даже ведущей себя довольно убедительно. Пример? Робот. Обычный робот или андроид, как его именовали люди из Юнисанциума Джулиана. То есть человекоподобная машина, призванная имитировать реального человека. Но вы только представьте себе, ЧТО ЭТО получится за машина, если ее породит разум лурианца, пусть даже на самой заре своего развития. Тот, прежний Джулиан Слайдертон если бы и отличил родную дочь от подделки, то уж точно не сразу.

Вид у Элайи, изучавшей, как повлияли эти сведения на Джулиана, был довольно скептический. Она откровенно подозревала, что он предпримет какую-нибудь нежелательную попытку материализации, но вслух этого не говорила. Лурианцам было присуще доверие, даже если оно касалось древней, как мироздание, высшей формы жизни к тому, кто сейчас уподоблялся шкодливому и непослушному ребенку. Говоря иным языком, даже придвидя будущее, Элайя не отчитывала за то, чего еще не совершено. Вероятность того, что подопечный пренебрежет всеми рекомендациями, она оценивала как высокую, но не стопроцентную. Причем и в

последнем случае она позволила бы ему наступить на фигуральные грабли. На некоторых ошибках лучше учиться самому.
— Я могу на вас положиться? — спросила Элайя, мерцая глазами так, будто пыталась проникнуть в самые глубины сознания Джулиана.
— Вполне, — лаконично ответил тот.
Вероятность потенциального нарушения, мысленно просчитанная Элайей, тут же заметно возросла, но она не подала и виду.
— Пожалуй, пока что с вас хватит, — дружелюбно пропела она, озаряясь приятным бежевым светом. — Давайте-ка отложим все заумности на потом и займемся вашим внешним видом. Так сказать, совместим приятное с полезным.
Видок у Джулиана и впрямь был не очень. Взрыв ядерной бомбы, успешно смоделированный его взвинченным сознанием, всклокочил волосы и опалил одежду. Похожая на больничное облачение, лучше она от этого ничуть не стала, зияя до сих пор тлевшими прорехами. Оглядев себя в зеркало, Джулиан признал необходимость косметической перемены. Поведя руками, Элайя быстро вернула ему нормальный вид, а затем предложила совместно соорудить приличный гардероб. За этим занятием они и провели остаток ее нынешнего посещения.

Кот был как настоящий. Во всяком случае, пока полеживал на подоконнике, блаженно жмурясь и тихонько мурлыкая. Кремовая шерстка прекрасно сочеталась с темной мордочкой и лапками, отсвечивая каждой пушинкой. Порой он шевелил хвостом, словно играя с невидимым котенком, а временами приоткрывал синие глаза и зевал, топорща усы. Большего он пока не умел, но и это произвело на Элайю немалое впечатление. Другое впечатление на нее произвела стена, превращенная Джулианом в мемориал Сесилии и Аманде. Кота Элайя похвалила, насчет стены промолчала. В глубине души она оценила все качество экспозиции, выглядевшей невероятно натурально и прямо-таки светившейся запечатленной там жизнью. Многочисленные фотографии воссоздавали сцены из былой жизни, а на некоторых девушки даже двигались, как в зацикленном коротком видеоролике. Их дополняли барельефы и даже скульптурная композиция, пристроенная на отдельной полочке. Творческий талант Джулиана, полет его мысли и мироощущение были на высоте. Вот только это была экспозиция не жизни, а боли. Той боли, которая разрывала Джулиана и будет разрывать, пока он не смирится с потерей и не отпустит прошлое. Однако Элайя оставила все как есть. Страдая у своей стены, Джулиан раскрывался сильнее и быстрее, чем ожидалось. Как многоопытный Куратор, Элайя не могла этого не отметить, отчего пока

и не приняла решение, как ей следует поступить.

Комната качественно соответствовала коту. Следуя рекомендации, Джулиан не создавал примитивных вещей, концентрируясь на чем-нибудь хотя бы условно полезном. К примеру, зубная щетка не вписывалась в его новое амплуа, а вот каминная полка, заставленная прелестными безделушками — очень даже. Она отдавала дань красоте, которую Джулиан постарался воплотить во всем, что сумел воспроизвести. Воплотить с элементами новых возможностей. Ковер, устилавший кленовый пол, обладал очень затейливым узором, и этот узор периодически менялся, перестраивая пушистый ворс. Кораблик в бутылке был выполнен с подлинным мастерством, и в первую очередь оно проявлялось не в корпусе или такелаже, а волнах, бушующих вокруг качавшегося на них парусника. Парящая люстра изображала Солнечную систему, пусть и смоделированную с ошибками, но простительными архитектору, а не астроному. Игра ее подвижного света, менявшаяся от положения небесных тел, закономерно меняла и освещение комнаты. Подходящее применение нашел и стол, больше не сквозивший первобытным примитивизмом. Нет, сам по себе он выглядел довольно простым, однако это не относилось к его убранству. Там, протянувшись от края до края, воплотилась подлинная фантазия архитектора.

Джулиан всегда любил модели. Любил их с раннего детства и ничуть не разлюбил позднее, когда стал маститым профессионалом. Свои проекты он неизменно дублировал в миниатюрном виде, не ограничиваясь трехмерным изображением в компьютере. Макет мог создаваться как до, так и после претворения проекта в жизнь, но создавался всегда, отдавая дань страсти Джулиана. Теперь, обретя новые возможности, эта страсть выходила на новый уровень. Изучая то, что она породила, Элайя одобрительно кивала, оценивая прогресс своего подопечного.

На столе выстроился целый город. Точнее, один из его кварталов, представлявший собой единый архитектурный ансамбль. Постаравшись на совесть, Джулиан уделил внимание даже самым мелким деталям. Его бывшие коллеги, доведись им увидеть такое, наверняка бы решили, что это настоящий ландшафт, просто транслируемый с высоты птичьего полета. Гармоничный комплекс зданий не менее гармонично комбинировался с дорожками и лужайками, а деревья в зеленой зоне удачно сочетались с несколькими каналами. Крыши высоток были оборудованы соцветием коптерных площадок, а выезды из подземных паркингов располагались таким образом, чтобы беспрепятственно вливаться в транспортные потоки. Не менее продуманно разместились и парковки

наземные, включенные в сеть дорог и мостов. Многоярусность, спроектированная довольно эффективно, оптимизировала перемещение условных жителей, делая для них равнодоступными все зоны квартала. Самих жителей, как и автомобили, представляли миниатюрные модели. Подвижностью их не наделили, но выглядели они очень натурально, будто и впрямь были живыми, но застывшими во времени.

— Вы делаете успехи, — изучив детализованный макет, констатировала Элайя.

Кружа вокруг стола, она хорошенько рассмотрела все до последней мелочи. Джулиан отчего-то беспокоился, но, вероятно, ввиду ожидаемой критики. Услышав вердикт, он сразу посветлел лицом.

— Вот только с парковками вы зря, да и местами для летательных аппаратов — тоже, — заметила Элайя. — Для вашего ПРЕЖНЕГО мира задумано очень даже неплохо, но для реального вся эта транспортная инфраструктура не имеет смысла.

— Почему? — машинально осведомился Джулиан.

— А как, по-вашему, перемещаются в пространстве те, кто создает Юнисанциумы? Неужели на колесном, винтовом или реактивном транспорте? — задорно рассмеялась Элайя.

— Понятия не имею! Вы же мне не сказали! — не без досады парировал Джулиан.

— Ваша правда, — кивнула Куратор. — Что ж, давайте я вам наглядно это покажу, чтобы впредь ваши мысли текли по более продуктивному руслу.

Джулиан не возражал. Взяв его за руку, Элайя направилась к выходу из комнаты — туда, где виднелся дверной барьер, который ничуть не препятствовал ей, но до сих пор не пропускал Извлеченную Модель непроницаемой дымкой золотистого света. На сей раз он вообще никому не помешал. Ступая в дверь вслед за Элайей, Джулиан прикрыл глаза, невольно ожидая привычное упругое сопротивление. И тут же исчез. В комнате остался только кот, проводивший хозяина взглядом синих глаз. Кот, и тот, кто шевельнул занавеску в одном из окон смоделированной высотки. Впрочем, она, должно быть, колыхнулась совершенно случайно.

Большое круглое помещение, мягко отсвечивающее белым, опоясывало множество дверей, похожих друг на друга как близнецы. Джулиан не успел прикинуть, сколько их там насчитывалось хотя бы приблизительно, как Элайя увлекла его в один из залитых светом проемов. В отличие от него, она прекрасно ориентировалась в однотипной структуре и вполне понимала, куда шла. Точно так же она повела себя и дальше, когда оба очутились в длинном коридоре с шеренгами боковых проходов. Джулиан вроде бы уви-

дел кого-то впереди, но Элайя утянула его в восьмую по счету арку. Пройдя сквозь очередную световую дымку, Джулиан невольно сдержал шаг, а потом и вовсе остановился, жадно озираясь.

Вокруг расстилалась зелень. Круглую, похожую на арену площадку окружал изумрудный газон, где колыхалась невиданная трава, усеянная искорками крошечных цветов. За ней покатыми шеренгами возвышались кусты, чередовавшиеся различными оттенками листьев. Они, в свою очередь, сменялись деревьями, по мере удаления превращавшимися в настоящий лес. Что-то мелодично журчало. Проморгавшись, Джулиан узрел фонтан, бьющий из загадочной красивой структуры. Его многочисленные струи неторопливо перемещались в пространстве, а вода, падая в неглубокий бассейн, колыхала листы цветущих кувшинок. Он тут же уяснил, отчего вся панорама медленно сдвигалась. Бассейн с фонтаном поворачивался вокруг своей оси, и поворачивался он вместе с теми, кто выходил из его центральной части, снабженной световой дверью. Прямо от нее, протянувшись до края бассейна, вела дорожка из гигантских водяных лилий. На одной из них и стоял ошеломленный Джулиан, созерцая все это сверкающее великолепие.

Элайя озарилась одной из своих фирменных улыбок, способных растопить многолетнюю мерзлоту. Фонтан был устроен так, что его струи исключали сектор перед дверями, отчего Джулиан не сразу их и увидел. Легкое движение ее пальцев несколько изменило привычную картину. Из бассейна взвились новые потоки, создав над зеленой дорожкой водяную арку. При этом ближайшие из них нашли себе иное применение, а именно принялись орошать Джулиана. Немедленно выйдя из ступора, тот заметался, отмахиваясь и отфыркивась, а затем выбежал из фонтана на площадку, усеянную бежевой гранитной крошкой. Лучезарно сияя, Элайя последовала за ним.

Джулиан изрядно промок. Чертыхаясь, он пытался стряхнуть оставшиеся капли и привести в порядок отсыревшие волосы. Элайя невинно поинтересовалась, чем это он занимается. В ответ едва не последовала грубость, однако Джулиан, заподозрив подвох, сдержался, а затем и вовсе остыл. До него дошло, что Элайя оставалась сухой, в то время как он будто бы искупался в одежде, и явно не просто так. Само собой, все оказалось прозаичнее некуда. Лурианец не мог намокнуть, если сам того не хотел или по умолчанию не позволял этому процессу произойти. Крылатая фраза "как с гуся вода" приходилась тут как нельзя кстати. Даже лучше. Как выяснилось, он вообще не мог отсыреть, замерзнуть или же нагреться. Ни сам, ни его облачение. Но если таковое происхо-

дило, ему было достаточно усилия мысли, чтобы привести себя в исходный вид. Джулиан отреагировал на воду по старинке, то есть ожидал, что она его намочит. Само собой, именно это и произошло.

Просохнуть вышло только с шестого раза. Не подсказывая, Элайя спокойно наблюдала за усилиями подопечного. Когда те увенчались успехом, он снова огляделся по сторонам и спросил, куда его, собственно, привели. В ответ Элайя указала куда-то вдаль. Посмотрев туда, Джулиан увидел величественный комплекс зданий, выстроенный пирамидально-многоярусным образом. За нижним, растянувшимся на многие мили, возвышались раздельные ансамбли, заканчиваясь по краям цилиндрическими и тороидальными башнями. Следующий ярус был немного короче, а его строения хорошо дополняли предыдущие, подхватывая их цвета и структуру. На очередном ярусе все повторялось, и так до тех пор, пока последний уровень не устремлялся вверх центральным пиком, увенчанным звездчатым куполом.

— Это Институт Моделирования Разума, — пояснила Элайя. — А вон и терраса, где мы с вами неоднократно общались.

Джулиан был готов присягнуть, что не разглядит ее без бинокля, но внезапно узрел и место, куда указывала спутница, и все его детали, будто и впрямь смотрел на них через увеличительное стекло. Странное ощущение, возникшее при этом зрелище, объяснялось его природой. Элайя как бы транслировала ему изображение, координируя, куда смотреть и на что смотреть. А однажды Джулиан научится проделывать такое и сам, когда в достаточной мере овладеет растущими возможностями. Зрение лурианца зависело только от веления его ума, а не эластичности глазного хрусталика или особенностей сетчатки. Передача друг другу каких-либо картинок и образов — тоже. Лурианцы не утруждали себя продолжительным описанием сцены, особенно если она была в прямом поле видимости. Они просто показывали ее собеседнику из сознания в сознание, выделяя на ней целевые акценты.

Утомительными путешествиями лурианцы себя тоже не утруждали. У них отсутствовала всякая необходимость в автомобилях, кораблях и даже звездолетах, поскольку транспортировочные функции осуществляли пространственные двери с неограниченной дальностью действия. Войдя в любую из них, можно было из любой и выйти. Комнаты и коридоры, служившие узловыми комплексами, существовали исключительно для удобства, координируя наиболее распространенные маршруты. Круглое помещение, через которое Элайя провела Джулиана, соединяло Колыбельные, то есть персональные апартаменты для Извлеченных Моделей. В

коридор же выходили различные сегменты Института. Одна из его дверей вела сюда, в лесистую долину, которую Джулиан прежде наблюдал с далекой террасы.

Прогулка по лесу всегда действовала на Джулиана умиротворяюще. Каждый раз, когда он выбирался за город, то отдыхал телом и душой, без разницы, пешком или на велосипеде. Оставив мотель позади, он отдавался очарованию природы, и в тот момент для него не существовало ничего кроме вьющейся дороги и зеленой чащи. Умиротворение он ощущал и сейчас, неторопливо шагая рядом с зеленоволосой спутницей. Да, зеленоволосой. Снова сменив амплуа, Элайя теперь напоминала не русалку, а дриаду, для пущего сходства с которой украсила себя листьями и древесными разводами. На ее голове горел кленовый венец, а вместо серег свисали гроздья ландышей. Сменился даже тембр ее голоса. Оставшись певучим, он прибавил чарующего шелеста и загадочности, очень подходившей к сени величественного леса. Шуметь тут и впрямь не хотелось, а хотелось говорить только шепотом, обсуждая волнующие тайны мироздания. Собственно, о мироздании Элайя и говорила, посвящая новорожденного лурианца в нюансы пространственных дверей. Ну, конкретно в те, которые он сейчас мог усвоить своим слабо развитым разумом.

Проселочная дорога, обрамленная травами и юными деревцами, неторопливо пошла в горку. Где-то в канаве журчал незримый ручеек, а поодаль, перекатываясь от дерева к дереву, то исчезал, а то набирался смелости знакомый перестук. Не иначе, дятел облюбовал очередной сухостой, причем, видимо, не один. Забывшись, где находится, Джулиан машинально оглянулся и прислушался. Это не прошло без внимания Элайи. Прервав неторопливую речь, она спросила, что ее подопечный, собственно, высматривает. Опомнившись, Джулиан было отмахнулся — мол, пустяки, — но все-таки поведал ей про заколдованную горку, на которой всегда объявлялись машины.

— Понимаю, — сказала Элайя.

— Правда? — скептически осведомился Джулиан.

— Разумеется, — кивнула "дриада", перебирая кленовые листья в своем головном уборе. От ее прикосновения те меняли цвет и фактуру, сочетаясь в поисках идеальной гармонии. — Меня бы тоже раздражала эта неизменная навязчивость. Ваша симуляция, конечно, не подарок, но это уж совсем перебор.

— Да неужели? — еще больше усомнился Джулиан. — Вы же сами математически подстроили Вселенскую модель столь враждебным образом, разве нет?

— Бывают и перегибы, выходящие за рамки случайностей. Что-то

вроде небольших ошибок, закравшихся в многомерный алгоритм, или спонтанных побочных эффектов, — пояснила Элайя. — Поверьте, нам такое ни к чему. Внимательный глаз вроде вашего способен заметить, насколько подобные события неестественны. А кто-нибудь особо дотошный их еще и просчитает. Просчитает и внезапно выявит математическое несходство в ожидаемом и действительном. Доказанное несходство. Подобные доказательства для нас крайне нежелательны, поскольку они могут подтолкнуть Моделей к разгадке окружающего их мира. Вот лично вы же чувствовали, что здесь что-то не так?
— Подозревал, — усмехнулся Джулиан. — И душевно ругал того гипотетического урода, который издевался надо мной столь откровенным образом.
— Однако до конца вы в это не верили, списывая все на разыгравшееся воображение, — закончила за него Элайя. — Одни Модели склонны видеть во всем нечто сверхъестественное. Другие — наоборот, любому самому вопиющему событию попытаются найти правдоподобное объяснение, а не найдут, так махнут рукой — мол, наука еще не доросла. Так работают законы вашего Юнисанциума, компенсируя одну часть общества другой. В результате все острые углы сглаживаются, а Модели благополучно пребывают в неведении. За редким, конечно, исключением. В вашем случае — вы неоднократно были близки к истине, но подсознание, формировавшее ответы, гасила псевдорациональность, искавшая более "здравое" объяснение. Или находившая промежуточный выход, позволявший не выглядеть сумасшедшим и при этом обращать ситуацию в свою пользу.
— О чем это вы? — почесал в затылке Джулиан.
— О светофоре и холодильнике. О ноже и препятствиях в магазине, — подмигнула ему Элайя. — Ваши действия не укрылись от системы. Вы не угрожали Юнисанциуму разоблачением, поэтому она не подала сигнал тревоги, но их оказалось достаточно, чтобы известить Оператора. Ваш разум занимался самообманом, не позволяя допустить оглушительную для него правду. В качестве защитного механизма он спускал пары, не желая думать о причине, но пользуясь следствием. Не давая себе осознанно восстать против системы, вы делали это подсознательно, обходя недружелюбную физику вещей. И ваша оптимизация путей была оценена по достоинству. Особенно потому, что вы оптимизировали их не только в личных целях, но и для других, как с той же очередью на кассе.
— Оригинальные у вас, однако, причины для Извлечения, — протянул Джулиан.
— Это были только предпосылки. Любопытные, но недостаточные,

— заметила Элайя. — Вы привлекли внимание Оператора, но меня он известил только тогда, когда изучил суть вашей работы. В таких случаях Юнисанциум ставится на условную паузу, позволяющую досконально взвесить все за и против. С того момента и началось наше личное общение, приведшее к вашему появлению в Инкубаторе.

Беседы с Элайей, безусловно, проливали все больше света на различные вещи, не дававшие Джулиану покоя. Вместе с тем они порождали еще больше вопросов, нежели даровали ответов. Технически, так и должно было происходить. По мере своего развития сознание понимает, насколько оно как раз таки не развито, и начинает видеть то, о чем прежде даже не догадывалось. Его горизонты ширятся, а жажда познания растет, неуклонно стремясь объять необъятное. На этом фоне какие-то исходные вопросы могут затеряться, подхваченные вихрем рождения новых, но могут и проявиться, будучи затронутыми подходящей темой. Ухватившись за суть разговора, на сей раз Джулиан собрался выяснить, что же именно заставило Куратора принять решение о его Извлечении. Собрался — и снова не преуспел, отвлеченный неожиданным событием.

Лес выглядел совершенно обычно, если не считать того, что практически все формы растительности Джулиан видел впервые. Комбинации листвы и хвои, лиан и мхов, коры и хитросплетения веток — то была лишь вершина айсберга, поскольку многие кусты и деревья вообще не походили на что-либо знакомое. Как, собственно, на сами кусты и деревья. Сознание лурианца компенсировало потенциальный шок, придавая новизне черты своеобразного дежавю. Так работал защитный механизм адаптации, обучая Модель с нуля, но без шараханий от всего подряд по поводу и без повода. Иными словами, Джулиан не реагировал на помесь березы с актинией и хвостом павлина просто потому, что в известном смысле он это уже видел. Дерево как дерево. Вот чего он точно не видел — так это того, чтобы деревья ходили. Гулко топая корнями, правую канаву переступила внушительная громадина, смахивавшая на дуб с хрустальными шарами вместо желудей и жемчужными лепестками взамен волнистых листьев. Покачивая ветвями, жемчужно-хрустальный дуб выбрался на дорогу и чинно двинулся на другую ее сторону.

— Дерево идет! — забыв про все на свете, обомлел Джулиан.

— Его зовут Гизмунд, и он не дерево, — рассмеялась Элайя. — Точнее, он древовидная форма разумной жизни. Был таковой до своего Извлечения. Эй, Гизмунд, обожди минуточку!

Последние слова адресовались громаде, уже собиравшейся перей-

ти через придорожную канаву слева. Остановившись, та зашелестела кроной и неторопливо развернулась.
— Здравствуйте, — степенно прогудела она. — Вам что-нибудь нужно?

Было бы крайне наивно предположить, что Джулиан Слайдертон оказался единственной Моделью, проходившей Извлечение. Инкубатор и Колыбель носили отнюдь не одиночное применение, обслуживая комплекс из несметного числа Юнисанциумов. Да, большинство симулируемых Вселенных оставались бесплодными, но вероятность разума все-таки отличалась от нуля. И этого было достаточно, чтобы фигуральные Родильный дом и Ясли не пустовали. А наполнялись они отнюдь не одними представителями человечества.

Джулиан мысленно возрадовался, что никогда не имел отношения к деревообрабатывающей промышленности. Вместе с тем профессия архитектора предполагала и материалы из древесины, отчего было трудно предположить, как отнесется к этому обстоятельству РАЗУМНОЕ ДЕРЕВО. Возможно, совершенно флегматично, а может и наоборот — примет близко к сердцу и стеганет ветвями.
— Джулиан переживает, как вы насчет мебели и всяких декоративных панно, не говоря уж о несущих конструкциях. Он ведь архитектор, — сдала его с потрохами Элайя.
— Напрасно, — прошелестел Гизмунд. — Неразумная материя меня не беспокоит. На сей счет он может не волноваться, пока не начнет подкрадываться ко мне с топором. Ну или чем там у них принято пользоваться.
— Не начну! — заверил Джулиан. — Однако мое смущение вполне понятно. Я думал, все лурианцы выглядят подобно Элайе. Я не ожидал встретить кого-нибудь еще.

Как оказалось, прогулка по лесу состоялась не просто так. Многоопытная Куратор, чего только ни повидавшая на своем веку, попадала сразу в несколько пресловутых зайцев. Одна из этих ушастых целей и подразумевала подобную встречу. Знакомясь с бесконечно разнообразной флорой, Джулиан должен был познакомиться и с тем, кто тоже был Извлечен, но еще не стал полноправным лурианцем.

Чистая разумная энергия могла принимать любую форму. Элайя выглядела именно так, как хотела, отдавая дань давней традиции. В основном так выглядели и другие лурианцы, поскольку этот облик был присущ им на заре существования и обрел широкое распространение. Они ассоциировали себя именно с ним, и меняли только от случая к случаю. Однако хватало и таких, кто

воплощался в самые разные тела, а то и вовсе регулярно их переодевал словно одежду. Таким образом, лурианец вполне мог создать себе оболочку в форме дерева, увешанного хрусталем и жемчугами. Вот только к Гизмунду это не относилось. Он оставался в том виде, в каком пребывал до Извлечения. Оставался как Модель все еще находившаяся на стадии адаптации.

Это был ответ на вопрос. Вопрос, который Джулиан пока не задал, но уже подумывал задать. А именно, что происходит с Моделями, которые по каким-то причинам застряли на пути превращения в полноценного лурианца. Гизмунд не сумел отпустить прошлое. Во многом овладев новыми возможностями, мыслями он пребывал там, со своими навсегда исчезнувшими сородичами. И со своей семьей. Не то чтобы он совсем уж не хотел принять новый, реальный мир — просто у него не получалось. И Гизмунда никто не торопил, поскольку в его распоряжении была целая вечность. Выйдя из Колыбели, он быстро перерос Ясли, но так и не покинул Детский сад. И этот Сад он обустроил себе в саду настоящем. То есть в лесу, куда переселился с благословения Куратора. Здесь он стоял и бродил в свое удовольствие, наслаждаясь новым небом, но неизменно грустя по старому.

На поляне, куда Гизмунд привел Джулиана, возвышался холм, поросший густой травой. Ее шелковистые кончики колосились завитками бутонов, из которых то появлялись, а то исчезали перламутровые соцветия. Пугливые, словно мимоза, они прятались от любого дуновения, но в полнейшей тишине раскрывались во всей красе, чаруя не только взор, но и обоняние. Обычно Гизмунд и стоял неподвижно, не нарушая окружающий покой ни единой веточкой. Уставившись в пруд у подножия холма, он созерцал небесную туманность и грезил о былых деньках, которые уже никогда не вернутся. В пруду отражалась и трава, склонявшаяся к воде ладошками сочных листьев, и стрелы высокого тростника, пушившиеся шоколадными кисточками. Отражались там и другие деревья, выстроенные вокруг водоема будто камни Стоунхенджа. Семья Гизмунда, давным-давно исчезнувшая в Юнисанциуме, напоминала о себе живыми памятниками. Живыми, но неразумными. Эти деревья грелись под лучами звезды, пили воду и меняли убранство из листьев, но ни единая искра разума никогда не зарождалась ни в старых и кряжистых, ни в стройных и юных стволах. Создавать нечто большее Гизмунд не умел. А может, и не хотел. Свою печальную гармонию он обрел здесь, на этой тихой лесной поляне, откуда иногда уходил прогуляться к Радужному водопаду.

Гизмунд был рад поболтать с кем-то кроме Элайи и других

лурианцев. Открыться тому, кто понимал его лучше, нежели иной другой. Услышав историю Джулиана, потерявшего любимых дочерей, разумное дерево искренне разделило его горе и прониклось к новому знакомцу теплым расположением. Им обоим было о чем поговорить, каковому занятию они и предались, совершенно забыв про Элайю. Та же куда-то подевалась. Ни Джулиан, ни Гизмунд не заметили ее исчезновения, и даже не могли сказать, когда оно произошло. Увлеченные собственными судьбами, они обсуждали свое родное, близкое, понятное только им. И предавались этому занятию в лучах всех трех солнц по очереди.

О запропастившемся Кураторе Джулиан вспомнил позднее, шагая через лесную чащу. Он шел к Радужному водопаду, пожелав взглянуть на это диво. Гизмунд указал ему направление, но остался на своей поляне, желая пережить полученные эмоции в одиночестве. На прощание он предложил захаживать в гости, после чего целиком погрузился в себя, перестав отличаться от самого обыкновенного дерева. Джулиан его не винил. Не винил даже тогда, когда сообразил, что заблудился.

Чертова дорога куда-то испарилась. Водопад был где-то по другую ее сторону, а сама она не могла просто взять и исчезнуть. Или могла? С этими лурианцами и не на такие грабли наступишь! Прикидывая расстояние, Джулиан нашел, что отмахал уже втрое больше чем предполагалось, но дороги и след простыл. Более того, он окончательно перестал узнавать и места, через которые ступал с неторопливостью благородного оленя. Пришлось припустить с поспешностью встревоженного лося. Само собой, пробежка через лес ни к чему не привела. Ни к чему, разумеется, хорошему. Окончательно заплутав, Джулиан остановился и стал соображать, на какое именно дерево ему стоит залезть, чтобы как следует осмотреться. Так и не сделав выбор, он сдался, смирил протестовавшую гордость и принялся голосить будто заблудившийся грибник.

Вероятно, Гизмунд был единственным разумным деревом, либо же остальные ловко маскировались. Складывалось ощущение, словно он вообще был единственным живым существом. До сих пор Джулиан видел только мелкую живность вроде улиток да бабочек. Характерный стук и заливистое щебетание предполагали наличие птиц, но на глаза те ни разу не попались как среди растительности, так и в небе. Либо же этот внешне богатый мир был бедноват на фауну, либо Джулиан чего-то не знал. Согласно уже усвоенной логике, второе выглядело наиболее вероятным. Особенно с учетом красивой рыбки, порхнувшей прямо к нему.

Про летающих рыб Джулиан, конечно, слыхал, но чтобы вот так!.. Впрочем, после самоходного дерева чему тут удивляться?

Уставившись как ребенок на Лепрекона, он невольно протянул руку к удивительному созданию. Рыбка скользнула назад, избегая его любознательных пальцев, но не удрала, а остановилась, шевеля плавниками и расправив хвост. Ох, какой же это был хвост! Его широкий и длинный гребень переливался всеми цветами радуги, каковые, собственно, он и воплощал. И воплощал не только телесно! Когда рыбка приходила в движение, он оставлял за ней характерный шлейф, расползавшийся в воздухе словно струя реактивного самолета.

Оставив попытки прикоснуться к рыбке, Джулиан с ней заговорил. Ему вдруг пришло в голову, что она может оказаться очередной формой разумной жизни. Стараясь не выглядеть идиотом, Джулиан объяснил ей причину своих криков. Изучая его выпуклыми глазами, рыбка внимательно выслушала про плутания и водопад, после чего внезапно сделала круг и отлетела в сторонку. И снова сделала круг, и снова отлетела.

— Хочешь, чтобы я пошел следом? — осторожно предположил Джулиан.

Всем своим видом и поведением рыбка это подтвердила, после чего махнула хвостом и полетела в лесную чащу. Недолго думая, Джулиан направился за ней.

Потерять из виду такой приметный ориентир было довольно трудно. Чешуйчатая проводница хорошо виднелась издалека, не говоря о ее радужном шлейфе. Кроме того, она то и дело останавливалась и делала небольшой круг назад, как бы проверяя, идет за ней потерявшийся балбес или нет. Убедившись, что идет, она продолжала свой юркий полет, совершая такие телодвижения, будто не летела, а плыла через водную толщу.

Куда они направлялись, долго гадать не пришлось. Пока Джулиан размышлял, имеет ли молчаливость рыбки какое-то отношение к поговорке "нема как рыба", откуда-то впереди стал доноситься шум бегущей воды. Постепенно нарастая, вскоре он приобрел достаточно внятные очертания, чтобы Джулиан уверился в своих предположениях. И те подтвердились самым непосредственным образом. Деревья расступились, сменившись широкой прогалиной. Ступив на ее мягкий мох, Джулиан проследовал за рыбкой до края скалистого утеса, откуда открылся поистине завораживающий простор.

Радужный водопад именовался так отнюдь не для красного словца. Поток, низвергавшийся с высокого кряжа, был окрашен в семь классических цветов, собранных в классической же последовательности. Но эти цвета его не насыщали, как если бы кто-то вылил в реку бочки с вульгарной краской. Он светился ими, исто-

чая нечто большее, нежели разложенный по составляющим спектр.

Скалы окружали длинное вытянутое озеро, с одной стороны которого и шумел Радужный водопад. Его частичная неприступность компенсировалась пологими спусками, ведущими к белым и бежевым пляжам. Набегая на мелкий песок, голубые волны шелестели и пенились, расплескиваясь и кружа у замшелых камней. Именно голубые. Несмотря на цвет водопада, они выглядели довольно привычно, если не считать упоительно-кристальной прозрачности. На дне раскинулись целые сады водорослей, усеивавших и склоны и впадины. Иные стелились вдоль берега, объединяясь в настоящие плантации. Другие тянулись из глубины длинными канатами, приодетыми в множество чередовавшихся юбок. И кораллы! Как же они горели розовым, белым и алым, полыхая сквозь толщу вод! А в ней, сбиваясь в серебристые стайки, проворно сновали большие и малые рыбешки.

Радужная проводница Джулиана выполнила свою миссию. Махнув ему на прощанье хвостом, она нырнула за край обрыва и полетела прямиком к водопаду.

— Стой! Куда?! — вскричал Джулиан.

И тут же понял сам. Он еще не овладел зрением лурианца, однако сумел сообразить, что это были за точки, порхавшие в облаках водной взвеси. Рыбки. Радужные летающие рыбки, словно окрашенные палитрой цветастых струй. Чем бы их ни привлекал водопад, но они кружили вокруг него тысячами, иногда отлетая подальше, однако почти всегда возвращаясь. Их хвосты оставляли переливчатые шлейфы, а чешуя искрилась на солнце, отчего и без того красивое место сверкало поистине сказочными огнями. Как завороженный, Джулиан созерцал чудесный пейзаж, решив, что понял, зачем сюда наведывался Гизмунд. Как оказалось, в своих предположениях он снова ошибся.

— Привет, — сказал чей-то приятный голос.

Обернувшись, Джулиан узрел русалку. Во всяком случае, подобие русалки. Нижняя часть существа выглядела как изогнутый рыбий хвост, в то время как верхняя мало чем отличалась от человека. Или лурианца. Как оказалась, незнакомка лурианцем и была. Точнее, тем, кто собирался им стать, еще не пройдя последний этап Извлечения. Только это прояснилось позднее, когда завязался оживленный разговор. Полыхая шевелюрой из длинных рыжих волос, девушка изящно оперлась на коралловый посох и вперила в Джулиана взгляд любопытных огромных глаз.

— Синотея, — сказала она.

— А? — разинул рот Джулиан.

— Это мое имя. А вас как зовут? — крутанула посохом девушка.
Порозовев от смущения, Джулиан извинился за манеры и поспешно представился.
— Вы откуда? — тут же раздался новый вопрос.
— Из… э-э-э… Как там его, дьявола?.. Института… какого-то там разума, — второпях все позабывал Джулиан.
— Да мы все оттуда, — махнула рукой девушка, сотворив в воздухе шлейф из радужных капелек. — Из какого вы Юнисанциума?
Сообразив, к чему интерес, Джулиан назвал человечество.

Синотея оказалась разумной рыбой. Точнее, морским существом, эволюционировавшим из этой формы. Сказания о русалках, бытовавшие в эпосах симуляции Джулиана, внезапно обрели под собой научную аргументацию. Синотее понравился вид лурианцев, но и от своей прежней формы она не отказалась. Поэкспериментировав с различными воплощениями, она остановилась на сочетании того и другого, который вполне устроил ее истинное "Я". Здесь, у озера и водопада, Синотея проходила очередной этап Извлечения, имевший к ним самое прямое отношение.

Радужный водопад был инструментом созидания жизни, а летающие рыбки, порожденные его вздымавшейся взвесью — верными помощницами своей хозяйки. Ее глазами, ушами и гонцами. Одна из них, любознательная и отбившаяся от стайки, как раз и услышала вопли Джулиана. Прилетев на непривычный зов, она распознала подобие лурианца, уловила упоминание водопада и привела заплутавшего архитектора прямиком к нему. Эти юркие красавицы не обладали самосознанием, но занимали достаточно высокую ступень развития в иерархии животного мира. Они были довольно сообразительны, и Синотея вынашивала на них большие планы, рассчитывая сделать гораздо умнее. Собственно, тем она здесь и занималась — проходила обширную и плодотворную практику в создании живых существ.

Сообразив, что к чему, Джулиан упомянул своего недавнего знакомца.
— Гизмунд? Да, я с ним давно дружу, — сообщила Синотея, услышав про разумное дерево. — Заходит сюда иногда.
— Он о вас не упоминал, — заметил Джулиан. — Он вообще не говорил, что кроме него тут есть кто-то еще.
— Ничего удивительного, — поиграла с посохом Синотея, кружа им как на параде. — Гизмунд ко многому привык и просто забыл, что вы — новичок. К тому же он очень зациклен на своих проблемах.
— Я заметил, — подтвердил Джулиан, припоминая круг "семейного древа" во плоти. — Я бы на его месте тоже приходил сюда —

развеяться, отрешиться от тягостных дум.
— Он приходит не медитировать, — поправила Синотея. — Гизмунд таскает мою радужную воду, потому что сам пока не научился вдыхать жизнь пусть даже в органическое тело. Он подливает ее в пруд, на берегу которого, видимо, теперь появится еще один его "родственник".
Джулиан, как желторотый птенец, жадно слушал обо всем, что рассказывала Русалка.

Сами по себе органические соединения ничего не значили. Более того, они вообще не обязательно что-либо значили, поскольку жизнь могла принимать любую форму. К примеру, на кремниевой основе, пусть она и встречалась гораздо реже, нежели на водной. Однако с органикой было банально проще — по крайней мере, тем, кто сам из нее происходил. Синотея, рожденная в воде, оперировала ей как птица крыльями или скульптор резцом, ощущая эту среду на условном генетическом уровне. Гизмунд тоже ощущал, но по-другому. Не преуспев так, как Русалка, он закончил свои творения только с помощью ее Радужного водопада. И эта же вода, вероятно, была ему необходима для дальнейшего развития замысла. А именно — вдохнуть в деревья настоящую жизнь, наделив их способностью реагировать на окружающее и даже думать. Возможно, это ему уже удалось, поскольку последнее время он появлялся у озера гораздо чаще.

Переварив полученные сведения, Джулиан понял, что его представления о мироздании снова изменились.
— Я полагал, лурианцы не умеют собственноручно создавать разумную жизнь, отчего им и понадобились Юнисанциумы, — озадаченно протянул он.
— Умеют. Еще как умеют, — махнула рукой Синотея. — Просто дальше определенной границы не заходят.
Избавившись от рыбьего хвоста, она обрела пару длинных голубоватых ног, после чего уселась на край обрыва, свесив их в пропасть, и пригласила Джулиана сесть рядом. Болтая стопами, словно сбежавшая с уроков школьница, она охотно поведала, в чем именно заключалась означенная грань, ибо это напрямую относилось к ее практике.

Лурианцы не могли создавать разумную энергию из ничего, но им было вполне по силам взращивать ее традиционным способом. Иначе говоря, новый лурианец из пробирки мгновенно не выскакивал, однако зародить его основу как таковую им не составляло труда. Далее — все как обычно, пусть и специфически ускоренно. Фигуральный эмбрион рос, проходил несколько стадий преобразования и становился полноценной особью. Только вот не-

задача — становился СЛУЧАЙНОЙ полноценной особью. То есть не только выдающимся творцом, техником или координатором, но и ничем не примечательной серой массой без особого ума и таланта. Или того хуже. А лурианцев такая перспектива не устраивала. Колоссальные энергетические процессы не только не окупались, но и приобретали бесконечно неэффективный характер. Пара-тройка одаренных граждан отягощалась огромным количеством "пустышек". Что с ними потом прикажете делать? Высший разум не опускался до социальных чисток, апартеида и уж тем более прямого устранения неугодных. И он решил проблему с присущей ему логикой, то есть не допустил самого ее возникновения. Лурианцы не гадали на кофейной гуще, пытаясь вырастить гения, одного на миллиард. Таковых поставляли им Юнисанциумы.

Интересная, однако, складывалась мозаика. Исходя из восприятия Джулиана, высшие существа практиковали самую настоящую сегрегацию, хотя их метод заключался, как бы парадоксально это ни звучало, в прямом отсутствии таковой. Это происходило одновременно. Грубо говоря, лурианцам претила всякая дискриминация, но чтобы ее исключить они физически упреждали все ее предпосылки. Представьте себе отсутствие расизма ввиду того, что других рас попросту нет — и вы получите наиболее точную картину лурианского подхода к устройству общества. Во всяком случае, в глазах Джулиана Слайдертона, Модели человека из Юнисанциума. Возможно, та же Элайя видела все абсолютно по-другому. Вероятно, ее мировоззрение станет разделять и сам Джулиан, когда пройдет все этапы Извлечения. Вот только СЕЙЧАС он мыслил иначе, и подобный принцип ему не нравился. У него ведь был личный и очень болезненный пример.

Обратив внимание на Джулиана, лурианцы проигнорировали его дочерей. Нет, они не пресекли их рождение, не сократили им жизнь, ничем не ущемляли в правах и вообще никак не вмешивались в симуляцию своих Моделей. Но в том-то и дело, что не вмешивались. Они выбирали только лучшие зерна, предоставляя остальному урожаю пропадать как ему заблагорассудится. Вероятно, Джулиан должен был излучать благодарность, что его, жалкую виртуальную субстанцию, решили принять в высшее общество. Вероятно. Уяснив, как обстоят дела с Извлечением, он ничего подобного не испытывал.

Синотея продолжала болтать, даже не подозревая, в каком именно русле протекают мысли ее собеседника. Она вела себя как юная девушка, желавшая эффектно показать себя в глазах нового приятеля. Собственно, таковой она по-своему и была, поскольку в симуляции годков ей насчитывалось всего ничего, а здесь она со-

зреть еще не успела. Это объясняло ее игривые жесты, живую речь и непосредственное поведение. Чем и решил воспользоваться Джулиан.
— Значит, вы хотите создать здесь настоящую разумную жизнь? — будто невзначай осведомился он.
— Мои Радужные рыбки — уже почти такие, — не без гордости сообщила Синотея.
— Но разве вам это позволят? — вкрадчиво спросил Джулиан.
— Так для того меня сюда и направили! — рассмеялась Русалка, делая скидку на неосведомленность новичка. — Это моя практика в воплощении материи. И мой выпускной экзамен. Выйдя на уровень мастера, я окажусь в одном шаге от того, чтобы стать полноправным лурианцем. Тогда — прощай Колыбельная Локализация и здравствуй целый новый мир!
— Погодите! А мы сейчас разве не в нем?! Не в новом мире?! — опешил Джулиан. — Это что, тоже какая-нибудь симуляция?!
Синотея рассмеялась, озарившись радужными сполохами.

Привычная Джулиану Вселенная носила очень упорядоченный характер: планеты, звездные системы, туманности и галактики. Одно вращалось вокруг другого и при этом всегда находилось в едином физическом поле существования. Подлинное мироздание кардинально отличалось в бесконечности своего разнообразия.

Локализацией выступала некая обособленная часть мира — нечто вроде провинции в стране или континента в океане. Только в более развернутом виде. Локализация сама была полноценным миром, просто служившим какой-то цели. Для Моделей, проходивших Извлечение в Институте Моделирования Разума, предназначалась Колыбельная. В отличие от симуляции Юнисанциумов, она представляла собой реальный фрагмент реального же мироздания, с поправкой на специфику. В частности, она работала подобием теплицы, где новорожденные лурианцы росли и постигали себя, готовясь ступить в большую жизнь. И чтобы они случайно не наломали дров, в том числе сотворив стаи невообразимых монстров, их деятельность не выходила за пределы Колыбельной Локализации.

Джулиан обещал захаживать. В смысле, приходить к Синотее в гости. И он собирался сдержать это обещание как минимум по двум причинам. Живое общение с кем-то кроме Элайи — это уже хорошо, а если оно еще и продуктивное — то и совсем замечательно. Продуктивность же могла выражаться не только в теоретических познаниях, но об этом Джулиан хотел поразмыслить позднее, уединившись в своих апартаментах. Сейчас же его заботило то, как он туда вообще попадет. Пространственная дверь? Но она ос-

талась в фонтане, а дороги, ведущей к нему, и след простыл. Спасибо, Гизмунд, удружил. Если бы не Радужная рыбка…
— А Гизмунд тут причем? — удивилась Синотея, поскольку часть мыслей новый знакомый выразил вслух. — Он же указал вам верное направление.
— Ну и где тогда дорога? Сюда я пришел, а ее не встретил, — кисло скривился Джулиан.
— Да лурианцам дорога вообще ни к чему! — рассмеялась Синотея. — Вы шли по ней просто потому, что так захотела Элайя. Так было удобнее путешествовать через лес привычным вам образом. И не более. Позднее вы сами сможете прокладывать себе путь как заблагорассудится, а сейчас… Сейчас дорога исчезла за ненадобностью.
— Конечно за ненадобностью. Мне же возвращаться-то некуда, да и незачем, — фыркнул Джулиан.
— Моя рыбка вас проводит, — предложила Синотея. — Я бы и сама прогулялась, да одна идея покоя не дает. Полагаю, вы меня понимаете.
О, да! Джулиан ее очень хорошо понимал. Погруженный в работу, он и сам не любил отвлекаться, исключая небольшие перерывы на отдых. Такие, как их нынешняя беседа, состоявшаяся на краю скалистого обрыва. Раскланявшись с Русалкой, он еще раз пообещал заглядывать в гости и удалился, ведомый радужным шлейфом ее проворной помощницы.

Сообразительностью рыбка явно не уступала собаке, причем, скорее всего, заметно ее превосходила. Она привела Джулиана прямехонько к фонтану, сделала вокруг него прощальный круг и упорхнула обратно. Джулиан помахал ей рукой, после чего этой же рукой шлепнул себя по лбу. Добраться до пространственных дверей было только первой частью проблемы. Что же касалось второй, то как воспользоваться их системой, если не знаешь куда идешь? Приведенный сюда Элайей, он не особо запоминал маршрут, несколько ошеломленный происходящим. Сейчас, напрягая память, он только и видел перед глазами, что два перехода через круглую комнату и коридор. Только хватит ли этого для успешного возвращения?.. Спросить было некого. Вторично призывать на помощь Джулиан не стал. Просто из принципа. Раз уж его тут бросили — пусть не выдвигают претензий, куда его там занесет. Немного потоптавшись на дорожке из лилий, он отбросил всякие колебания и вошел в дымку света.

А вот и коридор. Если тогда они свернули налево, значит, сейчас требовалось пойти направо. Так Джулиан и поступил. Отсчитывать двери не пришлось, поскольку в коридоре они с Элайей

появились с торца. Уверенно дойдя до тамошнего проема, он снова шагнул в световую завесу и очутился в большой круглой комнате.

Путешествие застопорилось. В глазах Джулиана двери были абсолютно идентичны, а их здесь насчитывалась добрая сотня. Он, конечно, помнил, что пересечение комнаты состоялось не под резким углом, а примерно по диаметральной диагонали, но на этом его ориентиры заканчивались. Таким образом, навскидку ему годилось с полдюжины проходов, располагавшихся в дальнем правом секторе. И какая из них вела в его личные покои — да кто ж их разберет? Недолго думая, Джулиан сунулся просто наугад и был приятно удивлен, что попал с первого же раза. Хотя попал ли? Комната выглядела знакомо, за одним небольшим исключением. В ней отсутствовало все созданное Джулианом.

Разгадка оказалась проще некуда. Вернувшись в белую комнату, Джулиан сунулся в соседнюю дверь, а потом в ту, что за ней, и делал так до тех пор, пока не узрел свой макет и прочие творения. Элайя ведь упоминала, что круглое помещение соединяло персональные апартаменты Моделей. Судя по всему, как минимум часть из них носила единый изначальный характер, изменявшийся по желанию жильца. Что ж, такой подход практиковался даже в Юнисанциуме Джулиана, если припомнить типовые пригородные дома или квартирные планировки.

На террасе думалось куда лучше. Вид, открывавшийся оттуда во всей красе, будил творческую мысль и полет фантазии. В отличие от пространственных дверей, она была доступна Джулиану сразу. Там он регулярно и находился, возвращаясь в свою комнату чтобы поупражняться в воплощении. Эта терраса немного отличалась от той, самой первой, но очень на нее походила, да и располагалась где-то явно по соседству. Где именно — Джулиан так и не смог понять, но не особо и старался. Он предпочитал смотреть не на здание, сокрытое в особенностях перспективы, а в долину, неизменно завораживавшую взор. Смотрел он в нее и сейчас, только невидящим блуждающим взглядом. Его внутреннее зрение целиком занимали Гизмунд и Синотея, а также все с ними связанное.

Элайя появилась словно из ниоткуда. Вот ее только что не было и в помине, а вот она стоит у парапета слева от Джулиана и тоже смотрит в долину, будто не нагляделась за свою астрономически долгую жизнь. Ее серебристый наряд дополняли серебряного же цвета волосы, и только глаза отличительно мерцали фиалковым светом. Этот оттенок встречался у нее чаще всего и, вероятно, имел какое-то отношение к душевному укладу.

— Чем обязан счастью лицезреть вас снова? — едко осведомился

Джулиан.
— Как вам понравились ваши новые знакомые? — пропустила его выпад мимо ушей Элайя.
— Они просто очаровательны! — тем же тоном произнес Джулиан. — И старина Гизмунд, хоть и странный, но очень открытый, и юная мастерица Синотея — прямо-таки образец умной и талантливой болтушки. Они, кстати, в затруднении никого не бросают, в отличие от некоторых. Полагаю, нас разлучили неотложные дела?
— Именно так, — спокойно кивнула Элайя. — ВАШИ дела, — выразительно прибавила она, искоса примечая, как подопечный едва не начал источать пары будто закипевший чайник.
Джулиан растерялся, отчего лавина слов так и не сотрясла воздух бурей отрицательных эмоций. Как это — ЕГО дела? Их он вроде бы улаживал сам, пока кое-кто своим пренебрежением предоставил ему такую возможность. Об этом он, собственно, и заявил, весьма раздраженный невозмутимостью Куратора.
— Вы сами озвучиваете ответ, но спрашиваете отчего-то меня, — усмехнулась Элайя. — Да, я предоставила вам такую возможность! Возможность побыть и поговорить с кем-то без моей постоянной опеки, а заодно и самостоятельно сориентироваться. Вам что, в новинку, насколько можно быть скованным в чьем-то присутствии и ощущать себя свободно без оного? Да вы бы и половины всего не обсудили ни с Гизмундом, ни с Синотеей, маячь я где-нибудь неподалеку. А теперь скажите, что же такое страшное с вами могло произойти? С бессмертным лурианцем на полностью контролируемой Колыбельной Локализации?
Сбитый с толку, Джулиан засопел. По сути, Элайя, как ни крути, оказалась совершенно права. Исключая потрепанные нервы, ничего особенного с ним не приключилось и, судя по всему, приключиться в принципе не могло. Ладно, пусть так. Но ведь не трудно же просто предупредить? Хотя бы ради приличия.
— Мы тут не в светском этикете упражняемся, — наставительно изрекла Элайя. — Незаметно предоставленные сами себе, вы неплохо сориентировались в обстановке, завели полезные знакомства и достойно вышли из ситуации.

С точки зрения Куратора, подопечный и впрямь справился с поставленной задачей. Проверка носила необязательный, но показательный характер, и он продемонстрировал уверенное поведение в нестандартной ситуации, плюс хорошие социальные навыки. А заодно не испугался пространственных дверей, сумев самостоятельно вернуться в свои апартаменты. Впрочем, чего там вообще бояться? Ограничители не пустили бы его в запретные зоны, а все остальные не представляли угрозы ни для новичка, ни для

мест, куда бы его потенциально занесло.

— И много у вас таких застрявших как Гизмунд и практикантов как Синотея? — сдался Джулиан.

— Меньше, чем бы нам хотелось, — внезапно призналась Элайя, испуская темно-серые отблески грусти. — Вероятность разума — около нуля, и эта цифра оправдывает себя во всей красе. Юнисанциумов у нас больше, чем ваших пресловутых поганок осенью, а их продуктивность оставляет желать лучшего.

— Тогда почему бы вам не совершать дополнительные Извлечения там, откуда взята хотя бы одна Модель? — ляпнул, не подумав, Джулиан.

— Полагаю, Синотея уже ответила вам на этот вопрос, — встретилась с ним глазами Элайя.

— Ага! Так вы признаете! — воскликнул Джулиан.

— Признаю — что? Что ваше общение было весьма продуктивным? — уточнила Куратор. — Вы приобрели массу полезных сведений с минимальными усилиями и поднялись на следующую ступень развития. Она же, в свою очередь, позволит вам узнать еще больше.

— Это как понимать? — почесал в затылке Джулиан.

Вообще-то его реплика о признании относилась совсем к другому, но Элайя либо не поняла, либо сделала вид, что не поняла. Он же уточнять не стал, решив горячку почем зря не пороть. Особенно в свете некоторых своих замыслов.

— Мы же не в школе, — внезапно сказала Элайя. — А теперь подумайте, каким образом происходит обучение у существ с возможностями лурианцев? Они что, неторопливо учат друг друга по букварю? Да с таким подходом мы бы до сих пор еду выращивали, чтобы с голоду не окочуриться.

А ведь и правда! Уровень развития бессмертного разума, способного находиться в пространстве в виде чистой энергии, да еще это пространство и изменять, предполагал определенную скорость в освоении и передаче знаний. Скорость, которую Джулиан упорно не примечал, хотя до сих пор об этом просто не задумывался. Информация о реальном мире поступала к нему традиционным способом, исключая некоторые особенности вроде трансляции из разума в разум. И то от Куратора. Практически все он узнавал из разговоров и — в меньшей степени — из личного опыта. А это и впрямь не вязалось с возможностями высшего разума. Парадокс? Вряд ли. Тут наверняка имелась какая-то подоплека, отчего Джулиана до сих пор и не подключили к некоему обучающему компьютеру. Или что у них тут водится, чтобы записывать данные напрямую в память.

С подоплекой получилось в точку.

— Представьте себе обычную стеклянную банку из вашего бывшего холодильника. Или металлическую — без разницы, — предложила Элайя. — Представили? Отлично. А теперь представьте, что вы пытаетесь мгновенно залить в нее под давлением целый океан. Что произойдет с банкой? Лопнет? Нет, не лопнет — разлетится на такие частицы, что даже лурианцам будет не по силам ее собрать!

Утонять не потребовалось, ибо пример вышел невероятно удачным. Неразвитое сознание Джулиана было неспособно воспринять колоссальный объем информации, причем информации кардинально непривычной, переворачивающей все его представления о мироздании. Вспыхнув не хуже сверхновой, оно бы просто сгорело. Ну а небольшими порциями эта информация лучше усваивалась по старинке. Во всяком случае, пока.

— Понял, — вздохнул Джулиан, находя подобный уклад логичным и убедительным. — Но все-таки, как у вас организован полноценный учебный процесс? Вы подключаетесь к каким-то устройствам или глобальной базе данных?

— В известном смысле, глобальная база данных и впрямь существует. Там синхронизируются знания всех лурианцев, — кивнула Элайя. — Однако устройства для обучения лично мы не используем, поскольку практически любой лурианец сам является ее носителем.

— Распределенный разум? Вы как рой? — решил блеснуть умом Джулиан.

— Никакого общего сознания у нас нет. Хотя и могло бы быть, — наставительно произнесла Элайя. — Лурианцы превыше всего ценят яркую индивидуальность. Именно она позволяет нам процветать во всем бесконечном разнообразии. Рой имеет свои преимущества, но эту индивидуальность поглощает, а то и уничтожает. И лурианцы отказались от такого пути. Они пожелали светиться отдельными звездами, составляя сверкающую россыпь Мироздания, а не ослепительно сиять единым целым, пусть и уровня условного всемогущего бога. Глядя на небо, вы видите необъятную и бесконечную красоту галактик, наполненную мириадами прекрасных искорок. Которые превращаются в кромешную темноту, если вы стоите прямо перед слепящим солнцем. Галактики не исчезли, а стали неразличимы, заслоненные ярким светилом. Лурианцы предпочитают освещать все вокруг, а не затмевать.

— И как это соотносится с обучением? — пожевал губами Джулиан.

— Я прямо сейчас могу направить в ваше сознание данные собранные мной за всю мою жизнь. Все знания, накопленные лури-

анцами, — ответила Элайя. — И тогда от вас даже пепла не останется.
— По-моему, это получится самое настоящее убийство, причем одним лишь движением мысли, — проворчал Джулиан.
— В очередной раз повторяю: лурианцы вообще ВСЕ делают движением мысли, даже если для удобства задействуют тело или какую-то другую материю, — вздохнула Элайя. — Однако насчет убийства вы правы. Именно поэтому ни один лурианец не станет посылать в неразвитое сознание то, что оно не в силах воспринять. К тому же этот процесс должен быть обоюдным. Если вы добровольно не откроете мне свой разум, я не смогу прикончить вас столь экстравагантным образом.
Последнюю фразу она произнесла с задорной улыбкой, характеризующей отнюдь не легкомысленность в вопросах уничтожения, но весь принцип его недопустимости у высших существ.
— Исходя из ваших же слов, какие-то устройства для обучения все-таки существуют, — веско подчеркнул Джулиан. — Вы сказали, что ЛИЧНО их не используете. Тем самым они, вероятно, предназначаются для кого-то другого.
— А вы внимательный, — одобрительно кивнула Элайя. — Система заметила это еще до Оператора. Да, такие устройства и впрямь имеются. Особенно в стенах Института Моделирования Разума. В зависимости от степени своего развития, Модели могут самостоятельно изучать любые интересующие их материалы.
— И даже я? — не без внутреннего напряжения осведомился Джулиан.
— Разумеется, — пожала плечами Куратор. — С чего вы взяли, что вам это запрещено?
— Тогда почему?..
— Потому что было рано, — прекрасно понимая, к чему вопрос, прервала Элайя. — Уровень вашего развития не позволял. Однако сейчас он уже близок к тому, чтобы вы получили первичный допуск. Как я уже упоминала, общение с Гизмундом и Синотеей ожидаемо сказалось весьма плодотворно.
— Кстати о Синотее! — внезапно припомнил Джулиан. — Почему я не вижу ее Радужного водопада, хотя он вроде как должен находиться вон там?
Его палец ткнулся в пространство, но Элайя даже не посмотрела в указанном направлении.
— Сами-то как считаете? — ответила она вопросом на вопрос. — Даю подсказку. Как архитектор, вы находите Институт соответствующим размеру поставленной перед ним задачи? Да, он большой, но достаточно ли?

— Внутри он больше чем снаружи?! — выпалил Джулиан, припомнив эту реплику из какого-то фантастического сериала.
— В том числе, — усмехнулась Элайя. — Но это помимо прочего. Что ж, теперь вам надлежит усвоить очень важную вещь: в отличие от былой симуляции, реальный мир не трехмерный.

Шаг. Сдвиг. Смещение. Применительно к данному явлению это были слова синонимы, хотя лурианцы предпочитали последнее из них. Окружающая реальность имела измеряемые длину, ширину и высоту, отчего и казалась Извлеченным Моделям вполне привычной. Ведь в их Юнисанциумах, как правило, именно такая основа и использовалась, для простоты и унификации. Смещение позволяло трехмерному пространству существовать в бесконечных вариациях. Оно обозначалось степенью фазы, в которой находилось, и любой лурианец ощущал их все, пусть единовременно и пребывал только в какой-то одной. Говоря простым языком, он видел перед собой единственную дверь, но вела она сразу во множество Смещенных комнат, оставляя выбор за ним. Применительно к фигуральной книге, лурианец открывал ее на той иллюстрации, которую в данный момент считал нужной. И в любое мгновение мог перелистнуть любое же неограниченное количество страниц.

Там, в лесу, Элайя пропала из виду не потому, что незаметно ушла. Она удалилась в другое Смещение, для чего никакая пространственная дверь ей была не нужна. Точно так же она появилась на террасе, очутившись подле Джулиана. Чистая энергия разума не зависела от состояния вещества, которому, в свою очередь, могла придать практически любую форму. Понятия замкнутого и неделимого пространства для нее попросту не существовало.

Смещение отличалось от Локализации тем, что ту возводили с нуля, а оно образовывалось из некой начальной структуры. Например, банальной комнаты. Модифицируя в ней обстановку, лурианец мог сделать так, чтобы непременно сохранилась и прежняя, доступная наравне с новой. Для этого он изменял фазовое состояние трехмерного пространства. Комната сохранялась в исходном виде, но при этом у нее получалась самостоятельная копия, способная на дальнейшее самостоятельное же развитие.

Пытаясь представить как все это уживается друг с другом в одной и той же области, Джулиан сам едва не получил сдвиг по фазе. Элайя пообещала, что он придет к пониманию позднее. Даже не к пониманию, а естественному мироощущению. Пока же она готова показать ему все наглядно. Если он желает видеть с террасы Радужный водопад Синотеи, то это легко устроить. Вый-

дя из нынешних апартаментов Джулиана, они войдут в другие, в том же месте, но с другой панорамой. Для этого даже не придется создавать новое Смещение, поскольку тамошнее пустует, не занятое ни одной Моделью.

Уже подходя к пространственной двери, Джулиан замедлился, а потом и вовсе остановился.

— Как насчет всего этого? — напряженно спросил он, кивая на созданную им обстановку.

— Все еще цепляетесь за материальные ценности? — вздохнула Элайя. — В новом жилище сотворите другие.

— Я хочу взять мой макет! — уперся Джулиан. — Остальное — ладно, но без него я никуда не уйду. Ненавижу оставлять работу незавершенной!

— Это хорошо, это я понимаю, — согласилась Элайя. — Творец не должен бросать свои творения. Путь к совершенству пролегает не через бесконечное начинание с нуля, но кропотливую работу над своим детищем.

Окинув лучистым взглядом комнату, она плавно повела рукой. Ее убранство тут же исчезло.

— Эй! Куда?! — встревожено воскликнул Джулиан.

— Не беспокойтесь. Я перенесла все ваше творчество в другое Смещение, — успокоила Элайя, немного удивленная его эмоциональным порывом. — Перенесла как есть, всем скопом и в оригинале.

Казалось, они вернулись точно туда же. Более того, через одну и ту же дверь. Выйдя с Джулианом из его апартаментов, Элайя сделала легкое движение пальцами, высветив на стене какие-то символы, и проследовала с ним обратно. Вся обстановка стояла на прежнем месте, словно никуда и не исчезала, а вот вид с террасы открывался другой. Он был очень похож на предыдущий, но в нем наблюдалось несколько приметных отличий, одним из которых и был Радужный водопад. Джулиан, впрочем, узрел его отнюдь не сразу, задержавшись у стола с архитектурным ансамблем. Убедившись, что макет и впрямь тот же самый, он облегченно выдохнул и вышел наружу.

— Ваш городок, которым вы явно дорожите, послужит отличным практическим пособием, — сообщила Элайя. — Вскоре вы научитесь использовать Смещения, а в качестве практики надо же с чего-то начинать. Он для этого очень хорошо подходит. Начав с малого, однажды вы сами убедитесь, насколько далеко продвинулись в сравнении с никуда не девшимся оригиналом.

— Так уж ли легко сотворить новую комнату, да еще встроить ее в неизвестную мне структуру? — усомнился Джулиан.

— Зачем комнату? Я же говорю: начать с малого, — поправила его Элайя. — Стол у вас будет один, а макет на нем — в разных Смещениях. В общем, позднее поймете. И не спрашивайте — когда. Вы это почувствуете, а скорость вашего развития зависит только от вас.

Покамест не владея бесподобным зрением лурианцев, Джулиан обзавелся подзорной трубой. А именно, телескопической громадиной на треноге, позволявшей направлять ее под широким углом. Получилась она, надо сказать, не сразу, доставив Элайе немало веселья. Уничтожив десяток-другой макабров, Джулиан все-таки добился желаемого и жадно приник к окуляру. Приник — и тут же отпрянул, пораженный степенью увеличения. А затем приник снова. Там, на фоне цветастых струй, в клубах водной взвеси оживленно сновали стаи Радужных рыбок. Взмахивая руками, Синотея напоминала дирижера, управлявшего оркестром, но вместо музыкантов она координировала движение своих созданий. Очень слаженное и очень мудреное движение, наверняка происходившее с какой-то целью.

Переведя окуляр, Джулиан сфокусировал его на холме Гизмунда. Как оказалось, разумное дерево тоже не стояло столбом, хотя до оживления Синотеи ему было далеко. Шевеля ветвями, оно топталось возле пруда, над которым мимолетно возникала призрачная дуга радуги. Похоже, в своих предположениях Русалка пребывала недалеко от истины.

— Мне жаль Гизмунда. Цепляясь за прошлое, он зацикливается на том, что в принципе недостижимо. И делает себе только хуже, — прокомментировала это зрелище Элайя. — Я не случайно свела вас с ними двумя. Один самостоятельно приковывает себя незримыми цепями, в то время как другая стремительно несется в будущее. Выводы делайте сами.

— Вы знаете, чем он занимается, и позволяете? — невольно удивился Джулиан.

— Запреты — не метод лурианцев. Некоторые временные ограничения — это одно, а требование поступать согласно чужой воле — совсем другое, — пояснила Элайя. — По-настоящему понять и принять ценность свободы и созидания можно только добровольно. Принуждением тут ничего не добьешься.

— А если кто-то против ваших идей? — пытливо осведомился Джулиан.

— Тогда он сам находится в той энергетической тюрьме, которую себе же и создал, — покачала головой Элайя. — Сам сковал себя узами неприятия и не в состоянии двинуться дальше. Достаточно развившись, вы это поймете. И не поймете никогда, если не разо-

вьетесь. В этом и состоит основополагающий принцип.

Вдалеке виднелись заснеженные вершины. Долину, как оказалось, опоясывала горная цепь, растянувшаяся полумесяцем. А может и вовсе кольцом, в центре которого находился Институт Моделирования Разума, но этого Джулиан не знал, поскольку мог судить обо всем только по виду с террасы. Он и само наличие горто открыл исключительно благодаря своей новой игрушке. Портативный, сотворенный по памяти телескоп увеличивал на поистине огромном расстоянии. Наведя его на горизонт, Джулиан подкрутил фокус и обнаружил обширное предгорье, доселе скрывавшееся от взора в туманной дымке. За его скалистыми холмами, вздымаясь длинными отрогами, тянулся громадный седой хребет, сверкавший отдельными исполинскими пиками. Поворачивая телескоп туда-сюда, Джулиан и установил, что горы окружают расстилавшуюся перед ним часть долины. Или даже всю, но что находилось с другой стороны Института он посмотреть не мог, а спросить было некого. Элайя давно ушла, оставив его изучать новые просторы старой местности.

Само по себе открытие гор ничего не значило. Значило другое. Рассматривая их склоны, Джулиан заметил немало интересного. Природный ландшафт, отличавшийся от долины, иногда разбавляли постройки, видневшиеся как поодиночке, так и подобием поселков. Отдельные строения тянулись ввысь, под стать какой-нибудь мифической башне. Иные же уходили в горные кручи целым комплексом, напоминая промышленные шахты. На их крышах, усевшись рядком, восседали крупные хохлатые птицы. Точно такие же, расправив крылья, кружили высоко в небе, словно по-орлиному выглядывая добычу. Иногда они ныряли вниз, усаживаясь на коньке какого-нибудь здания, а им на смену взмывал кто-нибудь из сородичей, дремавших неподалеку. Однако вряд ли дома предназначались для пернатых! Выискивая кого-то вроде Гизмунда или Синотеи, Джулиан переводил телескоп с места на место, пока вдруг не наткнулся на невиданную живность.

Спикировав из низких облаков, на скалу плюхнулась чья-то большая туша, складывая мощные волнистые крылья. Ее черные когти крошили камень, осыпавшийся с отвесного склона, а длинный хвост нервно подрагивал, постукивая о замшелые валуны. Осклабленную львиную морду облизнул мясистый алый язык, будто предвкушая сытную трапезу. Спина по-кошачьему изогнулась, и с нее, скользнув по полосатому боку чудища, соскочило еще одно существо, доселе восседавшее возле холки.

Отпрянув от окуляра, Джулиан протер глаза, настолько его поразило неожиданное зрелище. И тут же понял, что ошеломляю-

щий эффект вызвало отнюдь не оно. Кем бы ни был крылатый лев и его наездник — в горах они оказались не одиноки. Более того, это относилось и к долине, прежде выглядевшей очень красиво, но довольно безжизненно. Леса и луга, прогалины и холмы, реки и озера, землю, воду и небо теперь наполняла самая разнообразная фауна. Наполняла так, словно появилась вдруг, но при этом вела себя совершенно привычно и естественно, как будто давным-давно здесь обитала. И Джулиан вдруг осознал, что так оно и было. Отсюда, с террасы, и там, в лесу, он удивлялся, отчего долина так мало населена. Теперь же стало ясно, почему на глаза ему попадались преимущественно одни лишь бабочки да улитки.

Неразвитый разум, едва выдерживавший непривычное окружение, был совершенно не готов к знакомству с новым животным миром. Чтобы не допустить перегрузки, чреватой непредсказуемыми последствиями, в голове у Извлеченной Модели срабатывал фильтр восприятия. В известном смысле, такой фильтр существовал даже в прежней жизни Джулиана, позволяя концентрироваться на чем-то конкретном в массе одновременно поступавшей информации. Его отсутствие наглядно демонстрировал шизофреник, практически оглушаемый тем, что видел, слышал и чувствовал. Джулиан, случись ментальной защите отключиться, немедленно уподобился бы этому несчастному, атакованный со всех сторон лавиной того, что он не в состоянии был воспринять. И вот фильтр ослаб. Точнее, перестал блокировать еще одну часть подлинного мироздания. Он не сбоил и уж тем более не вышел из строя. Он сделал ровно то, что и должен был, когда сознание Джулиана перешло на следующую ступень развития.

Вероятно, нечто такое и подразумевала Элайя, когда говорила, что позднее он сам все поймет. Ощутит, когда будет к этому готов. Говорила она, правда, про другое, но общая суть наверняка была одной и той же. О ее словах Джулиан задумался позднее, когда схлынули первые оторопь и восторг. Сейчас же он смотрел во все глаза, жадно изучая будто заново открывшийся мир. Смотрел как сам, так и через телескоп, наводя его то туда, то сюда. В какой-то момент он не выдержал нахлынувших впечатлений и ринулся с террасы. Он не убегал от них, чтобы спрятаться. Наоборот — стремился к ним поближе, чтобы окунуться в насыщенную жизнь до отказа.

Пространственные двери не подкачали. Возможно, они бы и не пустили Джулиана куда-нибудь в другое место, но из фонтана он выскочил совершенно беспрепятственно. Звонко и раскатисто квакнув, в воду спрыгнули потревоженные, восседавшие на лилиях лягушки. Из воды же, привлеченные движением у двери, высу-

нулись любопытные рыбьи физиономии. С края бассейна, издав заливистое чириканье, взметнулась стайка цветастых птичек.

Соскочив с дорожки на площадку, Джулиан обвел взглядом всю эту доселе незамеченную живность. Над кустами, солидно жужжа, кружили пчелы. Через прорехи в листве виднелись чьи-то внимательные блестящие глаза. Поодаль выглядывали длинные мохнатые уши, выставленные словно локаторы. Еще дальше, в громадных зарослях жимолости, сопела и ворочалась какая-то внушительная туша. Сад, наполненный разнообразными существами, разительно преобразился, но Джулиан не стал тут задерживаться, хотя и оценил его по достоинству. Покрутившись на месте, он сориентировался в направлении и припустил прямехонько в лес.

– 3 –

Пруд Гизмунда больше не выглядел необитаемым. Как выяснилось, там обосновались цапли. Расхаживая вдоль стены камышей, они выглядели так важно, будто от их благоволения зависели судьбы Вселенной. Впрочем, некоторые с не менее напыщенным видом дремали, стоя на одной ноге. Самая большая из них, приоткрыв глаз, окинула Джулиана ленивым взглядом, после чего смежила вновь, не обнаружив ничего достойного ее внимания. Примерно так же вели себя и остальные цапли, игнорируя ничтожных, по их мнению, существ.

Следовало отметить, что цаплями эти птицы величались достаточно условно, как, впрочем, и многие другие. Не разбираясь в здешней биологической классификации, Джулиан называл растения и животных в соответствии с их внешним видом. Короче говоря, на кого они походили из его Вселенной, такого наименования и удостаивались. А если не походили вовсе, то им присваивалось первое же попавшееся прозвище. "Цапли" и впрямь обладали характерными для них чертами, разве что оперение им заменяла пластичная чешуя, на голове имелся петушиный гребень, а шипели они не хуже Василиска, на которого смахивали не только глазами ящера, но и пронзительным взглядом. Как выяснилось, этот взгляд действительно должен был заставить добычу окаменеть, но у цапельного творца что-то не заладилось. Когда же он разобрался, в чем загвоздка, его перевели на другой участок, настоятельно рекомендовав сей эксперимент не продолжать.

О цаплях Джулиану поведал Гизмунд. Из-за некоторой незавершенности этих птиц привлекала Радужная вода, приносимая от пресловутого водопада. Конкретно туда они не летали, считая

тамошний ареал неподходящим. Здесь, на лесной делянке, они чувствовали себя куда привольнее в окружении тихих полуживых деревьев. Да, полуживых. Гизмунд признался, что пытается вдохнуть в подобие своей семьи полноценную жизнь, но единственное, чего он по-настоящему достиг — это обзавелся компанией из шипящих цапель. Впрочем, обычно они вели себя сдержанно, не мешая хозяину холма, поляны и пруда заниматься своими делами.
— А почему у вас не получается? — поинтересовался Джулиан, стараясь не задеть чувства жемчужно-хрустального друга, но сгорая от желания услышать немаловажные для него подробности.
— Полагаю, вы уже кое-что слыхали на этот счет, — грустно прошелестел Гизмунд. — Чтобы осуществить мое желание, я должен стать более развитым. Но я не стану таковым, пока не отпущу искусственное прошлое. Оно держит мой разум в незримых границах, не позволяющих ему расшириться и овладеть новыми возможностями. Проблема в том, что это ДЛЯ НИХ мое прошлое — искусственное. Для лурианцев. А для меня оно более чем реальное. Уж как бы там ни обстояло дело с симуляцией.

Гизмунд попал в самую точку. Для Джулиана его дочери тоже были живее всех живых, и отказываться от них просто потому, что это кого-то не устраивало, он приемлемым не считал.
— Поэтому вы и ходите к Синотее? — уточнил он, складывая в уме мозаику.
— Именно, — качнул кроной Гизмунд. — Я пользуюсь ее силой в своих целях. Она не возражает. Тем более я все равно не особо преуспеваю.
— А сама Синотея не пробовала что-нибудь такое? — усомнился Джулиан.
— Конечно, пробовала. Многие из нас пробовали, — потоптался корнями Гизмунд. — Только она давно оставила эти попытки. И двинулась дальше. Ее растущий разум более не придает призракам прошлого никакого значения. А я — придаю. Поэтому я здесь, а она — там. И скоро покинет Колыбельную Локализацию. Жаль, я буду по ней скучать.
Внезапно в его кроне промелькнула белка. Подхватив один из хрустальных шаров, она перемахнула на ближайшее дерево и принялась сосредоточенно изучать добычу. Джулиан и спросить ничего не успел, как шар внезапно раскрылся и оттуда вылетел яркий огонек. Покружив вокруг ошеломленной белки, он плавно проплыл над прудом и устремился в небо.
— Моя жизненная энергия, — пояснил Гизмунд. — Поскольку я ношу Радужную воду, у меня ее переизбыток. Воплотить ее во что-то очень затратное не получается, вот она и выходит таким при-

мечательным образом. Раньше-то я так давал семена.
К ногам Джулиана упал еще один хрустальный шар.
— Берите, берите, — прогудел Гизмунд, уловив его эмоциональные колебания. — Авось для чего и пригодится. Может, оживите того синеглазого кота, про которого рассказывали, или еще кого-нибудь.

Дельфинов в озере у Синотеи не водилось, однако в осьминогах и черепахах недостатка не ощущалось. Как оказалось, самую крупную Джулиан видел и прежде, только путал с небольшим островом. Эта черепаха, чей панцирь покрывала лесистая растительность, дремала на отмели, не утруждая себя плаванием. Вот спруты плавать как раз любили, чем регулярно и занимались, когда не приклеивались к какой-нибудь поверхности. Один из них, молодой и чрезмерно любопытный, дополз до кромки волн и попробовал ногу Джулиана на ощупь. Затем, перебирая длинными щупальцами, засеменил в узкую бухточку и нырнул в подводный грот, оказавшийся зевом жемчужной раковины. Причем с громадной жемчужиной. Зевнув, раковина затворила пасть, но спрут благополучно просочился через неровности ее прикуса и был таков.
— Повезло, — усмехнулся Джулиан. — Могли и сожрать.
— Как это — сожрать? — изумилась Синотея.
Набежав на пляж, большая волна поднялась рядом с Джулианом и замерла, струясь и пенясь. На ее изогнутом гребне и восседала Русалка, устроившись будто на троне.
— Если вы еще не поняли, одна жизнь здесь не поглощает другую, — степенно пояснила она, наслаждаясь своей ролью наставника. — Органику — да, возможно, но один вид живых существ не выживает за счет поедания другого.
— Как же они тогда питаются? — опешил Джулиан, ибо этот аспект они с Элайей еще не обсуждали.

В основе взаимодействия лежала энергия. Ее излучали не только звезды и прочие источники волн. Одно живое существо могло источать энергетическое поле, которым подпитывалось какое-либо другое. То, в свою очередь, овевало жизненной силой третье, и это разнообразие не знало конца. Радужный водопад порождал живительную энергию в чистом виде, преобразовывая ее из пространственных колебаний. Стаи рыбок, кружившие в упорядоченном танце, помогали воплощать ее в различные формы жизни. В противоположность их тандему, губки и актинии впитывали то, что нигде не пригодилось, и возвращали обратно в пространство. Гармония мироздания заключалась в непрерывном перетекании энергии из одной формы в другую. При этом, никуда бесследно не исчезая, энергия могла прибавляться. Лурианцы на-

зывали это Рождением Красоты. Чего-то поистине совершенного во всем образе своего существования. И такое совершенство дарило больше, чем уходило на его созидание.

Иными словами, кровожадных хищников у лурианцев не водилось. Прежние давным-давно вымерли или эволюционировали, а новых просто не создавали, считая подобный обмен веществ варварским, жестоким и вообще недопустимым. Припоминая свои вкусовые пристрастия, Джулиан представил румяный стейк и немедленно устыдился. Заметив его пунцовый свет, Синотея осведомилась о причине, а узнав — рассмеялась. Оказывается, в своей симуляции она была той еще хищницей, и счастье Джулиана, что они прежде не встречались. Тогда белая акула или пираньи, о которых он успел ей поведать, показались бы ему безобидными аквариумными рыбками.

— Вот интересно, а на кой тогда тому крылатому льву зубастая пасть и острые когти? — почесал в затылке Джулиан, припоминая полосатое существо у гор.

— А на нем, случайно, не восседал мерколит? — уточнила Синотея. — Вы могли принять его за статую.

Точно! Вот почему наездник показался Джулиану каким-то странным! Он производил впечатление лурианца, но грубо вытесанного из груды сложенных вплотную камней. Большего Джулиан рассмотреть не успел, поскольку эта груда быстро исчезла из виду.

— Значит, вы с ним знакомы? — живо спросил он, жаждая узнать подробности.

— Вряд ли именно с ним, — поправила свой коралловый венец Синотея. — Мерколит — это не имя, — добавила она, заметив удивление собеседника. — Вы — человек. Я для вас — рыба. Он — мерколит. Так понятнее? Гизмунд — живое дерево, а он — живой камень. Точнее, одна из пород силикатов, оказавшихся восприимчивыми к зарождению разумной жизни.

Как уже упоминалось, лурианцы Извлекали из Юнисанциумов не только себе подобных, но даже и неорганические формы разума. Мерколиты как раз к таковым и относились. Как и Синотея, они совместили облик высших существ со своим привычным видом. В результате многие из них и напоминали статуи, выполненные несколько небрежно и угловато. Мерколиты не занимались своей собственной красотой — их интересовала красота подземная. Симуляцией Синотеи был океан. Живые камни вышли из глубин полой планеты.

Слушая о жителях гор, Джулиан постепенно распалялся. Когда Синотея закончила свое повествование, он прямо-таки воспылал желанием наведаться в их края. Интересно, вела ли туда ка-

кая-нибудь пространственная дверь? Наверняка ведь вела, иначе добираться на своих двоих придется очень и очень долго.
— Слетать, что ли, с вами? — задумчиво протянула Синотея. — У меня тут полно дел, однако и развеяться не помешает. Заодно прихвачу у мерколитов их Гранатовое Солнце. Есть у меня на его счет одна задумка.
— А? — не понял Джулиан.
Русалка звонко рассмеялась, воплощая вокруг себя хрустально поющие капли воды. Сунув два пальца в рот, она залихватски свистнула, да так, что у Джулиана зазвенело в ушах. Вода вдали забурлила. Сквозь ее толщу к берегу неслось что-то очень большое и при этом невероятно быстрое. Приблизившись к белому пляжу, оно остановилось и высунуло над волнами длинную стрелообразную голову.

Кальмар. Кто бы мог подумать, что подобное существо способно выступать в роли транспорта. ВОЗДУШНОГО транспорта! Забравшись ему на спину, Синотея потянула за собой Джулиана. Кальмар, тараща громадные пучеглазые очи, дождался, пока они устроятся поудобнее, а затем неторопливо взмыл высоко над озером. Поджав щупальца, с которых стекали струйки воды, он развернулся, следуя указаниям Синотеи, и резко выбросил их далеко назад, вытягиваясь длинной иглой. В глазах у Джулиана все аж смазалось. Рванув с места в карьер, кальмар в мгновение ока набрал огромную скорость и понес своих пассажиров через небесные просторы.

Прохлада, исходившая от тела Синотеи, приятно освежала грудь. Прижимаясь к ее спине, Джулиан постепенно осмелел и стал поглядывать вниз, поскольку горы оказались куда дальше, чем ему представлялось. Летя стрелой, кальмар прорезал облака, а внизу проносилась долина во всем многообразии своего ландшафта. Джулиан только и успевал разобрать серебристые ленты рек, блестящие на солнце озера, сочные луга и дремучие чащи, быстро сменявшие одна другую. Порой из глубины леса тянулись красивые высокие башни, а над бездонной водой выглядывал какой-нибудь таинственный купол. Несколько раз внизу промелькнули странные танцующие нити, напоминавшие прозрачную трубу с бегущей в ней молнией. Из чего-то похожего состояли и концентрические круги, равно как и загадочные, выложенные на равнине спирали. Что это было — Джулиан ни понять, ни даже рассмотреть не успел.

Серия болот сменилась песчаниками, а они, в свою очередь, полупустыней, где дымил глубокий, светившийся алым кратер. Затем земля подернулась туманом, сквозь который ничего было не

разобрать. Всматриваясь в смутные очертания, Джулиан свешивался все дальше, что и закончилось для него достаточно ожидаемым образом. Потеряв равновесие, он кувырнулся с кальмара и отправился в самостоятельный полет. А именно, размахивая всеми конечностями, с диким воплем пошел на вертикальное и очень скоростное свидание с землей.

Море тумана колыхалось совсем рядом, когда кальмар, нырнув из далеких облаков, подхватил Джулиана на спину. Синотея предложила ему прекратить орать, поскольку он ни на мгновение не был в опасности. Как максимум, разбилось бы его бренное тело, и то лишь потому, что Джулиан до сих пор не научился левитировать, а энергии его разума тут в принципе ничего не грозило.

— Вам легко говорить, — сипло изрек Джулиан, немного придя в себя. — Вы-то, поди, регулярно летаете.

— Наоборот — очень редко, и то сама. Фигги я позвала только чтобы вас прокатить, показать здешние окрестности. Обычно я пользуюсь дверями, — отозвалась Синотея.

Услышав свое имя, кальмар притормозил, вопросительно изгибая голову, отчего Джулиан едва не свалился вновь. Закричать он не закричал, но вцепился в свою провожатую так, что та ойкнула.

— Потише, тунику порвете, — миролюбиво произнесла она.

Коралловый венец очень шел к ее голубому одеянию, который Джулиан едва не пустил на лоскуты. Порозовев, он извинился и отпустил Синотею, но тут же вцепился в нее вновь. Сделав в воздухе пируэт, кальмар пошел на снижение.

Мерколиты занимались привычным делом. Пока разумные рыбы оперировали водой, а деревья — лесами, то есть заселяли поверхность долины, они активно осваивали ее недра. Обосновавшись в горах, живые камни возвели несколько наружных комплексов, после чего их шахты ушли глубоко в землю. Мерколиты проживали компактно, отчего и казалось, будто их гораздо больше, чем сородичей Гизмунда или Синотеи. Те предпочитали селиться поодиночке, периодически наведываясь друг к другу в гости. Мерколиты поддерживали более тесные социальные связи и действовали сообща, делая исключения для скаутов и редких отшельников. Именно поэтому их наземные строения обычно сбивались в небольшие поселки, где царило известное оживление. Впрочем, подлинная жизнь кипела у них под землей.

Джулиан никогда такого не видел. Впрочем, это относилось практически ко всему с момента Извлечения. Округлив глаза, он жадно глядел по сторонам, изучая громадный грот, которому не было видно конца. Его своды озаряли какие-то яркие грозди, сбивавшиеся в подобие кораллового рифа. Ниспадая одиночными

пиками, они испускали рассеянный гранатовый свет, озарявший все внутреннее пространство. Его интенсивности было вполне достаточно, чтобы создать в гроте атмосферу застывшего заката, когда солнце уже коснулось горизонта, но внезапно замерло, и замерло навсегда. И — главное — его было достаточно для здешней флоры и фауны.

С каменного, в кварцевых прожилках, потолка свисали настоящие живые гирлянды, увитые цветами. Переливаясь мистическими огнями, они источали тонкий аромат, привлекая полчища пещерных мотыльков. Порой эти гирлянды протягивались так далеко, что переплетались с высокими актиниями, тянувшимися им навстречу. Полоски актиний тоже испускали свет, как и венчик их щупалец, слабо колыхавшихся будто на легком ветерке. Фосфоресцировали и заросли исполинских грибов, наслаивавшихся друг на друга мясистыми шляпками. На них, самых разных цветов и формы, стелились колонии мха, откуда росли густые кусты и даже небольшие древесные рощицы. Само собой, кусты и деревья произрастали и среди камней, особенно возле журчавших ручьев и глади водоемов. Там изобилие мхов достигало апогея, а крошечные грибы расползались целыми плантациями.

Среди растительного изобилия имелись и образчики архитектуры. Мощеные дорожки, целой сетью тянувшиеся через грот, вились промеж исполинских валунов и выводили к тому или иному строению, о предназначении которых Джулиану оставалось лишь гадать. Изучая ближайшее из них, похожее на склад пополам с колокольней, он оперся на большой шероховатый камень, покрытый наростами грибковой плесени. Камню это не понравилось. Придя в движение, он развернулся в медведеподобное, отливавшее медью существо. Выразив Джулиану свой ворчливый протест, пятнисто-заплесневелый медведь распустил сыпучие, но не рассыпавшиеся крылья и грузно улетел прочь. Отняв руку от сердца, которого у него, в общем-то, теперь и не было, Джулиан увидел статую лурианца, с которой уже беседовала Синотея.

Как оказалось, эти двое были давно знакомы. Во всяком случае, по меркам Джулиана, который пока не понял, каким образом у лурианцев устроена мера времени. Когда юная Синотея только покинула Колыбель, взирая на дивный новый мир, Оо-т-Ир — как звали этого мерколита — уже перекопал в сотню раз больше породы, чем за всю свою жизнь в симуляции. А та была очень и очень долгой. Борьба за выживание осталась в прошлом, отчего производительность разумного силиката невероятно выросла. И он, работая не покладая рук, посвятил ее созданию подземных красот. В принципе, тем же занимались и другие мерколиты, но Оо-т-Ир за-

правлял биологическим разнообразием глубин. Не то чтобы он сам воплотил все эти грибы, актинии и цветущие гирлянды — его заботило сотворение благоприятных для них условий. Пока другие мерколиты прокладывали тоннели и обустраивали исполинские гроты, он совершенствовал Гранатовое солнце и Колокол пустоты.

Солнце состояло из кристаллических кораллов, объединенных в единую структуру. Росли они медленно, но результат стоил затраченных усилий. Собираясь в потолочные рифы, они испускали струящийся свет, даривший энергию всему живому, включая самих мерколитов. И чем больше становился риф, тем ярче он сиял, порождая настоящие джунгли всевозможной растительности.

Колокол выполнял схожую роль, но по-другому. Гранатовое солнце светило постоянно. Колокол ударял время от времени, вызывая мощную всепроникающую волну. Волну не столько звука, сколько энергии. Возмущение, которое он производил в пространстве, вызывало энергетические сполохи, причем где угодно, даже в толще породы. Оттого он и именовался Колоколом пустоты, что творил все из условного ничто. Один его удар — и для всего живого словно проходил долгожданный ливень, вызывая бурный, взрывообразный рост цветов и побегов. С другим же ударом следовало хорошенько обождать, ибо чрезмерный полив уже не насыщает, а убивает растения, да и не только. Ведь подземная фауна тоже подпитывалась за счет колокольных волн, а избыток энергии приводил к тому, что животные начинали носиться как угорелые, а то и вовсе взрывались, в прямом смысле слова.

Здание, куда Синотея привела Джулиана, не случайно напоминало колокольню. Частенько Оо-т-Ир находился именно там, совершенствуя свое детище, когда не кружил под высокими сводами, проверяя, как растут Гранатовые солнца. Он как раз собирался сделать запланированный удар, когда его внимание привлекло появление двух гостей.

Расшаркавшись с новым знакомым, Джулиан выразил желание взглянуть на Колокол поближе. Оо-т-Ир не возражал. Пригласив гостей войти, он провел их через холл, набитый моргавшей огнями аппаратурой, и стал подниматься по лестнице. В ее исполнении особенно ощущался стиль мерколитов. Фактически, она представляла собой витой желоб, в центре которого располагалось углубление со ступеньками. Направляясь вверх, мерколиты опирались на них наиболее подходящей конечностью. Вниз же просто скатывались. Впрочем, холл занимал Джулиана больше. Он заподозрил, что мигавшая аппаратура имела живую основу, и непременно вернулся бы обратно, если бы не довлевший интерес к Колоколу.

Пока они поднимались, Джулиану удалось расспросить Оо-т-Ира о крылатом льве, птицах и каменном медведе. Как обычно, все оказалось проще некуда. Извлеченные Модели учились новому, воссоздавая привычную им среду. Там, в своем Юнисанциуме, сьютов, то есть хищных львов, мерколиты приручили и использовали для путешествий в горах. Хохлатые птицы служили им дозорными, а каменные медведи кем-то вроде сторожевых собак.
— А крылья им зачем? — уточнил Джулиан.
— А как вообще жить в горах без крыльев? — удивился Оо-т-Ир.
Услышав о горных баранах, скачущих с уступа на уступ, снежных барсах и других животных из Вселенной людей, он очень изумился, доселе не представляя, что такое вообще возможно.
— У вас был прямо не мир, а сплошной набор запредельных трудностей, — заметил он, попросив как-нибудь воплотить для него архара или ирбиса.
— Знаю. Мне это уже говорили, — довольно мрачно произнес Джулиан.

Колокол пустоты напоминал камертон, хотя вроде бы ничего общего с ним не имел. В реальном мироздании, по меркам Моделей из Юнисанциумов, вообще хватало оксюморонов. На основании, выполненном из какого-то загадочного сплава, возвышались две длинные перевернутые воронки. Они непрерывно кружились, но состояли не из воды, воздуха или какой-либо иной субстанции, а из самого пространства, искривлявшегося в быстром вихрившемся течении. Удар в Колокол означал тот момент, когда эти воронки ненадолго соприкасались, производя волну строго заданной частоты. И ее можно было услышать. Звук, озарявший сознание лурианца, состоял из одной-единственной ноты, очень насыщенной, всепроникающей и бесконечно прекрасной. Проходя сквозь все и вся, он и вызывал возмущение в пространстве, порождавшее мощные энергетические всплески. Абсолютная пустота, мгновенно наполненная этим уникальным звоном, была способна произвести материю или даже жизнь.

Джулиан не мог не отметить, как отреагировала на удар Колокола Синотея. Вокруг нее будто закружился призрачный водоворот, наполненный рыбками, цветущими водорослями и пенными гребнями. Видение быстро исчезло, а Синотея как-то по-особенному взмахнула руками, словно вновь дирижировала стаей Радужных рыбок. За окном колокольни громыхнуло. Глянув наружу, Джулиан пораженно наблюдал, как под сводами грота стремительно расползаются грозовые тучи. И вот уже в них засверкала молния, а сизые клубы разразились проливным дождем.
— Ваша водичка нам очень даже пригодится, — удовлетворенно

прокомментировал Оо-т-Ир, наблюдая, как через грот протянулась дуга огромной радуги. — Чем я могу быть полезен взамен?
— Гранатовое солнце. Я знаю, как его трудно и долго растить, но мне хотя бы немного, — попросила Синотея.
— Хорошо. Для вас, по старой дружбе, у меня найдется, — согласился живой силикат.

Заполучив желаемое, Русалка не бросила Джулиана, а ходила с ним до самого конца подземной экскурсии. С ней, впрочем, особо не затягивали. Памятуя, что имеет дело с новичком, Оо-т-Ир ограничил его впечатления, взвешенно подходя к подаче информации. Той, впрочем, Джулиану и так хватило с лихвой на долгие и продолжительные размышления. Чего только стоила одна мысль о полноценном подземном мире, ничуть не уступавшем миру наземному или даже космическому. Или о том, какие еще чудеса скрывались под земной толщей, пока он гуляет по цветущим лесам долины.

Обратно лететь не пришлось. Как оказалось, Синотея сразу же отправила своего Фигги в домашнее озеро. Сама же показала Джулиану ближайшую Пространственную дверь, которую, кстати говоря, на понятном ему языке здесь именовали Луч. В известном смысле, эти Лучи пронизывали все мироздание, и, входя в дверной проем, лурианец перелучался из одного заданного места в другое.

— Надо же, как у них там все обустроено! — заметил Джулиан, когда они расставались у знакомого фонтана. — Интересно, как долго все это создавалось?
— Очень долго, — ответила Синотея. — Я уж не стала говорить при Оо-т-Ире. Да, эти ребята — трудолюбивые мастера, но именно из-за этого они в Колыбельной Локализации и застряли. Точнее, не то чтобы застряли, как бедняга Гизмунд. На пути развития лурианца они дошли до очень высокой стадии, но дальше, сосредоточенные на устаревших задачах, продвигаются очень и очень медленно. Если вы заметили, мы вроде бы все теперь лурианцы, но их обычно величают именно мерколитами. Они продолжают совершенствовать то, что уже не имеет особого смысла. Сотворяя немалое количество, они слишком неторопливо преобразуют его в качество. Впрочем, Гранатового солнца и Колокола пустоты это не касается. В Институте Моделирования Разума их очень ценят.
Поправив за спиной малахитовый кузовок, в котором покоилось подаренное Оо-т-Иром Гранатовое солнце, Синотея сделала ручкой и упорхнула. Да, именно упорхнула, поскольку, в отличие от Джулиана, давно освоила самостоятельное перемещение в пространстве. Обратив ноги в рыбий хвост, она лавировала им будто

в речном потоке и неслась с такой скоростью, что быстро скрылась из виду. Завистливо вздохнув, Джулиан шагнул в Луч, клубившийся световой дымкой в центре фонтана, и направился в свои апартаменты. Ему предстояло многое усвоить и еще больше — сделать.

* * *

Было просто поразительно, как долго откладывалась тема Извлечения. Занятый то одним, то другим, Джулиан постоянно на что-нибудь отвлекался, отчего и не приставал к Элайе с соответствующими расспросами. В конце концов, он ведь уже здесь, Извлеченный из Юнисанциума, который, в свою очередь, давно канул в лету. Прояснение вопроса, отчего лурианцы выбрали именно его, мало что меняло, исключая собственный интерес. И все-таки Джулиан вернулся к нему не только из любопытства. В какой-то момент в этом возникла определенная необходимость. Чтобы продолжать свою работу, он должен был точно знать критерии, по которым Модели из симуляций проходили отбор.

— В каждом случае решение принимается индивидуально, — неторопливо ответила Элайя.

По достоинству оценив успехи Джулиана, она уже собиралась удалиться, как тот спросил ее прямо в лоб. Спросил так, что стало ясно — не добившись желаемого, отпускать ее он явно не собирается.

— Но есть же какие-то общие черты? — допытывался Джулиан.

— Общие — это по части Оператора. Нас, Кураторов, привлекают в последнюю очередь, — напомнила Элайя.

— А не вы ли мне говорили, что практически все лурианцы обладают едиными знаниями? — в свою очередь напомнил Джулиан.

— Отсюда вроде как проистекает, что без разницы кого спрашивать.

— Да, это так, — усмехнулась Элайя. — Однако обычно за разъяснениями обращаются к профильному специалисту. Свою тематику каждый из них подаст куда лучше. С другой стороны, я и впрямь могу удовлетворить ваше вполне законное любопытство. Итак…

Сны и вода. Кто бы мог подумать! Вода, с которой Джулиан прекрасно ладил как с родной средой, и сны, представавшие будто видения другой жизни. Как оказалось, так оно и было!

Сами по себе реки и озера никакого отношения к Извлечению не имели. Все заключалось в ощущении. У Модели, интуитивно дружившей с их стихией, развивалось специфическое чувство, похожее на то, что испытывал лурианец, способный напрямую

взаимодействовать с вездесущим океаном энергии. Тот, кто был положительно восприимчив к колыханию водяных волн, обладал восприимчивостью и к колебаниям волн незримых. Опасная среда, подсознательно определяемая как дружелюбная, с одной стороны была очень коварной и грозила Модели физической гибелью. Чем, кстати говоря, частенько и заканчивалось. С другой, она наглядно демонстрировала ее лурианскую предрасположенность, отчего и вызывала соответствующее к себе отношение. Этим и объяснялся некоторый биологический парадокс, когда Модели, обязанные ощущать прямую угрозу, испытывали от штормящего моря едва ли не эйфорию. И уж точно испытывали подобное в объятиях спокойной воды, полеживая на ее облегающем лоне.

Энергетический океан пронизывал все мироздание. Точнее, все мироздание состояло из океана энергии, либо это и вовсе было одно и то же. Материя и вакуум, вещественное и невещественное — все происходило, наполнялось и видоизменялось в волнах его бескрайнего простора, незримо колыхавшегося каждое мгновение, и каждое же мгновение реагирующего даже на самые микроскопические изменения. Лурианцы не видели его так, как Смещения, ибо никто не видел, но они его чувствовали. Чувствовали, как кожа солнечный свет или дуновение ветра, как пальцы сыпучий песок или клавиши пианино. Лучше всего их ощущение описывала именно вода, в которой им было бы привольно как пресловутым рыбам. Однако лурианцы не просто касались упомянутых клавиш — они заставляли пианино звучать, и звучать так, как им было угодно. Рыба, какой бы она ни оказалась развитой и умной, в воде просто обитает, как в своей родной стихии. По велению лурианцев эта стихия принимала любую форму.

Что же касалось снов... Юнисанциумы были максимально изолированы от воздействия реального мироздания, но не от Оператора или друг от друга. Последнее, в частности, проявлялось в параллельных Вселенных. То есть таких, которые находились в тех же трехмерных координатах, но в Смещении. Видя необычный сон, иная Модель на самом деле наблюдала не плод собственного воображения, а фрагмент из жизни своего другого воплощения в другом мире. И это воплощение могло жить как похожей, так и совершенно отличной жизнью, выражавшейся не только в физической внешности, но и положении в обществе, месте действия, а порой и историческом промежутке. Вроде бы привычные предметы, окружение или прочие вещи зачастую носили абстрактный характер, однако не ввиду ошибок сонного восприятия, а потому, что именно таковыми они были ТАМ. Природа параллельных Юнисанциумов носила как схожий, так и существенно отличав-

шийся характер, а сны отражали это напрямую, без искажений или прикрас.

Вид не из собственных глаз, а откуда-нибудь со стороны был связан с трансляцией Оператору. Фактически, восприимчивая Модель видела направленный ему поток, а односторонний или двусторонний — без разницы. Последний подразумевал определенное вмешательство лурианцев — например, общение с Куратором, — в то время как первый заключался в обычном наблюдении. Парение над собственным телом, упоминавшееся при клинической смерти, носило системный характер. В том смысле, что сознание Модели смотрело на происходящее не своими органами чувств, а через управляющую систему Юнисанциума, решавшую, что с ним делать дальше.

Как правило, сны Модели имели индивидуальный и несвязанный характер, но бывало и так, что они получали продолжение с теми же действующими лицами или в том же периоде истории. Звучавшие в них имена и названия были подлинными. Иногда это позволяло предвосхитить, как станут развиваться последующие события, только сообщить о своей догадке в ТАМОШНЮЮ Вселенную Модель какой-либо возможностью не обладала. В своей же — совсем другое дело.

"Вещие" сны заслуживали отдельного упоминания. В этом довольно редком случае Модели удавалось "подсмотреть" замысел Оператора, который ее сознание трактовало по-своему, воплощая в понятную для себя форму. Отсюда и происходили так называемые ясновидящие, пророки и прочие обладатели "дара предвидения", когда они не были банальными шарлатанами или жертвами собственных фантазий. Индивиды, наделенные столь уникальной чувствительностью, представляли наибольший интерес и вместе с тем были источником повышенной опасности. Получив не предназначенную для них информацию, они могли сорвать намерения лурианцев, а то и вовсе поставить весь Юнисанциум под угрозу. При особо неблагоприятном развитии событий вставал вопрос об их досрочном Извлечении.

Насыщенность снов характеризовала степень проникновения в Смещение. Чем большую они носили детализацию, тем увереннее Модель умела выходить за пределы своего трехмерного мира. Звуки, запахи и температура окружающей среды указывали на практически идеальное восприятие соседствующей фазы. Если оно было таким, что становилось неразличимо с собственной реальностью Модели, ее возможность оперировать Смещением сомнению не подлежала.

Подводя итог, можно было твердо обозначить признаки, по

которым система, непрерывно анализирующая любое событие в симуляции, привлекала внимание Оператора. Умение воспринимать параллельные Вселенные де-факто означало восприимчивость к Смещению, а предрасположенность к волновым колебаниям в пространстве особенно наглядно характеризовало отношение к водной среде. Эти две особенности и служили отличительными чертами, без которых кандидатуры на лурианца даже не рассматривались.

Однако мало подходить как пригодный материал, обладающий желанными физическими свойствами. Сознательная деятельность тоже оценивалась по нескольким критериям, часть из которых Элайя уже упоминала. Предпочитая яркую индивидуальность в противовес безликому коллективу, лурианцы, тем не менее, высшей добродетелью считали не просто совершенную красоту, но красоту ради других. В глазах многих Моделей их социум выглядел как общество разрозненных эгоистов, однако это говорило лишь об ограниченности восприятия самих Моделей. Лурианцы представляли собой творцов, только творили они не лично для себя, в угоду собственному величию и ненасытному эго, а исключительно ради окружающих. Звезда, зажженная в небе, служила не памятником чьему-то персональному мастерству, а дарила свет и жизнь мастерству других.

Проекты Джулиана Слайдертона носили не только художественно оригинальный, но и лурианский характер. Воплощая свои архитектурные идеи, он стремился к совершенству в красоте, удобстве и рациональности единовременно, то есть достижения полной гармонии во всех проявлениях сразу. И стремился не ради собственной славы, но исключительно на пользу общества. Его работы призывали не восхищаться их создателем, а черпать и развивать новые идеи. Выставляя их в открытую, Джулиан желал быть не единственным на все времена уникумом, но первопроходцем, прокладывающим дорогу остальным. Сильнее всего это выражалось в его последнем проекте, который мог поставить симуляцию на грань разоблачения. То, что нащупал Джулиан, позволяло обернуть враждебный людям мир им во благо. Здание, возведенное против зловредных законов физики, в определенном сплетении их противоречий внезапно становилось не просто эффективным и надежным, но и отправной точкой для дальнейших нетрадиционных решений. Любой толковый ученый, математически просчитавший невозможный, но реально существующий парадокс, пришел бы к очень неожиданным для себя выводам. Они-то и грозили осознанием того, что Вселенная человечества — искусственная. И Лурианцы не могли этого допустить, окончательно со-

чтя Джулиана Слайдертона достойным Извлечения.

Осталось прояснить лишь один момент. В целом, Элайя достаточно подробно ответила на вопрос своего подопечного. Выслушав ее более чем внимательно, тот выглядел вполне удовлетворенным, ограничившись несколькими небольшими уточнениями. Потребность в большом уточнении возникла вполне закономерно, когда он усвоил полученную информацию и сделал из нее выводы.

— С условиями для Извлечения — ясно. А каковы мотивы? — выразительно поинтересовался Джулиан.

— Я же говорила, что так мы пополняем свои ряды, — удивилась Элайя.

— Видимо, я неправильно сформулировал. КЕМ вы меня видите в этих своих рядах? — уточнил Джулиан.

— А, вы об этом, — протянула Куратор. — Что ж, должна признать, ответить на такой вопрос будет несколько сложнее.

Извлеченная Модель подходила на кандидатуру лурианца в принципе. Каким же именно лурианцам она в итоге становилась — наверняка никто утверждать не мог. Изначальная предрасположенность ничего не гарантировала. К примеру, гениальный композитор не обязательно творил именно музыкальные симфонии Вселенной, расходившиеся по ней животворящими волнами. Могло получиться так, что его подлинным призванием оказывалось создание новых звезд или иных источников энергии. Это относилось и к выдающемуся ученому, чей талант выращивать сады внезапно раскрывался куда ярче всей его научной деятельности. Джулиан Слайдертон был архитектором, однако в первую очередь он был творцом. Да, от него, конечно, ожидали поиска гармонии именно в его профессии, но по факту он мог внезапно раскрыть в себе совсем другую стезю. Ту, что приведет к шедеврам не в виде зданий, а воплощении жизни. Или чему-нибудь еще.

— Иначе говоря, ваш подлинный дар проявится по мере того, как ваше сознание будет расти и учиться, становясь настоящим лурианцем, — закончила Элайя. — Симуляция ограничивала вас определенными условиями. Вы проявили себя талантливым архитектором, но, быть может, ваше истинное призвание заключалось в чем-то ином, а вы даже не догадывались. Не знали потому, что так сложилась ваша жизнь, не дав вам на это надлежащего шанса. Таким образом, вы можете оказаться кем угодно, и даже я, со всем своим немалым опытом, не в состоянии утверждать что-либо наверняка.

— Но ведь у вас есть какие-то догадки? Догадки о моей наиболее вероятной предрасположенности? — не унимался Джулиан.

— Что ж, извольте, — помедлив, сказала Элайя. — Ваш макет, без-

условно, хорош. Вы потрудились над ним на совесть, и продолжаете трудиться. Однако вон тот сиамский кот, сотворенный отдельно от всего остального, теперь качественно лучше любого из ваших зданий. И это наводит на определенные размышления.
Тут же раздавшееся "мр-р-р-мяу" означало, что упомянутый зверь разделяет это предположение. Ну, либо что-нибудь еще. Например, жажду внимания. Отмеченный Элайей, синеглазый кот тут же подбежал к ее ногам и принялся тереться о них с самым умильным видом.

Да, в создании кота Джулиан основательно преуспел. Когда-то тот только и умел, что шевелить хвостом, жмуриться и мурлыкать. Его нынешнее воплощение не шло с этим ни в какое сравнение. Более того, оно не шло в сравнение даже с типичным котом из симуляции Джулиана, успев перешагнуть его в развитии. Это был не просто кот — это был УМНЫЙ кот, обладавший собственным характером. Обычно ласковый, он мог показать и норов, если к нему лезли сюсюкаться в неподходящее время или будили. Насчет сна, впрочем, Джулиан дал маху. Предполагалось, что это пережиток более примитивного существа, вынужденного часть жизненного цикла отдавать особенностям физиологии. К такой же ошибке можно было отнести и охотничий инстинкт котяры, которого, кстати сказать, звали Сеймур. Джулиан как-то упустил из виду, что мышей в реальном мире не едят, да и птичек на перья не расфуфыривают. Правда, его было трудно в этом винить. Он же только осваивал воплощение живого существа, к тому же строго по детской памяти. Впрочем, благодаря именно ей кот и вышел невероятно правдоподобным. Охотником. К счастью, именно в живой добыче он потребности не испытывал, поэтому Джулиан выпутался за счет убедительных, но синтетических мышей и птиц. Сеймур гонялся за ними с превеликим азартом, а когда ловил, то подолгу играл в классические "кошки-мышки", пока не отправлялся блаженствовать на боковую.

— Здесь только часть моей заслуги, — самокритично признался Джулиан. — Без Радужной воды Синотеи и жизненной энергии Гизмунда ничего бы не вышло.
— Не стоит себя недооценивать, — нравоучительно произнесла Элайя. — Лурианцы никогда не отказываются от помощи. Даже если шедевр создается не без усилия других, заслуга его творца все равно первична и неоспорима. Художник, написавший прекрасное полотно, мог пользоваться чьими-то великолепными красками, да и отличные холст с кисточкой вряд ли сделал сам. И кто-то или что-то служило ему натурой. Скульптор тоже не собственноручно изготовил свой резец, а уж мрамор и вовсе выбрал гото-

вый, созданный кем-то другим. Однако это ничуть не умаляет достоинства их творений, равно как и авторства.
Джулиан счел ее слова очень лестными, тем более что Гизмунду и Синотее кот очень понравился. Первому он показывал его объемное изображение, а вторая сама наведывалась в гости и видела все своими глазами.
— Итак, повторюсь. Ваше мастерство в воплощении жизни довольно примечательно, учитывая, что вы тут совсем недавно, — очень серьезно сказала Элайя. — И лично я уже отнюдь не уверена, что ваше призвание — архитектура.
Наклонившись, она погладила Сеймура, игриво прикусившего ее за палец, после чего наконец-то удалилась, оставив Джулиана размышлять над услышанным.

К восходу розовой звезды, второй из трех, объявилась Синотея. Занятый своими делами, Джулиан забыл ее проведать, поэтому она явилась сама. Перелучившись в его апартаменты, она покрутила головой и прошла на террасу, услышав доносившиеся оттуда звуки. Джулиан был там. Отпуская ругательства, он наседал на край навеса, увитый пышной цветущей зеленью. Протянувшись вдоль ажурной лепнины, зелень извивалась и гнусно шипела. Озадаченно изогнув брови, Синотея всмотрелась в непокорную флору и все поняла.

В переплетении крепких стеблей, составлявших живую гирлянду, имелся еще один, тоже в цветах и листьях, но с острыми зубами и раздвоенным языком. Раскрывая пасть, этот стебель издавал угрожающие звуки и норовил куснуть Джулиана. Растительная сетка, в которой он основательно запутался, не позволяла ему сей агрессивный маневр, а Джулиан, в свою очередь, не мог уничтожить гибрид змеи и плюща, не уничтожив заодно и все окружающее. Сфокусироваться на извивающемся чудище у него не получалось, а стереть красивое место целиком было банально жалко. К тому же навес относился к конструкции Института, а тот был явно против столь радикальных преобразований. Таким образом, ситуация выглядела довольно тупиковой, однако ни змий, ни Джулиан отступать не собирались.

— Развлекаетесь? — осведомилась Синотея, поставив на круглый мраморный стол какой-то большой, забранный тканью предмет.
Приблизившись к противникам, она легонько отстранила Джулиана и протянула руку к змее. Та немедленно успокоилась. Высвободив кольца из густой растительности, она переползла на Синотею и обвила ее шею наподобие ожерелья. Прикоснувшись к ней ладонями, Синотея сверкнула глазами. Повеяло водной свежестью, а в

воздухе заискрили мельчайшие алмазные капельки. Змея окончательно успокоилась, а ее вид стал миролюбивее некуда. Цветы, торчавшие у нее за ушами, распустились не хуже майских бутонов, а листья, увивавшие тело наподобие чешуи, перестали топорщиться и улеглись в красивый узор.
— Зачем вы ее сотворили? — озабоченно осведомилась Синотея. — Не думала, что это в вашем стиле.
— И не собирался, — буркнул Джулиан. — Я хотел создать красивую витую гирлянду для спальни, чтобы цвела и кружила как заводная.
— Чего? Какой спальни? — откровенно не поняла Синотея.
— Ну, для моего макета. Я в тамошних домах квартиры украшаю, — поспешно пояснил Джулиан. — Мне пока проще делать все в натуральную величину, а уже затем уменьшать, нежели сразу воплощать что-то очень маленькое.
— Поняла, — улыбнулась Синотея. — Тогда, если вы не против, змею я заберу с собой. Кусаться она больше не станет, а в лесу ей будет привольнее. Надеюсь, мой подарок компенсирует вам эту утрату.
Повинуясь ее жесту, помесь флоры и фауны перекочевала с шеи на пояс, которому и уподобилась, трижды обвившись вокруг талии. Вернувшись к мраморному столу, Синотея потянула за край тонкой темно-серой ткани. Заструившись промеж ее пальцев, шелк немедленно опал и явил взору пузатый тонкостенный аквариум из тонкого хрусталя. Внутри, кружа возле кораллового куста, резвилось около дюжины миниатюрных Радужных рыбок.

Это была уменьшенная версия тех рыб, которые помогали Синотее творить новую жизнь. Уменьшенная, но не бесполезная. Во-первых, они все равно выглядели очень красиво. Во-вторых, рыбки умели излучать энергию. Не свою, разумеется, а ту, что проявлялась в воде, пронизанной мировым океаном энергии. Вода как бы становилась проводником, а Радужные красавицы — катализатором.
— Учитывая ваш энтузиазм в создании живых существ, я буду рада, если вы оцените этих милых крошек по достоинству, — пропела Синотея, пододвинув аквариум к лучу света.
Упав на коралл, он ярко подсветил его не хуже лампочки. Рыбки закружили еще шустрее, излучая насыщенный радужный спектр. Джулиану они очень даже понравились, но вот Сеймур их точно оценил. Подкравшись тихой сапой, он запрыгнул на стол и немедленно проявил к аквариуму неподдельный интерес. Усевшись вплотную пузом, он глянул на поверхность сверху вниз и тут же сунул внутрь правую переднюю лапу. И тут же отдернул, морщась

и встряхивая. Да, кальмары вроде Фигги в этом мире не только плавали, но и летали, однако Сеймур унаследовал кошачьи привычки из симуляции Джулиана, и любовь к воде в них не входила. Стайка рыбок разволновалась и закружила пуще прежнего, чем немедленно спровоцировала кота на вторую попытку. А потом на третью, четвертую…

Убедившись, что ее маленьким друзьям ничего не грозит, Синотея откровенно забавлялась. Провальные потуги Сеймура выглядели невероятно уморительно. Нагибая ушастую башку то так, то эдак, кот даже нос себе от усердия облизывал, но лапа, неизменно намокая, моментально отдергивалась назад. В конце концов, Сеймур и сам основательно промок, начерпав зловредную жидкость на грудь и в уши. Сердито фыркнув, он степенно удалился — зализывать боевые раны и придумывать план мщения.

— Вот чего я никак в толк не возьму, — протянула Синотея, подытоживая эту комическую сцену. — Как вы умудрились сотворить такого замечательного котика при том, что до сих пор лажаете с простыми растениями? Змейка не даст соврать.

Змея, уже проникшаяся к новой хозяйке, согласно кивнула головой. Джулиан же только руками развел. Своя теория у него была, но он предпочитал держать ее при себе, имея на то определенные основания.

В принципе, основой для эскалации событий послужила банальная ошибка. Впоследствии Джулиан намеренно стал соваться куда не просят, но в самый первый раз он просто глубоко задумался и ошибся дверью. Пространственной дверью. Направляясь к мерколитам, он прошел немного дальше нужного Луча и поначалу даже не понял, что произошло.

Вокруг было темно. Решив, что в исполинском гроте зачем-то выключили свет, Джулиан сделал несколько шагов и остановился, озираясь. Несмотря на свою яркость, дверной проем озарял только ближнее пространство, да и то самую малость. У лурианцев какой-либо объект вполне мог быть очень светлым и при этом практически не освещать ничего вокруг. В симуляции Джулиана свет подразделялся по длине волны, а в реальном мире делился еще и по принципу природы. К примеру, Луч мгновенно переносил лурианцев куда угодно, но в качестве лампочки для комнаты решительно не годился. Он светил, но не освещал и даже не оттенял.

Присмотревшись, Джулиан заметил слабые искорки, видневшиеся где-то в темноте. Там, сям, и вообще довольно много где, но в основном вдали. Предположив, что это фосфоресцируют цветы, грибы и лишайники, Джулиан неторопливо прошел вперед, высматривая дорожку, и внезапно коснулся лицом чего-то тугого,

но податливого. От неожиданности он отпрянул, заподозрив, что вляпался в гигантскую паутину, сплетенную одним из обитателей пещер. Резкое движение произвело обратный эффект. Запнувшись, Джулиан качнулся, взмахнул руками и, пытаясь удержать равновесие, сделал стремительный шаг вперед. И тут же, пройдя сквозь какую-то оболочку, очутился в чем-то очень мокром и холодном. Очутился целиком и полностью, от макушки до пят. Там, за чем бы это ни было, находилась вода.

Испуг заставил Джулиана пережить несколько крайне неприятных мгновений. Их пережил бы любой, кто внезапно очутился на дне океана, в толще темных леденящих вод, и еще не забыл опыт прошлой жизни в симуляции. Вопя и трепыхаясь, он ударился в панику, отчаянно загребая руками. Пинать неумолимого врага было совершенно бесполезно, однако беспорядочные движения ногами развернули тело в другую сторону. Сумев сориентироваться, Джулиан ринулся на свет Пространственной двери. Упругая субстанция впустила его так же, как и выпустила, и он, проливая потоки воды, свалился обратно на сухую площадку.

Привлеченная движением, откуда-то приплыла огромная рыба. Ну или что это вообще было. Похожая на акулу-молот, она изучала Джулиана россыпью глаз, собранных в виноградные кисти на длинных, как у краба, подложках. Акула фосфоресцировала. Когда к ней присоединилось еще несколько крупных рыбин, то совместными усилиями они достаточно осветили окрестности, чтобы Джулиан понял, где находится.

Океан не океан, но это было подводное дно, куда вел один из Лучей. Вероятно, на большой глубине, поскольку тепло и свет с поверхности сюда не проникали. Пространственная дверь вела на маленькую круглую площадку, окруженную чем-то вроде воздушного пузыря. Лурианец проходил сквозь него беспрепятственно, а вот вода не протекала, оставаясь там, где ей и полагалось. Там же плавали глубоководные рыбы, лавируя между песчаных дюн и дремучих зарослей темных, в мерцавшую крапинку, водорослей. Не обошлось и без головоногих. Пока Джулиан, придя в себя, глазел по сторонам, из холодного мрака вынырнул огромный осьминог. Точнее, десятиног. И тут же, проникнув сквозь защитный пузырь, протянул к нему здоровенные хищные щупальца.

Джулиан не слишком-то приветливо орал, прежде чем сообразил, что "десятиног" просто здоровается. В голове, все еще звеневшей от собственных воплей, раздавался чей-то миролюбивый голос. Спрут общался с ним ментально, и в мыслях не имея схватить и причинить какой-либо вред. Сообразив, что к чему, Джулиан страшно устыдился и рассыпался в извинениях, поскольку

Спрут, смущенный его реакцией, уже собирался ретироваться.

Головоногого звали Аскин. Во всяком случае, здесь, в реальном мире, поскольку имя из прежнего оказалось для иных форм жизни совершенно непроизносимым. Ведь Джулиан еще не освоил мысленное общение лурианцев, позволявшее передавать суть без точного наименования. Например, транслировать образ дерева, не называя его деревом, или воспроизводить вид на здание вообще не обмолвившись каким-либо термином. До определенного момента словесная речь развивает сознание, но потом становится для него оковами. Мгновенную искру мысли оно вынуждено трансформировать в заумные фразы, которые, помимо длины, еще и снижают точность ее передачи. Удлинняя и огрубляя мыслительный процесс, сознание здорово тормозит в развитии, и может вообще в нем остановиться, если означенные оковы не разрушит.

Несмотря на условное сходство, Аскин не был родичем Синотеи. Он происходил из другого Юнисанциума, тоже водного, но со своими особенностями. Именно поэтому Рыба-Русалка заправляла там, в свете трех звезд, у Радужного водопада и пресного озера, а Спрут колдовал на дне глубокой, в несколько миль, расщелины, оперируя жизнью тяжелых, лишенных солнца соленых вод. Разумеется, они были знакомы, как и многие обитатели Колыбельной Локализации, еще не завершившие свое превращение в лурианца, но общались редко и без особого энтузиазма. Аскин находил Синотею талантливой, но слишком молодой и наивной, разбазаривающей свой дар по пустякам. Она же, в свою очередь, считала его старым ворчуном, несомненно мудрым, но предпочитающим сидеть в холодной тени, когда жизнь бьет ключом в ярком сиянии звезд.

В ходе беседы акулы, отнюдь не желавшие попробовать Джулиана на зуб, расплылись кто куда. Аскин же перебрался на площадку, приняв облик лурианца. Правда, эдакого склизкого и желеобразного лурианца, покрытого множественными присосками и пупырышками, но все же не огромного спрута, чьи глаза будили воспоминания о фильмах ужасов. Аскин не обижался. В своей симуляции он был древним и чрезвычайно опасным существом, с одинаковой легкостью возводившим развитые города и пожиравшим любую подходящую по размеру добычу. Здесь, в глубокой расщелине, он учился строить новый мир, в котором было место и его представлениям о форме жизни. Как уже упоминалось, лурианцы не зацикливались в каких-либо рамках, а искали гармонию в бесконечном разнообразии не только самих себя, но и всего, что их окружало.

Как выяснилось, творения Аскина выглядели не тем, чем ка-

жутся. Точнее… Точнее он показал сам. Беседуя с новым знакомым будто заправский лорд, он провел его через пару Лучей в пустоту. Самую настоящую Пустоту, поскольку в ней не было ничего кроме небольшой каменной поляны, где топорщилось несколько зубчатых скал. За ней, куда ни глянь, расстилалась беззвездная ночь. Впрочем, не совсем беззвездная. Какие-то искорки в ней все же были, и принадлежали они созданиям из морских глубин.

Глубоководная живность, обитавшая в довольно экстремальных условиях, внезапно как никто другой оказалась способна заселять пустые просторы. То есть такие, где лурианцы еще не создали ни единой нити. Выпущенная в никуда, она летала там вполне вольготно, самостоятельно обживая лишенную всего среду. Разумеется, ей тоже требовались источники энергии, каковыми выступали удильщики, неторопливо бороздившие просторы океана Пустоты. Огонек, прежде служивший приманкой для добычи, теперь излучал живительные волны, позволявшие другим существам получать необходимую подпитку. В свою очередь, они трансформировали ее в излучение для целой цепочки флоры и фауны, образуя полноценный и эффективный энергообмен.

Сделав ментальный призыв, Аскин показал одного из удильщиков. У Джулиана аж волосы на голове зашевелились, когда он узрел эту исполинскую громаду, приплывшую из неведомой дали. Ее огонек разгорался по мере приближения, превращаясь из далекой искры в небольшую лучистую звезду. А вокруг удильщика кого только ни кружило!.. Разинув рот, Джулиан созерцал самый настоящий биом, свободно перемещавшийся в бесконечной Пустоте. И таких биомов, стараниями Аскина, становилось все больше, а их наполненность и разнообразие — совершеннее.

Эта случайная встреча даровала Джулиану ответ на еще один важный вопрос. Таланты Синотеи, Оо-т-Ира и даже Аскина не были для лурианцев уникальными. Точнее, сами по себе они считались яркими индивидуальностями, но под землей и в озерах давно процветала жизнь, а пустоту вовсю колонизировали миллиарды различных существ. Вклад новичков состоял в увеличении разнообразия. Каждый из них привносил что-то свое, индивидуальное и присущее лично ему, как привносил это и любой лурианец, внося лепту в бесконечное совершенство мироздания.

Итак, случайно зайдя не туда, Джулиан повидал немало нового и совершил интересное открытие. А заодно и выяснил, что Пространственные двери его, кажется, не особо в чем-то ограничивают. К Оо-т-Иру он все же сходил, как и планировал, но затем, обуянный нездоровым любопытством, принялся соваться во все Лучи подряд. И в итоге, запутавшись в массе безликих переходов, на-

прочь заплутал.

На поверку Институт оказался намного больше, чем выглядел снаружи. До сих пор Джулиан знал это теоретически. Теперь, растерянно бродя из Луча в Луч, он постигал сию премудрость на практике. Описать, что он видел, привычными ему же словами было просто невозможно, причем фильтр восприятия и так блокировал немало преждевременной информации! Институт Моделирования Разума представлял собой сложнейший комплекс, до отказа набитый такими вещами и явлениями, о которых Джулиан и понятия не имел. И существовал этот комплекс столько условных лет, что в симуляции людей и цифры-то для них не водилось! Однако кое-чего не водилось и в самом Институте. А именно, лурианцев. Давно пожалев о своей затее, Джулиан мечтал найти хоть кого-нибудь, кто вывел бы его из лабиринта бесконечных Транспортных Узлов, связывавших один технологический кошмар с другим, и одно бионаваждение со всеми прочими. И вот, когда надежда на возвращение домой уже растаяла, он наконец-то увидел лурианца. Стоя у какой-то тумбы, большой и черной, тот внимательно изучал что-то сокрытое от постороннего взора. Тумба солидно гудела, а за ней, сколько хватало глаз, рядами тянулось оборудование, напоминавшее горизонтальные шпалерные сетки для винограда. Вот только вместо лозы в их ячейках парили обширные непроницаемые сферы.

Обернувшись на зов, лурианец, облаченный в сплошной светло-коричневый комбинезон, поднял глаза, и их цвет тут же сменился с раздраженно-оранжевого на любопытствующий зеленый.

— Чем могу помочь? — осведомился он, рассматривая взлохмаченного визитера.

Джулиан вкратце изложил суть своего затруднения.

— А что, вас еще не научили напрямую соединять Лучи? — удивился лурианец. — Впрочем, извините за глупый вопрос. Разумеется, нет, иначе бы вы не оказались в такой ситуации.

Версию о том, что Джулиан умел да забыл в силу собственного кретинизма, он явно не допускал.

— Позвольте, я покажу, — предложил он, протягивая ладонь в направлении Двери.

Джулиан не возражал.

Подойдя к Лучу, лурианец повел в воздухе пальцами, и возле светящегося проема появилась объемная схема с массой хитросплетенных элементов. В представлении Джулиана это оказалось нечто вроде консоли, куда можно было задать код доступа к пункту назначения. Само собой, он и понятия не имел, откуда прибыл, но лурианец не увидел в этом проблемы. Вернувшись к тумбе,

служившей ему рабочим местом и терминалом, он забрался в ее центр как на трибуну и вызвал целую серию объемных изображений.
— Так, посмотрим из какого вы Юнисанциума, — пояснил он, перебирая сведения из базы данных.
— А вы можете вот так запросто это узнать? — удивился Джулиан.
— Конкретно я — да. Я же все-таки Оператор, — усмехнулся лурианец. — Кстати, разрешите представиться. Меня зовут Агнетто.
После этого он умолк, сосредоточенно копаясь в таком обилии информации, крупинка которой была больше, чем вся симуляция людей за миллиарды лет существования.

Джулиан деликатно молча, не столько не мешая мастеру, сколько собираясь с мыслями. Теперь он понял, что это были за сферы позади тумбы, и в его сознании зарождался всепожирающий смерч вопросов.
— Нашел! — удовлетворенно констатировал Оператор. — Джулиан Слайдертон, архитектор. Юнисанциум Сумени Триста четырнадцать, сиреневый в Ахроновом спектре правой полусферы, Смещение два миллиона три тысячи восемьсот четыре. Симуляция — Человечество, версия… Э-э-э. Маркировку, что ли, обновили?..
Из всей этой научно-технической ахинеи Джулиан только и уловил, что его родная дыра, искусственная и весьма недружелюбная к своим обитателям, была затеряна где-то у черта на рогах. Причем так основательно, что всю информацию по ней не сумел выудить даже здешний специалист. Во всяком случае, сразу. Тот повозился еще немного, прежде чем повел рукой и Джулиан узрел набор собственных движущихся изображений. Витая вокруг трибуноподобной тумбы, они сопровождались примечательными комментариями. Вообще-то лурианцу все это транслировалось прямо в сознание, но Джулиан, еще не готовый к такому восприятию данных, видел их в более привычном ему варианте.
— Что еще интересного обо мне в вашей базе? — без всякой задней мысли спросил он, глядя на самого себя и отчетливо испытывая эффект дежавю.
— А причем тут база? — удивился Агнетто. — Я вывожу сведения из вашего Юнисанциума.
— Как? — опешил Джулиан. — Мне же сказали, что его Вселенная давным-давно угасла! Причем вскоре после моего Извлечения! Угасла и готовится к перезапуску, который наверняка уже произошел сотню-другую раз.
— Да, это так, но сам-то Юнисанциум никуда не делся, — озадаченно протянул Оператор. — Мы перезапустили его в новом Смещении, а оригинал хранится там, где и был. Поднимая сведения о

вас, я как бы отматываю временной журнал назад. Изображения, которые вы сейчас видите — фрагменты из вашей подлинной жизни с точностью до последнего атома, потому что это ЕЕ НАСТОЯЩИЕ атомы. Постойте, вам что, об этом совсем ничего не говорили?!.
Джулиан по-лошадиному помотал головой.
— Странно, — заметил Агнетто. — Но только если… — он снова сделал паузу, вглядываясь в потоки информации видимые ему одному. — А! Теперь все ясно! Ваш Куратор — Элайя. У нее свои подходы к работе с Моделями. Она берет на себя особые случаи среди Досрочно Извлеченных.
— Постойте-постойте! ДОСРОЧНО Извлеченных?! — живо навострил уши Джулиан, ибо припомнил суть этого обозначения.
Оператор смутился, подозревая, что ляпнул сейчас нечто очень лишнее. И не только ляпнул, но и показал. Неосведомленность, в которой Элайя держала подопечного, могла быть преднамеренной.
— Угадал! — послышался чей-то знакомый голос.
Обернувшись, Джулиан узрел своего Куратора. Ее медные волосы прямо огнем горели, а розовые глаза сердито лучили Оператора немым укором.
— Привет Элайя, — махнул ей Агнетто.
Это было все, что уловил Джулиан в ментальном взаимодействии лурианцев. Хотя… Какое-то мгновение — и он вдруг осознал, что понимает основную суть их разговора, ведущегося хоть и приватно, но так, словно его вели в общественном месте. Разум Джулиана, внезапно войдя в очередной виток развития, стал восприимчив к начальному уровню лурианской формы общения.
— Агнетто, кто вас за язык тянул? — сердито говорила Элайя.
— А вы делились со мной своими замыслами? — ворчливо отвечал тот. — Это ваша Модель разгуливает здесь без присмотра, а я виноват в том, что прочел ей короткую общеобразовательную лекцию?
— Зачем вы вообще приняли телесную форму? — хмурилась Элайя. — Джулиан спросил вас потому, что только вас и увидел. Остальных он, как и следовало, попросту не замечал.
До Джулиана, изумленно слушавшего эту ментальную дискуссию, кое-что дошло. Институт не был необитаем. Просто лурианцы, не воплощавшиеся в физическую оболочку, оставались недосягаемы до его взора словно призраки, которых можно увидеть только если ты медиум. А он пока этим условным медиумом не стал.
— А почему бы и нет? — фыркнул Агнетто. — Просто захотелось. Для удобства. Мой Центр Контроля немного хандрит. Я его калибровал, а чтобы успокоиться и отвлечься обрел тело. Я же не подоз-

ревал, что тут шатается заблудившийся Извлеченный, охочий до неположенных ему секретов.
— Я вас ни в чем не виню, — миролюбиво сказала Элайя. — Я не приняла во внимание такую реакцию опытного Оператора. Поняв, что Модель ничего не знает, вы вроде как должны были сообразить, в чем тут суть, и оставить ее в неведении. Вы и сообразили, только поздновато. Однако не волнуйтесь, ничего страшного не произошло. Просто теперь мне придется отвечать на такие вопросы, с которыми я предпочла бы повременить. Правда, Джулиан?
Джулиан, слушавший весь этот разговор, встрепенулся и понял, что Куратор в курсе его развившейся способности.
— Да, признаться, я желаю узнать очень многое, — кивнул он, пытливо глядя ей прямо в глаза.
— Что ж, тогда пойдемте куда-нибудь прогуляемся, — вздохнула Элайя. — Заодно я научу вас соединять Пространственные двери напрямую.
Поняв, что здесь ему остаться не дадут, Джулиан попрощался с Агнетто, выразив пожелание заглянуть сюда позднее. Испросив молчаливое согласие Элайи, Агнетто обещал. Засим и расстались.

С горной вершины открывался поистине величественный вид, по-своему не менее завораживающий, чем с террасы Института. Элайя неторопливо ступала по гребню седого хребта, где вилась узкая гранитная тропка, а Джулиан шагал рядом, слушая ее неторопливые речи.

Да, у Элайи имелись основания не посвящать Модель во все нюансы ее Извлечения. Во всяком случае, до поры. Джулиана Слайдертона Извлекли Досрочно, и у этого понятия было несколько значений. Обычно оно подразумевало ускорение процесса, когда кандидатура Модели одобрена, но лурианцы ждут ее физического конца, то есть смерти. Не нарушают, так сказать, естественного хода вещей. Однако бывает и так, что жизнь Модели прерывается, а окончательное решение об Извлечении еще не принято. Это и произошло с Джулианом Слайдертоном.
— Именно поэтому ваш Куратор — я, — подытожила Элайя. — Мой опыт позволяет мне заниматься самыми сложными кандидатурами. Кураторы обладают полномочиями на Извлечение, но обычно они абсолютно в нем уверены. В вашем случае я такой уверенности не испытывала. Решение о вашем Извлечении я приняла под свою ответственность, в нарушение устоявшихся правил.

Джулиан не знал, что делать с этой припозднившейся откровенностью. Было ли за ней доверие? Возможно. Как, возможно, за ней стояла констатация какой-то его неполноценности. Мол, в реальный мир его ввели из особой милости, за которую он теперь по

гроб жизни должен быть благодарен.
— О! Ну что вы! — всплеснула руками Элайя, уяснив суть его напряженности. — О недостойности и речи нет! Да, я не знала наверняка, но именно поэтому мое решение говорит о многом. В частности, о моем мнении о вас. Достаточно высоком, чтобы я предпочла рискнуть и санкционировать ваше Извлечение.
— Пусть так. А чем, собственно, риск? — поразмыслив, осведомился Джулиан.
— Н-ну… Чисто теоретически, нет гарантии, что вы впишетесь в надлежащий облик лурианца, — неохотно отозвалась Элайя.
— И как это прикажете понимать? — вкрадчиво спросил Джулиан.
Легко ступая по гранитной дорожке, чей парапет украшала ледяная лепнина, Куратор была вынуждена продолжить запоздалые объяснения.

Модель, не сумевшая совладать с внутренним Я, не представляла никакой проблемы. Подобно Гизмунду, в Колыбельной Локализации застревало немало новобранцев. Они спокойно жили, предоставленные сами себе, и у них в распоряжении была целая вечность. Кто-то в итоге справлялся со своими демонами и развивался дальше, а иные окончательно погружались в себя. Последних, к счастью, насчитывалось меньшинство, поскольку однажды Модели все-таки завершали свое Извлечение. Ну а до тех пор они вели себя уж как умели, принося окружающему миру хоть какую-то да пользу и служа живым примером новичкам. Однако бывали и другие случаи. Такие, которые в принципе начинали выбиваться из критериев лурианца.

Что будет, если Извлечь из симуляции кровожадного тирана? Разумеется, ничего хорошего. Обретя запредельные возможности, он возжелает завладеть всем, до чего дотянутся его алчные помыслы. А поскольку реальный мир не имеет границ, этот процесс обратится в нескончаемый кошмар для всех, кого он затронет. Разумеется, лурианцы не допустят подобного развития событий, но только если намерения тирана станут очевидны. А если нет? Что если тиран проявит недюжинную хитрость, ловко маскируя свои помыслы? Что если он и сам придет к ним гораздо позднее, когда всякий контроль над ним будет утрачен? Эмоциональный свет, источаемый лурианцами, никогда не лжет, но управлению все-таки поддается. Нет, подделать его нельзя, и агрессор в принципе станет излучать злобу и ненависть, то есть красные и оранжевые оттенки. Однако его можно скрыть; задвинуть крамольные мысли в дальние закоулки сознания, до поры не признаваясь в них даже самому себе. И тогда пред лицом окружающих подлинный злодей

будет выглядеть невинным аки младенец.

Лурианцы не любили об этом говорить, и уж тем более Моделям, проходящим этапы Извлечения. Социум высшего разума должен был представать в виде прекрасной гармонии, каковым он, в общем-то, и являлся. С одной только оговоркой. Гармонии для тех, кто в него вписывался. Развитие Досрочно Извлеченных могло пойти по непредсказуемому пути. И речь шла не о безобидных консерваторах, не способных принять новый мир, но и никак ему не вредящих. Проблему представляли такие Модели, которые выражали намерение переделать то, что их не устраивает; изменить под свое видение, не считаясь с мнением окружающих. В том числе силой.

Обычно нарушители — лурианцы старались не использовать понятие "преступники" — проявляли себя довольно быстро. Поведение и поступки выдавали их с головой. В качестве превентивной меры им ограничивали свободу, и эти ограничения ширились тем больше, чем значительнее нарушитель отказывался вести себя подобающе. Ограничение свободы — неприятное деяние для лурианца, абсолютно свободного по своей природе. В Институте шли на это скрепя сердце, подходя к вопросу по-луриански же. Нарушителей, чей послужной список переходил всякие границы, отправляли в их собственное Смещение, где они уже не могли кому-нибудь навредить. Отправляли на неопределенный срок, ибо выход из этого Смещения зависел только от самих нарушителей. Переосмыслив порядок вещей и социальный уклад, приведя в гармонию собственное сознание и избавившись от дурных наклонностей, они могли выйти незамедлительно. До тех же пор самостоятельный переход в другое Смещение им был недоступен. Таким образом, нарушители вроде бы и не лишались свободы, но имели ее только в своем собственном кусочке мира, не способном влиять на все остальное.

Казалось бы, засим проблема исчерпывалась. Немногочисленные отклонения занимались самостоятельным перевоспитанием, а все остальные, так или иначе, находили свое место в лурианском обществе. И все-таки здесь тоже имелась одна оговорка, которую старались упоминать еще реже, чем нарушителей.

Формально, стать лурианцем мог только тот, кто сознательно дорастет до его уровня. Это предполагало настолько высокое развитие, при котором насилие, жажда власти и прочие низменные повадки априори становились невозможны. Модели, завершившие Извлечение, покидали Колыбельную Локализацию творцами, чуждыми материальных и доминирующих забот. Могли ли они совершить некое преступление? Могли, но только в том случае, если

не знали, что его совершают. Например, случайно преобразовать чью-нибудь работу, создававшую помеху и казавшуюся брошенной, или же перехватить контроль за неким процессом, имевшим неочевидную подоплеку. Однако вероятность того, что в ряды лурианцев просочится некто с иным взглядом на мировой порядок, все-таки существовала. Она была около нуля, но ведь и вероятность зарождения разума — тоже, а он то и дело зарождался. Вопрос заключался лишь в сроках и количестве опытов.

Лурианцы считали себя высшей формой разумной жизни, и для этого у них были все основания, ибо более развитая во всем мироздании попросту отсутствовала. Вот только это не означало, что она никогда и не появится. И что непременно окажется дружелюбной. Именно это и подразумевала та самая вероятность, отличная от нуля. Мироздание, не имевшее предела в развитии и совершенстве, само по себе предполагало, что однажды лурианцев превзойдет кто-то другой. И этот кто-то вполне может быть создан их собственными руками. Пройдя все критерии отбора, некая Извлеченная Модель будет только выглядеть одним из них, но по факту может оказаться кем-то еще. Кем-то мимикрирующим под лурианца, но с иными горизонтами сознания.

Слушая Элайю, Джулиан уяснил главное. Уверенности в нем она испытывала гораздо меньше, чем хотела показать. Дослушав до конца, он ее об этом прямо так и спросил.

— У меня нет уверенности в том, кем вы станете. Это правда, — согласилась Куратор. — Ваши работы — наглядный тому пример. Но считаю ли я, что вы представляете какую-либо угрозу? В вашей личности присутствует много противоречий. Отрицательных качеств, заведомо исключающих Извлечение, нет, но противоречия — есть. В чем смысл? Определенная комбинация вроде бы положительных характеристик может вызвать противоположный эффект. Пример? Любовь, преданность, ответственность, творческий талант, желание защищать. Хорошие качества? Куда уж лучше. Но только не в том случае, когда во имя них вы полезете хоть на амбразуру мироздания. Ведь ради своих дочерей вы были готовы на все. Вообще на все!

— Это так плохо? — помрачнел Джулиан.

— Нет. Если дело не доходит до того, что весь этот положительный набор внезапно не меняет местами черное и белое, во имя светлого идеала порождая резко отрицательный результат, — негромко ответила Элайя. — Я люблю приводить в пример сверхновые. Заряженные животворящей энергией, они ослепительно взрываются, обжигая и уничтожая все на своем пути. И наступает мрак.

— Что ж, вы все равно предали Аманду и Сесилию забвению. Зна-

чит, вам и беспокоиться не о чем, — прохладно произнес Джулиан.
— Возможно, — неопределенно отозвалась Элайя.

Прогулка по заснеженным горам вызвала прилив вдохновения. Да и у кого бы не вызвала, учитывая величественные, проникновенные красоты? Вернувшись в свои апартаменты, Джулиан покружил по комнатам, на ходу сотворяя и стирая предметы, а затем создал еще одну. Именно что создал. От его прежнего жилища, имевшего только одно помещение, не осталось и следа. Пространство неумолимо расширялось, повинуясь растущим умениям и потребностям Джулиана. Луч и терраса пребывали на своих местах, но вот остальное изменилось до неузнаваемости. Когда исходная комната основательно разрослась, он разделил ее на секции. Затем поочередно увеличил уже их, и снова разделил. И снова увеличил. Теперь апартаменты Джулиана напоминали обширный пентхаус, в котором он постоянно производил какие-то преобразования. Причем производил так, будто нарочно старался кого-то запутать.

Новая комната стала прибежищем макета, мгновенно перенесенного с прежнего места. На ближнем расстоянии Джулиан уже освоил подобную транспортировку, поэтому при модернизации жилища интерьер не создавал ему помех. Модернизировался и сам макет. Прежде он вмещал только один квартал, самостоятельный, но небольшой. Теперь же там раскинулся городок в миниатюре, кратно превышавший изначальную площадь. Он все еще не был полноценным городом, по-прежнему представляя его отдельную часть, но изменения произошли колоссальные. На улицах царило оживление. Транспорт и пешеходы сновали туда-сюда, создавая впечатление кипевшей жизни. Изюминка заключалась в том, что она и впрямь кипела, поскольку передвижения моделей носили отнюдь не спонтанный характер. Машины и люди не были живыми, но их программе позавидовал бы любой робот из симуляции Джулиана. А вот трава на газонах была настоящей, равно как кусты и деревья. Настоящей была и вода. Уменьшившись в размерах, Джулиан вооружился удочкой и забросил снасть в канал. Уставившись на поплавок, он ожидал поклевки, диагностируя поведение рыбы.

Да, Джулиан научился уменьшаться, отчего и бродил по собственному творению среди собственных же моделей. Об этом он и говорил Синотее, когда пытался создать цветочную гирлянду, а получил цветочно-листовую змею. Лурианцы ведь не зависели от тела, поэтому оно могло принимать любую форму. В том числе миниатюрную. Гигантскую — тоже, но сопутствующие энергетиче-

ские затраты, по их разумению, того не стоили. Стать великаном Джулиан и не пытался, а вот уподобиться игрушечному солдатику у него получилось, причем довольно давно. Тогда-то он и начал размещать на макете подарки Гизмунда, поскольку сам — змея тому свидетель — был не в состоянии воплотить нормальное дерево. Тогда же и начались его эксперименты по симуляции полноценной жизни, пусть и неживой форме.

Клюнуло. Подсечка! Взвившись вверх, снасть закачалась на удилище, а в руке у Джулиана затрепыхалась пойманная рыбешка. Варварский крючок, наносивший болезненное ранение, отсутствовал — к высоким стандартам лурианцев приходилось привыкать. Его заменял хитрый захват, ненадолго приклеивающий рыбину к приманке. Изучив добычу, Джулиан провел с ней небольшие манипуляции, перепрограммируя, что называется, на лету. Затем выпустил обратно, чтобы она, шныряя по каналам, распространила модернизированный код остальным. Нет, Джулиан не нажимал на кнопки какой-то консоли и не подключался к рыбке кабелем. Перед его внутренним взором крутились структуры, похожие на цепочки ДНК. Нечто такое он видел и в рыбке, куда мысленно переносил часть своих видений, а часть изменял непосредственной в ней.

Над горизонтом промелькнула чья-то тень. Обернувшись, Джулиан увидел, как у края городка возникла внушительная громада, вздымавшаяся снизу вверх. Ближайшие к ней горожане шарахнулись, в страхе разбегаясь кто куда. Остальные, кто подальше, спешили убраться с улиц.

— Брысь! — сурово молвил Джулиан новоявленному Годзилле.

Его голос, не чета моделям, разнесся по всему макету, при этом не повыбивав все стекла. Он звучал ровно, но уверенно и весьма доходчиво.

— Мр-р-р-мя-я-я, — просительно протянуло чудовище, намекая на потенциальный улов.

— Проваливай, говорю! — ничуть не смягчился Джулиан.

Ушастая голова, горевшая насыщенными синими глазами, исчезать не торопилась. Наоборот — вытянула подальше одну из лап, которыми опиралась на край стола. Выпустив когти, лапа проверила макет на прочность и уперлась в невидимую преграду. Джулиан, не будь дураком, давно защитил городок прозрачным барьером, поскольку однажды Годзилла уже устроил там основательный разгром.

— Мр-р-мя-я-я-я, мр-р-р, — снова попросил Сеймур.

Вероятно, ему невольно передались мысли хозяина, сконцентрированные на видении рыбалки, и эти мысли взбудораженного ко-

та уже не отпускали. Пришлось швырнуть в него тапком. Фигуральным, разумеется. Шебурша крылышками, на угол макета приземлилась синичка. Заливисто чирикнув, она глянула на кота и встряхнула перышками. Мгновенно офонарев от такого явления, Сеймур округлил глаза и ринулся к ней не хуже выходящей на орбиту ракеты. Ловко избежав когтей, синичка порхнула в сторону и вылетела из комнаты. Следом, сворачивая все на своем пути, несся охваченный азартом кот. Судя по адскому грохоту, раздавшемуся из глубины апартаментов, он занялся перестановкой мебели.

Закончив с рыбалкой, Джулиан немного посидел в ближайшем сквере, внося коррективы в окружающее. Затем проследовал на тротуар, пересек мост и неторопливо пошел по улице, поглядывая в витрины магазинов. Дойдя до одной из высоток, возведенных с особой тщательностью, он осмотрел ее внешний вид, после чего скрылся за раздвижными дверями.

Убранство этажа отличалось элегантной простотой. Шагая по ковровой дорожке, стелившейся от лифта по всему коридору, Джулиан машинально поправлял декор, добавляя в него новые элементы. Возле одной из квартир он остановился, хорошенько изучая крепкую, особо защищенную дверь. Убедившись, что в его отсутствие ее не открывали, он отпер замок и шагнул внутрь. И тут же, прилетев из глубины прихожей, возле его головы разбилась стеклянная вазочка.

— Я тоже рад тебя видеть, дорогая, — закрывая входную дверь, усмехнулся Джулиан.

* * *

В принципе, Сильвия не была такой уж мегерой. Возможно, она ей вообще никогда не была, но продолжительный семейный кризис, приведший к разводу, не прошел даром. К тому же жена однозначно демонизировала мужа, чтобы оправдать свое изменившееся к нему отношение. Психологически так было гораздо проще, и подобный подход не считался ее персональным изобретением. Так поступали очень многие, малодушно не решаясь признаться себе в собственной неправоте. Правда, Джулиану от этого легче не становилось, отчего он не выносил бывшей пассии прямотаки на дух. Его врожденное чувство справедливости бунтовало против ее слов и поступков, но врожденное же достоинство исключало саму возможность отвечать ей взаимностью. И Джулиан просто вычеркнул жену из своей жизни. Вычеркнул еще до развода, а уж потом — и подавно. Дочери — отрада его сердца, — не приняли сторону матери всего лишь потому, что она мать. Они во-

обще не стали принимать чью-либо сторону, против чего Джулиан ничуть не возражал. Навещая Сильвию, они навещали и его, пропуская все наветы на отца мимо ушей. Отец же искренне надеялся, что бывшую супругу не только больше не увидит — никогда ее даже не услышит. И тем страннее казалось то, что теперь он встречался с ней намеренно, исключительно сам и по собственному желанию.

Стерва она и есть стерва — ничего тут не попишешь. Ведь именно такой Сильвия осталась в памяти Джулиана, окончательно вытеснив образ милой непосредственной женщины, которой она была для него когда-то. Ну а что там сохранилось — то он и воплотил. И воплотил тем натуральнее, чем больший эмоциональный окрас сквозил в этих воспоминаниях. Сильвия получилась как живая, а ее поведение если и нуждалось в корректировке, то исключительно в лучшую сторону. То есть туда, где было меньше ведьмы и больше доброты, к чему Джулиан пока не стремился. Он ведь не собирался обзаводиться идеально хорошим воплощением бывшей жены. Он практиковался в своих новых возможностях, о чем лже-Сильвия даже не подозревала. И от этого вела себе еще натуральнее.

Тонкие черты высокой женщины кривила гневная гримаса. Ее длинные каштановые волосы слегка топорщились, будто заряженные статическим электричеством, а голубые глаза сверкали тигриной яростью. Макияж немного поплыл ввиду прилива чувств, а розовый шелковый халат едва не рвался из-за порывистых движений. Вазочка в голову — это было выразительно и мило. Мило — в смысле качества эмоционального подтекста. Джулиан явно преуспевал, прикидывая, чем его встретят в следующий раз. Усевшись на диване, он демонстративно вытянул ноги и уставился в телевизор. Там "транслировали" его любимый фантастический сериал, невесть каким образом уцелевший в закоулках воспоминаний. Становясь лурианцем, Джулиан извлек его с необычайной легкостью, мастерски симулируя домашнюю обстановку.

— И долго я еще буду сидеть взаперти, господин рабовладелец?! — ярилась Сильвия.

Нарочито-безразличный вид муженька доводил ее прямо-таки до бешенства.

— Потерпи, дорогая, — спокойно отозвался Джулиан. — Скоро все переменится.

Для запертой двери имелись веские причины. Выпустить Сильвию из квартиры он банально не мог. Для свободных перемещений по макету ее модель была не готова. Сильвия пребывала в уверенно-

сти, что они все еще состоят в браке, переехав в другой город. Вид из окна, дополненный иллюзией горизонта, это подтверждал, а убедиться в ограниченности внешнего пространства она возможности не имела. Решив проблему просто и радикально, Джулиан закрыл ее дома, придумав не слишком убедительное объяснение. В том числе из-за этого Сильвия и бунтовала, только поделать ничего не могла. Звонки в службу спасения заканчивались дежурным ответом, а иная связь не работала, отчего Сильвия злилась еще больше. Лишенная всякого общения, она была ограничена пределами квартиры, телевизором, где крутили одни и те же сериалы, и визитами мужа. Само собой, на последнем она душу и отводила.

Джулиан честно признавал, что от мытарства Сильвии он получал некоторое удовольствие. То была дань памяти мытарству собственному, связанному с последними годами брака и разводом. Вставляя ей шпильки вполне себе по делу, он испытывал определенное удовлетворение, совмещая, так сказать, приятное с полезным. Да, лурианца это было недостойно, но ведь он им пока и не стал, а работа с Сильвией проводилась отнюдь не ради мелочного издевательства.

Сидя взаперти, и без того злющая жена злилась еще больше, на что, в принципе, имела полное право. Ведь Джулиан не торопился разнообразить ее существование, а о причинах этого не сообщал. Его поведение оправдывала поставленная цель, а жена все равно была не настоящей. Ее воплощала имитация. Да, очень искусная, правдоподобная, обладавшая чрезвычайно убедительным характером и словарным запасом, но все же имитация. Формально, Джулиан мог избежать всяких хлопот и отключать ее по мере необходимости, ставя на условную паузу. Например, на время своего отсутствия. Проблема заключалась в том, что это не только препятствовало саморазвитию модели, но и ухудшало ее как таковую. Тут следовало хорошо понимать разницу между компьютерными программами из симуляции самого Джулиана и неодушевленными моделями уровня лурианцев. Именно поэтому Сильвия маялась в запертой квартире, а не стояла где-нибудь в уголке, ожидая, пока ей включат питание.

— Я хочу поговорить с моими девочками! — грозно заявила супруга, встав возле мужа руки в боки.

Ох, как бы Джулиан и сам этого хотел! Знала бы ЭТА Сильвия, что все ее мучения имеют к тому самое прямое отношение.

— Позже, дорогая, позже. Обещаю, — миролюбиво ответил он, изменяя своему подчеркнуто-пренебрежительному тону.

Взяв Сильвию за руку, которую ту сперва отдернула, он потянул ее присесть рядом с собой. Не для ласки и прочей чепухи, разумеет-

ся, хотя в качестве мишуры не обошлось и без этого. Джулиан изучал свою Модель, внося в нее мысленные корректировки. Воплощение нуждалось в доработке, ибо сделать следующий шаг, не доведя до совершенства предыдущий, позволить себе он никак не мог.

В соседней квартире было тихо. Сюда не проникали даже звуки с улицы, поскольку зашторенные окна высотки надежно блокировали все внешние шумы. Удивляться этому не приходилось, так как здесь не проживала ни одна душа. Никто не бил посуду, не пытался высадить дверь и не колотил кулаками в стену, равно как не метался туда-сюда и не заходился возмущенными криками. Стекла тоже никто на прочность не проверял, ни стульями, ни другими подручными предметами. Сильвия бушевала по соседству, но кроме нее на этаже никого не было. Модели горожан Джулиан здесь не размещал, оставив его целиком для личных интересов. Эти интересы он преследовал и в тихой квартире, отчего-то пройдя в нее на цыпочках.

Внутри было очень уютно. Фантазия Джулиана поработала на славу, украшая жилище зеленью, антиквариатом, произведениями искусства и предметами современного обихода. Сосредоточенное созерцание стены — и вот на ней уже затикали часы-ходики, разбавляя царившее кругом безмолвие. Повернувшись в другую сторону, Джулиан снова напряг разум. На потолке, оформленное в виде люстры, мягко вспыхнуло Гранатовое Солнце — небольшой фрагмент, подаренный Оо-т-Иром взамен на ирбиса. Снежный барс нуждался в доработке, поскольку, попав в горный поселок, тут же вознамерился сожрать все что движется, но мерколит был несказанно доволен.

Завидев Джулиана, Радужные рыбки приветливо закружили в замысловатом хороводе. Приблизившись, он помахал им пальцами и подсыпал кое-что в аквариум. Не корм, разумеется, поскольку творения Синотеи в нем уж точно не нуждались. Это были измельченные кораллы кристаллической природы, которые выводились для аккумулирования энергии. Рыбки отлично справлялись со своей задачей, но такая подсыпка была для них как условный глоток свежего воздуха. Распределившись по песчаному дну, кристаллы мерно мерцали в такт радужным переливам рыбьих хвостиков. Поведя вокруг аквариума руками, Джулиан убедился, что тот уверенно излучает животворящее поле. Излучает так, как предполагалось, и там, где и должен был.

— Отлично, — прошептал он, окидывая взглядом просторную светлую комнату.

Это жилище Джулиан создавал с особым трепетом. Квартиру

Сильвии он тоже обставлял не спустя рукава, но тут воплощалась его мечта. Какая именно? Так сразу и не скажешь… В ней перемешивалась тоска по прошлому и смелый взгляд в будущее, сочетались былые замыслы и новые возможности. Джулиан как бы совмещал то, чего некогда хотел бы видеть и там, в симуляции, с горизонтами реального мира. Видеть прежнее с широтой настоящего. И для этого он обретал все больше сил, развиваясь семимильными шагами. По-своему. Ведь с той же флорой по-прежнему не задавалось. К счастью, ни в чем не повинная змейка обрела хозяйку в лице Синотеи, но гидра, получившаяся у Джулиана вместо дерева бонсай, была заключена в капсулу и ожидала отправки к Гизмунду. Ирбиса же он сотворил с такой легкостью, словно вывел картинку на принтерную печать, а врожденные инстинкты хищника как раз и подчеркивали его поразительную натуральность.

Совершенствуя квартиру, Джулиан размышлял, отчего ему столь плохо удается воплощать одно и невероятно мастерски — другое. Тут, вероятно, сказывалась специализация, упомянутая Элайей. Природный дар. Вот только он никак не мог взять в толк, в чем именно. Живые существа? Но те же рыбки получались у него весьма посредственно. Как модели для каналов макета они еще годились, но с творениями Синотеи и рядом не плавали. Флора и вовсе говорила сама за себя. Музыка, живопись и прочие художественные направления Джулиану, конечно, очень нравились, но как зрителю и слушателю, а отнюдь не творцу. Архитектуру он не забросил и по-прежнему испытывал к ней тягу, однако был вынужден констатировать, что уделяет ей не так много времени, как следовало бы. Обретя ТАКИЕ возможности, он не возводил целые города, как некогда мечтал, а едва осиливал хотя бы отдельное строение. Да, красивое, интересное и оригинальное, но ОДНО строение. Его макет разрастался, наполняясь новыми кварталами и деталями, однако в сравнительной степени ему бы уже полагалось стать несколькими НАСТОЯЩИМИ городами. В сравнительной — в смысле по количественному распределению усилий. Не забывая про архитектуру, Джулиан занимался ей куда меньше, чем можно было ожидать, прилагая энергию совсем к другому. Однако он не видел в этом какого-либо парадокса и уж тем более призвания. Он знал, что делал и зачем, и не проводил никаких параллелей. И уж тем более не делал многозначительных выводов. Для него это было даже не хобби, а исключение из правил. Временное, после которого все вернется на круги своя.

Квартиру Джулиан покидал так же на цыпочках, будто боялся кого-то побеспокоить или ступал по святилищу. Обернувшись на пороге, он помахал рукой в пустоту и удалился, бережно при-

крыв дверь.

Получил Агнетто инструкции от Элайи или нет — поди угадай, но вел он себя вполне открыто и Джулиана не чурался. Поскольку Луч, ведущий в его вотчину, перемещению никак не препятствовал, напрашивался вывод, что табу на эти визиты никто не накладывал. Заприметив гостя, Оператор не стал дожидаться зова и самостоятельно воплотился в тело, облаченное в прежний светло-коричневый комбинезон. В отличие от Элайи, он не утруждал себя деталями одежды, поэтому та не имела каких-либо застежек. Комбинезон сотворялся литым, то есть снять его механически было просто невозможно. Но лурианцу, способному создавать и удалять материю как угодно, и не нужно.

— Рад вас снова видеть, — приветливо сказал Агнетто, спускаясь со своей трибуны.

Наблюдая, как он появился будто из ниоткуда, Джулиан призадумался, не могла ли и Элайя проворачивать подобный фокус. Точнее, безусловно могла, но не проворачивала ли она его по-другому, скрытно перемещаясь в апартаментах Джулиана? Как выяснилось, лурианцев в бесплотной форме он пока не распознавал, а негласный присмотр пришелся бы весьма некстати.

— А что, выходит, кто угодно может заглянуть в мое жилище и подсмотреть, чем я там занимаюсь? Я же вас не вижу, — не удержавшись, выпалил Джулиан.

— Ни в коем случае! — воздел палец Агнетто. — Мы стараемся не нарушать чье-либо уединение без веской на то причины! Даже ваш Куратор. Элайя может заглянуть к вам в бесплотной форме, но обязательно себя проявит. Полагаю, вы иногда примечали, будто она появляется там, где ее только что не было. Поверьте, она не стояла, наблюдая за вами, а воплотилась сразу, как пришла. Шпионаж означает отсутствие доверия, а если мы кому-то не доверяем, то говорим об этом открыто, и открыто же заявляем, что устанавливаем средства наблюдения.

— Вы про Нарушителей? — уточнил Джулиан.

— Да, вроде того, — немного помрачнел Агнетто.

Похоже, лурианцы и впрямь не любили эту тему. Что ж, хорошо. Выходит, за Джулианом никто круглосуточно не следит, хотя лично он ни на мгновение бы не оставил Извлеченные Модели без присмотра. С другой стороны, он еще и не лурианец.

— Значит, и вы ни за кем не подглядываете? — с какой-то хитрецой спросил Джулиан.

— Зачем мне это? — удивился Агнетто.

— Но вы же Оператор! Если я правильно понял, подглядывать — ваша работа! — с усмешкой заявил Джулиан.

Агнетто расхохотался. Расхохотался задорно и совершенно искренне. Впрочем, лурианцы все делали искренне.
— Но это же совсем другое! — воскликнул он, вдоволь отсмеявшись. — Наблюдение за Моделями преследует строго научный характер и служит очень важной цели. Какой? Вы сами ей живой пример.
— В юности я любил наблюдать за всякими букашками. Особенно через увеличительное стекло, — многозначительно сообщил Джулиан. — Наибольший интерес для меня представляли муравейники. Я все никак не мог понять, каким образом эти малыши умудряются построить себе такой дом, не умея взаимодействовать друг с другом так, как мы, люди. У них ведь не было ни чертежей, ни архитекторов, ни прорабов. Так откуда бы им знать, как и куда положить ту или иную веточку?
— Ну-ну-ну? — оживленно произнес Агнетто.
— Однажды я случайно поймал солнечный луч и ошибся с фокусом. И сжег многих из них. С тех пор я оставил эту затею, — сурово произнес Джулиан.
— Гм, — кашлянул Оператор. — Я никого не сжигаю, если вы об этом. Даже случайно. Обычно мы вообще не вмешиваемся в существование Моделей, если того не требуют особые обстоятельства. Наблюдение — совершенно безопасный процесс, никак не влияющий на того, за кем оно установлено. Хотите сами убедиться?
— Это в каком смысле? — насторожился Джулиан, мигом представив, как его разбирают на элементарные частицы и отправляют в симуляцию.
Оказалось, что в прямом. Сделав жест открытой ладонью, Агнетто пригласил его подняться на тумбу-трибуну.

Даже лурианское сознание было не в силах объять и отслеживать ВСЕ данные из Юнисанциума одновременно. А тех насчитывалось столько, что Джулиан и цифры-то такой не знал. Насчет природы Смещений он уже усвоил, а все остальное вроде спектров, полусфер и именной нумерации звучало для него как полнейшая околесица. Из этого набора только и становилось ясно, что Юнисанциумов в Институте хоть отбавляй, и следить за всеми сразу могла только армия Операторов. Либо же совсем немногие, если они поручали львиную долю работы автоматике, именуемой Система. Та выполняла все рутинные задачи, привлекая внимание лурианцев только в заранее предусмотренных случаях. Тогда Оператор лично просматривал какую-либо информацию, а при необходимости включался в процесс напрямую. Правда, Джулиану было не по силам и это. На нынешнем этапе развития он не мог охватить весь поток данных, да еще так, как Агнетто, фактически

наполнявший им свое сознание. Тот, само собой, это учел и адресовал новичку только доступное его восприятию.

Нечто похожее Джулиан неоднократно наблюдал во снах, природу которых он недавно постиг. Только теперь он сам выступал инициатором трансляции, а кто-то другой, вполне возможно, сейчас принимал ее в виде сновидения.

В космическом вакууме неторопливо плыл по своей орбите газовый гигант. Один его бок, отливавший голубым, ярко озаряла лучистая звезда, составлявшая основу этой системы, а другой скрадывала темнота. Планета медленно поворачивалась вокруг оси, находившейся под довольно крутым углом. Вокруг нее, держась несколько поодаль, кружили многочисленные небесные тела, еще не тянувшие на метеоритный пояс, но сформировавшие подобие кольца.

Объемная и живая картинка приблизилась. Джулиан, будто лично там находясь, колоссально ускорился, миновал все орбитальные объекты и нырнул в стратосферу. Заполонив весь горизонт, газовый гигант раскрывался ему навстречу своими тайнами. Модели людей, ограниченные собственной симуляцией, наивно воображали, что непременным условием для жизни, помимо прочего, должна быть твердая поверхность или водяной океан. Ее наличие в планете из газа, да еще и бескислородной, они в принципе не предполагали. Не предполагал бы ее и Джулиан, кабы не убедился в обратном собственными глазами.

Они напоминали медуз. Больших и малых, широких и узких, длинных и коротких медуз. Переливаясь внутренними огнями, эти существа неторопливо перемещались в газовой среде, не испытывая какой-либо необходимости в более плотной опоре. Иные парили на месте, расправив мерно шевелившиеся щупальца, пока другие стремглав проносились мимо. Их размеры, форма, узор и даже свечение отличались по возрастным, половым и национальным признакам. Поодиночке и группами, они вели свой привычный образ жизни, даже не догадываясь, что за ними кто-то наблюдает. Малыши обыкновенно держались стайками под присмотром кого-нибудь из взрослых. Взрослые же, как выяснилось, занимались не только бесцельными перелетами туда-сюда.

Это был город — самый большой пузырь, внутри которого бурлила настоящая жизнь. Похожий на тот, что надувают дети, он свободно парил в атмосфере газового гиганта, колыхаясь прозрачными стенками. Его структуру поддерживали тонкие нитевидные дорожки, сплетавшиеся в обширную сеть. Пузыри поменьше виднелись рядом своеобразными пригородами, а в главном они сгрудились исполинскими сотами, соединяясь между со-

бой цепочками гирлянд и россыпями бусинок. Каждый из них служил кому-нибудь домом или хранилищем, либо же выполнял различные социальные функции.

Внутренняя среда пузырей существенно отличалась от внешней. Там присутствовала некая масса. Легкая, пластичная, желеобразная, но — масса, а отнюдь не газ, составлявший саму суть планеты. Медузы придавали этой массе любую форму, подстраивая под свои нужды, в том числе меняя ее свойства и цвет. Каждый малый пузырь надежно хранил заключенное в нем убранство, а большой защищал их скопления от всякого воздействия извне. Ветра, гулявшие в слоях атмосферы, могли переносить город с места на место, но его внутренняя структура оставалась нетронутой.

Хлоп! Джулиан как раз призадумался, каким образом Медузы перемещаются на дальние расстояния, особенно с учетом ураганов, присущих газовым гигантам, и вдруг получил ответ на свой вопрос. К тому моменту он уже очутился возле сот, составлявших городские кварталы, и приблизился к внушительному скоплению малых пузырей. Возле одного из них появилась воронка с вьющимся хвостиком, откуда с легким хлопком вылетела крупная Медуза. Вылетела — и тут же нырнула в свой дом, беспрепятственно пройдя через полупрозрачную оболочку. Судя по оживлению, там ее немедленно окружила малышня, а затем и кто-то из взрослых особей. Еще один рывок-увеличение — и Джулиан оказался внутри этого жилища.

Обстановка выглядела довольно незатейливой, если не сказать простой. В ней прослеживался определенный художественный стиль, но количество и качество объектов оставляло желать лучшего. Впрочем, у Медуз могли быть свои взгляды на красоту и практичность, не слишком совместимые с представлениями человека из другого Юнисанциума. Джулиан успел об этом подумать, однако студенистое вещество, которым они оперировали, все равно не произвело на него особого впечатления. Само по себе оно, безусловно, заслуживало внимания, как универсальный строительный элемент в газовой, лишенной всякой твердости атмосфере, но на великое достижение цивилизации все-таки не тянуло. Или тянуло? Медузы явно обладали разумом, иначе лурианцы не уделяли бы им внимания, но таким ли уж развитым? Агнетто, направлявший передвижение Джулиана в его умозрительном путешествии, ответил на все ключевые вопросы.

Во-первых, Джулиан хоть и отдал должное желеобразной субстанции, но недостаточно. Ее гравитационное свойство имело переменный характер, что как нельзя кстати подходило к планете из газа. Иными словами, Медузы регулировали не только плотность,

но и вес этого вещества, получая от него желаемые характеристики и одновременно не позволяя ему стать слишком тяжелым. Ведь в разряженной атмосфере это оказалось бы той еще проблемой.

Во-вторых, Медузы умели практически мгновенно перемещаться в пространстве. Их города могли показаться Джулиану примитивными, пребывавшими где-то на уровне медного века его собственной симуляции. На первый взгляд, так оно и было, однако означенное перемещение его согражданам даже не снилось, оставаясь смелыми мечтами научной фантастики.

В-третьих, Медузы общались без всяких звуков, используя колебания электромагнитных волн. Это было не прямое ментальное взаимодействие, но и от речевого аппарата людей они не зависели. Рот, язык, легкие, голосовые связки и прочие физиологические атрибуты стандартного разговора у них заведомо исключались. Умение Медуз оперировать энергетическими полями ставило их к лурианцам гораздо ближе, нежели человека с космической ракетой. И кстати о ракете! Медузам она, видимо, тоже окажется не нужна. Ведь та из них, на кого навел Джулиана Оператор, в данный момент близилась к пониманию того, как перескакивать сквозь пространство не только на собственной планете, но и далеко за ее пределы.

У выдающейся Медузы не было имени. Точнее, не было имени в понятной Джулиану форме, и даже с лурианским уклоном. Как уже упоминалось, эти удивительные существа общались друг с другом посредством электромагнитных волн. Трансформировать ее имя из последовательности определенных колебаний возможным не представлялось. Превратившись в лурианца, Медуза, разумеется, назовет себя в соответствии с новым обликом, но до тех пор обозначать ее приходилось только условно. Впрочем, лурианцем сперва требовалось стать, то есть как минимум получить добро на Извлечение, а его пока никто не давал.

Перемещая точку обзора, Агнетто показывал Джулиану домашний уклад Медузы, одновременно давая различные пояснение. Самое важное касалось Извлечения. Гениальное существо, стоявшее на пороге открытия межзвездной транспортировки, одним лишь этим лурианцам не подходило. Невероятно одаренное в науке, во многих других своих качествах оно проявляло себя не лучшим образом. Медуза очень плохо уживалась с соплеменниками, а дома так и вовсе была тираном. Нет, она не держала семью в страхе и не злоупотребляла насилием, но ни к кому не прислушивалась. У нее на все имелось собственное мнение, что, в общем-то, хорошо, вот только не тогда, когда мнения остальных начисто игнорируются. Медуза единолично принимала решения за всех

домочадцев вместе и каждого в отдельности, а лурианцев такой подход, мягко говоря, не устраивал. И даже ее научный энтузиазм зиждился на том неприглядном факте, что Медуза банально хотела убраться подальше от сородичей. То есть улететь, в буквальном смысле, на другую планету, а соплеменники пусть и дальше творят что хотят. Возьмут и передохнут? Она по ним скучать не станет!

Сводя характеристику к минимуму, можно было заключить, что эта Медуза — гениальный, но автократичный эгоист, не чуждый любви в частных случаях, однако далекий от сострадания в целом. Качества, из-за которых система обратила на нее внимание, перекрывались такими личностными характеристиками, каковые считались препятствием для Извлечения. Ну а в подобных случаях принималось Соломоново решение. Оператор держал потенциального кандидата в поле зрения, пока Куратор не вынесет однозначный вердикт. И если он не скажет "да", то чрезвычайно одаренная Медуза, даже если ей удастся совершить феноменальное открытие, так и не покинет своего Юнисанциума.

В представлении Джулиана это было очень странно — терять настолько уникальные умы. А недостатки есть у всех.

— Когда-то мы тоже так полагали, — вздохнул Агнетто, прекрасно уловив суть его недоумения. — Увы, горький опыт научил нас не принимать в сообщество злого гения, даже с колоссальными перспективами.

— Вы считаете, что гений и злодейство несовместны? — уточнил Джулиан, употребив слышанную где-то фразу.

— Не в этом дело, — качнул головой Оператор. — Тот, кто с легкостью может создать целую Вселенную, безусловно, феноменален, но держитесь от него подальше, если он же способен по своей прихоти ее и уничтожить. Уничтожить вместе со всеми, кто в ней живет. Понимаете, о чем я?

— В принципе, да, — протянул Джулиан. — Но это же только теория, разве нет?

— Если бы, — помрачнел Агнетто. — Горький опыт я ведь упомянул не для красного словца.

Он уже пожалел о своей болтливости, особенно тогда, когда Джулиан насел на него с расспросами. Лгать и изворачиваться было как-то не по-лурианski, как и грубо осаживать собеседника или открыто отправлять его восвояси. Пришлось объясниться.

Львиную долю Нарушителей составляли те, кто не вписался в мировоззрение лурианцев, но по достаточно безобидной причине. Апеллируя к симуляции Джулиана, это были мелкие хулиганы, забияки, тролли, воришки и угонщики. В общем, неприятный, но не слишком опасный контингент. В общество их не пускали, однако

и крест на них не ставили, рассчитывая на постепенное перевоспитание. Что обычно и происходило. Исключение составлял самый незначительный процент Нарушителей, таивших в себе подлинную угрозу. Угрозу как социуму лурианцев, так и существующему порядку вещей.

Наиболее опасные Нарушители относились к категории пресловутых злых гениев. Условные убийцы, террористы и насильники с ними и рядом не стояли. Их таланты и возможности поражали, при этом способы их воплощения были далеки от всяких приемлемых границ, а цели порой приводили в ужас. Некоторые Злые гении в принципе ни с кем не считались, исходя исключительно из видения собственного "Я". Предоставить им свободу в мироздании было бы, мягко говоря, опрометчиво. Другие формально преследовали высшую и благую цель, но на пути к ней они уничтожили бы любого, кто не вписывался в их идеальную картину мира. Имелись и такие, кто видел красоту только в разрушении, что, увы, открылось лурианцам слишком поздно. То есть тогда, когда Модель была уже Извлечена и достигла довольно высокого уровня развития.

До убийства лурианцы не опускались, однако и оставить все как есть не могли. Сделав надлежащие выводы, они скорректировали условия для Извлечения, впредь стараясь не допускать былых ошибок. Злодеев же изолировали в особых Смещениях, продолжая изучать, но максимально ограничив их творческие возможности.

* * *

Визит на газовый гигант оставил у Джулиана двоякие ощущения. С одной стороны, он пребывал под изрядным впечатлением, будто лично побывав там, на неведомой планете. Впечатлением от какой-то поистине удивительной, фантастической истории. С другой, он испытывал чувство некой незавершенности. Ему приоткрыли завесу захватывающего действия, но только ненадолго, показав волнующий фрагмент, однако опустив занавес до финала. В конце концов, Джулиан не выдержал и снова явился к Агнетто, спросив, как дела у Медузы.

— А никак, — пожал плечами тот. — Его Юнисанциум свое отработал. Вы же вроде бы в курсе, что в нем все происходит в миллиарды раз быстрей.

— Ну и-и-и? — выжидающе протянул Джулиан.

— Извлечение не санкционировали, — терпеливо вздохнул Оператор.

— Однако! — прищурился Джулиан. — Вы тут жалуетесь на недостаток молодежи, сами разбазариваете столь ценные кадры!

— Ценные? — как-то невесело произнес Агнетто, окинув его долгим, изучающим взглядом. — Что ж, давайте-ка я покажу вам кое-что.

На сей раз Джулиан словно увидел кино в перемотке. Фильм, протяженностью в миллионы лет, пронесся перед ним наиболее яркими, ключевыми эпизодами.

Медузе удалось воплотить свой замысел. Собрав родню и близких, она покинула родную планету, прихватив с собой немногочисленных последователей и единомышленников. Тех, кто безоговорочно разделял ее убеждения и даже не помышлял оспаривать главенствующий авторитет. До остальных же ей просто не было дела. Основав самостоятельную колонию, Медуза разорвала всякие связи с родным миром, не желая иметь с ним ничего общего. Она появлялась там лишь изредка, сообразно своим авторитарным задачам, и по большей части ограничивалась презрительным наблюдением.

Шли годы. Колония Медузы развивалась, а сама она окончательно стала диктатором, заодно заложив и основу монархии. Общество, которое она построила, основывалось на власти одного, якобы лучше остальных знающего, что им нужно. И до поры к этому терпеливо относились даже лурианцы, все еще не оставляя надежды на перемены к лучшему. Такие случаи бывали, хоть и редко, но все-таки. На склоне лет иные индивиды серьезно переосмысливали свои жизненные ценности. Для симуляции это было запоздало и даже бессмысленно, поскольку обычно они уже ничего не могли изменить. Но не для Извлечения. Медуза все еще сохраняла шансы показать себя с лучшей стороны, отринув все наихудшие помыслы. Однако дальнейшее развитие событий окончательно развеяло иллюзии лурианцев.

На родной планете Монарха случился катаклизм. Глобальный, которые обычно уничтожают все живое. В его преддверии можно было многое предпринять, в том числе спасти немало жизней. Однако Монарх и щупальцем не пошевелил. Секрет межзвездной транспортировки он держал при себе и доверил только своим наследникам. Он бесстрастно наблюдал, как атмосфера газового гиганта превращается в сущий ад, и не сделал ничего, чтобы переместить оттуда хоть кого-нибудь.

Джулиан парил в атмосфере, невольно ощущая дрожь и ужас. Они пронизывали его насквозь, и хотя он пребывал в полнейшей безопасности, эти чувства навеивались эмоциями миллионов медуз, передававшихся ему через канал Оператора. Укрывшись в домах, медузы в страхе теснились друг к дружке, прижимая к себе малышей. Город замер, готовясь к смертельному удару. Его огром-

ный пузырь, разделенный на слои, стягивали дополнительные стеклянистые сети. За ним виднелись ячеистые заслоны, создававшие подобие амортизационных подушек. Кварталы соединяли спешно наведенные конструкции, предполагавшие дополнительную защиту. Предполагавшие…

Вдали, у линии горизонта, показалось насыщенное красное зарево. Оно росло и приближалось, несясь через атмосферу планеты со скоростью экспресса. Все живое попряталось, надеясь на чудо. Но чуда не произошло. Волна ревущего огня достигла города, и стены пузыря не выдержали. Огонь хлынул внутрь, сжигая его жителей заживо. И повезло тем из них, кто погиб в мгновение ока. Схоронившиеся в малых пузырях умирали куда мучительнее, вскипая в них будто ингредиенты для супа. А пламя неумолимо неслось дальше, пожирая поселок за поселком, город за городом. И вскоре оно заполонило всю планету.

Джулиан думал, что и сам горит, настолько реалистично передавались ему все ощущения и образы. Он прямо-таки взрывался огненными вихрями, пылая каждой частичкой своего разума — и вдруг все переменилось. Пришли холод и пустота. Но в этой пустоте распространялась жизнь.

Монархия, основанная Медузой, разрасталась, колонизируя одну звездную систему за другой, и однажды окончательно превратилась в Империю. Перелетая из одной звездной системы в другую, Джулиан видел огромные города и орбитальные поселения. Мимо проплывали исполинские транспортники, похожие на морские огурцы, только с прозрачной оболочкой. Возле планет стремглав проносились целые ульи икринок, то есть космических кораблей. Открывались и открывались межзвездные воронки. Достигнув невиданных высот, цивилизация Императора активно осваивала просторы Вселенной.

Однако история циклична. Небывалый взлет сменился эпохой продолжительного застоя, а впоследствии и начавшейся деградацией. Империя Медузы была большой и могучей, но она больше не развивалась, паразитируя на достигнутом и постепенно разрушаясь изнутри. Старые ценности и идеалы больше не работали, а новых это авторитарное и довольно жестокое общество не знало. Мало-помалу Империя вырождалась, и, в конце концов, ее ждала либо революция и новый взлет, либо окончательное угасание и небытие. Однако произошло то, чего уж точно никто не ожидал.

К звездам вышло новое поколение Медуз, более совершенное и развитое. Откуда? С того самого газового гиганта, где несколько поселений, заброшенных катаклизмом в глубины планеты, не погибли, как должны были, а наоборот — сохранились за счет изме-

нений во внешней среде. Там Медузы выжили и развивались, а затем, постигнув межзвездные перемещения, стали расселяться по Вселенной. Джулиан видел их города и корабли. Они отличались изяществом и воздушностью, легкими цветами и гибкостью очертаний. В них сквозило много света, а социум выживших Медуз носил органично свободолюбивый характер. Ему были присущи ценности, которые Император начисто искоренил в своих последователях и потомках. И однажды уцелевшие Медузы столкнулись с теми, кто некогда бросил их предков на произвол судьбы.

Счастливого воссоединения не получилось. Медузы давно почившего Императора генетически отличались от тех, кто уцелел в пылающем аду. Происходя из одной колонии, они прошли такой генеалогический отбор, какой лишил их определенных качеств на физическом уровне. Выжившие же развивались самостоятельно, во всем природном и социальном многообразии, не отсекая какие-либо неугодные ветви, а производя их в великом множестве. Это были два разных вида, внешне похожие, но не имеющие ничего общего ни на клеточном уровне, ни в социально-политическом устройстве, ни во взглядах на Вселенную как таковую. И они не нашли общий язык.

Имперские Медузы восприняли Выживших как саму угрозу своему существованию. Ведь те жили совсем по другим принципам и верили в диаметрально противоположные идеалы, вроде свободы, совести и прочей чепухи. Император взрастил себе достойную смену. Она просто не могла выносить инакомыслие; кого-то, кто отличался от них по образу мышления и подобию поступков. И вся угасающая Империя встрепенулась. Смертельно возненавидев восходящую Республику, она сплотилась в последнем порыве, объявив ей войну. Тотальную войну на уничтожение. Выжившие не желали такого развития событий, но выбора им не оставили. И они вступили в схватку не на жизнь, а насмерть, в которой не было победителей.

Это была затяжная война, растянувшаяся на тысячи лет и постепенно охватившая половину Вселенной. В своей безграничной, безудержной ненависти Империя получила новый толчок в развитии. Не отставали и Выжившие, отчаянно сражавшиеся за свое право на существование. Глазам лурианцев предстало поистине страшное зрелище, где жизнь росла и развивалась только для того, чтобы сеять хаос и убивать. Пока одни звездные системы заполонялись цивилизацией, другие пожирал атомный огонь. Его вспышки возникали и множились по всем галактикам, охватывая Вселенную свирепым всепожирающим пожаром. И в какой-то момент их стало больше, чем новых освоенных миров, знаменуя

собой скорый конец всему живому. Однако Выжившим удалось переломить ход войны. Ценой немыслимых жертв они сумели остановить Империю и нанести ей сокрушительное поражение. После этого ее разгром стал лишь вопросом времени.

Перемещаясь по космосу, Джулиан видел гигантские ряды космических кораблей, россыпь форпостов и исполинские звездные крепости. Освоенные планеты чередовались с уничтоженными, выжженные — с процветающими. На условной линии фронта, представлявшей собой как глобальную сеть, так и отдельные очаги, по-прежнему бушевали свирепые бои, однако с некоторых пор они приняли упорядоченный характер. Одна сторона уверенно теснила другую, и этот процесс ускорялся по мере ее продвижения.

Конец страшной войны близился. Остатки Империи, огрызаясь, сжимались в центральное ядро. Каждый их выпад уничтожал целую галактику, но таких выпадов становилось все меньше. Выжившие ощущали, что победа близка, и рвались к ней как никогда, мечтая покончить с вселенским ужасом и зажить в мире и процветании. Однако погибающая Империя не предоставила им такого шанса. Сказалась наследственность Злого Гения, позволившая его далекому потомку сотворить оружие Судного Дня. И когда пробил час, когда армия Выживших готовилась обезвредить столицу Империи, чтобы навсегда положить конец кошмару наяву, он привел его в действие. Это оружие не ведало пощады и не делило жертв на правых и виноватых, своих и чужих, взрослых или детей. Оно не просто уничтожало все на своем пути — оно искривляло суть самой Вселенной. Свернуло пространство и остановило время.

Джулиан ощутил, словно его разрывают на части, ибо то разрывалась сама материя мироздания. Клеточные соединения утрачивали структуру, атомы рассыпались. Любое вещество, органическое или нет, физически прекращало существовать, разлетаясь на хаотично перезаряжавшиеся элементарные частицы. Сталкиваясь друг с другом в нескольких невозможных состояниях одновременно, они породили такой парадокс, что мир Медуз попросту исчез в едином глобальном искривлении.

Лурианцы нечасто наблюдали, как Юнисанциум самоуничтожался изнутри. Самоуничтожался целиком и полностью, задолго до того, как его Вселенная должна была прийти к своему естественному концу. Само собой, Медузы не могли разрушить свою симуляцию так, чтобы у лурианцев не осталось по ней никаких данных. В известном смысле, она была необратимо уничтожена только для самих Медуз, канувших в небытие, но специалисты Инсти-

тута имели все возможности для их изучения. Лучшим подтверждением тому служила трансляция, организованная Оператором.

Джулиан зашатался. Когда "фильм ужасов" прекратился, он спустился с трибуны и сел прямо на пол, хватаясь за голову. Перед глазами все еще стояли атомные вспышки, пожиравшие целые созвездия, а в каждой частичке сознания пульсировала боль миллиардов живых существ, погибающих в ревущем пламени, и разорванных распадавшейся Вселенной.

— Полагаю, теперь вы переменили свое мнение насчет Извлечения ТОЙ Медузы, — негромко произнес Агнетто, усаживаясь рядом. — Трудно представить, но все эти кошмары были порождены всего лишь *одним* Злым Гением. И только представьте, на что он был бы способен, доведись ему вырваться в реальный мир и обрести возможности лурианца. Да, не он начал ту страшную войну, однако сделал все, чтобы таковая стала не просто возможной, но и развивалась по наихудшему сценарию.

— Но почему вы не вмешались? Почему не остановили этот чудовищный процесс? — выдавил Джулиан.

— Кажется, вы до сих пор не поняли саму суть, — неторопливо изрек Оператор. — Модели созданы для того, чтобы самим вершить свою судьбу. И мы даем им полную свободу, иначе изначально сотворили бы для них райские кущи, где они и нежились бы подобно цветам под лучами теплого солнца. Только и пользы от них было бы не больше, чем от растений. Причем искусственных. Лурианцы ищут ЛИЧНОСТИ. Сознания, достойные занять место в их рядах, а не тепличные мимозы, пусть и красивые, но ни на что не способные. Таких вполне хватает на подоконниках.

— И в надежде отыскать кого-нибудь одного вы обрекаете на страдания миллиарды миллиардов. М-да. Теперь я даже не знаю, когда оправлюсь от всего вот этого, — помолчав, буркнул Джулиан. — Ведь это было так натурально, словно я и в самом деле там побывал!

— Потому и натурально, что по-настоящему. Вы видели подлинник. Настоящие события в настоящей симуляции, — неожиданно сказал Агнетто.

— Позвольте! Вы же говорили, что Юнисанциуму конец! — опешил Джулиан.

— Да. Но это не отменяет нашей возможности перемотать его на любую точку в истории и проанализировать все досконально, — пожал плечами Оператор.

Это было очередное откровение. Юнисанциум не просто никуда не исчезал, хотя его Вселенная вроде бы и умирала навсегда. Отправленный в архив, для Оператора он уподоблялся видеоплен-

ке, которую можно прокрутить к произвольному событию. Только вместо магнитной ленты прокручивались элементарные частицы, составлявшие всю симуляцию. Они восстанавливали свое расположение на тот момент, который интересовал Оператора, с абсолютной точностью. Лурианцы не записывали события на какой-либо носитель — они их подлинно воспроизводили. В известном смысле, это была самая настоящая машина времени.

Джулиан не сразу усвоил отличие условной перемотки от реальности. Кардинальная разница заключалась в том, что Модели уже не жили и никаких решений не принимали. Все их действия носили заранее известный, будто запрограммированный характер, и ни одна элементарная частичка в симуляции не могла повести себя как-нибудь иначе. Однако, с точки зрения Джулиана, это все равно была жизнь, просто Модели не знали, что проживают ее снова и снова, причем без всякой альтернативы. Они двигались, думали, разговаривали, и все это происходило по неизменному сценарию, по прихоти пересматривавшего какие-то моменты Оператора.

— Да поймите, — увещевал Агнетто, — вам только КАЖЕТСЯ, что это жизнь. Но это всего лишь запись, просто самая совершенная из вам известных. Точнее, доселе вообще неизвестных. Не можете осознать — хотя бы поверьте мне на слово. Когда ваше сознание выйдет на более развитый уровень, это понимание придет само собой.

— Возможно, — холодно отозвался Джулиан. — Однако сейчас я вижу что-то очень похожее на настоящий ад. Ад для тех, кто в нем застрял, и застрял навечно. И нечто подобное творится у меня в душе.

— Они не страдают, — привел еще один аргумент Агнетто. — Ведь их давно не существует.

— Да неужели? А мне их боль и эмоции показались очень даже подлинными! — прищурился Джулиан.

— Так в этом и весь смысл! Ощущать все по-настоящему, хотя происходящее — уже история, — вдалбливал Оператор. — Таким образом, лурианцы обладают самыми совершенными данными для анализа из всех известных.

— Отговорки! — сердился Джулиан.

— Фух, — совсем по-человечески провел рукой по лбу Агнетто. — В принципе, убеждая вас, я сейчас занимаюсь бессмыслицей. Вы сами все поймете. Позднее. А в данный момент я пытаюсь впихнуть невпихаемое. С другой стороны, резон все-таки есть. Мои попытки могут ускорить ваше развитие, поскольку напряженное аналитическое мышление развивает мышление как таковое. И,

кажется, я знаю, один подходящий пример, который окажется для вас убедительнее некуда.
Затащив Джулиана обратно на трибуну, Агнетто немного поколдовал руками, копаясь в незримых энергетических полях. Затем направил в его сознание очередной поток данных. Сперва Джулиан ничего не понял, пытаясь уразуметь, где очутился. И лишь немного осмотревшись, прямо-таки обомлел. Он узнал собственный Юнисанциум.

Раздвоенности сознания не было. Не было вообще ничего, что хоть как-нибудь связывало бы Джулиана-Модель и Джулиана-Лурианца. Он словно глядел на себя в зеркало, но не испытывал никаких мыслительных коллизий, искажения рассудка и прочих эффектов, предполагавшихся при слиянии или пересечении мышления. Джулиан хорошо помнил тот день. Стоя с велосипедом на горке, тогда он впервые заподозрил неладное, то есть некую закодированную особенность с непременным появлением машин. Однако Элайя объяснила это непреднамеренным сбоем, то есть небольшой ошибкой в системе.
— В целом, так и есть, — подтвердил Агнетто, наблюдая, как Джулиан рассматривает сам себя, пока ТОТ, старый Джулиан, скептически оглядывает горку. — Мы, конечно, подстраиваем Моделям раздражающие ситуации, но тут вышел явный перебор.
— Но как вам такое удается? Каким образом все эти машины оказываются в нужное время в нужном месте, когда бы я ни очутился на той окаянной горке?! — поразился Джулиан. — Они не настоящие?
— Очень даже настоящие, — усмехнулся Оператор. — И управляются подлинными Моделями, а не роботами, как вы могли бы подумать. Хотя такая идея сама по себе не нова.
— Но это же невозможно! — воскликнул Джулиан.
— Вы имеете дело с теми, кто создал сами Юнисанциумы, и на полном серьезе считаете, что им не по плечу организовать внутри одного из них такую ерунду? — рассмеялся Агнетто.

Вторая сцена посвящалась юности. Внезапно Джулиан увидел себя в студенческие годы, когда не смог пойти на одну из вечеринок. И потом об этом очень жалел.
— Приятели вам солгали. Там не было и половины того, о чем они вам впоследствии рассказывали, — проникновенно пояснил Агнетто.
— Ка-а-ак? — в световых переливах Джулиана сквозил целый набор противоречивых эмоций.
— Они всего лишь пытались придать себе вес. Сгладить собственное фиаско и прикинуться более крутыми, чем были на самом де-

ле, — развел руками Оператор.
— А я могу взглянуть? — жадно спросил Джулиан.
— Почему бы и нет, — пожал плечами Агнетто.
И Джулиан, перемещаясь по тому дому, где проходила пресловутая вечеринка, наглядно убедился, что жалеть ему и впрямь было не о чем.

Второй эпизод спровоцировал третий. Он посвящался соседу, о котором ходили дурные слухи уровня городских легенд. Ходили среди молодежи, разумеется. Одержимый жаждой приключений, однажды Джулиан перебрал энергетика и едва не забрался к нему подвал. От правонарушения его спас случай. Подвальное окошко заело и не хотело открываться, а проснувшаяся собака стала лаять, почуяв нарушителя. Джулиан ретировался, и в дальнейшем столь дурацкий и необдуманный поступок не повторял. Теперь, пользуясь случаем, он заглянул туда, что так и осталось для него тайной под старым пригородным домом.

Никакой тайны не было. В подвале, за грудой всякой рухляди, действительно сыскалась подозрительная запертая дверь, только расчлененных трупов, несчастных пленников и комнаты пыток за ней не оказалось. Одинокий и эксцентричный сосед развесил там фотографии своего эстрадного кумира, снабженные подписями и сопровождавшиеся различными памятными вещами. Ну и заодно разместил там множество террариумов с безобидными рептилиями, к которым испытывал большую тягу. Собственно, из-за рептилий сосед в итоге и приобрел дурную репутацию. Особенности их содержания требовали определенных покупок, да и на заднем дворе он иногда возился с такими вещами, которые не находили у постороннего взгляда понимания. Джулиан почувствовал величайший стыд, но извиниться перед соседом уже не мог.

Четвертый эпизод касался детства. Взгляд Джулиана затуманился, когда он снова увидел себя с родителями. Там, на пикнике, где они… Сообразив, что поступает не лучшим образом, Агнетто тут же переключил панораму и чертыхнулся. Пятая цена подвернулась еще менее удачно. Джулиан вскрикнул и машинально потянулся руками в пустоту, но видение уже исчезло.
— Верните их назад! — взмолился он, желая вновь увидеть дочерей, да еще ТАК увидеть, словно те и впрямь живые.
— Извините, на этом все, — покачал головой Агнетто. — Мне вообще не стоило показывать вам родной Юнисанциум, да еще и вашу же жизнь. Для Извлеченных Моделей, еще не расставшихся с прошлым, это настоятельно не рекомендуется. Я сделал для вас исключение лишь для того, чтобы наглядно показать всякое отсутствие жизни в вашем собственном же теле.

— Я бы не сказал, что вы меня убедили! — довольно напряженно заявил Джулиан. — Все, что я сейчас испытал, было ОЧЕНЬ НАТУРАЛЬНО! Эмоции моего прежнего "Я" воскресили в памяти мои подлинные эмоции. Ведь это были одни и те же эмоции! Эффект эха я ощутил налицо. Хорошо хоть они в резонанс не вошли. И ЭТО ваше доказательство?
— Элайя говорила вам про уникальность сознания? — нравоучительно изрек Агнетто. — Вы не можете одновременно быть и там и там. Такова сама суть не только симуляции и Извлечения, но и мироздания в целом. Тот Джулиан, которого вы видите в архивном Юнисанциуме, просто запись. Невероятно правдоподобная, впечатляющая, но — всего лишь запись. Снимите ее с паузы, и он сделает то же самое, что и в прошлый раз. И будет делать всегда, снова и снова, хоть по тысячному перезапуску, хоть по миллионному. Когда вы смотрели кинофильм, вы же не думали, что актеры на экране живые? Сейчас тоже был фильм, где вы играли главенствующую роль. Просто максимально реалистичный. И ничего более.
— У вас концы с концами не сходятся! — подумав, заявил Джулиан. — Если я правильно понимаю суть Извлечения, все частицы и энергия, которые меня составляли, вы забрали сюда, в реальный мир. Тогда кто же это? Там, на экране. Копия? Если копия, значит, это не я, и у нее вполне может быть свое сознание, не пересекающееся с моим!
— Это не копия, это вы, — с нотками усталости произнес Оператор. — Да, после Извлечения ваша структура навсегда покинула Юнисанциум, но только ПОСЛЕ Извлечения. А все, что вы сейчас видели, происходило ДО. И частицы, составляющие летопись симуляции, пребывают там, где им и надлежит.
— Это какой-то бред! — схватился за голову Джулиан, ибо получалось, что физически он все равно существует в двух местах одновременно.
— Вовсе нет, — возвел очи горе Агнетто. — Частицы, задействованные в передаче вашего сознания, вернулись обратно в Юнисанциум, чтобы не нарушать его структуру. Частицы — это всего лишь частицы. Они помогали удерживать и формировать ваше "Я" в определенном виде, но в них самих нет ни капли разума. А вот энергия вашего сознания, его лучи, плетение и точка в пространстве навсегда переместились сюда, где вы сейчас и находитесь. И другого такого Джулиана Слайдертона нет, и быть не может. Поняли теперь? Формально, в архивном Юнисанциуме находятся те же самые Модели, ибо они и впрямь те же самые, только они НЕ ЖИВУТ. Это просто упорядоченный набор частиц, совершающий

заранее известное действие.

Умом Джулиан понимал, что Агнетто его вряд ли обманывает, только совладать со своими мыслями было чрезвычайно трудно. Трудно так же, как тому, кто стоит у жерла вулкана, а его уверяют, что шаг в пустоту не приведет к падению в лаву и неминуемой гибели. Ступай, мол, не бойся. Хотя все чувства истерично верещат об обратном.

— Ладно, будем считать, что я вам верю, — не без усилия произнес Джулиан. — Но я бы хотел взглянуть еще!

— Я думаю, это плохая идея, — помрачнел просветлевший было Оператор. — Зачем попусту бередить призраков прошлого?

— Я не о нем, — мотнул головой Джулиан. — Я только что понял, насколько уникальный мне представляется случай! Случай узнать о том, что оставалось мне неизвестным ТАМ! Неизвестным и недоступным.

История. История про всех и обо всем: от громких преступлений и политических махинаций до того, как вообще зарождалась жизнь. Джулиан желал обрести ответы на множество вопросов. Даже на такие, где зарыт клад. Не был ли тот спрятан где-нибудь там, где он о нем подозревал или хотел бы найти, и какие тайники скрывали стены древних сооружений. Владея абсолютным архивом своего мира, Джулиан захотел открыть все его секреты, начав с самого животрепещущего и заканчивая тем, о чем он сейчас даже не помышляет. Посещали ли его мир инопланетяне? Что стояло в основе религий? Кто убил президента? Был ли мировой заговор и теневое правительство? Вышло ли человечество к звездам или сгинуло в атомной войне? Почему исчезли динозавры? Хранила ли Луна какие-нибудь тайны или все россказни о ней только россказнями и оставались?..

— Ясно, — усмехнулся Агнетто. — Что ж, вы не первый, кто выражает такое желание, и обычно в нем не отказывают. Просто Извлеченные, как правило, изучают историю своей симуляции позднее, на более развитом уровне сознания. Вы же понимаете, что ничего кроме досужего удовольствия это "копание в истине" вам не принесет? В реальном мире вообще не имеет значения, колонизировали ваши соплеменники космос или перебили друг друга в лучших традициях любви к ближнему.

— Понимаю, — вздохнул Джулиан. — Но мне все равно интересно. Особенно проверить некоторые собственные предположения.

— Ладно, я не против, — улыбнулся Агнетто. — Однако надо бы заручиться согласием Элайи. Как-никак, она ваш Куратор, — озабоченно добавил он.

Элайя не возражала. Не усмотрев в том ничего предосуди-

тельного, она санкционировала доступ Джулиана к архиву его родного Юнисанциума. Мол, раз уж он все равно узнал про его существование, пусть удовлетворит любопытство. Глядишь, будет меньше ненужных вопросов и больше полезных занятий. Элайя сделала только одну оговорку. Временной отрезок, содержавший собственную жизнь Джулиана, был ему недоступен, включая пограничный период. Четверть века до его рождения блокировались для просмотра так же, как и сто лет после Извлечения. В остальном весь архив Юнисанциума оказался в его полном распоряжении.

Наведываться к Агнетто каждый раз было совершенно необязательно. Получив желанный доступ, Джулиан мог подключаться к архивной симуляции удаленно, а для этого у него уже имелось все необходимое. Продолжая развиваться, он доказал Элайе, что готов к более серьезному обучению. Приветствуя его успехи, та оснастила апартаменты Джулиана надлежащим оборудованием. Ведь лурианцы, несмотря на бесплотное бессмертие и возможность творить материю из ничего, по-прежнему пользовались наукой и техникой, просто не в силу необходимости, а для удобства. Различные устройства, как уже упоминалось, позволяли автоматизировать и упорядочивать многие процессы, не требуя обязательного присутствия кого-то из их создателей. Иными словами, конструкция, которую установили у Джулиана, заменяла ему пару лурианцев, освобожденных таким образом от роли наставника и связующего проводника. Пока высший разум занимался более творческими делами, насущной рутиной ведала техника.

В космос Джулиан никогда не летал, поэтому в амортизационном ложе космонавта ему бывать не доводилось, однако к стоматологу наведывался, и находил с тамошним креслом некоторое сходство. Когда он укладывался в наклонном положении, над ним зажигалась специальная лампа, по сути — волновой излучатель. Ну а бормашину, как механическую, так и лазерную, заменяли лучевые трансляторы, координирующие направленное энергетическое поле. "Лампа" светила на голову Джулиана, а "бормашины" сновали возле лица, направляя точечные импульсы в общий поток. Пересекаясь, эти сигналы формировали в сознании обучающегося новые ячейки, мгновенно соединявшиеся в сложнейшие, необъятные структуры. Включался тут и своеобразный "отсос", только вместо слюны изо рта он рассеивал завитки энергии, образующиеся в побочных вихрях.

В целом, процесс обучения практически не отличался от путешествия в Юнисанциум. Привычные Джулиану учебники и пособия отсутствовали. Он не переворачивал страницы, не глядел на

грифельную, исписанную мелом доску, и не изучал заумные диаграммы, хотя периодически в сознании что-то такое и проносилось. Джулиан словно видел фильм, но не зрением, а всем своим существом. Информация транслировалась в его разум, наполняя своим смыслом напрямую и делая естественной для восприятия. Применительно к физическим формулам из его симуляции это означало, что Джулиан не постигал их продолжительными вычислениями, раскладывая все по полочкам — он проникал в саму их суть. Изучая электрический ток, он словно и сам становился электрическим током; постигая гравитацию, он принадлежал гравитационной волне. И их природа становилась его природой. Погрузившись в обучающий поток, он просто ЗНАЛ, как все это устроено, как высчитывается и воплощается. Знал так, будто не только родился с этим знанием, а и вообще собственноручно создал. Лурианцы не постигали какие-либо вещи стараясь уложить их в своем сознании. Они сливались с ними воедино, становились их частью. И с того самого момента знали их как частички своего собственного "Я", отчего и воплощали любую сложную материю практически играючи.

Подолгу пролеживая на обучающем ложе, Джулиан отложил все другие образовательные просмотры и практически не вылезал из своего Юнисанциума. Во всяком случае, с тех пор, как углубился в историю колонизации космоса. Интрига с динозаврами по факту оказалась не такой уж и впечатляющей, равно как и само появление человеческой цивилизации. Пришельцы никуда и никогда не прилетали — это лурианцы слегка дали маху, когда корректировали один из процессов, и прикрыли его такой инопланетной байкой. Убийство президента тоже разочаровало отсутствием вселенского заговора, хотя преступная, сокрытая от общественности подоплека там все же была. А вот освоение Луны и заселение соседних планет смахивали на настоящий фантастический сериал, только тут все было взаправду.

Джулиан не торопился, растягивая удовольствие. Перемещаясь от общего к частному, он не пренебрегал и мелкими деталями, включая быт и насущную жизнь космонавтов. Политические интриги между странами были ему так же интересны, как открытия ученых и взаимоотношения обитателей космических станций. Он примечал все — от досужих разговоров и научных изысканий до полотен, которые они рисовали, чтобы раскрасить свои мечты о новом мире, и музыки, помогавшей им искать в космосе себя. И однажды, наблюдая за капитаном огромного корабля переселенцев, Джулиан тоже нашел себя. Точнее, увидел свое собственное лицо в одной из видеозаписей, которую тот просматривал.

Это было сродни ледяному душу после парилки. Неимоверно заинтригованный, Джулиан принялся изучать жизнь капитана вдоль и поперек. Он ведь не мог просто взять и скопировать файл к себе — инструментарий, предоставленный Элайей и Агнетто, такого ему не позволял. В его распоряжении были лишь перемещения в пространстве и времени. Джулиан мог смотреть, но не имел возможности вмешиваться и управлять, обладая условными кнопками перемотки, запуска и остановки. Однако, при надлежащей сноровке, сообразительности и выдержке, этого было вполне достаточно, чтобы получить желаемое. И Джулиан получил.

Агнетто давно привык, что подопечный Элайи периодически заглядывает к нему в гости. Опытному лурианцу было что ему показать и рассказать, чему он и предавался с неизменным удовольствием. Он ведь подвизался в Институте Моделирования Разума, а это предполагало тягу не только к созиданию, но и обучению других. Джулиан задавал вопросы, внимательно слушал, а иногда просил сделать ему какое-нибудь небольшое одолжение. И Агнетто делал, все чаще забывая согласовать это с Элайей. Проникшись к любознательному новичку, он чувствовал себя вторым наставником, и охотно посвящал его даже в то, что Юнисанциумов касалось только косвенно, если вообще касалось. Например, как лурианцы запоминают и передают информацию, не пользуясь какими-либо носителями, кроме собственного сознания, и как они могут восстанавливать ее поврежденные структуры, основываясь на различных фрагментах.

Взять тот же архивный Юнисанциум. Перемещение частиц можно было сравнить с поведением бильярдных шаров. Находясь на столе или в лузе, они очутились там ввиду предыдущего взаимодействия, которое легко воспроизводилось в обратном порядке. Но что если вдруг какой-нибудь шар в системе отсутствовал, в силу неких обстоятельств убранный за пределы поля? Не беда! Его наличие и хронология движения устанавливались за счет других шаров, которые, согласно заданным условиям, без него просто не оказались бы именно там, где оказались. Иными словами, все частицы Юнисанциума, так или иначе, хранили информацию друг о друге. Хранили самим своим расположением, и этот принцип во многом был заимствован из реального мироздания. Их взаимоотношение позволяло просчитать что угодно — вопрос заключался лишь в достаточном уровне собственного развития и надлежащих вычислительных мощностей.

Пребывая в Юнисанциуме, Джулиан, как Модель, был не в состоянии пересчитать каждый атом во Вселенной. Сейчас, став пусть и молодым, но лурианцем, он вполне мог восстановить, ска-

жем, полностью уничтоженный файл или какую-нибудь рукопись. Восстановить не обязательно физически, а хотя бы виртуально, то есть узнать содержание утраченного. В массе элементарных частиц существовал некий критический порог, выше которого удавалось просчитать что угодно. Ниже — уже не получалось, за недостатком исходных данных, и тогда требовалось либо отыскать недостающие переменные, либо итоговой результат выходил с определенной погрешностью, а то и вовсе недостоверным. Формально, в Юнисанциуме Джулиан мог не идти столь сложным путем, а перемотать время назад, когда исчезнувшие объекты еще существовали, но Агнетто подразумевал сам принцип восстановления как таковой, а не метод в симуляции в частности.

Терпеливость Оператора приносила свои плоды. Он повторял материал столько, сколько требовалось, пока не убеждался, что Джулиан усвоил все надлежащим образом. Помимо теоретической части он придумывал и практические задачи на то же копирование и восстановление информации, и ученик справлялся с ними блестяще. Агнетто находил, что Джулиан делает значительные успехи, искренне гордясь своим вкладом в его развитие. И эти успехи отмечал не он один.

По мнению Элайи, Джулиан стал менее наивным и более сосредоточенным. Если он углублялся в какое-либо дело, то серьезно, а вопросы задавал строго по существу. Легкомысленности в его поступках становилось все меньше. Отношение к окружающему принимало взвешенный и ответственный подход. Сменив взбалмошность ученика на степенность магистра, Джулиан даже выглядел по-другому, будто целиком и полностью поглощенный саморазвитием. На похвалы Элайи он отвечал легкой улыбкой, неизменно следуя всем ее наставлениям. Она же, убеждаясь в его зрелом поведении, предоставляла ему все больше самостоятельности и свободы.

Практически все, кто общался с Джулианом, предполагали, что его полноценное превращение в лурианца не за горами. Да, оно произойдет уже после того, как Колыбельную Локализацию покинет та же Синотея, однако и появилась она в ней гораздо раньше. Начни они Извлечение одновременно — и Джулиан почти наверняка бы ее опередил. Как и полагалось лурианцам, к чужим успехам Синотея не ревновала. Наоборот — она искренне надеялась продолжить их общение там, за пределами Локализации для новичков. Джулиан, само собой, обещал, хотя уверенности в своем обещании отнюдь не испытывал. Не потому, что Русалка ему разонравилась. Наоборот, ее общество приносило только положительные эмоции, не говоря уже о том, что за оказанную ему по-

мощь он испытывал к ней глубочайшую признательность. Просто, в отличие от других, Джулиан не был так уж уверен, что вообще выйдет за пределы Колыбельной Локализации. И прекрасно знал, по какой причине.

Макет разросся до масштабов настоящего города. Оставаясь в миниатюре, теперь он воссоздавал целый мегаполис с окрестными пригородами. Транспорт, жители, домашние животные и окружающая среда — все было выполнено невероятно искусно. Симуляция достигла настолько высокого уровня, что непосвященный взгляд мог бы перепутать ее с подлинной жизнью, бившей в макете ключом. Внешние границы тоже изменились. Город больше не упирался в никуда и не обрывался в пустоту с края стола. Его окружало специальное поле, проецировавшее горизонт. Все, что выходило за его пределы, отправлялось в другую симуляцию, имевшую комплексный и очень запутанный характер. Настолько запутанный, что даже Элайя разобралась в ней не сразу.

Джулиан подавал идею как замкнутый мир для моделей, и замкнутый на самого себя. Он не имел границ, поскольку линейное перемещение в какую-либо сторону, в конце концов, приводило путешественника обратно в город. Однако этот мир не уподоблялся примитивной компьютерной программе, где персонаж уходит за левый край экрана и появляется из правого. Не уподоблялся он и планетарному устройству в виде космического шарика, на котором расположен мегаполис. Замысел Джулиана наиболее точно характеризовала Лента Мебиуса. Что же касалось моделей, то они воспринимали его концепцию совершенно естественно, так же как люди из симуляции самого Джулиана относились к тому, что их планета — круглая. А уж Смещения… Джулиан произвел впечатление даже на Элайю, наплодив их в поистине грандиозных масштабах. Так он, мол, отрабатывал различные процессы, имея наглядную возможность сравнивать те или иные нововведения. И Элайя верила, поскольку выглядело все это очень даже насыщенно, логично и убедительно. Джулиан же наворотил всю эту запутанную структуру только с одной единственной целью — чтобы и впрямь запутать. Запутать того, кто будет смотреть на макет и даже не догадываться, что на самом деле в нем происходит.

Поднявшись на лифте, Джулиан вышел на привычном этаже и пошел по привычному же коридору. Как и прежде, здесь не было ни души. На остальных этажах проживало множество моделей, и звуки этой жизни проникали даже сюда, создавая неплохую фоновую маскировку. Однако этот этаж был для них закрыт, поскольку находился в личном пользовании своего создателя. И не только в его, причем речь шла отнюдь не о Сильвии. Поравняв-

шись с тихой квартирой, Джулиан остановился и прислушался. Затем отчего-то позвонился так, словно передавал какой-то код или давал о себе знать. Именно о себе. И только после этого он отворил дверь и прошел внутрь.

В гостиной играла тихая музыка. В телевизоре мелькали кадры какого-то фильма, а под угловым столом приглушенно гудел компьютер. Шторы были традиционно задернуты, но света от Гранатового Солнца более чем хватало. Озаряя большой аквариум, оно красиво подсвечивало и без того симпатичных Радужных рыбок, круживших в задорном хороводе. На стене мерно тикали часы-ходики. Все выглядело в полном порядке, за исключением как раз таки небольшого беспорядка. Беспорядка, присущего квартире, в которой кто-то жил. Кто-то, чьи шаги тут же раздались позади Джулиана.

— Как дела, папа? — послышался чей-то очень знакомый голос.

– 4 –

Над Институтом Моделирования Разума стояло красное зарево. Небо, заполоненное огненными разводами, искривлялось в широкой воронке, чей вьющийся хобот протягивался к башенным крышам подобно хищному щупальцу. Пытаясь разметать их защиту, оно неизменно терпело неудачу и отдергивалось, будто обжегшись, но тут же предпринимало новую попытку добраться до недоступной кровли. И шансы на это росли. Институт все еще держался, однако никто не знал, как долго он сумеет отражать столь яростный и жестокий напор. Напор, под которым уже сдалась почти вся Колыбельная Локализация.

Леса пылали. Пылали не обычным огнем, обращавшим древесину в сажу и пепел. Объявшее их пламя носило иной характер, и результат его воздействия тоже был иным. Деревья преображались. Изначально красивые и светлые, растущие в гармонии с окружающим миром, они трансформировались в чудовищ, ужасающим образом меняя свою структуру. Это было не горение — это была мутация. Насильственная мутация, переписывавшая саму их сущность в жестоко бушующем пожарище. Низкая поросль обращалась в ползучие кострища, перемещавшиеся по земле лоскутным, тлеющим одеялом. Величественные секвойи пламенели высокими ногами, уподобляясь демоническому аисту. Раскидистые дубы обретали черты зловещих, клубящихся дымом существ. Точнее, теряли их. И снова обретали, пребывая в крайне нестабильной, но чрезвычайно пугающей форме.

Наиболее стойкие деревья не мутировали — они рассыпались.

Согнувшись под напором, сломавшись в огненном вихре, они ярко вспыхивали и исчезали, обращаясь в черную труху. Метаморфоза, пожиравшая все вокруг, не могла совладать с твердыней их высокоразвитой сущности, и поэтому она не переделывала обессиленную жертву, а уничтожала.

Реки и озера кипели. Их перекаты и гладь, некогда дышавшие свежестью и манившие прохладой, теперь вздымались мутными бурунами, источавшими пар и зловоние. Но виной тому была не только высокая температура. Они наполнялись кислотой. Кислотой и ядом. Проливаясь из огненных туч, эти субстанции не убивали жизнь, а разъедали. Разъедали для того, чтобы пересобрать вновь, формируя нечто уродливое, пришедшее словно из другого мира. Язвы и ожоги вгрызались тела, расползаясь по ним как заразная болезнь. Они проникали в живую материю и словно выворачивали ее наизнанку в искаженном, невообразимом воплощении.

Рыбы утрачивали прежний вид, обращаясь в ночные кошмары. Головоногие мутировали в карикатуры на самих себя, но только из коктейля органики и неорганики. Самые крупные водные обитатели распадались на рой чудовищ, порожденных воспаленным разумом безумца. Иные, впрочем, оставались самостоятельными структурами, уродливо распухая до исполинских размеров.

Вздымая к огненному небу, гейзеры выбрасывали со дна ревущих мутантов. Ревущих от злобы и той невыносимой боли, которую причиняла им жестокая трансформация. И эти чувства они выплескивали на всем, до чего могли дотянуться, и в первую очередь на тех, кто еще сопротивлялся деструктивному процессу.

Распространяясь от кипевших вод, пар застилал и болота, смешиваясь с присущим им туманом. Там, среди вязких глубин, под покровом илистого полумрака восставали легионы монстров, заставлявшие ходить ходуном даже самую огромную топь. Выбираясь на берег, они сочились илом и слизью, разевали пасти и принимались пожирать все вокруг, присоединяя поглощенную материю к своей собственной структуре. Иные, расправив кожистые крылья, разлетались кто куда, чтобы разбрасывать по пути семена пузырящейся гнили. И та немедленно давала всходы. Разрастаясь во что-то подобное лягушачьей икре, она порождала миллионы агрессивных существ, немедленно принимавшихся поглощать все органическое и неорганическое. Головастиков подхватывали огненные вихри, жадно насыщавшие утробу на болоте. Наливая их раскаленной плазмой, они разбрасывали добычу на всем пути своего беснования, и каждый головастик взрывался не хуже газового баллона. Из мшаников вздымали исполинские, охочие до плоти

пиявки, а кочки становились самостоятельными уродливыми чудищами.

Равнины также преобразились. Часть из них пылала, охваченная ползучим, перестраивавшим все сущее огнем. Другая шевелилась, будто живая. По-своему она и была живая, ибо каждый побег, каждый цветок, каждая травинка превращалась в подобие волоса на чьей-то исполинской шкуре. Земля трескалась, словно во время засухи, и шкура разделялась на части, вздымаясь по линии этих глубоких, сочащихся жижей трещин. Похожие на броненосцев, ожившие фрагменты равнин составляли безумную мозаику, шагавшую по изуродованной, зиявшей провалами почве. А самые большие провалы оставались от холмов. Наливаясь гнойными наростами, они и сами становились как большой нарост, обретавший ножки и семенивший подобно насосавшемуся клещу.

Горы. Прекрасные заснеженные горы погрузились в плотную дымку, но то была не дымка от вьюги. Ненастье, постигшее седой хребет, оказалось совсем иного рода. То просыпались вулканы, извергавшие в атмосферу тонны отвратительной, зловонной взвеси. И эта взвесь, куда бы она ни оседала, принималась за то же злое дело, что огонь или кислота. Снега таяли и меняли цвет. Растения обращались в игловидные отродья, норовившие вонзиться поглубже в тело. От склонов, срываясь с протяжным грохотом, отрывались громадные камни и скатывались в глубокие ущелья. Там они собирались в пародию на жизнь, склеенные липкой пузырящейся массой. Этой массой сочилась каждая трещина, образованная вулканической активностью, и прикосновение к ней означало заражение и неминуемую трансформацию.

Мерколиты держались, оказывая жестокому натиску достойное сопротивление. Настолько достойное, что вулканическая активность была брошена именно на них. Не на гранит и базальт, не на льды и снега, а именно на них, посмевших дать захватчикам отпор не хуже полноправных лурианцев. Там, вдали, среди клубов дыма и тонн вздымавшейся сажи можно было разглядеть орлов и сьютов, еще не затронутых омерзительной мутацией. Они не просто летали — они яростно отбивались от тех, кто лез к ним со всех сторон, порожденный неестественным извержением. И мерколиты были с ними, защищая не только дорогие им глубины, но и наземные детища. Увы, они проигрывали, сворачивая линию обороны и постепенно отступая к шахтам, но то, как им удавалось держаться, производило огромное впечатление. Мерколиты не желали ретироваться. Отказавшись от эвакуации в Институт, они дрались за свои труды. Сражались за все то, что создали здесь, в реальном мире, и сдаваться не собирались.

К сожалению, стратегическая ошибка оказалась налицо. Упрямство, достойное защиты родного дома, разделило и без того немногочисленные силы. Оборона, сконцентрированная в Институте, уже не могла прийти мерколитам на помощь, и в какой-то момент те остались в своей битве в одиночестве. Связь через Пространственные двери прервалась. Отступая в глубины гор, они вели ожесточенные бои, и об их интенсивности говорили осыпавшиеся пики.

Помимо мерколитов, Институт оставался последним центром сопротивления. Все атаки на него разбивались словно волны о гранитную скалу, но эта скала мало-помалу начинала давать слабину. Температура в зданиях повышалась. В воздухе искрило, атмосфера наполнялась озоноподобными соединениями. С потолка все чаще сыпался мелкий колючий пепел. Пол начинал трескаться. Начинаясь от малых паутинок, трещины перебегали на стены, где змеились все увереннее, постепенно охватывая все больше этажей. Лестницы дрожали. Вибрация, проходившая через весь комплекс Института, ощущалась на них особенно сильно из-за специфики внутреннего устройства. Оно работало как раковина, длинная и витая, усиливая и распространяя чужеродное излучение. Помещения, имевшие вложенные пространства, начинали искажаться миражом над жаркой пустыней. Теряя очертания, они потихоньку теряли и убранство, начинавшее растворяться в реальности.

Снаружи, извиваясь пагубными энергетическими вихрями, стены Института оплетали длинные безобразные растения, угрожая прорваться на какую-нибудь террасу. По его периметру вздымались огненные валы, а в небе, истошно вереща, реяли какие-то поистине гнусные твари. Не только реяли, но и пикировали, обращаясь в подобие раскаленных метеоров. Каждый их удар проверял крышу на прочность, заставляя Институт содрогаться до основания. Само же основание…

Разумеется, атаки проводились и из-под земли. Подвалы старинного комплекса были устроены особым образом, сродни всему остальному. Архитектурные сооружения соседствовали с рукотворными пещерами, а помещения дополняла серия глубоких и обширных гротов. Там располагались не только кладовые, но и опытные сады, а также всевозможные лаборатории. И жизнь. Там она была своей, по-своему удивительной и прекрасной. Теперь же все это поглощала жестокая и безудержная стихия, не ведавшая сострадания и пощады. Захватив гроты и тоннели, она вытеснила оттуда мерколитов и наседала на нижний периметр, отгрызая от него дюйм за дюймом. Ей давали надлежащий отпор, однако противоборствующие энергии все чаще играли на руку нападавшим,

порождая в столкновении еще более невообразимых монстров.

Небо разверзлось. Воронка, доселе сновавшая над верхним куполом, внезапно обратилась в другую сторону. Из нее, раскалывая пространство от горизонта до горизонта, показалось нечто очень странное, прорывавшееся изнутри словно иная реальность. Прорывавшееся потоками кровоточащей материи, искаженной действительностью и разорванными клочьями вещества. А потом из небесного раскола посыпались метеориты, разрастаясь до размеров планетоида. Земля вздыбилась волной, расходящейся от центра падения. Бушующей, всепожирающей, сносящей все на своем пути волной. Стены Института выдержали этот удар, как выдержали второй и третий, уничтожавший саму структуру Колыбельной Локализации. Но вот четвертый, направленный в верхний купол, защита отразить не сумела. Полыхнув ярким, ослепительным барьером она исчезла, и все, что доселе свирепо бушевало и бесновалось снаружи, немедленно ринулось внутрь.

Комнаты, коридоры и залы мгновенно охватывало пламя. Техника плавилась, обращаясь в раскаленное месиво. Живые существа преображались, искривленные в агонии трансформации. Мимо них проносились те, кто уже мутировал во враждебной атакующей среде. Врываясь через растущие бреши, чудовища визжали и ревели, выискивая, на ком бы выместить свою лютую злобу. Они носились целыми стаями, летали по этажам и галереям рой за роем, излучая смерть и ненависть. И постоянно росли числом за счет клонирования и энергетических взрывов. А в последних недостатка не ощущалось.

Институт представлял собой чрезвычайно обширный и сложный технико-биологический комплекс, насыщенный, помимо прочего, громадными энергетическими запасами. Генераторы и преобразователи удовлетворяли все потребности лурианцев, посвященные моделированию и воплощению разумной жизни. И теперь они, преисполненные возникавших пространственных парадоксов, детонировали с мощью миллионов ядерных бомб. Все могущество лурианцев, выстроенное практически неуязвимыми структурами, их же могуществом теперь и разрушалось. Процесс представлял собой лавинообразный характер с положительной обратной связью. Хаос, начавшийся внутри Института, быстро ускорялся вплоть до своего апогея.

Осыпаясь, крыша продавливала этажи, складывавшиеся друг за другом. Реальность распадалась. Одно пространство, вложенное в другое, вырывалось неистовым ураганом и, принимая физически несуществующее состояние, порождало свирепую ударную волну. Волну не раскаленного воздуха или твердой массы, а жес-

токий удар великого Ничто, уничтожавшего саму структуру мироздания. Эти хлесткие вспышки были сильнее любой сверхновой — незримые, но упругие, неудержимые и беспощадные. Ярясь там и тут, они пожирали остатки того, что некогда было Институтом Моделирования Разума, ускоряя его ужасный и трагический конец.

Удар. Еще удар, а затем продолжительная серия сокрушительных детонаций. Прорвав оставшиеся рубежи обороны, огненный смерч окончательно поглотил все энергетические заслоны и отправил Колыбельную Локализацию в небытие.

Джулиан спасся в последний момент. Протянувшись словно из ниоткуда, чья-то рука схватила его за шиворот и выдернула с террасы за мгновение до того, как та исчезла в пламени, проваливаясь в зев всеобъемлющей пустоты.

— Оставить бы вас там, — сурово сказала Элайя, наблюдая, как он, кряхтя, поднимается с мраморного пола.

В лучах серебристой звезды тот отливал незабудками и платиной, а отнюдь не огненными гребнями и не пламенеющими кольцами. Огня вообще нигде не было. Терраса, увитая цветущая зеленью, выглядела как обычно, словно ее только что и не уничтожил свирепый натиск взбесившейся стихии. Чудовищных тварей не наблюдалось и в помине, а залитая светом долина по-прежнему процветала, изобилуя разнообразной флорой и фауной. Впрочем, ничего удивительного. Ведь это была ДРУГАЯ терраса, а та, где Джулиан только что стоял, сгинула в огненном зеве Пустоты, и сгинула по-настоящему. Смещение, где она находилась, перестало существовать.

— Спасибо, — только и сказал Джулиан, немного не рассчитавший момент и едва не обратившийся в ничто.

— Говорю, оставить бы вас там, — сердито повторила Элайя. — За все, что натворили.

— Не волнуйся, отец, она это несерьезно, — успокоила Сесилия.

— Она тоже очень за тебя волновалась, — добавила Аманда.

Колыбельная Локализация была цела. Она спокойно жила своей жизнью, наполненная самыми разными существами, и продолжала развиваться. Ни ей, ни Институту ничего не угрожало. Пока что. Все ужасы, где чуть не сгинул Джулиан, произошли с ее точной копией, занимавшей самостоятельное Смещение. Теперь оно было полностью уничтожено, зато оригинал уцелел, не понеся ощутимых потерь. Сработал защитный механизм, сооруженный лурианцами давным-давно. Учитывая специфику Института, они заранее предположили, что события могут принять крайне нежелательный оборот, если какие-то Модели или их творения выйдут

из-под контроля. И для этого они установили Рефлектор.

На языке лурианцев Рефлектор назывался иначе, подразумевая смесь процессов из переворачиваемой монеты, проекции и взаимного переноса объектов одновременно. Их умозрение описывало происходящее по факту, однако для Моделей вроде Джулиана больше подходил упрощенный вариант. При возникновении угрозы, уровень которой оценивался как критический, вся Колыбельная Локализация менялась местами со своим проецируемым дубликатом. Он был идентичен оригиналу, но находился в другом Смещении, связанным с ним особым образом. Отсюда и переворот сродни сторонам монеты. Само собой, все это сопровождалось мгновенным и обоюдным перемещением множества объектов.

Рефлектор потреблял очень много энергии, но всегда поддерживался в рабочем состоянии. Принцип непрерывности обеспечивал абсолютность копии до последнего штриха. Все, что происходило в оригинале, немедленно воспроизводилось и на другой стороне "монеты", включая живые организмы, энергетические преобразования и самих лурианцев. Само собой, о подлинной жизни не шло и речи. В мироздании могло существовать неограниченное количество Смещений, но только одна Элайя или Джулиан. Они-то и менялись местами, когда Рефлектор переворачивал "монету", а их роль исполняли максимально правдоподобные дубликаты. Настолько правдоподобные, что лишь нетривиальный ум был способен распознать подвох, да и то не сразу.

Подмена реальности была самым эффективным оборонительным средством из когда-либо созданных. Гипотетический захватчик, кем бы он ни оказался, оставался с носом. Более того, развернув деструктивную деятельность, он автоматически выдавал лурианцам свой инструментарий и намерения. Подсунув ему обманку, они внимательно изучали происходящее и делали соответствующие выводы. В известном смысле, это было сродни взгляду в будущее, когда удается подсмотреть замысел врага вплоть до его полной реализации. И надлежащим образом подготовиться. Ну а кем именно оказывался пресловутый враг — тогда же и выяснялось.

Запуская Рефлектор, сотрудники Института в первую очередь ориентировались на непреднамеренные промахи своих Моделей. Экспериментируя и развиваясь, те имели некоторые шансы на сотворение чего-нибудь такого, что могло основательно навредить Локализации, а то и вовсе поставить ее под угрозу. Однако не исключались дурные намерения и самих Моделей, ибо такие случаи очень даже бывали, хотя и редко. Причем особо выдающиеся Нарушители успевали зайти достаточно далеко, чтобы лурианцы

опрометчиво пренебрегали их потенциальными возможностями. Иными словами, Рефлектор безотказно работал на все случаи жизни, вне зависимости от исходной причины. Сработал он и на сей раз, уберегая Колыбельную Локализацию от неминуемой катастрофы. Когда идентичное Смещение сгинуло в Пустоте, оригинал благополучно уцелел.

Радоваться, однако, было рано. Исходная проблема никуда не исчезла. Сообразив, что его провели, захватчик сделает выводы и атакует вновь. Рефлектор же требовал продолжительной перезарядки, ибо даже у лурианцев такие сложные вещи по щелчку пальцев не создавались. И пока он перезаряжался, следовало предпринять максимум усилий, чтобы обезопасить Колыбельную Локализацию от обнаружения и атаки. Спрятанная в толще других Смещений, она не могла быть обнаружена незамедлительно, однако рано или поздно это произойдет. И как раз для того, чтобы отсрочить ее компрометацию, Джулиан и торчал на другой стороне "монеты" до последнего, вызвавшись одним из добровольцев. Тяжесть вины давила на него исполинским грузом, заставляя идти на что угодно, лишь бы хоть как-то преуменьшить последствия содеянного.

Данные, собранные скаутами, представляли огромную ценность. Воочию наблюдая за происходящим, они становились не только свидетелями, но и носителями всего увиденного. Институт не получал информацию из своей копии напрямую — подключение какого-либо оборудования здесь решительно не годилось. Это позволило бы захватчику идентифицировать связующий поток и определить его координаты. Кроме того, принцип работы Рефлектора накладывал определенные ограничения ввиду самой его сущности. Таким образом, контакт поддерживался через лурианцев, добровольно отправившихся в гущу враждебных событий. Они координировали эксплуатацию различной техники и к ним, как в мобильные базы данных, поступали все собираемые сведения. Накопив их в достаточной мере, лурианцы перемещались в подлинную Колыбельную Локализацию, запутывая следы через промежуточную цепочку Смещений, и выгружали добытые материалы в Источник, то есть Главный Информационный Центр. Затем, в зависимости от развития ситуации, отправлялись обратно, либо же меняли дислокацию. И так происходило до тех пор, пока копия Института не сгинула в Пустоте.

Джулиан принес самый последний и наиболее важный фрагмент информации. В отличие от лурианцев, бессмертных по своей природе, ему все еще грозило физическое уничтожение. Во всяком случае, в том разрыве реальности, к которому прибег жестокий

захватчик. Тем не менее, они удалились, стремясь сохранить добытые сведения, которые утратили бы в случае структурного разрушения. Джулиан же оставался в копии до последнего, рискуя головой, но, как выяснилось, вполне оправданно. Элайя, выдернув его через череду Смещений, ругала, но и хвалила своего подопечного одновременно. Его память зафиксировала исходную область проникновения угрозы — пространство, откуда вторгался захватчик и откуда нанес самый последний сокрушительный удар. А это значило очень многое. Располагая полученными координатами, лурианцы могли его обезвредить до того, как он соберется с силами для новой атаки.

На сей раз аппаратура работала в обратную сторону. Она не транслировала Джулиану обучающие материалы, а совсем наоборот — извлекала из его сознания все попавшие туда данные, обретенные за период пребывания в проекции. Причем извлекала в тысячи, сотни тысяч раз больше, чем он вроде бы видел и слышал. Память лурианца, которым он постепенно становился, функционировала специфическим образом, фиксируя абсолютно все, что ее окружало, включая изменения в энергетических полях и состоянии вещества. Дальнейшая судьба информации зависела от ее востребованности. То, к чему совсем не обращались, удалялось довольно быстро. Наличие же интереса к данным увеличивало срок их хранения вплоть до бесконечности. Таким образом, у лурианцев существовала своя "быстрая" и "долгая" память, только работала она по-своему, сознательно позволяя отсеивать зерна от плевел. Сам Джулиан все еще плохо владел таким разделением, поэтому процесс осуществляли за него. Элайя помогала ему выгружать все подряд, пока он ничего не забыл, а затем аналитики отфильтровывали то, что имело значение.

Джулиану еще не доводилось испытывать этот эффект. Покинув сканирующее кресло, он пребывал в двух противоположных ощущениях одновременно. Сознание не утратило ни единого воспоминания, и при этом казалось, будто из него высосали все до последнего проблеска мысли. Кряхтя и охая, он наблюдал, как Элайя оживленно переговаривается с кем-то из лурианцев, кого здесь даже не было, и комментирует увиденное.

— Вы молодец, Джулиан, — подытожила она, уяснив ценность извлеченных данных. — Это и впрямь стоило спасения вашей шкуры.

— И что теперь? — жадно спросил он.

— Теперь — отправляйтесь к дочерям, из-за которых вы и заварили всю эту кашу. Мы вполне управимся без вас, — велела Куратор, давая понять, что возражения не принимаются.

Дочери. Спасибо и на этом, поскольку прежде Элайя категорически не соглашалась так их именовать. И на то у нее имелись вполне себе веские причины. Статус Сесилии и Аманды находился в подвешенном состоянии. Лурианцы просто не знали, как к ним относиться, поскольку такого прецедента еще не было. Сам Джулиан считался Извлеченной Моделью, пребывавшей в стадии развития, но чтобы такая Модель создала другую Модель, ничуть ей не уступавшую — с подобным в Институте еще не сталкивались.

Выйдя из зала, где происходило сканирование памяти, Джулиан тут же оказался в объятиях дочерей. Они очень переживали за отца, чуть не сгинувшего в Пустоте, и маялись под дверями, поскольку внутрь их не пустили.

— Идемте, девочки, им сейчас не до нас, — сказал Джулиан, мягко высвобождаясь из любящих рук.

— Им все время не до нас, — проворчала Аманда, следуя за отцом в Пространственную дверь.

— Ошибаешься, сестра, — мрачновато заметила Сесилия. — Насколько я успела их изучить, ни тебя, ни меня они отнюдь не игнорируют. И дело тут вовсе не в приоритетах вроде того, что сейчас есть дела поважнее. Просто никто еще не решил, как с нами поступить. Надумают — уж поверь, мы об этом сразу узнаем. А думают они постоянно, ибо никогда не спят.

— Тогда пусть соображают подольше, чтобы и мы успели придумать, как выпутаться из этой передряги, — прищурилась Аманда. — Прятаться как тогда, когда нас скрывал отец, мне больше неохота!

Спрятаться, тем не менее, пришлось. Не успели они выйти у Радужного водопада, как по Колыбельной Локализации прокатился длинный и протяжный сигнал тревоги. Сигнал, оповещавший всех разумных существ искать безопасное место. Испуганно переглянувшись, Джулиан и его дочери поспешили обратно в Институт.

В квартире мало что изменилось. Во всяком случае, с тех пор, как Джулиан, пользуясь своими возросшими возможностями, сделал ее двухэтажной и восьмикомнатной, не нарушая при этом общую структуру здания. Внутреннее пространство, превышающее габаритами внешнее, было у лурианцев обычной практикой, и достаточно развитый Извлеченный довольно быстро постигал это умение. Расширяя квартиру, Джулиан отвел второй этаж для своих девочек. Сам же обосновался на первом, где оборудовал учебную комнату, бассейн и лабораторию. В первой, умудрившись раздобыть еще один комплект обучающей аппаратуры, он подключал к Источнику дочерей, черпая оттуда все доступные сведения. Новорожденным лурианкам требовались знания. В бассейне

он отнюдь не купался, а ставил опыты с освоением и преобразованием энергии, памятуя о родстве водной стихии с энергетическим океаном. И, наконец, громкое название лаборатории третья комната носила потому, что в ней Джулиан занимался различными экспериментами, привлекая к ним и Сесилию с Амандой. Четвертая же комната оставалась обычной гостиной, где плавали Радужные рыбки, тикали часы и сияло Гранатовое Солнце. В ней все трое просто сидели и разговаривали, вспоминая события минувших дней и строя планы на будущее. В ней они сидели и сейчас, укрывшись в Институте после объявления тревоги.

Лурианцы не отвечали. Напрягая ум, Джулиан пытался связаться с Элайей, но та молчала. Ее коллеги — из-за всей этой истории с дочерьми, — и вовсе старались лишний раз с ним не контактировать, ведя себя вежливо и корректно, но отстраненно. И сейчас, чем-то явно занятые, тем паче не горели желанием с ним общаться. Чертыхаясь, Джулиан начал честить всю эту высокоразвитую компанию на все корки, когда на его зов откликнулся Агнетто.

— Вы где? — быстро спросил он. — Дома? Хорошо! — в его голосе послышалось одобрение, когда Джулиан сообщил ему, где находится. — Сидите там и не высовывайтесь. Не пытайтесь вызвать Элайю или еще кого-нибудь. Вас не игнорируют — действует режим ментальной блокировки. Это как глобальные помехи в связи. Пространственные двери работают, но только внутри Института, и я прошу вас никуда не ходить!

— Что происходит?! — с тревогой воскликнул Джулиан.

— Ничего страшного. И вот чтобы так и оставалось, сейчас приняты меры предосторожности, — быстро сообщил Агнетто. — Все, отключаюсь. Я и так нарушил протокол, чтобы вас предупредить.

И тут же его образ и голос исчезли из головы Джулиана.

— Как истинный ученый, он был немногословен, — с подчеркнутой иронией прокомментировала Сесилия, употребив по случаю слышанную где-то фразу.

— Лурианцы в своем репертуаре. Подробностями нас особо не удостаивают! — фыркнула Аманда.

— Бросьте свои колкости, девочки. Агнетто на нашей стороне — нутром чую, — заступился Джулиан за Оператора. — Погодите! — внезапно опешил он. — А откуда вы знаете, что он мне сказал?! Мы же общались мысленно!

— Ну мы как бы видели, — пожала плечами Сесилия. — Ваш короткий разговор. Он был для нас типа фильма на объемном экране. А ты разве так не можешь?

Джулиан разинул рот. ОН не мог?! Насколько ему было известно,

так не мог и никто из лурианцев! Они видели только те ментальные потоки, которые направлялись им персонально, и подслушать чужую беседу, происходившую тет-а-тет, не получалось даже у Элайи. Если она, конечно, не лгала, что вряд ли. Ведь все, что Джулиан почерпнул в Источнике, занимаясь продолжительным самообучением, подтверждало этот тезис, услышанный еще на заре его Извлечения. При всем своем уровне развития, читать не адресованные им мысли лурианцы не умеют!

— Девочки, а вы ничего не путаете? — осторожно спросил Джулиан, не зная, что и думать.

Обойдясь без лишних слов, Аманда направила ему в сознание все, что сейчас подсмотрела. Направила таким способом, каким пользовалась Элайя, и каким ее отец и сам не очень-то владел. Джулиан увидел себя со стороны. Мысленный контакт с Агнетто отображался в виде полупрозрачного облачка, витавшего вокруг его головы. В этом облачке транслировалось наглядное действие, то есть Аманда видела и слышала обоих, хотя находилась вне прямого контакта.

— Глазам не верю… — прошептал пораженный Джулиан.

Его световое излучение выдало переливистый спектр, указывавший на гремучую смесь изумления с ошеломлением, не виданную с первых шагов после Извлечения.

— Опять что-то не так? — озаботилась Сесилия, не оставив без внимания реакцию отца.

— Для лурианцев — уж точно, — окинув дочерей долгим взглядом, в смятении произнес Джулиан.

Причин для беспокойства хватало в избытке. Создание Радужных рыбок и снежных барсов только приветствовалось. Практикуясь, Извлеченные показывали свои таланты, в которых определялась их дальнейшая специализация. Однако с разумной жизнью все обстояло наоборот. Как уже упоминалось, лурианцы не играли в лотерею, кто там в итоге получится, и выпускать в мироздание абы кого в их намерения не входило. Лучшим подтверждением тому служили Нарушители, запертые в обособленных Смещениях.

Скрывая свои намерения, формально Джулиан не переступал черту, а всего лишь пренебрег рекомендацией Куратора. Ему ведь настоятельно советовали не цепляться за прошлое и не создавать копии дочерей, то есть пустышки, максимально похожие на оригинал, но без проблеска сознания. Такие, какой получилась Сильвия. Проигнорировав все предупреждения, Джулиан сделал ее прототипом для оттачивания мастерства, и сделал с вполне конкретной целью. Что бы там ни говорила Элайя, он решил вернуть

себе дочерей, уж как у него получится, для чего и соорудил надлежащее прикрытие. А однажды и впрямь вернул, когда, хорошенько поработав над бывшей женой, решил, что достаточно к этому готов. Вот к чему он оказался НЕ готов, так это к результатам своего упорного труда.

С первых же мгновений стало ясно, что происходит нечто неординарное. Аманда и Сесилия, тайно воплощенные в тихой квартире, повели себя совсем не так, как модель их матери. Более того, они повели себя вразрез с ожиданиями самого Джулиана. И дело было не в особенностях речи, манерах или эмоциях. От них исходили волны, доселе присущие только лурианцам, и исходили вполне отчетливо. Джулиан уже научился отличать излучение рыбки от Синотеи, и уж тем более от Элайи, поэтому ошибка исключалась. А это означало только одно — никакого отношения к симуляции дочери не имели. Он надеялся создать совершенные дубликаты, вложив в них все данные из собственной памяти и Юнисанциума. Тогда, сохранив свою маленькую слабость в тайне, Джулиан мог бы навещать их в этой квартире, представляя, будто они и впрямь здесь живут. Загвоздка оказалась в том, что Аманда и Сесилия стали жить там в прямом смысле слова.

Когда Джулиан окончательно понял, чего натворил, он был счастлив и испуган одновременно. Да, он вновь обрел своих обожаемых дочурок, вот только лурианцы вряд ли посмотрят на это сквозь пальцы; безразлично отнесутся к тому, что в Колыбельной Локализации внезапно объявились две Модели, чье Извлечение никто не санкционировал. В том числе потому, что в традиционном понимании его и не было. И в своих предположениях он оказался недалек от истины.

Последующие события, приведшие к срабатыванию Рефлектора, выглядели настолько скверно, что Джулиан подумал — хуже и быть не может. И снова ошибся. Чтение мыслей, внезапно вскрывшееся в способностях дочерей, вернуло проблему в исходное состояние. Обнаружив, что среди них разгуливают две Неизвлеченные Модели, лурианцы, мягко говоря, были не в восторге. Отказываясь признавать их разумными существами, имеющими соответствующие права, они не причисляли их и к симуляции, прекрасно улавливая сущность. Статус Сесилии и Аманды принял неопределенный характер. Однако ТОГДА лурианцы не считали их какой-либо угрозой. ТЕПЕРЬ, с этим чтением мыслей, отношение к девушкам наверняка изменится, и вряд ли в лучшую сторону. Наиболее наглядным примером здесь служил тот, кто вырвался из запертого Смещения.

На журнальный столик, возле которого сидели сестры, юрк-

нул таракан. Выбежав на середину, он остановился возле сложенной газеты и вызывающе пошевелил усами. Аманда взвизгнула и поджала ноги, отпрянув подальше на диван. Это был чистый рефлекс, сохранившийся со времен жизни в симуляции. Она не переносила этих насекомых, память о которых была унаследована из Юнисанциума. Сесилия не шарахнулась, но ее лицо приняло весьма брезгливое выражение.
— Очень смешно, папа, — сердито сказала она.
— А? Что? — вынырнул из своих размышлений Джулиан. — Это не моих рук дело! — добавил он, озадаченно уставившись на таракана.
— Но ведь и не наших! — заявила Аманда, ненавидевшая этих паразитов, вызывающих неизменное жирно-маслянисто-хрустливое омерзение.
— Может так проявляется реализм твоего мегаполиса? — предположила Сесилия.
— Я ничего подобного не проектировал! — мотнул головой Джулиан. — Ну-ка дайте на него взглянуть…
Протянув руку, он попытался изловить насекомое, чтобы рассмотреть поближе, но его опередили. Сиганув на столик, Сеймур проехался по нему на пузе, сшибая все расставленными лапами, и в мгновение ока ухватил таракана в пасть.

Чтобы дочери не скучали, Джулиан давным-давно уменьшил своего кота и поселил в этой квартире. Кота — но не мышек, от которых пришлось отказаться, чтобы не доводить Сесилию до нервного срыва. И вот теперь, судя по всему, Сеймур не упустил возможность наградить себя за воздержание.
— Да чтоб тебя! — воскликнул Джулиан, намереваясь сгрести мелкого хищника за шкирку и лишить законной добычи.
Мелкий хищник был явно против. Свалившись с другой стороны стола, он тут же взвился на лапы и рванул вглубь квартиры, не выпуская таракана из зубов. Охота? Отлично! Погоня?! День явно удался!
— А ну иди сюда! Хвостатый! — возопил Джулиан, устремляясь вслед за ним.
Аманда снова взвизгнула, на сей раз куда громче и пронзительнее. Машинально обернувшись, Джулиан тут же забыл про удиравшего Сеймура. Вокруг журнального столика разбегались тараканы. Выбираясь из-под дивана, они шныряли кто куда, в том числе пытаясь забраться к сестрам.
— Па-а-ап! — обеспокоенно позвала Сесилия.
Джулиан перевел взгляд на младшую дочь. Вместо ответа она молча ткнула пальцем в направлении окна.

На улице быстро темнело. В симуляции мегаполиса уже были запущены погодные условия, дополнявшие смену дня и ночи, но сейчас они оказались не при чем. Небо, обычно светившееся голубым, теперь наливалось тяжелым и мрачным оттенком, словно проявлявшимся на испорченной фотопленке. Удивленный и озадаченный, Джулиан пошире отдернул шторы, и его глазам предстал горизонт, откуда на город надвигалось багровое зарево. Слабея при его приближении, небесная синева утрачивала всякую насыщенность, становясь блеклой и даже бесцветной. Краснота была довольно далеко, а она уже пожухла словно цветок в великую сушь, отступая перед неожиданным восходом. Восходом чего? Не важно! Чем бы оно ни было — именно с него и началась катастрофа, которой сумела избежать Колыбельная Локализация.

— Девочки! Ноги в руки и бегом! — отпрянул Джулиан.

Он понятия не имел, что это и откуда, но увиденное ему решительно не понравилось. Им следовало покинуть макет как можно быстрее, а там уже и разбираться.

Дважды повторять не пришлось. Аманда, превозмогая страх перед тараканами, соскочила с дивана и схватила аквариум с Радужными рыбками. Ловкое движение пальцев — и вот он уже надежно запечатан, а затем и помещен в заплечный рюкзак. Сесилия же, не теряя времени, ринулась на поиски Сеймура. В отличие от моделей, населявший макет мегаполиса, рыбки и кот были живыми, и бросать их на произвол судьбы не хотелось.

Крик, раздавшийся из глубины квартиры, переполошил Джулиана и Аманду дальше некуда. Испугавшись, они уже собрались броситься Сесилии на помощь, как та прибежала сама, держа Сеймура в охапку. Кот отчаянно вырывался, протестуя против плена всеми четырьмя лапами и хвостом, однако причина на то у него была совсем другая, нежели банальное лишение свободы. Следом за Сесилией в гостиную бежали мыши. Много мышей. ОЧЕНЬ МНОГО мышей. И крыс. Кота прямо разрывало от желания ринуться в самую гущу их стаи и навести там свои порядки. Разрывало и Сесилию, до смерти боявшуюся этих грызунов. Настолько, что она, как и Аманда, начисто забыла про свои лурианские способности и убегала, вместо того, чтобы дать им отпор. Впрочем, на это все равно не было времени. Пропустив вперед дочерей, Джулиан выскочил из квартиры вслед за ними.

В отличие от Элайи, Джулиан и его дочери еще не освоили пространственные перемещения с такой же легкостью и совершенством. Это означало, что для выхода за пределы городской симуляции им требовалось оказаться под открытым небом, то есть в максимально свободной от препятствий зоне. Выбежав на улицу,

все трое машинально посмотрели вверх, мысленно представляя, как вытягиваются в тонкий поток чистой энергии и перетекают за пределы макета, где обретают прежнюю форму. Бледнеющее небо отнеслось к их пожеланию совершенно безразлично. Оно продолжало не только обесцвечиваться, но и постепенно алеть, пока Джулиан и девушки силились перемахнуть во внешний мир.

— Ничего не понимаю! — выдохнул Джулиан, убедившись, что все их потуги совершенно бесполезны.

— В машину! Живо! — крикнула Сесилия.

Подскочив к ближайшему припаркованному автомобилю, она рванула дверцу и запрыгнула на водительское сиденье.

— Да шевелитесь вы уже! — рявкнула она недоумевавшим родственникам. — Подъедем к Слиянию, попробуем оттуда.

Идея заслуживала внимания. Сообразив, что дочка имеет в виду, Джулиан потащил Аманду в машину. Сеймур, недовольный заключением в переноску, возмущенно заурчал, но его мнением пришлось пренебречь.

Мир симуляции выглядел бесшовным, но в нем имелись места, которые и превращали его в бесконечную, замкнутую саму на себя Ленту Мебиуса. Граница перехода называлась Слиянием, и ближайшая находилась сразу за северной окраиной города. Выжимая газ, туда Сесилия и неслась, не обращая внимания на светофоры и создавая в транспортных потоках невероятную сумятицу. Небо покраснело на треть, когда она остановила машину на краю парка, раскинувшегося сразу за последним кварталом. Граница проходила буквально в нескольких шагах от края тротуара. Все трое, подбежавшие к ней вплотную, даже видели ее внутренним зрением, но выйти за пределы симуляции так и не смогли.

Положение резко осложнялось. Растерянно переглянувшись, отец и дочери решали, как им поступить дальше. Приложив ладонь к уху, чего, в общем-то, совершенно не требовалось, Джулиан напряженно и безрезультатно вызывал кого-нибудь из лурианцев.

— Вернемся в квартиру? — предложила Аманда. — Подумаешь, небо заалело! Мы же всего лишь в макете, да еще внутри Института. Что нам сделается?

— Плохая идея, — протянув руку, мрачно возразила Сесилия.

Сестра и отец посмотрели туда, куда она указывала. Часть покрасневшего неба заколыхалась, словно воздух над горячим асфальтом. Там, в самом центре волнений, объявилась небольшая вьющаяся воронка, и оттуда немедленно вынырнула гибкая крылатая тварь. А затем еще одна, и еще, и еще… Расправив кожистые крылья, эти твари принялись сновать вокруг ее ширившегося жерла. Стрекала медузы, обрамлявшие осьминожий, заменяв-

ший им голову зев, хищно шевелились, словно вынюхивали жертву. Воронка же продолжала выплевывать все больше уродливых чудовищ, чей вид не предвещал ничего хорошего. Он и не мог предвещать что-либо иное, ведь Джулиан уже видел их — там, на обратной стороне "монеты", когда невесть откуда взявшаяся нечисть ринулась в атаку.

— Думаю, нам не стоит тут задерживаться, — констатировал он, наблюдая, как твари начинают снижаться к земле.

Все трое тут же забрались обратно в машину. Вывернув руль, Сесилия вдавила педаль газа и понеслась по улице, ведущей вдоль густого, темневшего деревьями парка. Но куда?

Город остался позади. Позади осталось и красное зарево, наползавшее достаточно медленно, чтобы успеть от него сбежать. Проблема заключалась в том, куда именно. Лента Мебиуса предполагала возврат в исходную точку. Уезжая от неведомой напасти, трое беглецов неминуемо вернутся к ней же, только с другой стороны. Выжимая полный газ, они удирали от красного неба и догоняли его одновременно. Впрочем, выбор был невелик. Чем дольше они останутся в незатронутой зоне, тем лучше, пока не разберутся в том, что, собственно, происходит, или кто-нибудь не придет им на помощь.

— Ничего не понимаю. Это же просто невозможно, — бормотал Джулиан, машинально поглядывая назад.

— Последнее время я только это и слышу, — хмуро заметила Сесилия. — Помнится, Элайя так говорила про само наше с сестрой существование, а затем все остальные о нападении на Колыбельную Локализацию. Не будем забывать и про чтение мыслей. Итак, папочка, что там еще невозможно?

Колкое напоминание было очень даже по существу. Постаравшись отрешиться от всего, Джулиан вновь принялся вызывать знакомых лурианцев.

Макет был сотворен на славу. Окрестности мегаполиса насчитывали порядка сотни условных миль. Это означало, что беглецы вполне могли проехать их в любую сторону, прежде чем начнут приближаться к городу с другой стороны. О приближении, само собой, не шло и речи. Все трое решили убраться от красного неба как можно дальше, и там, выбрав наиболее подходящее место, совместными усилиями попытаться пробить дыру в реальность. Это могло погубить весь макет, заставив его схлопнуться в подобие черной дыры, но кто сейчас думал о таких пустяках?

— Черт! Мама звонит! — сказала Аманда, вытаскивая мобильный телефон. — Не надо было оставлять ее там! Кота вот взяли, а ее бросили…

Точность симуляции подразумевала наличие сотовой связи, с помощью которой модели осуществляли чрезвычайно правдоподобную координацию.
— Ам, сколько раз тебе повторять: это не наша мама! Это просто робот! — сердито сказала Сесилия.
— Ну да! А мы не папины дочери! — парировала Аманда.
— Пусть ответит! — внезапно предложил Джулиан. — Нам не помешает узнать, что происходит в городе.
А там все оказалось довольно скверно.

На улицах бесчинствовали твари. Пикируя с высоты, они кидались на любое движение, издавая визгливые протяжные звуки. Им составляли компанию ползучие и многоногие гады. Повылазив из ливневых стоков и мусорных баков, они сновали там и сям, щелкая клешнями, стуча зубами и проявляя недвусмысленную агрессию. Из каналов то и дело высовывались длинные щупальца, норовившие ухватить с моста или берега случайного прохожего. Таковых, впрочем, практически не осталось. Горожане в страхе попрятались по домам, куда чудовища пока еще не совались. Улицы не покидали только экстренные службы. Пожарные, развернув рукава, поливали огненных чудищ, устраивавших спонтанные возгорания. Чудища ревели и ретировались, едко дымя боками, но им на смену прибегали новые. Кареты скорой помощи подбирали пострадавших и увозили в больницы, сшибая по пути блуждавших монстров. Полицейские выставляли заслоны. Вооружившись автоматическим оружием, они не церемонились и открывали огонь на поражение. Визжа и извиваясь, твари издыхали тысячами, распадаясь в бесформенные клочья, но лезли десятками тысяч. Практически все небо над городом покраснело, будто налитое кровью. Число воронок росло, а с ними росла и численность крылатых отродий. Полицейские кордоны все еще сдерживали натиск, однако врагов становилось все больше, а сами они — наглее, и бесконечно долго так продолжаться не могло.

— Запрись и никуда не выходи! — велела матери Аманда. — Скоро все это закончится и тогда…
Отняв телефон от уха, она растерянно посмотрела на экран. Соединение прервалось и больше не восстанавливалось. Должно быть, твари повредили достаточно сотовых ретрансляторов, чтобы сигнал из города прервался. Не считая неведомой напасти, симуляция работала безукоризненно: нет вышек — нет связи.
— Давай туда, — велел Джулиан, указывая на какую-то ферму, видневшуюся у кромки леса.
Но Сесилия уже и сама поворачивала на проселочную дорогу. До того, как о них узнали лурианцы, сестры успели исколесить всю

эту симуляцию вдоль и поперек.

Чтобы модели не мешали, Джулиан их просто выключил. Семью, обитавшую на ферме, он собрал в одной из комнат, где рассадил кого куда и перевел в режим ожидания. Выглядело это жутковато, словно копии людей уже вроде и не копии, а вот-вот оживут, только Джулиан не любоваться на них сюда пришел. Заперев дверь, он спустился к дочерям, уже вовсю соображавшим, где и как им приложить усилия для разрыва симуляции.

— Я предлагаю создать внутри этой комнаты подпространство, кратно превышающее ее размером, — оживленно говорила Сесилия, водя пальцем по объемному плану над столом. — Мы набьем его всякой всячиной, а затем ослабим внешние границы так, чтобы реальность нарушилась и они лопнули. Тогда внутреннее вырвется из внешнего и произойдет мощное высвобождение энергии. Мы же направим наши усилия в эпицентр взрыва, расширяя образовавшуюся пространственную брешь. Должно сработать.

— Пожалуй, ты права, сестра, — вдумчиво кивнула Аманда. — Только боюсь, что одной комнаты не хватит. Нам следует работать в масштабах всего дома.

— Девочки, вы серьезно?! — ахнул Джулиан. — Я учился этому уж и не помню сколько! А вы появились совсем недавно…

— Но это же элементарно, папа! Чему там учиться? — наморщила нос Аманда.

— Главное, чтобы разрыв вышвырнул нас за пределы макета, а не отправил куда-нибудь в другое измерение. Вот за это я не могу ручаться, — обеспокоенно уточнила Сесилия.

— Так! Раз вы такие умные, может заодно и объясните, что за чертовщина тут происходит? — осведомился Джулиан. — Я, дьявол меня раздери, все это спроектировал и воплотил! Я знаю тут каждый камень, и эта симуляция просто обязана подчиняться МНЕ! А я даже не в состоянии выбраться из нее наружу!

— Твоя симуляция, папа, подчиняется не столько тебе, сколько созданным тобой же законам, — протянула Сесилия. — Формально это одно и то же, но если кто-то перехватил контроль или, хотя бы, заблокировал внешний периметр, тогда ты заперт в ней так же как те Нарушители в своих Смещениях. Ну а заодно и мы с тобой.

— И давно ты пришла к такому выводу? — хмуро осведомился Джулиан.

— Еще там, у нашего дома, когда мы не сумели покинуть макет, — пожала плечами младшая дочь. — Просто моя догадка не имела значения без практического применения. Теперь оно у нас есть.

Сесилия запнулась, поскольку в дверь негромко постучали. Бормоча бранные слова, Джулиан пошел открыть, ожидая увидеть на

пороге кого-нибудь из соседей хозяев фермы. И в своих предположениях он снова ошибся. На пороге стояло нечто только отдаленно напоминавшее человека, и это нечто тут же приветливо вцепилось ему в горло.

Хватка у чудовища была поистине железная и обычную жертву оно, вероятно, задушило бы на месте. Но Джулиан уже давно не был кем-то обычным. Преодолев болезненные ощущения, он рывком оторвал от себя пальцы нападавшего, а затем врезал ему так, что тот отлетел футов на сто назад. Отлетел прямо в гущу других чудовищ, посшибав их словно кегли. И тут же с другой стороны дома послышался треск. Кто-то или что-то проникло через заднюю дверь, не утруждая себя ее открытием.

— Сеси! Ам! — закричал Джулиан, но те уже и сами все увидели.

Из глубины дома, ковыляя, к ним приближалось сразу несколько упырей — иначе и не скажешь. Сходство с людьми они имели потому, что изначально таковыми и являлись. Точнее, являлись моделями людей, старательно воплощенными Джулианом в его искусном макете.

Трансформация поработала на славу. Мозг, лишенный черепной коробки, пульсировал под пленкой с кровеносными сосудами. На животе, выпирающем сквозь разодранную одежду, виднелись глаза, множественные как у паука. Вся голова превратилась в набор зубов, а что не клацало, то выпирало длинными и острыми колючками, напоминая морского ежа. Вылезая промеж ребер, кишки обвивали руки и шевелились будто щупальца, усеянные мелкими присосками. Сами же руки налились стальной силой, а ногти заострились и скрючились, обретя металлический блеск, ибо металлическими и были. Позвоночник искривился дугой, выпустив длинные костяные иглы. Бугристые тела сочились черной слизью, в которую обратилась их кровь. Хлопьями падая на пол, она дымилась, разъедая материю будто соляная кислота. Хрипя вздымавшейся грудиной, упыри прытко заковыляли к обомлевшим девушкам.

— И-й-й-я-я-я! — выдохнула Аманда.

Подхватив ближайший стул, она настолько сильно шарахнула им по ближайшему чудовищу, что и оружие и цель разлетелись в труху.

— Выключайте их, девочки! Не бейте! Выключайте! — крикнул Джулиан.

Модель подразумевала управление, и если она вдруг слетала с катушек, любой лурианец преспокойно останавливал взбесившуюся куклу. Вот только жаль, что иные куклы об этом не знали.

— Пап, за кого ты нас принимаешь?! — сердито бросила Сесилия.

— Не получается!
Подхватив тяжелый обеденный стол, она с разворота припечатала его поверхностью подступавших упырей. Все, что не расплющилось о мореный дуб, ошметками улетело в ближайшую стену, где и осело на обоях омерзительным месивом. Месиво тут же проросло, выпустив длинные, вьющиеся кольцами побеги — ну в точности земляные черви, только длинные и без естественного конца.
— Быть не может! — не поверил дочери Джулиан.
Вновь посмотрев на улицу, он окинул взглядом приближавшихся монстров, посылая мысленный приказ. Ничего не изменилось. Перед внутренним взором даже не возникла привычная объемная структура, характеризующая сущность конструируемого объекта. Упыри не просто выглядели как настоящие — они и вели себя соответствующе, не выказывая даже намека на внешнее управление.
— Мать честная… — вконец растерялся Джулиан.
А ближайшие упыри неожиданно ускорились. Прыжок! Другой! Взбежав на крыльцо, они впятером кинулись на своего незадачливого проектировщика. Прозевав атаку, Джулиан отпрянул, интуитивно намереваясь скрыться в доме.

Ба-бах! Джулиан едва не оглох. Справа от него объявилось внушительное дуло. Разряженный ствол сочился струйкой дыма. Чудовища, угощенные картечью на слона, обратились в решето, разлетаясь кусками деформированной плоти. Перезарядив исполинский дробовик, Сесилия пальнула снова, урезонив вторую группу нападавших. Тем временем позади кого-то шинковали. Обернувшись, Джулиан увидел, как Аманда рубит в капусту компанию незваных гостей, опрометчиво сунувших к ней грязные лапы. Ее длинный острый клинок сверкал со скоростью молнии, воплотившейся в руках тонкой смертоносной сталью.
— Бред какой-то… — прошептал Джулиан, а его глаза отразили абсолютное непонимание происходящего.

Все это и впрямь смахивало на бред. Точнее, на наваждение. Джулиан всегда любил фильмы про зомби-апокалипсис, отдавая должное и смежным по тематике ужастикам. Конкретно их он не страшился, однако признавал, что случись подобное в реальности — и у него душа бы ушла в пятки. И вот оно случилось. Душа, правда, никуда не ушла, но его световая гамма выдавала сильнейший испуг, основанный на ночных кошмарах и неспособности разумно истолковать эту дикость.

А с поля между тем подтягивались ожившие пугала, некогда наводившие ужас на маленькую Аманду. Ничего себе как их, оказывается, было много!.. Пожалуй, ничуть не меньше коров и овец,

покидавших хлева и выпасы в направлении дома. Тараканьи усы, выросшие на их головах, дополняли изменившиеся морды, трансформированные в жвала насекомых. На радость Сесилии, метаморфоза дополнила их длинными крысиными хвостами, где топорщились редкие щетинки. Присоединяясь к нашествию селян — ибо упыри были никем иным, как жителями этой местности, — домашний скот вел себя ничуть не лучше, мечтая добраться до своего создателя, а заодно и отужинать его дочерьми.

Придя в себя, Джулиан занялся обороной. По велению его воли стены немедленно обрели дополнительную прочность, обшитые титановыми листами на громадных заклепках. Двери и окна перекрыли толстенные решетки. Вокруг дома образовался ров, наполненный кипящей лавой, а крышу пробила выдвинувшаяся башня, увенчанная крутящейся платформой. На ней Джулиан и стоял, вцепившись в спаренный зенитный пулемет. Поворачиваясь во все стороны, он поливал чудовищ ураганным огнем, усиленным его взбудораженной фантазией. Пули не просто косили врага — они жгли его, испаряли, взрывали и разрывали на части. Давя на спусковой крючок, Джулиан перепахивал землю и взметал ее глубокими воронками, ощущая себя персонажем компьютерной игры. Вот только реализм этой игры ему решительно не нравился, отчего по спине сползал неприятный пугающий холодок. Взбесившаяся симуляция обратилась против своего творца. Пока что тот выигрывал в немыслимой и нелепой схватке, однако краснота, пожиравшая небо сразу со всех сторон, недвусмысленно намекала на потенциально иное развитие событий. И вот уже вдали открылись знакомые воронки, откуда лавиной посыпались крылатые чудища. Набирая скорость, они неслись прямо к дому, оглашая окрестности пронзительным визгом.

— Девочки, скорее! — крикнул Джулиан, направив навстречу тварям внушительную серию снарядов.

Небо тут же заволокло зенитными разрывами. Стаи чудовищ несли огромные потери, но их численность постоянно росла, из-за чего они неумолимо приближались. Упыри, атаковавшие с земли, тоже времени не теряли. Ряды уцелевших стали пополнять недавно поверженные. Их бесформенные клочья, вроде бы навсегда утратившие подвижность, внезапно зашевелились. Собираясь с комьями земли и грязи, они вбирали в себя и камни, вздымаясь в подобие уродливых големов. Скорость у них оказалась так себе, зато лава не сжигала эти чудища на месте за счет каменных ног и огнеупорной глины. Решетки на окнах и дверях затряслись. В титановые листы посыпался град ударов, оставлявших глубокие вмятины.

— Ам! Сеси! Поторопитесь! — снова закричал Джулиан.
Сообразив, что не поспевает везде и всюду, он тут же воплотил себе несколько помощников, чего, кстати говоря, следовало сделать давным-давно. Модели десантников, чей образ проявился в глубинах памяти, вскинули автоматические винтовки и рассредоточились по периметру крыши. Застрочили беглые очереди, встречавшие упырей заградительным огнем. Джулиан облегченно улыбнулся, но тут же выяснилось, что напрасно.

Чем бы ни вызывалась метаморфоза, поразившая модели людей и животных, она не обошла вниманием и только что созданных солдат. Вопя и извиваясь, они роняли оружие и катались по черепице, охваченные жгучей болью. А затем, вставая на искривленные ноги, обращали обезображенные лица к своему конструктору и шли прямиком к нему, пополнив ряды чудовищ. Их встретили столбы огня, направленные волей Джулиана из основания башни. Полыхая ходячими факелами, недавние помощники заметались по крыше, откуда падали в испепеляющие объятия лавы. Недолго думая, Джулиан материализовал огнеметы и по периметру. Упырей он тут же спалил, а големы, безразличные к огню, удостоились особой чести. Напрягая сознание, он воплотил над ними по громадному камню, каждый размером с минивен. Швырять за горизонт их не требовалось — достаточно было просто отпустить. Ухнув с высоты в тридцать ярдов, камни благополучно расплющили големов, подняв столбы раскаленных брызг из пламеневшего рва.

Истошный визг напомнил Джулиану, что крылатые твари никуда не делись. Переключив внимание на угрозу с земли, он едва не прозевал атаку с неба. Оно уже не просто покраснело, а прямо-таки почернело от заполонивших его чудовищ. И эти чудовища на всех парах неслись к крыше дома. Развернув зенитные пулеметы, Джулиан обратил дула как можно выше, и все окрестности тут же содрогнулись от оглушительных разрывных очередей. Крылатые стаи разрывало в клочья, но их поток стал непрерывным и надвигался несколькими широкими рукавами. Джулиан банально не успевал вертеться туда-сюда. Мгновенно увеличив количество орудий, он заполонил ими всю платформу, после чего включил режим автоматического огня. Завертевшись, платформа набрала скорость, будто пущенная по полу юла.

Оглохнув от взрывов, мало что видя, Джулиан почувствовал что его разум затуманивается. Осев на платформу, он схватился за голову, всем нутром ощущая, как взрывы становятся все ближе, а с земли, карабкаясь по стенам, наседают ревущие чудовища. Его мятущееся сознание, выжатое как лимон, дало слабину. Все про-

исходящее напоминало бред сумасшедшего, и Джулиан в каком-то смысле и впрямь оказался на грани помешательства. Перестав отличать реальность от симуляции и фантазию от вымысла, он хаотично воплощал вокруг себя черти что, лишь бы уберечься от приближавшейся угрозы. И в тот момент, когда его ум запылал, окончательно утрачивая сознательные связи, серия взрывов слилась с одним могучим всепожирающим грохотом. Налившись словно пузырь, он впитал в себя все прочие шумы, молнии и пожарища, а затем рванул ослепительной вспышкой, разорвавшей материю в клочья. Кувырнувшись через голову, Джулиан полетел вверх тормашками и пребольно шарахнулся обо что-то твердое. Невзвидя света, он пружинисто вскочил и одурманенным взором узрел перед собой упыря. Узрел — и немедленно вцепился в него мертвой хваткой, поскольку другие методы не подействовали. Трясясь и вопя, Джулиан не отпускал своего врага, и до него не сразу дошло, что он пытается придушить Агнетто.

Обломки макета дымились, раскидав вокруг бесчисленные фрагменты его внутренней материи. Девушки поработали на славу. Пока отец отбивал натиск чудовищ, они претворяли в жизнь свой опасный, но смелый план. Сделав дом изнутри кратно больше, чем снаружи, да еще в несколько Смещений, они набили его всякой всячиной, плохо уживавшейся с критическим сжатием, и сняли ограничительные барьеры как раз тогда, когда отец, не выдержав нагрузки, едва не тронулся умом. Расчет удался. Агнетто, обеспокоенный молчанием Джулиана, явился к нему домой и направился прямиком к макету, хорошо известному как место появления двух Неизвлеченных Моделей. Неожиданно тот вздыбился прямо у него на глазах, после чего рванул не хуже водородной бомбы. В разверзшемся хаосе промелькнули видения сельской местности, распадавшиеся на обломки и элементарные частицы. Из них, вопя и мельтеша руками, мельницей вылетел Джулиан, грянулся на пол, шарахнувшись головой о тумбочку, вскочил, окинул Агнетто безумным взглядом и ринулся его душить.

Аманда и Сесилия объявились немного позднее. Находясь в эпицентре пространственной детонации, они сперва унеслись в другое Смещение, откуда насилу вернулись, кружась в подобии энергетической воронки. Но все же вернулись, не в последнюю очередь благодаря своим растущим талантам. С ними вернулись Радужные рыбки, надежно укрытые в своем аквариуме, и ошалелый кот. Выпущенный на волю, он вздыбил шерсть и ускакал куда подальше от этого чокнутого семейства. Увидев Агнетто, приводившего в чувство их отца, сестры немедленно присоединились к означенному процессу, заодно насев на лурианца с расспросами

"какого, собственно, черта?!"

Как оказалось, напасть, постигшая мегаполис Джулиана, не предназначалась персонально ему, а дала себя знать по всей Колыбельной Локализации. Хорошая новость заключалась в том, что прямой угрозы она в себе не несла. Захватчик не обнаружил подлинное расположение Института и не пошел на него в атаку. Однако имелась и плохая. Он применил новое средство, хоть и не ставшее сюрпризом для лурианцев, но показавшее его чрезвычайно высокий уровень развития.

Эхо. Не зная наверняка, где скрывается его цель, захватчик отправил в Смещения мощные энергетические импульсы, также известные как Отголоски. Сами по себе они ничего не порождали, не вели шпионскую деятельность и не работали какими-либо маяками. Они провоцировали кошмары. Страхи, затаившиеся в сознании разумных существ, внезапно материализовались этими же самыми существами. Именно поэтому Аманда столкнулась с тараканами, которых всегда боялась, на Сесилию напала стая пугавших ее крыс, а Джулиан утратил контроль за своим городом. Утратил в лучших традициях зомби-апокалипсиса, смешанного с теми ужасами, которые он воочию наблюдал в проекции Института. Никто не перехватывал у него управление и не запирал в макете, набив его всевозможными чудищами. Он сам это сделал, а дочери, горячо любящие своего отца, подсознательно не могли разрушить эти барьеры, поскольку де-факто пошли бы против его воли, уничтожая плоды кропотливых трудов. Ведь именно так поступала лурианская сущность, которую можно было подавить только сознательно, а никто из них этого как раз и не осознавал. Да девушки и сами испугались, только действовали куда разумнее и решительнее, что в итоге и доказала идея с пространственным взрывом. Фактически все трое сражались с собственными страхами, подогреваемыми тем больше, чем хуже у них получалось с ними совладать. Они вышли из этой схватки победителями, однако медаль за храбрость им явно не полагалась.

— Но зачем ему это вообще понадобилось? — уяснив суть, пытливо осведомилась Сесилия. — Он что, хотел перепугать лурианцев до смерти? Вы же бессмертные и ничего не боитесь!

— Во-первых, каждый чего-нибудь боится. Даже бессмертный, — улыбнулся Агнетто. — Например, многие из нас страшатся потерять что-нибудь особенно им дорогое, что создавалось долгие тысячи, а то и миллионы лет. Но в целом, конечно, удар был направлен не на лурианцев.

— А на кого? — туповато спросил пришедший в себя Джулиан.

— На Извлеченных, папа, на Извлеченных! — сообразила Аманда.

— Ваше детище права, — кивнул Агнетто. — Страхи тех, кто еще только становится лурианцем, неизмеримо больше, и вы сами — лучшее тому доказательство. Боюсь даже представить, чего вы в своей симуляции натворили.
— Детище?! — холодно прищурилась Аманда, вперив в Оператора взгляд лучистых глаз.
Тот аж вздрогнул и окинул ее пристальным, оценивающим взором. Приветливости в его лице сразу поубавилось, а в световом излучении мимолетно промелькнуло что-то похожее на отчужденность.
— Я не знал, что вы так можете, — негромко сказал Агнетто.
— Как — так? — скривив в усмешке уголок рта, Аманда склонила голову чуть вбок и вперед.
Заподозрив неладное, Сесилия чувствительно ткнула сестру локтем.
— Но зачем ему это? — недоумевал Джулиан, в силу недавних потрясений умудрившись ничего не заметить.
— О, его замысел проще, чем вы думаете, — нехотя отведя глаза от Аманды, вернулся к разговору Агнетто. — Он требует огромных энергетических затрат, но прост в реализации и очень эффективен в конечном результате. Запустив Отголоски, их инициатор просто ждет. Ждет, когда какое-нибудь из Смещений проявит себя достаточно примечательным образом. Реакция на свои страхи вызовет энергетический всплеск, и чем их будет больше, тем значительнее окажутся пиковые колебания. Пустышки отсеются сразу, кратно сократив количество потенциально целевых Смещений. Оставшиеся же он станет анализировать по степени раскатов Эха, и если ничего не предпринять, оригинал Колыбельной Локализации выдаст себя с головой. К счастью, разгром вашего макета произошел в стенах Института, надежно защищенных от подобных отражений. Увы, снаружи хватает Извлеченных, которых эта ментальная провокация застала врасплох. Большинство сотрудников Института сейчас там — помогают им справиться с разгулом собственных кошмаров.
— А где Элайя? — озаботился Джулиан.
— У Синотеи, — сообщил Агнетто. — Я же поспешил к вам.
— Мы можем чем-нибудь помочь? — живо спросила Сесилия.
— Не наломаете еще больше дров — уже хорошо, — усмехнулся Оператор, кивнув на развороченный макет. — Пока все не уляжется, я вас ни на шаг не отпущу.
— Тогда идемте вместе! Вы поможете кому-нибудь еще, а мы с вами за компанию! — тут же предложила Сесилия.
— Да ни за что он не согласится! Мы же для него ДЕТИЩА, — процедила Аманда, намекая на неодушевленный характер слова, ко-

торый и задел ее за живое.
— Не угадали, — не отреагировал на выпад Агнетто. — Я принимаю это любезное предложение. Идемте, у нас много работы!

Озеро скрывал громадный непроницаемый колпак. Ни обычный взгляд, ни ментальный взор не проникали за его дымчато-матовые стены, полусферой возвышавшиеся над скалистыми берегами. Он надежно блокировал практически любое излучение, отчего внутри было неизвестно о происходящем снаружи, а снаружи понятия не имели, что творится внутри. Как блестящая ученица и очень перспективная Извлеченная, Синотея почерпнула это умение в Институте. Воспроизвести Безвестность идеально она еще не могла, но и того, что у нее получилось, хватило с лихвой. Защищая свое озеро, она воздвигла купол настолько искусно, что проникнуть под него лурианцам удалось бы лишь довольно разрушительным способом, к которому они прибегать не торопились.

Безвестность предназначалась для защиты от выбросов нежелательной энергии и различных излучений отрицательного характера. В Институте Моделирования Разума чего только ни происходило, и лурианцы заведомо обезопасили наружную и внешнюю среды друг от друга. Это позволяло не волноваться, что их сложнейшие эксперименты как-либо отразятся на окружающем мире. Ну а заодно и оттуда практически ничего не проникало в Институт, если его сотрудники того не хотели. Безвестность, применяемая исключительно для благих целей, всегда себя оправдывала, поэтому в ее использовании никто не видел ничего предосудительного. Наиболее развитые Извлеченные обучались ей наряду со всем прочим. Когда раздался сигнал тревоги, Синотея возвела этот барьер над своим озерным краем. Вот только тревогу давно отменили, а купол все не пропадал, и что под ним происходило — оставалось неизвестным.

Прибыв на скалистый берег, Агнетто и его спутники застали Элайю в размышлениях. Возможно, Синотея просто перестраховывалась, выжидая несколько дольше, чем следовало. Однако выглядело это достаточно странно. Опытная лурианка чуяла неладное, но на крайние меры не решалась. Ей было вполне по силам преодолеть защиту Синотеи, только последствия от такого деяния окажутся на руку захватчику. Ведь именно ради них он и запустил Отголоски, спокойно наблюдая со стороны и готовясь снять урожай.
— Рада, что вы в порядке, — сказала Элайя, выслушав короткий доклад Оператора, решившего сообщить ей обо всем лично. — Мы волновались.
— Так волновались, что даже к нам не пришли, — проворчал Джу-

лиан.
— Я прислала Агнетто, — заметила Элайя. — В стенах Института вам ничто не угрожало, даже если у вас сложилось иное впечатление. Вы, конечно, натерпелись, но — не более. А вот у Синотеи могут быть проблемы посерьезнее. У нее там не симуляция, а реальные воплощения. Поэтому я здесь.
— Ага. Здесь. Только много ли с того толку? — не удержавшись, съязвила Аманда.
— Ам! Ты забываешься! — укоризненно посмотрел на нее Джулиан.
— Она права. А за правду не пеняют, — спокойно заметила Элайя.
— Без разрушений я Безвестность не развею. Пространственная дверь туда не ведет, а переместиться иначе мне мешает купол.
— А из-под земли? — удивился Джулиан.
— Пап, это же очевидно. Купол — везде, просто визуально он отображается только в свободном пространстве, — пояснила Сесилия.
— Умница, — кивнула Элайя. — Я уже пыталась найти в нем слабину, растекаясь своей бесплотной формой по всей его поверхности. К сожалению, Синотея оказалась слишком хорошей ученицей.
— Иными словами, проникнуть туда сейчас вы можете только силой, которую воздерживаетесь применять. Я правильно понимаю? — уточнила Аманда.
— Да тут и понимать нечего, — вступил в разговор Агнетто. — Но у меня другое предложение. Когда подойдут наши коллеги, мы возведем вокруг более мощную Безвестность, после чего разрушим эту. Сработает идеально.
— Если не считать возможных последствий внутри, — одернула его Элайя.
Агнетто принялся спорить. Не слушая их двоих, Аманда притянула к себе сестру и отца.
— У меня есть идея, но мне одной не справиться, — заговорщицки прошептала она.
— Я поняла, о чем ты, — кивнула Сесилия, оценив мысленно переданный ей план.
Джулиан не понял ничего, поэтому дочери транслировали ему замысел вдвоем. Затем, не дожидаясь ответа, подхватили под руки и куда-то исчезли вместе с ним.

* * *

Два водных мира имели настолько разную природу, что естественный союз между ними заведомо исключался. В лучшем случае они могли поддерживать хрупкий нейтралитет, стараясь све-

сти взаимодействие к необходимому минимуму. В худшем — один из них попытается поглотить другой, причем роль агрессора была вакантной. Ведь превентивный удар по злодею, совершенный добродетелью исключительно ради самозащиты, никто не отменял. Во всяком случае, по мнению того, кто считал себя именно ей. Останется ли она таковой после нападения первой — это уже отдельный вопрос, к которому можно вернуться после устранения угрозы. А угроза, увы, существовала, и все эти лурианские иллюзии только иллюзиями и оказались. Не могли два разных мира спокойно сосуществовать. Просто не могли!

Тьма наваливалась и давила. Она еще не прорвалась, но ее натиск усиливался, как усиливался и леденящий холод. Последний рубеж обороны стойко держался, оправдывая все вложенные в него усилия. К сожалению, трещины, неторопливо ползущие по адамантовому колпаку, предвещали беду. Все, что находилось под ним, напоминало аквариум, чьи обитатели в ужасе ожидают, когда прозрачные стенки лопнут и агрессивная внешняя среда уничтожит их всех до единого. Парадокс заключался в том, что один условный аквариум сейчас защищал от другого. Ведь тьма не была необитаема. В ее ледяной толще притаились исполинские существа. Искорки, посверкивавшие в черноте, не представляли собой предвестников света и освобождения. Они исходили от глаз, принадлежавших таким жутким хищникам, при мысли о которых волосы становились дыбом. И чешуя. Однако без боя никто сдаваться не собирался. Мирные существа, порожденные Радужными переливами, готовились к битве не на жизнь, а насмерть. И им в подспорье росли и множились целые легионы, наспех создаваемые хоть и грубовато, но довольно эффектно.

Солиднее всего выглядели крабы. Их громадные панцири были недосягаемы даже для зубов мегалодона. Клешни же обладали такой режущей силой, что перекусывали стальные канаты будто нить паутины. Раковины моллюсков превратились в убежища. Все безобидные существа сгрудились возле их приоткрытых зевов, готовых сомкнуться при первой же угрозе. Эти убежища собрались охранять черепахи, выстраиваясь вокруг оборонительным валом. Они только выглядели мирными, однако их могучие челюсти запросто могли перекусить зазевавшуюся акулу, а кораллы, наросшие на панцирях, стали очень опасным оружием — острым, коварным и поистине смертоносным. Это относилось и к коралловым рифам, превратившимся в разящее острие копья. Неосторожный враг будет тут же нанизан как бумажка на шило, стоит ему недооценить красивое, переливавшееся красками образование.

Вот и нашлось применение крылаткам и пираньям. Первые, вооружившись шипастыми плавниками, готовились пронзить любого, кто осмелится попробовать их на зуб. Убийственные токсины, вроде бы оставшиеся в истории симуляции, вернулись из небытия, обретая новую энергетическую форму. Вторые собирались несметными стаями, от которых рябило в глазах. Жестокость, не присущая им от рождения, с лихвой компенсировалась страхом, порожденным самосохранением. Напуганные и взбудораженные, доселе спокойные рыбки могли обглодать кашалота за считанные секунды. Враг намеревался бросить в бой исполинских чудовищ, но их уязвимым местом как раз и был миниатюрный размер добычи. Прежде чем десятиноги и мегалодоны что-либо осознают, их первую волну заживо сгрызут недооцененные ими крошки. Ну а следом в сражение вступят скаты, и особая надежда возлагалась на энергетических. Доселе они производили животворящее излучение, радуя всех вокруг. Что ж, настало время и для смертоносного. Их разряды могли наносить очень серьезный урон, а сконцентрированные в одной точке и вовсе испепелить практически что угодно.

Полосатики. Большие, дружелюбные, резвившиеся на солнце полосатики. Неужели они способны убивать? Еще как! Покидая чешуйчатые тела, их полоски начинали вращаться столь стремительно, что создавали водоворот, затягивавший в себя не хуже мясорубки. Как мясорубка он и работал, раздирая любую материю на бесформенный фарш. Песчинки, обильно поднятые со дна, кратно усиливали поражающий эффект, способный в кратчайшие сроки ободрать любую плоть до костей, а потом сточить и сами кости.

Спруты, доселе никогда ни на кого не нападавшие, осваивали новую роль — бить исподтишка. Отлично маскируясь на местности, они до поры втягивали кинжально острые когти, рядами размещенные между присосок. Один точный бросок — и прикрепившийся к телу диверсант разорвет его в клочья или проделает такую дыру, что уничтожит врага изнутри. Особое подспорье в этом окажет чернильная жидкость, превращенная в чрезвычайно токсичное вещество. Выброшенная в воду, она дезориентирует атакующих, а непосредственно в их тела — парализует и выведет из строя.

Кальмарам отводилась ударная роль. Их колоссальная скорость позволяла наносить молниеносные и неотразимые удары, а щупальца, сложенные острием, пробивали практически что угодно. Рассредоточившись по озеру, эти головоногие обращали взоры вверх, принимая боевую позу и готовясь атаковать, едва обрушится защитный купол. К сожалению, это означало, что вместе с

ним обрушится и ледяная вода, заполонившая весь мир снаружи. Проблема заключалась не в том, что между ней и озером оборонявшихся сохранялся воздушный пузырь. Стремительно смешиваясь, две среды породят непредсказуемые течения и водовороты, способные расстроить все планы защитников. И тогда кто знает, чья тактика в итоге потерпит катастрофическое поражение. Возможно, чужеродную воду следовало впустить сразу, хотя бы частично, чтобы выровнять давление и получить достаточно сведений о ее составе. Увы, атака началась настолько внезапно, что адамантовый купол представлялся наиболее надежным и логичным решением.

Когда раздался могучий гул и повеяло ледяной океанской свежестью, Синотея сразу поняла, что происходит. Нараставший плеск и шум огромных волн, сметавших все на своем пути, не оставлял никаких сомнений в своей природе. Синотея не строила предположений, как это вообще получилось — она реагировала. Спасала себя и свои творения, которые заботливо создавала на протяжении всего становления в Колыбельной Локализации. Аскин, доселе коварно маскировавшийся под мудрого обитателя глубин, явил свою подлинную сущность. Обманув лурианцев, он дождался подходящего случая и принялся наводить свои порядки. А сил для этого он накопил достаточно! Перекатываясь через леса и поля, гигантские волны разбегались по просторам Локализации, заливая ее до подножия гор. И вплоть до этих самых гор, подступая к их вершинам, они собирались превратить все и вся в единый бушующий океан. Набирая мощь, они ревели и пенились, вздымаясь все выше и выше, и в кратчайшие мгновения достигли границ Радужного озера. Но хлынуть в него не смогли. Сжав волю в кулак, Синотея накрыла его адамантовым куполом. Цунами оказалось сильнее. Купол не выдержал и раскололся, но она успела создать под ним другой, а затем пришел черед и третьего. Каждый из них был меньше предыдущего, сужая защищаемое пространство, однако свою задачу они выполнили. Сокрушительная мощь черных вод унялась. Растекаясь по всей Локализации, они не смогли поглотить озеро Синотеи. И еще до того, как к уцелевшему куполу подступили обитатели глубин, она использовала свой Радужный водопад на весь доступный ей максимум. Модернизируя живых существ, Синотея массово создавала новых, готовясь бросить их в последний бой. Бой, который покажет Аскину, что он напрасно ее недооценивал!

Купол угрожающе затрещал. Из его прорех хлынули тонкие струйки, быстро превращаясь в широкие потоки. В образовавшиеся бреши ринулась враждебная вода, низвергаясь загремев-

шими водопадами. Мегалодоны и головоногие засуетились. Разгоняясь издалека, они принялись бить в преграду носами, ускоряя процесс ее разрушения. Вспыхнули многочисленные огни. Огни исполинских удильщиков, вокруг которых высветились целые армии. Синотея похолодела еще до того, как ее коснулись ледяные воды врага. Увидев, какие силы бросил Аскин на ее уютный мир, она осознала, что решительно ничего не может противопоставить его жестоким чудовищам. Ее Радужное созидание было неспособно тягаться с такой неистовой, колючей и черной злобой. Эх, как же ловко Аскин маскировал свое лурианское преображение!.. Подсознательно Синотея давно это подозревала и теперь получила тому наглядное доказательство. Увы, получила слишком поздно, чтобы что-либо изменить. Однако пусть Аскин и не надеется взять ее голыми руками! Она заставит его чудовищ хорошенько подавиться перед тем, как ее озеро перестанет существовать!

Ужасающий грохот возвестил о том, что час последней битвы пробил. Лопнув везде и сразу, адамантовый купол рухнул, исчезая в оглушительном потоке бурлящей темной воды. Воды, в которой пошла в наступление армия исполинских хищников.

— А-а-а-а-а-а-аски-и-и-и-ин! — яростно вскричала Синотея, вскидывая коралловый трезубец.

И ринулась прямо в поток, лелея отчаянную надежду увидеть своего врага и пронзить его одним молниеносным ударом. Ну или хотя бы попытаться пронзить до того, как всему, что она так любила, настанет конец. Ведь увидеть его было бы худшим из всех возможных кошмаров! Но ее плану не суждено было сбыться. Синотею схватили. Схватили крепко и безжалостно, прежде чем она вонзилась в толщу черных вод. Свирепо вырываясь, Синотея кричала как дьяволица, и энергия ее крика раскалывала скалы. К сожалению, враг оказался куда крепче. Не выпуская ее из железной хватки, он стиснул бедняжку словно стальными обручами, лишая сил и подвижности. Стиснул — и низверг в преисподнюю, швырнув, на сухие, горячие камни. Вопя и отбиваясь, Синотея ярилась угрозами, мечтая оторвать хотя бы кусочек от врага. Оторвать перед тем, как ее саму разорвут на части. И ей это даже удалось. Подхватив оброненный трезубец, она ударила им настолько могуче, что гранит не выдержал и рассыпался в труху, брызнувшую хлесткими острыми крупинками. Это был гранит, на котором Синотея сражалась за жизнь под светом серебряной звезды. Вернув ей свободу, Аманда, Сесилия и Джулиан опасливо отступили, не желая свести знакомство с ее коралловым оружием. Что же касалось Элайи и Агнетто, то они остолбенели поодаль, наблюдая неожиданное зрелище. Завертевшись как ужаленная, Синотея обве-

ла врагов бешеными глазами и растерянно заморгала, сообразив, что нанизывать на острие трезубца тут решительно некого.

Купол Безвестности исчез. Это произошло в то мгновение, когда Джулиан с дочерьми переместили за его пределы Синотею. Связанный с ней, он не мог защищать внутреннюю среду от внешней, если инициатор защиты сам находился снаружи. И он развеялся. К счастью, совершенно мирно, без каких-либо дурных последствий.

— Мд-а-а-а, — протянула Элайя, наблюдая верху вниз озерное воинство. — Вы, юная барышня, потрудились на славу. Ваше мастерство я одобряю, однако над внутренними демонами вам еще работать и работать.

Когда Синотея уяснила произошедшее, ей стало так стыдно, что она была готова сквозь землю провалиться. Аскин и не помышлял на нее нападать. Его здесь вообще не было, а если бы он и появился, то спеша на помощь, а уж никак не желая расправиться с хозяйкой Радужного водопада.

— Как говорится, нет худа без добра, — подытожила Элайя. — Угроза, которой подверглась Колыбельная Локализация, выявила вашу слабую сторону. Вы, Синотея, до сих пор многого боитесь, и эти страхи происходят из вашего прошлого. Оно укоренилось в вашей памяти сильнее, чем кажется. Страх перед Аскином порожден недоверием и архаичными инстинктами. Их надо превозмочь и навсегда оставить позади. Вы поняли?

— Поняла, — вздохнула Синотея.

Успокоив несметные стаи пираний, она постепенно успокоила и всех остальных. Спруты и кальмары расплывались кто куда. Черепахи выбирались погреться на солнышке. Разряды скатов вновь обрели живительную составляющую. Это было лишь начало. Синотее предстояло хорошенько потрудиться, чтобы избавить своих любимцев от военизированных преобразований.

— А вот я кое-чего не понял! — напряженно заявил Агнетто. — Что сейчас вообще произошло?

Его указующий жест, направленный на Джулиана и девушек, выглядел более чем красноречиво.

— Я не думала, что надо объяснять это ВАМ, — немного удивилась Элайя. — Обычный переход в другое Смещение ничего бы не дал. Аманда это сразу сообразила. Нельзя вот так запросто миновать габариты Безвестности в другом измерении, чтобы вынырнуть обратно уже внутри нее. Но то — в СМЕЩЕНИИ. Пустоты это не касается. На то она и Пустота, что не имеет какой-либо формы и внятных законов воплощения. Безвестность, как и задумывалось, не позволяет ничему проникать даже туда, но вот из Пустоты пе-

реместиться внутрь ее контуров очень даже можно. Просто надо знать — куда. Ведь Пустота носит свое наименование не просто так. В ней нет ничего, в том числе пространственных координат. Создавая новое Смещение или Локализацию, мы заполняем их энергией и материей, где и происходит взаимное движение. Без них в Пустоте есть одна лишь неопределенная бесконечность.
— Элайя, я же не идиот! — сердито воскликнул Агнетто. — Не надо разжевывать мне прописную истину! Я знаю, как они это СДЕЛАЛИ. Я не понимаю, как ОНИ это сделали! Выйти в Пустоту может любой лурианец. Ведь так мы и творим новые Локализации, присоединяя их к разнообразию мироздания. Только я не припоминаю, чтобы кто-нибудь вот так запросто нырнул в Пустоту, дабы выскочить из нее в желаемом месте! На кой тогда нужны Лучи, если все настолько элементарно?!
— Полагаю, ответ стоит перед нами, только озвучивать его не торопится, — усмехнулась Элайя.
Джулиан смутился и порозовел, однако реплика относилась отнюдь не к нему. Девушки быстро переглянулись.
— Н-ну. Синотея была для нас вроде как маяком, — нехотя произнесла Аманда.
— Мы видели ее в Пустоте. Поэтому знали, куда надо перемещаться. Отец понадобился нам как дополнительный источник энергии. Поодиночке у нас не хватало на это сил, да и вдвоем не факт, что хватило бы, — добавила Сесилия.
— А почему вы были уверены, что увидите ее в Пустоте?! — опешил Агнетто. — Вот я бы не увидел! И Элайя бы не увидела! Никто бы не увидел! Вы должны были затеряться там навсегда!
— Они видели мысли Синотеи. А если они видели их здесь, значит, они могли увидеть их везде, в том числе и в Пустоте. И это позволило им легко осуществить задуманное, то есть переместиться прямо к цели, минуя барьер Безвестности. Я права, не так ли? — совершенно спокойно произнесла Элайя.
— Я бы не сказала, что это было легко, — возразила Сесилия. — Но в целом вы все правильно описали.
— Мы поспели как раз вовремя, — добавила Аманда. — Синотея уже собралась устроить там вселенское побоище. Мы схватили ее прямо на лету и выдернули сюда, пока она не натворила того, о чем потом очень бы пожалела.
— Видели мысли?! Чушь! Это абсолютно невозможно! — всплеснул руками Агнетто.
— Только не для них, — тихо сказала Элайя.

В целом, порядок довольно быстро восстановили. Колыбельная Локализация не пострадала, а отдельные очаги кошмаров уда-

лось погасить с минимальным ущербом. К примеру, мерколиты тоже применили купола Безвестности, но преодолели свои страхи лучше Синотеи. Аскин и вовсе обошелся без них, достойно совладав с внутренними демонами. Пассивность Гизмунда сыграла ему только на руку. Он решил принять свою судьбу и не предпринял вообще ничего. В ответ ничего не предприняла и "судьба", оставив в покое его пруд и холм. Пара неурядиц случилась в болотах, да и кратер тревожно плевался огнем, но в остальном обошлось без эксцессов. Объяснив Извлеченным что к чему, лурианцы полностью вернули над всем контроль, а затем принялись оценивать масштабы утечки. Под ней подразумевался энергетический всплеск, колебания которого и ожидал уловить захватчик.

Формально, в Институте ничего не изменилось. Отголоски свое отзвучали, а новых ожидать не приходилось. Как объяснили лурианцы, это был очень энергозатратный прием, требующий серьезной подготовки и немалых усилий. Вряд ли захватчик повторит его слишком быстро, если вообще повторит. Он ведь явно не желал выдать свое местонахождение, а лурианцы теперь непрерывно сканируют пространство на предмет источника соответствующего возмущения. Не догадаться об этом существо уровня его развития просто не могло. В ближайший период Колыбельной Локализации ничего не угрожало. Во всяком случае, ничего из уже применявшегося. Именно поэтому она выглядела как обычно, хотя все лурианцы были настороже. Гадая, что еще пустит в ход враждебное сознание, они были заняты исследованиями и аналитикой. Джулиан и прежде видел их лишь изредка, а теперь, погруженные в неотложные дела, лурианцы на глаза и вовсе не попадались. Впрочем, на сей счет имелось и альтернативное объяснение.

— Они нас избегают, — хмуро предположила Сесилия.

— Да и наплевать! Тоже мне, цацы! Я им в друзья не набиваюсь, — фыркнула Аманда.

Поправив каштановые волосы, она распрямилась, обозревая плоды своих трудов. Возле террасы, сразу за перилами, в воздухе был пришвартован аэромобиль. Насмотревшись фантастических сериалов, Аманда всегда мечтала о чем-то таком. Теперь, внезапно заполучив возможность конструировать все, что угодно, она старательно воплощала транспорт своей мечты. Роскошь сочеталась в нем с практичностью, а удобство — с функционалом. Напоминая спортивный автомобиль класса люкс, этот агрегат носился не хуже ракеты, обладал прозрачной крышей, исчезавшей по мановению мысли, и был напичкан всевозможными техническими штучками.

— Ты еще плазменные пушки прикрути, — вздохнула Сесилия.

— Уже прикрутила, — усмехнулась сестра.
— Лурианцам это точно не понравится, — мрачно заметил Джулиан.
— Да и черт с ними! Я же сказала — меня их отношение не волнует, — отмахнулась Аманда.
— И совершенно напрасно! — повысил голос отец. — Девочки, вы что, и впрямь недооцениваете ситуацию?
— Пока вроде все хорошо, — пожала плечами Сесилия. — Тот урод, который разнес проекцию Института, затаился и не высовывается. И уже никого не обманет.
— Между прочим, тот, как ты изволила выразиться, урод загремел в свое тюремное Смещение как раз за то, что вызывал опасения лурианцев! — многозначительно напомнил Джулиан. — И давеча они выяснили, что не напрасно.
— А мы-то тут причем? — осведомилась Аманда.
— А при том! — воскликнул Джулиан. — Или вы на полном серьезе воображаете, что лурианцы не обратят внимания на ваше чтение мыслей? Не обратят после того, как узнали об этом столь нетривиальным образом? Стоит им уяснить, какие оно открывает для вас возможности — и их реакция станет непредсказуемой! И вряд ли доброжелательной!
— Возможности? — пожевала губами Сесилия.
— Полагаю, именно это они сейчас и прикидывают. То-то никого из них не видать! — выразительно предположил Джулиан. — Одно практическое применение вы им уже предъявили, сделав то, чего не могут они. И если лурианцы решат, что вы для них угроза, тогда…
— Что тогда? — пытливо спросила Аманда.
— У страха глаза велики. А неизвестность порождает самые худшие из них, — покачал головой Джулиан. — Тот, кто напал на Институт, не обладал вашим даром, а его и то изолировали!
— Тогда, полагаю, нам не стоит сидеть сложа руки! — очень серьезно сказала Сесилия.
Соскочив с перил, откуда она наблюдала за работой сестры, девушка решительно направилась к Пространственной двери.
— Ам, ты идешь? — спросила она на ходу.
— Куда это вы? — опешил Джулиан.
— Пойдем разузнаем, прав ли ты, папа, в своих предположениях, или нет, — без обиняков сообщила Сесилия и перелучилась вместе с Амандой быстрее, чем отец успел их остановить.

Агнетто пребывал на своем посту. Обязанности Оператора с него никто не снимал, поэтому в отсутствие срочных задач он занимался своим прямым делом, то есть приглядывал за Юнисан-

циумами.
— По-моему, вы преувеличиваете, — урезонивала его Элайя.
Стоя с ним рядом, она краем сознания глядела в информационный поток, управляемый Оператором. Их разговор, начавшийся с отвлеченной темы, постепенно переключился совсем в другое русло. То, ради которого она и пришла.
— Да неужели? — в интонациях Агнетто слышалась враждебность.
— А я вам не говорил, что выкинула та, кого вы изволите именовать Амандой?
— Я и сама видела, — напомнила Элайя.
— Нет, раньше. Еще до того, как мы прибыли к Синотее, — пояснил Агнетто. — Она меня сканировала.
— Ну и что? — пожала плечами Элайя. — Мы регулярно это делаем, по разным причинам: оценить эмоциональный фон, душевное состояние, энергетический уровень. Извлеченные тут не исключение. Это умение для них и впрямь выдающееся, но не исключение.
— А то! — резко бросил Агнетто. — Я назвал ее "детищем", и ей это не понравилось. В то мгновение мне показалось, будто я лежу под увеличителем, а ученый занес надо мной скальпель и решает, то ли резануть по живому, то ли еще понаблюдать за строптивой зверюшкой.
— Хотите сказать, она пыталась читать ваши мысли? — уточнила Элайя.
— ДА, пожри меня Пустота! — воскликнул Агнетто. — Тогда я не понял, что это было. Решил, как и вы, что обычное сканирование, только с непривычки грубое и агрессивное. И только позднее, после истории с Синотеей, сообразил, куда ветер дует. Эти две особы не просто ВИДЯТ чужие мысли, они их ЧИТАЮТ! Или учатся читать, что, в принципе, суть дела не меняет.
— Вы понимаете, насколько это серьезное утверждение? — помолчав, спросила Элайя.
— Прекрасно понимаю. И, видимо, лучше вас! — не без апломба заявил Агнетто.
— И что это значит? — нахмурилась Куратор.
— Мы должны были сообщить о них сразу же, как узнали о мыслевидении! — твердо сказал Оператор.
— Мы и так сообщили. В Институте все знают и подумают, как нам следует поступить, — напомнила Элайя.
— При чем тут Институт? Надо было сообщить в Источник! И безотлагательно! — кипятился Агнетто. — Теперь же мы просто ОБЯЗАНЫ это сделать!
— Вам прекрасно известно, что Колыбельная Локализация изолирована, — неторопливо изрекла Элайя. — Никто и ничто не может

войти в нее или выйти, пока у беглеца есть шансы ускользнуть во внешний мир.
— Да, мне это известно, — довольно холодно произнес Агнетто. — А еще мне известно, что вы слишком лояльны к тому, кого Извлекли на свой страх и риск, хотя он не доказал, что достоин Извлечения. И к его так называемым дочерям. Им все сходит с рук, хотя у нас и за меньшее изолировали в Смещении.
— Прежде вы не выказывали к ним такую враждебность. Я считала вас их союзником, — удивилась Элайя.
— Все верно, так и было, — не стал отрицать Агнетто. — Только именно что БЫЛО! До того, как проявилось мыслечтение. И кто знает, что проявится еще!.. А вот что лично Я знаю, так это причину, по которой вы их защищаете.
— Правда? — в голосе Элайи впервые послышались ледяные нотки.
— Да. Это вы подстроили Слайдертону ту автокатастрофу. Ваше мудрое решение о его нейтрализации никто не оспаривал. Его грядущее открытие угрожало разоблачению природы Юнисанциума. Вот только второпях вы просчитались. Он должен был погибнуть один, а погибли все, включая его обожаемых дочурок. Вас гложет чувство вины, вот вы им и потворствуете! — процедил Агнетто.
— Вы переходите границы! — сурово отчеканила Элайя.
— Нет. Это вы их переходите! — с вызовом парировал Оператор.
— В общем, так, — тут же добавил он. — Или вы сообщите в Источник сами, или это сделаю я. Во втором случае последствия наступят не только у Недоизвлеченных, но и у вас.
— Вы мне угрожаете? — ледяным тоном осведомилась Элайя.
— Я констатирую, — жестко ответил Агнетто.

Воцарилось продолжительное молчание. Оператор нарочито внимательно копался в потоке данных. Куратор размышляла, взвешивая все "за" и "против".
— Послушайте моего совета: не стоит пороть горячку, — примирительно сказала она, стараясь выглядеть дружелюбно.
— Когда мы не пороли ее последний раз, Сибер'юния чуть не вырвалась на свободу. Или вы забыли, как она едва не прошла последний экзамен и была разоблачена практически случайно? — небрежно обронил Агнетто. — А теперь она мечтает уничтожить Институт. Кстати, я не удивлюсь, если к ее освобождению как-то причастны эти самодельные сестры.
— Сибер'юния такой не была. Да, она нарушала правила и ее замыслы нас беспокоили, но я помню ее глаза. Помню мечты и чувства. Она была упрямой и гордой, по-своему наивной и немного

беспечной. Дерзость идеалистки, не признававшая полумер, сочеталась в ней с пылом настоящей любви, способной зажигать звезды в мироздании. Такой она стояла перед нами в тот миг, когда было принято решение об изоляции. Теперь же… Эта злоба, эта всепоглощающая ненависть… — горько произнесла Элайя. — Мы не заперли чудовище, Агнетто — мы его породили. И вот чтобы не допустить такой ошибки снова, я призываю не торопиться с Амандой и Сесилией.
— Ваш психологический прием не сработал. То, что вы называете их по именам, меня совершенно не трогает, — отмахнулся Оператор. — Своего решения я не изменю. Сообщите либо вы, либо я. Из уважения к вам я оставляю выбор на ваше усмотрение.
— Вы же понимаете, что после инцидента с Сибер'юнией в Источнике перестрахуются? — не сдержала волнения Элайя.
— И что? — фыркнул Агнетто.
— Шанс покинуть изолированное Смещение есть у всех, стоит лишь сознательно избавиться от нежелательных качеств, — напомнила Элайя. — Вот только Аманды и Сесилии это не касается. Чтение мыслей — это их дар, часть их сущности. Они не смогут выкинуть его как ненужное воспоминание, а значит, их запрут НАВСЕГДА! До скончания времен!
— Пусть так, — холодно произнес Агнетто. — Зато мы не получим еще одну Сибер'юнию. Точнее, двух. А то и чего похуже.
Прервав Элайю, готовую разразиться бурной речью, он покинул трибуну и удалился, скрывшись в Пространственной двери. Побыв немного в одиночестве, ушла и Элайя, исчезнув в каком-то из Смещений. В огромном зале, наполненном рядами Юнисанциумов, не осталось ни единой живой души. Во всяком случае, по меркам тех, кто отказывал в таком статусе Сесилии и Аманде.

Притаившись неподалеку, девушки слышали каждое слово из разговора Элайи и Агнетто. То, что он происходил исключительно ментально, ничуть не помешало сестрам ощутить все так, будто лурианцы общались в том числе и с ними. Их мысленная связь, особенно яркая из-за разыгравшихся эмоций, была для девушек как экран с кинофильмом. Уловив суть случайно подслушанной беседы, сперва они озадаченно переглянулись. Затем, по мере развития напряженной дискуссии, их тревога стала возрастать, а к ее концу сестры сидели безмолвнее камня, боясь хоть чем-нибудь выдать свое присутствие. Сказанное между Оператором и Куратором явно не предназначалось для их ушей. Если лурианцы поймут, что девушки все знают — беды не миновать. Впрочем, исходя из услышанного, ее и так не миновать.

— Что будем делать, Ам? — шепнула Сесилия, осторожно вы-

глядывая из укрытия.
Шепнула, разумеется, мысленно. В слухо-голосовой речи девушки более не нуждались.
— Надо известить отца, — быстро отозвалась Аманда.
— Постой! — удержала ее за руку Сесилия. — Возможно, они только этого и ждут. Надо проявить осторожность.
— Какую осторожность, сестра?! — вспылила Аманда. — Не поторопимся — слыхала, чего будет?
— Ты меня не поняла, — Сесилия намеренно послала ей такую мощную волну, что собственные мысли Аманды заглушились. — К отцу, мы, конечно, пойдем. Только сперва кое-что сделаем. Кое-что, что отвлечет внимание лурианцев. А мы тем временем решим, как избежать вечного заключения.
— Только давай не как в прошлый раз, — ворчливо согласилась Аманда. — А то их от Сибер'юнии до сих пор лихорадит.
— Это была случайность, — напомнила Сесилия, перескакивая вместе с ней в другое Смещение.
Там находился такой же технический зал, но Юнисанциумы отсутствовали. Освещение, по большей части, тоже, поскольку проект этой альтернативной структуры Института так и не закончили. Сестры нашли его наугад, когда осваивали открывшееся им умение пространственной транспортировки.
— А им, если ты не поняла, наплевать! — гневно бросила Аманда. — Агнетто, змий подколодный, выразился более чем ясно. Разбираться никто не станет!
— Но Элайя вроде бы на нашей стороне, — неуверенно протянула Сесилия.
— Как оказалось, всего лишь из чувства вины, — вспыхнула Аманда. — Не забывай, сестра: один раз она нас уже убила. Кто знает, не надумает ли она это снова.

Шарахнуло совсем рядом и особенно громко. Нейтрализатор, схлопнувшись вхолостую, сердито загудел и запустил цикл перезарядки. Тем временем активировались соседние, явно надеясь, что преуспеют больше. От них не отставали и Поглотители. Проявляясь специфическим искривлением сущего, они словно пытались затянусь в себя все окружающее, хотя на деле впитывали только энергию, излучаемую на определенной волне. В частности, волне пространственных перемещений. Тот, кто попался бы в этот защитный механизм, не смог бы сбежать в другое Смещение или вообще куда-либо. Вкупе с физическим обездвиживанием, для чего устанавливались Нейтрализаторы, это надежно сковывало нарушителя, пока тот не натворил бед.
— Умеешь ты вляпаться в неприятности, сестрица! — воскликнула

Аманда.
Призрачные контуры октаэдра очертились вновь. Окажись в нем какое-нибудь существо — и он тут же наполнился бы той желеподобной субстанцией, в которой довелось побывать Джулиану вскоре после Извлечения. Однако удар пришелся в пустоту. Мимолетная вспышка, сверкнувшая будто выдох яривщегося электричества — и октаэдр схлопнулся, испустив громовой разряд. Увернувшись от Нейтрализатора, Аманда проворно обогнула ближайший Поглотитель, тянувшийся к ней искривленной перспективой.
— Знала бы, где упаду — вообще бы не полезла! — переделав известную пословицу, ответила Сесилия.
Уйдя в другое Смещение, она тут же вылетела обратно, но чуть дальше. Так работала защита, переплетавшая пространственные координаты. Даже не попав в объятия Нейтрализатора, сбежать от него вот так запросто не получалось.

Молния проскочила совсем близко. Вздыбив Сесилии новую прическу, она исчезла, но вслед за ней сверкнула другая. Девушка успела переместиться, избежав ее жала, и чуть не свалилась в разверзшийся провал. Переворачиваясь керамическими плитами, пол исчез. Теперь вся комната выглядела так, словно превратилась в бездонную шахту лифта, поскольку потолок тоже развеялся, уступив звездной глубине. Однако сестры не упали ни вниз, ни вверх. Да, они все еще ходили на своих двоих, но ведь и Элайя ходила, что ничуть не мешало ей парить и летать когда вздумается.
— Я думала, хуже чем в прошлый раз уже и быть не может, ан нет! Ты снова втянула нас в историю! — сердито, но беззлобно крикнула Аманда.
Став полупрозрачной, она юркнула промеж серии разрядов и ловушек, прочертив в воздухе мудреную, прерывавшуюся на Смещения кривую. Сесилия не отставала. Чертыхаясь и уворачиваясь, она держала путь туда же, куда и сестра — подальше от ядра Рефлектора и поближе к выходу.

Изначально это казалось хорошей идеей. О саботаже не шло и речи, но пошуметь на Рефлекторе, чтобы отвлечь внимание лурианцев — что может быть лучше? Учитывая недавнее нападение, они позабудут обо всем на свете и принесутся во всех сторон. Видимо, сейчас они именно это и делали, то есть неслись разом отовсюду, да только сестры никак не рассчитывали застрять возле Ядра. Окруженное массой защитных устройств, оно не собиралось их отпускать. А устройства были что надо, и на их количество явно не поскупились. Сунься сюда Джулиан — и он бы уже угодил в одну из ловушек, где и дожидался бы прихода лурианцев. Девушки же, проворные будто лани, никого дожидаться не собирались,

надеясь унести ноги до того, как кто-нибудь объявится. И у них мало-помалу получалось. Во всяком случае, до тех пор, пока Ядро Рефлектора не начало сворачивать пространство вокруг себя. Оно и выглядело как ядро, только теперь его очертания подернулись дымкой и словно полустерлись. Так повел себя и весь огромный зал, одновременно изгибаясь подобно платку, завязываемому вокруг волейбольного мяча. Только мяч заменяло все внутреннее убранство, включая носившихся там сестер.

— Влипли! — констатировала Аманда, первой добравшаяся до выхода.

Протянув пальцы, она хотела переключить Пространственную дверь, но та сложилась в линию, а затем унеслась прочь длинной цветастой лентой.

— Да ни за что! — в голосе Сесилии прогремел вызов.

Схватив сестру за руку, она налилась новой силой и… Обе исчезли за мгновение до того момента, когда комната сомкнулась сама вокруг себя. Блокиратор пространства был призван удержать внутри все живое и неживое. Ненадолго, но удержать, фиксируя абсолютно все процессы, пока не подоспеет охрана. Да только ничего у него не вышло. Впопыхах повыскакивав отовсюду, лурианцы уже никого не застали.

Пустота. Она была настолько всеобъемлющей, что выражалась отнюдь не в отсутствии энергии и материи. Она наполняла и изнутри. Наполняла сам разум. Любой, кто в ней оказывался, воспринимал себя пустотелой оболочкой без оболочки. В сознании по-прежнему проносились мысли, однако всякое их ощущение бесследно исчезало, как и любое другое ощущение.

— Сеси! — взвизгнула Аманда.

Чувство отсутствия всяких чувств ей решительно не нравилось. Особенно тогда, когда она оказывалась к нему совершенно не готова. Лурианцы выходили в Пустоту крайне редко, ради образования новых Локализаций, и соблюдали массу предосторожностей. Сестры же что-то туда зачастили, причем возвращения обратно никто не гарантировал. Да, они видели чужие мысли, служившие им своеобразными маяками, но то были мысли только хорошо известных им существ, причем находившихся в пределах досягаемости. Во всяком случае, на текущем уровне развития девушек, а ни того ни другого там, возле Ядра, не наблюдалось.

— Спокойно! — отозвалась Сесилия. — Сработало один раз, сработает и в другой.

— Благодарю покорно! Прошлого визита к Сибер'юнии мне вполне хватило! — решительно воспротивилась Аманда. — Кстати, а вот и она!

Но Сесилия уже и сама увидела приметную искру, лучившуюся особым светом. Впрочем, все искры сознаний отличались друг от друга, что, в принципе, выглядело вполне логично, поскольку идентичных попросту не существовало. Однако забыть именно эту было просто невозможно, с тех самых пор, как любопытные сестры однажды заглянули к ней "на огонек".
— Я надеялась засечь кого-нибудь еще, — пояснила Сесилия, напряженно сканируя Пустоту.
Последствием первого посещения Сибер'юнии стал сработавший Рефлектор, то есть виртуальная катастрофа. Второе грозило катастрофой подлинной.
— НАДЕЯЛАСЬ?! — ужаснулась Аманда. — Ты выдернула меня сюда НАУГАД?!
При всех своих очевидных ужасах, вечное заключение в Смещении представлялось ей не таким уж и плохим, если сравнить его с бесконечным пребыванием в Пустоте. Ведь творить Локализации сестры пока не научились, и конкретно в ней, лишенные всяких ощущений, уж точно не научатся.
— Папа всегда за нас переживал, по поводу и без повода. Я находила это совершенно излишним, только кто бы мог подумать, насколько сейчас его беспокойство кстати! — своеобразно ответила Сесилия, указывая еще на одну, внезапно вспыхнувшую искру. — Впрочем, на него я и рассчитывала, — добавила она, снова хватая Аманду за руку.

Джулиан места себе не находил. Не будь дураком, он моментально связал объявление тревоги с поспешным уходом дочерей. Что бы они там ни натворили, лурианцы уж точно не обрадуются, особенно тогда, когда их судьба и так в подвешенном состоянии. А что-то они уж точно натворили! По меркам той же Синотеи, Джулиан здесь совсем недавно, однако тревогу поднимали всего несколько раз — и всегда из-за его дочурок. Объятый сильнейшим беспокойством, он хотел было ринуться к ним на выручку, уж в чем бы девчонки ни провинились, но куда?! Этих двоих поди найди! Проявив силу воли, Джулиан подавил безрассудный героизм, хотя отцовский инстинкт гнал его прочь. Оставаясь в домашних апартаментах, он, возможно, принесет гораздо больше пользы, нежели убежит в неизвестном направлении. Ведь дочери знают, где его искать, в то время как он их — нет. Стиснув зубы, Джулиан выскочил на террасу и заметался по ней как запертый лев, излучая настоящее цунами эмоций.

Хлоп! Объявившись возле отца, сестры овеяли его потоком лучившейся энергии. Завидев их, тот остолбенел, олицетворяя собой немой вопрос, однако рассказывать о том, чего они натвори-

ли, было решительно некогда. Схватив родителя за руки, Аманда и Сесилия испарились с ним до того, как на террасу прибыли лурианцы.

Лже-диверсия на Рефлекторе окончательно перестала считаться хорошей идеей. В известном смысле, девушки своего добились. Побросав насущные дела, весь Институт и впрямь поднялся на уши, поскольку лурианцы усердно искали нарушителей. Не именно сестер, ибо первичные подозрения однозначно падали на происки Сибер'юнии, только от этого становилось еще хуже. Воспринимая угрозу как критическую, на ресурсы преследователи не скупились. Тогда-то Аманда и Сесилия впервые познакомились с Девиаторами.

Как ни странно, в названии этих неодушевленных гончих сквозило самое прямое созвучие с девиантностью. Ведь они и были призваны отслеживать девиантное поведение. Энергетическое, разумеется. Любая аномалия, каковой считалось нечто явно выбивавшееся за обыденные процессы, оставляла своеобразный след, по которому и шли эти сферообразные устройства. Они фиксировали пространственные колебания, собирая всю информацию об объекте своего преследования. Обычно это было какое-нибудь существо или природное явление, вышедшее за рамки нормы, что в Колыбельной Локализации время от времени очень даже случалось. Лурианцы ведь не гонялись друг за другом с пресловутыми вилами и факелами. Однако на сей раз Девиаторы преследовали потенциального врага в лице кого-то из чудовищных творений Сибер'юнии. Не зная, что причина переполоха в Аманде и Сесилии, они подбирались к ним все ближе, и с не очень-то дружелюбными намерениями.

От пространственных перемещений у Джулиана голова шла кругом. Дочери, не выпуская отца из рук, устроили такую круговерть, что у него проклюнулись симптомы морской болезни, которой даже в прошлой жизни отродясь не было. Перескакивая через Смещения и точки Локализации, девушки старательно запутывали следы, пока внушительная группа Девиаторов наступала им на пятки. Вращаясь вокруг своей оси, причем одновременно в разные стороны, сферы мгновенно прощупывали все внешнее пространство, безошибочно находя целевые колебания. Как они кружились подобным образом? Тысячи тончайших слоев, накладываясь во всех проекциях разом, сливались вместе в одном Смещении, хотя поочередно присутствовали во многих. Тем и вызывался несколько жутковатый визуальный эффект, хотя сестрам и без него было отчего пугаться. Стремясь обездвижить потенциальную угрозу, Девиаторы выстреливали Поглотителями и Нейтрализато-

рами. Все еще не определив Аманду и Сесилию, они не знали, с кем имеют дело, и работали на упреждение, забрасывая их потенциальную траекторию активными препятствиями. К сожалению для охотников, попадался в них кто угодно, но только не сестры. Различные существа, обомлевшие от непривычной суеты, застывали в самых разных позах, пока мимо них сперва проносились девушки и их отец, а следом поспешали взбудораженные Девиаторы.

— Твой летающий катер нам бы сейчас очень пригодился! — мысленно запыхавшись, бросила в пространство Сесилия.

Скоростная посудина, заранее воплощавшая уйму всяких полезных вещей, помогла бы им точнее сконцентрироваться на чем-то одном, не отвлекаясь на полет и другие процессы.

— Я его уже в шестнадцатый раз вызываю! Да все никак к нему не завернуть! — тем же манером ответила Аманда.

Постоянно перемещаясь, сестры и сами не знали, где вскоре окажутся, отчего катер, прибыв на заданное место, всякий раз оказывался бесполезен. Колыбельная Локализация мелькала мимо них как декорации из тысячи разных актов какой-то невообразимой пьесы.

— Девочки, что происх… Бульп! — стошнить Джулиана физически не могло, но и продолжать связную речь он оказался не в состоянии.

Он уже не первый раз пытался подать голос, однако все попытки уяснить причину столь диких скачек неизменно терпели неудачу.

— Берегись! — вскричала Сесилия.

На пути, откуда ни возьмись, объявился громадный шкаф, гостеприимно распахивавший дверцы. Само собой, никакого отношения к мебели он не имел, да и створки как таковые отсутствовали. Это была некая пространственная конструкция, куда, по замыслу ее создателей, должны были угодить все ближайшие путешественники. Передавая информацию Координаторам, Девиаторы получили подкрепление. Вычислив предполагаемую траекторию, лурианцы расположили на пути беглецов несколько Граббе-ров. Они затягивали любой объект, передвигавшийся неподалеку выше определенной скорости и уж тем более пытавшийся уйти в Смещение. Работа Граббера напоминала Пространственную дверь, но в одну сторону. Его добыча попадала в заданное место, надежно изолированное от всяких попыток сбежать.

До сих пор сестры не видели Грабберов, как и Девиаторов, но были осведомлены о них из Источника. И попадаться в их объятия не хотели. Пришлось импровизировать. Недавний опыт, основательно набивший руку, пришелся весьма кстати, как и ментальное

общение, мгновенно согласовавшее план. Фигурально выражаясь, Граббер уже облизывался, намереваясь проглотить троих беглецов, но вместо них в его зеве очутилась цистерна размером с водонапорную башню. И это снаружи, поскольку внутри она была на порядок обширнее, под завязку напичканная чем-то крайне не выносящим резкой смены давления. А оно еще как сменилось, когда цистерна взяла да лопнула, повышибав Грабберу виртуальные зубы. Силясь проглотить гораздо больше, нежели начало входить в его глотку, тот поперхнулся, затрясшись пространственными искажениями. Луговой холм, над которым он образовался, едва не рассыпался от натуги, а окрестные животные бросились врассыпную. И крайне вовремя, поскольку Граббер, мгновение поколебавшись, так и не совладал с распухшей добычей. Ведь та детонировала, стремительно расширяясь, пока он столь же стремительно пытался удержать ее в неизменных рамках и переместить. В результате детонировали оба. Злорадно ухмыляясь, сестры тут же нырнули в Смещение, однако содеянное настигло их в виде неожиданных последствий.

Смещения не было. Куда бы ни занесло Аманду и Сесилию, но там вихрилась громадная энергетическая воронка. Она напоминала тайфун, протянувшийся от штормовых туч до океанских волн, а девушки — заплутавших чаек, едва не угодивших в его объятия. Хобот тайфуна изгибался миллиардом колец, а все вокруг искажалось будто под увеличительным стеклом. Только что, собственно, все? Толком ничего и не было. Вокруг простирались одни лишь энергетические потоки самого пространства, составлявшего Смещения, а сестры как бы оказались в бесконечно крохотном промежутке между ними.

Беглецы нырнули налево, огибая тайфун. Девиаторы устремились следом, но оплошали. Словно реагируя на их появление, воронка увеличилась в размерах и мгновенно втянула тех, кто летел к ней поближе. Что с ними стало — сестры понятия не имели, а выяснять на собственной шкуре никакого желания не возникало. Успешно избежав гудящих колец, они устремились к искривлявшимся потокам, рассчитывая выскочить в Смещение, только не тут-то было! Энергетическое возмущение оказалось настолько велико, что все их попытки рикошетили обратно. Чем больше сестры усердствовали, тем сильнее их отшвыривало прочь, словно бильярдный шар от борта. Инкогнито обеих было тут же раскрыто, поскольку они неоднократно проносились в прямой видимости Девиаторов. Впрочем, это мало что меняло. Все равно лурианцы раскусили бы, за кем гоняются, а хуже вечного заключения ничего и быть не могло!

— Еще идеи есть? — осведомилась Аманда. — Только давай без Пустоты!
Ситуация накалялась. Тайфун стремительно разрастался, да и Девиаторы времени зря не теряли. Завидев и опознав сестер, они поубавили в агрессивности, зато открыли прицельный огонь.
— А нам туда и не выскочить! Помехи зашкаливают! Я вообще потеряла ориентацию, где нахожусь! — прокричала, стараясь не кувыркаться, Сесилия.
Девушки рикошетили все быстрее, ускоряясь с каждым мгновением, а вместе с ними и Джулиан. Он уже ничего не пытался говорить, ограничиваясь сменой цветов, преимущественно с бурого на зеленый. Судя по всему, неважно чувствовали себя даже Девиаторы. В их координации стала наблюдаться некоторая неуверенность, переходящая в откровенное функциональное расстройство. Один за другим они сползали в тайфун и исчезали, затянутые его свирепым вихрем. Туда же затянуло и "шкаф" Граббера, невесть каким образом объявившийся из ниоткуда. А затем еще один и еще один. Вероятно, их кто-то посылал, только пользы с того выходило негусто.
— А если мы с тобой столкнемся? — предположила Аманда.
— Соскучилась по синякам? — фыркнула Сесилия.
— Столкнемся, пытаясь поодиночке уйти в разные Смещения. Глядишь, куда и забросит! — сердито пояснила Аманда.
Да, ментальное общение имело свои очевидные преимущества, поскольку в такой бешеной круговерти архаичный разговор становился попросту невозможен. Космонавты, вращавшиеся в центрифуге, не испытывали и десяти процентов того, что выпало на долю сестер.
— Кто держит отца? — быстро спросила Сесилия.
Предположение, что их авось и впрямь куда-то закинет, но только частями, сестры отмели как несостоятельное. В их нынешнем воплощении подобные увечья более не носили летального характера.

Замысел выглядел не только сомнительным, но и опасным. В принципе не понимая, где и почему оказались, девушки вознамерились инициировать пространственное столкновение в процессе перехода. Их предыдущая идея, увенчавшаяся разрывом симуляции мегаполиса, в сравнении с этой выглядела детской шалостью. Впрочем, что им было терять? Сдаваться на милость лурианцев? Когда-то Сибер'юния так и поступила. Увы, снисходительность высших существ имела свои побочные стороны. Иногда лучше убить сразу, нежели обрекать на вечное заточение. Разогнавшись вокруг вихрящегося столба, сестры набрали колоссальную скорость и врезались друг в друга в попытке встречной пространст-

венной транспортировки. Только откуда им было знать, что энергетический тайфун, не отпускавший от себя, и порождался их непрерывными, спонтанными метаниями.

След или фон, за которым и летели Девиаторы, довольно быстро исчезал, но только не тогда, когда траектории перемещения постоянно проходили рядом, а то и вовсе пересекались. Быстро нарастая, он превращался в самостоятельное образование, которое сперва работало по принципу эха, но потом, подпитываясь из прежнего источника, инициировало мощный резонанс. Лурианцы, целенаправленно следовавшие из одной точки в другую, крайне редко провоцировали нечто подобное. Пытаясь запутать преследователей, сестры по неопытности сотворили настоящую аномалию, насыщенную их растущей силой. Чего и удивляться, что оказавшись подле нее, они утратили возможность дальнейшей транспортировки. Ведь аномалия, по сути, была эхом всех предыдущих действий сестер, растущим как на дрожжах, а перемещаться разом во множество точек не мог никто! И вырваться из нее существовало только два способа. Первый — спокойно обождать, пока энергетический шторм утихомирится и рассосется. Второй — нарастить его до таких размеров, чтобы он взорвался изнутри, впитав больше энергии, чем мог удержать. Своим взаимным столкновением девушки выбрали последнее.

Девиаторы просто испарились, не выдержав ударной волны. Не выдержали ее и сестры, обнявшие отца. Очутись они в эпицентре термоядерного взрыва, шансов уцелеть и то было бы больше. Тайфун, нарушивший энергетические колебания на всех уровнях, превратил все в некое подобие плазмы, только невещественной. Там не было протонов, нейтронов и прочих элементарных частиц, хотя вместо них не объявилась и Пустота. Разметав все, до чего сумел дотянуться, тайфун образовал сплошной хаос, где от Аманды, Сесилии и Джулиана не осталось даже крошечного фрагмента.

– 5 –

Лурианцы не вели войн. В традиционном смысле те давно канули в лету, сменившись незначительными, спонтанными неурядицами. С другой стороны, былой опыт, остававшийся в анналах истории, не прошел втуне и позволял предупредить нежелательное развитие событий. Технически и разумно развитые, лурианцы, как обычно, не воевали просто потому, что изначально исключали к тому всякие предпосылки. Конфликты, конечно, бывали, однако их природа носила непреднамеренный характер. Созидая с размахом, кто-то из лурианцев мог случайно инициировать

некие сторонние процессы, впоследствии принимавшие самые разные формы. Пример? Юнисанциум. Тот самый примечательный Юнисанциум, симулировавший целую Вселенную в надежде на зарождение разумной жизни. И случайным было не только это зарождение, но и сама его идея как таковая.

Изначально Юнисанциумы создавались совсем с другими целями. Получая нужный результат, лурианцы дематериализовали их, даже и не помышляя отправлять в какой-то там архив. И лишь однажды, волею судьбы, они внезапно обнаружили, что внутри этой структуры может зародиться жизнь, причем жизнь разумная. Которая, вероятно, зарождалась уже ни раз и ни два, так и оставаясь незамеченной. Иными словами, разумная жизнь стала побочным продуктом неких экспериментов, о котором лурианцы даже не подозревали.

Удивительное открытие серьезно изменило принципиальный подход к воплощению материи. Когда оно стало доказанным и очевидным, лурианцы выделили Юнисанциум в отдельную категорию, передав его дальнейшее совершенствование профильным специалистам. Взявшись за дело, те провели колоссальную работу, достигнув впечатляющих результатов. Они проводили бесчисленные опыты, создав множество одновременно существующих симуляций. Их количество росло, поэтому для удобства они сперва объединили Юнисанциумы под крышей одного здания, а затем и вовсе вынесли в отдельную область. Так появилась Колыбельная Локализация. Так появился Институт Моделирования Разума.

Суть сей истории, однажды поведанной Элайей как Джулиану, так и его дочерям, была проста. Любое, даже самое благое начинание могло повлечь непредсказуемые последствия, а Институт и его Локализация считались наиболее опасным местом в мироздании. Именно поэтому здесь работали самые древние лурианцы, перевидавшие практически все на своем веку. Именно поэтому Колыбельная Локализация надежно изолировалась от внешнего мира, едва для этого возникали достаточно серьезные предпосылки. И именно здесь гипотетически могло произойти все что угодно, включая настоящую войну. Элайя, в сравнении с которой седая вершина не тянула даже на младенца, еще застала старинные битвы былых эпох, когда одни лурианцы убивали других. Тогда она воевала получше многих, познав воодушевление победы и горечь утраты. Тогда же она зареклась прибегать к насилию, если в том не возникнет крайняя необходимость. И кто бы мог подумать, что подобная необходимость возникнет теперь, когда под вопросом внезапно окажется само существование Института Воплощения Разума.

Агнетто неспроста уважал авторитет Элайи. Даже уличая ее в том, что не спустил бы никому другому, он старался не идти на открытый конфликт, предпочитая апеллировать к третьим лицам. Опытный Оператор заслуженно признавался мастером своего дела и имел немалый вес в социуме. Тем не менее, рядом с Элайей он выглядел подростком, уже кое в чем разбиравшимся, но не настолько хорошо, как мудрая бабушка. Кроме того, Элайя банально была сильнее. Лурианцы не опускались до фигуральных драк, однако Агнетто никогда не забывал: принуждение Элайи хоть к чему-либо обернется для него полнейшим фиаско. Даже разозлившись на коллегу и считая ее поступки неприемлемыми, он ни за что не осмелился бы противостоять ей в открытую. Да и мало кто осмелился бы. Разве что Сибер'юния, горевшая жаждой мщения. Для противостояния с ней Элайя и преобразилась, вспомнив былые навыки. Глаза лурианцев, узревших эту метаморфозу, отразили непривычный испуг. Но ненадолго. Оценив обстановку, Элайя мгновенно исчезла, ринувшись в гущу событий.

Бессмертие выражалось несколько специфическим образом. Если какая-либо сила уничтожала не только телесную оболочку лурианца, но и раскидывала фрагменты его энергетической сущности, он не мог мгновенно восстать из пепла аки пресловутый Феникс. Сперва ему требовалось восстановить структурную целостность. Каждая ее частичка помнила о наличии другой. Более того, они друг к другу притягивались, вне зависимости от расстояния. Таким образом, если никто их намеренно не удерживал, сознание лурианца собиралось вновь, и тем быстрее, чем ближе к завершению оказывался этот процесс. Сам же лурианец…

Это выглядело как тоннель. Длинный, бесконечный, широкий тоннель со стенами из разных оттенков синего, непрерывно вращавшимися и состоявшими из энергетических колец. Цепочки молний, пробегавшие по ним вдоль и поперек, выглядели скорее печально, нежели устрашающе. Несколько печально выглядел и сам тоннель, однако на то имелись некоторые основания. Он представлял собой бесконечный путь, происходивший из ниоткуда и никуда не ведущий. Сознание лурианца, утратившего целостность, находилось именно там, пребывая в долгом путешествии, пока его структура не соберется вновь. Он по-прежнему мог мыслить, но всякое взаимодействие с внешним миром исключалось. Он даже имел форму, поскольку видел себя таким, каким хотел. Это был как сон наяву, и в этом сне по тоннелю брели три одинокие фигуры. Три — ибо родство и точка распыления позволили им очутиться на одном пути ожидания. Ну или в заключении — это уж как посмотреть.

— Спасибо, сестрица. Твоя идея была просто гениальной! — еле сдерживая злость, бросила Сесилия.
Не понимая, где очутились, сначала сестры пытались прорваться сквозь синие стены, а затем, уяснив, что это им не под силу, просто пошли вперед. Именно вперед, а не назад, поскольку в обратную сторону тоннель меркнул и выглядел достаточно пугающе.
— Что-то я не припоминаю предложений получше! — съязвила насупленная Аманда.
— Девочки, не ссорьтесь! — велел Джулиан.
Оправившись от безумной центрифуги, он пытался мыслить рационально, и по всему выходило так, что нынешнее состояние — это еще не самая главная проблема.
— И не будем, если кое-кто перестанет втягивать нас в неприятности, — проворчала Сесилия.
— Уши надеру, — предупредила Аманда.
Немедленно вспыхнув, младшая сестра отбросила всякие приличия и ринулась на старшую. Совсем как в детстве. И совсем как в детстве отец разнял обоих, ухватив каждую за руку.
— Уши надо бы надрать вам обеим! — выразительно сообщил он, утихомирив взбудораженных девушек.
Отцовский авторитет позволял ему удерживать дочерей от выяснения отношений, к которому они обязательно бы прибегли. Сесилия и Аманда друг друга очень любили, но чем сильнее бывает желание обнять, тем эмоциональнее может вспыхнуть и жажда треснуть дорогое тебе существо по башке. Оксюморон? Возможно, но у лурианцев их было предостаточно.

У Джулиана хватало оснований корить дочерей. Узнав про выходку на Рефлекторе, он пришел в ужас. В их действиях прослеживалась известная логика, однако вряд ли лурианцы станут к ним снисходительнее. Если сестры и могли как-то ухудшись свое положение, они приложили к этому максимум усилий. Шансы на то, что их запрут в Смещении, теперь были высоки как никогда.
— А может, нас уже заперли? — предположила Аманда.
— Не думаю, — поразмыслив, отозвался Джулиан. — У них это не так работает. Как минимум, нам бы сообщила об этом Элайя.
— Я согласна с папой, — поддакнула Сесилия. — Помнишь, что нам говорила Сибер'юния?
— А что это?! — с изменившейся интонацией воскликнула Аманда.
— Как это — что? Не что, а кто! У тебя, сестра, никак память отшибло?! — опешила Сесилия.
Однако Аманда подразумевала нечто совсем иное. Там, впереди, тоннель неожиданно окрасился в красно-желтый цвет. И как раз тогда, когда отец и сестра сообразили, о чем она толкует, эти от-

тенки ринулись им навстречу. Какое-то мгновение — и все вокруг вдруг яростно вспыхнуло оранжевым пламенем.

Конструкции. Фрагменты. Пустышки. Побочки и Последствия. Как ни назови, суть всего этого была одна — нечто, случайно оставшееся в закоулках мироздания, что либо вообще не должно было существовать, либо каким-то образом застыло в процессе распада. Обычно Фрагменты не представляли никакой опасности и уж тем более не вели себя агрессивно, напоминая окаменелости древних ящеров. Обычно. Тем не менее, такая вероятность существовала, а когда перебираешь тысячи Терриклов подряд, шансы на враждебное столкновение вырастали чрезвычайно.

Оружие ей не требовалось. Она сама была оружием. Сама, во всем своем могущественном и величественном воплощении. Она могла быть прекрасной и ужасной одновременно. И она ей была. Все остальное представляло собой исключительно сопутствующие удобства, создаваемые велением мысли.

Кольцо огня мгновенно испепелило все ближайшие Фрагменты. Напоминая незавершенные здания, они двигались будто несправные роботы с повадками паука. Следующими пали роботы-муравьи. Надвигаясь целой лавиной, они атаковали многими тысячами, но тысячами и полегли. Вспыхивая как стружка магния, они ослепительно обращались в вечное ничто, во что давно уже должны были обратиться. С роем вышло несколько сложнее. Нет, ничего затруднительного — просто сложнее. Из пушки по воробьям не палят, поэтому ей пришлось ненадолго образовать вокруг себя настоящую преисподнюю. Пламя было повсюду. Оранжевое пламя, дематериализующее все живое и неживое. Свирепо гудя на всех частотах разом, оно вызывало в пространстве энергетическую бурю, расстраивавшую саму структуру любой материи. Потом оно угасло, обратив окружающее в кружившие хлопья сажи. И тут же на нее бросился Реквариум.

Вот это было по-настоящему опасно. Новичок пал бы незамедлительно. Опытный Извлеченный продержался бы довольно долго, но именно что продержался, не имея шансов победить. Ведь как победишь лурианца, уступая ему в развитии? Однако она не испугалась. Даже глазом не повела, ибо единственным Реквариумом, способным всерьез ей навредить, мог быть только ее собственный. Или кого-то из древних, ибо так называлась неодушевленная тень, случайно сформированная по прихоти колебаний мироздания. Само собой, сформированная по вполне определенной причине. Хотя бы раз очутившись в Террикле, то есть месте восстановления энергетической структуры, рано или поздно лурианец его покидал, однако там могли остаться крошечные отпе-

чатки его сознания, уподобляясь следам на влажной глине. Ввиду многообразия бесконечности, лурианцы не удивлялись, если однажды такие глиняные следы вырастали в полноценного голема. В нем не было искры жизни и уж тем более разума, однако его пространственная схема имела много общего с исходным образцом. Только очень агрессивным. Не имея ни мысли, ни какой-либо цели, он автоматически вступал в контакт с любым объектом, очутившимся в пределах его досягаемости. И такой контакт подразумевал нападение, ибо Реквариум, наращивая свою структуру, старался все поглотить.

Удар! Еще удар! Отбив первую атаку, она выбросила перед собой ладонь, объятую оранжевым пламенем. Реквариум отлетел назад, но тут же оправился и снова ринулся в наступление. Его рука превратилась в обоюдоострый клинок, который он недвусмысленно намеревался пустить в ход. И снова выпад! Однако на сей раз его встретил другой клинок. Воздев огненный меч, выросший из сжатого кулака, она обрушила на противника целую серию ударов. Реквариум воплотил в оружие и другую руку, еще больше уподобляясь чудовищу. Затем он создал вокруг целый ураган вращавшихся дисковидных лезвий. Тонкие будто волос, они пронзительно жужжали, кружа с немыслимой скоростью, и с этой скоростью они ринулись на нее. Но она не растерялась. Она ожидала чего-то подобного. Одно лишь усилие воли — и каждое лезвие сбила точно выпущенная пуля. Точнее, шарик, от мощи выброса растянувшийся в капсулу, но какая разница? Сбитые лезвия хрустально зазвенели, раскалываясь на миллионы осколков, а она, махнув свободной рукой, швырнула в противника огненные брызги. Каждая из них бушевала мощью миниатюрной звезды, и с этой мощью пробивала практически любую защиту. Однако Реквариуму нашлось чем ответить. Обратив часть своего тела в сетчатый щит, он распределил угрозу вокруг себя, как бы очутившись в клетке Фарадея. Оросив его дождем, капли пролетели мимо, не причинив Реквариуму никакого вреда. Тот же не остался в долгу и задействовал смерч. Не простой, разумеется, смерч, а из частичек воплощавшегося вещества. Направленный на цель, он старался вытянуть из нее все условные кирпичики ее структуры. Работало это как магнит, притягивавший железо, но и меры противодействия были соответствующие. Не моргнув и глазом, она воплотила вокруг себя точно такой же смерч. Ринувшись друг на друга, оба разрушительных творения породили не менее разрушительный взрыв и взаимоуничтожились. Она не пострадала. К сожалению, не пострадал и Реквариум. Вероятно, его прообразом и впрямь был кто-то очень древний, поскольку с любым иным она бы уже

совладала. Что ж, тогда шутки кончились. Оранжевый огонь, доселе составлявший всю основу ее света, стал настолько яростным, что прежний не шел ни в какое сравнение. Грохотнув громадной пламенной вспышкой, она обрушила на врага свою разбуженную мощь.

Реквариум рассыпался. В конце концов, он никогда не был настоящим лурианцем, а всего лишь напоминал о ком-то из них набором бездушных элементов. Пространство, искривленное внутри него, разорвало неживую структуру в пыль, исчезающую в процессе дезинтеграции. Выпустив великую силу, от которой содрогнулись стены Террикла, она обратила контуры Реквариума в ничто, которым он, в общем-то, и был. И Террикл сомкнулся, окончательно уничтожив неодушевленные остатки.

Менее опытный лурианец мог не совладать со столь могучим приемом и дезинтегрировать не только врага, но и все вокруг, включая себя самого. Это был чрезвычайно опасный процесс, требовавший надлежащего умения и концентрации. Однако она прекрасно им владела, ибо когда-то умела разрушать, и полностью контролировала ситуацию. Настолько, что ускользнула из Террикла за мгновение до того, как тот перестал существовать, а ведь даже само путешествие через них считалось невероятно сложным и давалось отнюдь не всем. Большинство лурианцев предпочитало не соваться в чужие Терриклы без крайней необходимости. Она же миновала их один за другим и вот теперь, пылая оранжевым светом, избежала энергетического распада и нырнула в первый попавшийся тоннель, подвернувшийся по соседству.

Кто бы сомневался, что на этом ее приключения не закончатся! На смену одному Реквариуму пришло сразу три, и они, окруженные штормовой завесой, немедленно атаковали ее встречным огнем. Распаленная предыдущей схваткой, она испарила обращенную против нее воду, разметала каменные глыбы, дематериализовала стаю тигров и запустила искривление пространства. То самое, которым уничтожила предыдущего врага. Еще мгновение — и от троих Реквариумов не останется даже воспоминания. Минутку!.. ВОДА? ТИГРЫ?! Испуганно охнув, она махнула рукой, метнув зарождавшееся искривление в стену Террикла. Не сумев разорвать его структуру, ибо разрывать было особо нечего, искривление разразилось страшным треском, заискрило и лопнуло, испустив цунами пространственного возмущения. Реквариумов посшибало с ног, снеся прочь их штормовые мантии, и только она устояла, лишившись оранжевого пламени. Его мгновенно сдуло как огонек свечи порывом ветра. Впрочем, она сама была словно живое пламя, но не из обычных языков, а лучей чистого света. Те-

перь же, устранив собственноручно созданную угрозу, она предстала в своем истинном виде, собравшись из облака крошечных искорок.
— Элайя! — ошарашено воскликнула Сесилия.
— Живой не дамся! — вскричала Аманда, направляя в лурианку поток расщеплявшейся энергии.
Точнее, намереваясь направить. Джулиан среагировал быстрее. Схватив старшую дочь за руки, он развернул ее к себе, и сам чуть не сгорел в плазменном выбросе. Впрочем, чему там было сгорать? Вода, тигры, да и вообще все в Террикле реально не существовало. Тут вообще ничего не существовало. Все происходящее воплощало игры разума бессмертных сознаний, оперировавших одним лишь движением мысли.
— Тише! Я не причиню вам вреда! — гулко произнесла Элайя, опуская руки.
Не чета оранжевой ярости, теперь она выглядела вполне миролюбиво, умело скрывая защитную стойку за выражением дружелюбности. Почему скрывая? Ей требовалось показать всякое отсутствие враждебности, но при этом и своей защитой пренебрегать не стоило. Еще не хватало, чтобы ее распылили до собственного путешествия в Террикле, а с этими двумя девчонками лучше держать ухо востро. Их способности были заведомо неизвестны, ибо просто так лурианцы никого в Смещениях не запирают.

Контакт удалось наладить не сразу. Не испытывая ни капли доверия, Аманда и Сесилия не атаковали, но и близко Элайю не подпускали. Та ведь явилась в оранжевом пламени и напала на них без всякого предупреждения. К счастью, они успели окутаться штормовой завесой и бросили против нее первое, что пришло на ум: потоки воды, камнепад и стаю свирепых хищников. Да, может быть лурианка и впрямь действовала сгоряча, распаленная предыдущей схваткой. Не узнав сестер и их отца, она бросилась в бой и остановилась только тогда, когда осознала свою ошибку. Однако не исключался и другой вариант. Получив отпор, она просто выжидала подходящий момент, усыпляя бдительность и готовясь ударить исподтишка. Пребывая наготове, девушки отвечали ей короткими репликами, мысленно обсуждая, что им следует предпринять. Увещевания отца не очень-то на них воздействовали. Им-то было кое-что известно, о чем они не успели ему рассказать. Что ж, самое время!
— Да поймите, я вас не трону, — устало повторила Элайя.
— В устах убийцы это звучит не слишком убедительно, — процедила Аманда.
— Ам! Думай, что говоришь! — возмущенно воскликнул Джулиан.

— А как еще назвать того, кто устроил нам автокатастрофу? Ту, в которой мы все трое и погибли! — сверкнула глазами Аманда.
— Что?! — выдохнул Джулиан.
— Сами расскажете или это сделать нам? — обращаясь к луриан-ке, холодно осведомилась Сесилия.
— Откуда вам это известно? — помрачнела Элайя.
Сестры, наперебой, бросили ей обвинение в лицо, поведав о под-слушанном разговоре с Агнетто. В данном случае их чтение мыс-лей выступало как лучшее доказательство.
— Понятно, — вздохнула Элайя. — Что ж, больше скрывать не стану. Ох, не так я хотела все прояснить. Как-нибудь однажды. Но раз уж до этого дошло…

На Джулиане лица не было. Да уж, не каждый день услы-шишь, что твою смерть подстроил тот, кто преподносил себя как высший разум и вообще очень хорошее существо. Элайя и впрямь такой казалась: мудрой, доброй, опытной и рассудительной. И на тебе! Оказывается, это именно она приказала устранить архитек-тора Слайдертона до того, как тот претворит свой неугодный про-ект в жизнь. И именно она плохо рассчитала вмешательство в Юнисанциум.

Наблюдая за Джулианом в режиме реального времени, Элайя выжидала подходящий момент, чтобы пресечь его замысел, раз уж саботаж с ноутбуком и телевизором не сработал. Сообразив, что Джулиан вот-вот зафиксирует свои мысли на бумаге, ликвидиро-вать которую было куда сложнее и заметнее, нежели файлы на компьютере, она не отключилась, чтобы поставить Юнисанциум на условную паузу, а приняла излишне поспешное решение. Коле-бания в квантовых полях, непонятные Моделям людей, мгновенно привели ее план в действие. У разогнавшейся машины, следовав-шей к перекрестку, внезапно отказали тормоза. Вылетев на крас-ный свет, она ударила точно в машину архитектора, и удар ока-зался такой силы, что погибла не только цель, но и другие пасса-жиры. В частности, дочери Джулиана, которых Элайя ему еще и всячески препятствовала возвращать.

— Да не препятствовала я! — с горечью воскликнула Элайя. — Я же не вчера родилась! Мне миллиарды ваших лет! Думаете, от меня укрылось, чем вы занимаетесь? Укрылось, как вы старатель-но восстанавливаете информацию из вашего Юнисанциума, обхо-дя запреты и блокировку? Я сразу поняла — увидев себя на той злополучной видеозаписи, подсмотренной у капитана звездолета, вы уже не остановитесь, докапываясь до истины. И вы не остано-вились. Вы узнали, что дочери погибли вместе с вами, после чего поклялись вернуть их к жизни здесь, в реальном мире, чего бы вам

это ни стоило. И вы принялись вытаскивать их по крупицам, применяя свои растущие возможности. Я даже помогала вам, отвлекая Агнетто и оставляя расширенный доступ открытым. Помогала, надеясь, что ваша маленькая тайна позволит мне сохранить мою, как следствие переключения вашего внимания. Ведь Юнисанциум не способен сохранить данные о вмешательстве, и вы никак не могли узнать о том, что в ваших смертях повинна я. Об этом вам должен был поведать кто-то из лурианцев, что вряд ли бы произошло. Увы, из-за непредвиденной способности ваших дочерей все вышло иначе.

— Вы же говорили, что вернуть моих дочерей невозможно! — вспылил, наливаясь гневом, Джулиан.

— И я от своих слов не отказываюсь! — твердо заявила Элайя.

— Тогда кто же они?! — вскричал Джулиан, указывая на девушек.

— Ваши дочери, — ровным голосом произнесла Элайя.

Издав неопределенный звук, Джулиан потряс вскинутыми кулаками.

— Позволите пояснить? — тихо предложила Элайя.

Переглянувшись, отец и дочери выразили согласие.

Элайя не лгала. Вернуть кого-либо из архивного Юнисанциума было невозможно. Наблюдая за страданиями отца, из чувства вины она позволяла ему собирать информацию о Сесилии и Аманде, прекрасно понимая, зачем он это делает. Она подглядела модель его бывшей жены, Сильвии, и решила, что не станет выдавать этот маленький секрет. В частности, сообщать кому-либо о двух дочерях, воплощенных в глубине симуляции мегаполиса. Точнее, двух КОПИЯХ дочерей. Да, Джулиан воссоздал их до последней мелочи, самого неуловимого штриха, но это были всего лишь имитации. Достоверные, правдоподобные, максимально совершенные имитации, считающие себя прежними Амандой и Сесилией, каковыми они никогда не были и не будут. И на этом все должно было закончиться. Однако произошло нечто такое, чего Элайя, при всем ее вселенском опыте, никак не ожидала.

— Я не думала, что у вас получится ТАКОЕ. Получатся ОНИ! — закончила Куратор свой короткий рассказ. — До сих пор это считалось неосуществимым.

— Значит, я прав! Я вернул своих дочерей и доказал, что это реально! — торжествующе воскликнул Джулиан.

— Да нет же, — тихо сказала Элайя. — Те Аманда и Сесилия мертвы. Мертвы навсегда. Эти две девушки — их абсолютные копии. Только не бездушные копии — не роботы, не симуляция и не извращенное подобие жизни. Обладая памятью и чувствами ваших дочерей, они и есть ваши дочери. Вы не могли вернуть умерших,

но произвели на свет новых, даровав им все, что было в прежних. Вы имеете полное право называться их отцом, как и они вашими детьми. Однако на деле все куда сложнее, чем кажется. Сам по себе этот факт ничего сверхъестественного не означал, ибо сотворить разумную жизнь по силам любому сотруднику Института. Обычную разумную жизнь. Вы же породили новую, Джулиан. Новую во всех смыслах, ибо способности этих сестер выходят за границы известного лурианцам.

Джулиан потерял дар речи. Девушки тоже, однако, в отличие от него, опомнились они гораздо быстрее.

— Именно поэтому вы с самого начала не считали нас никем? — осторожно уточнила Сесилия. — Сразу, в отличие от остальных?

— Да, — кивнула Элайя. — Мои коллеги не хотели признавать за вами статус Извлеченной Модели, решая, кем вы вообще можете быть. Нет статуса — нет прав. Отказать вам в праве на жизнь они не могли, прекрасно понимая, что к симуляции вы не имеете никакого отношения, однако и ввести вас в ряды себе подобных никто не спешил. И кто знает, насколько затянулся бы этот процесс, если бы вы не ускорили его столь радикальным образом.

— Мы не хотели выпускать Сибер'юнию! Это вышло случайно! Она нас обманула! — ляпнула Аманда.

— Что?! — обомлела Элайя.

— Дура! Кто тебя за язык тянул?! — ужаснулась Сесилия.

Ко всем недавним бедам, постигшим Колыбельную Локализацию, Джулиан был непричастен. Прикрывая опрометчивую выходку дочерей, он взял вину на себя. Если уж кого и накажут, так пускай его, а девочки, с таким трудом возвращенные к жизни, познают реальный мир во всей его красе и необъятности. Ну а с ним будь что будет! Таков был самоотверженный замысел отца, велевшего своим детям молчать и не высовываться. И этот замысел внезапно рухнул, когда Аманда сгоряча проговорилась.

Шагая по тоннелю Террикла, все четверо имели прекрасную возможность объясниться. Восстанавливаясь, Джулиан и его дочери все равно не могли покинуть это непостижимое место. Что же касалось Элайи, прибывшей сюда именно за ними, то ей было необходимо узнать все досконально, пока не приключилось чего-нибудь похуже того, что уже приключилось. Мало того, что эти две девчонки взбудоражили весь Институт сначала самим фактом своего появления, а затем еще и способностями, так именно они, оказывается, и выпустили Сибер'юнию! Это же черт знает что! За такие дела по головке точно не погладят! А если Сибер'юния прямо сейчас нагрянет в Колыбельную Локализацию?!. Сейчас, пока Рефлектор в стадии перезарядки. Ведь кто знает, чего натворили се-

стры, что могло бы открыть ей такую возможность! Ох... Коротко разъяснив отцу и дочерям, что такое Террикл и как они туда попали, Элайя потребовала рассказать ей все без утайки. Рассказать немедленно! Поразмыслив, сестры нехотя согласились. И исчезли, снова не забыв прихватить с собой отца. Застигнутая врасплох, Элайя едва не разлетелась на энергетические клочья, когда опустевший чужой Террикл схлопнулся, как и должен был. Взбудораженная дальше некуда, она покинула закоулки бессмертия и понеслась прямиком в Институт.

Один небольшой нюанс как-то выпал из череды объяснений, хотя нюанс, между прочим, немаловажный. А куда именно возвращается лурианец, сумевший восстановиться в Террикле? Туда, где его разнесло в клочья? Возможно, но что если это место более недостижимо, вроде аномального пространства между Смещениями? Ведь сестры с отцом застряли именно там, и именно там они впервые испытали свое бессмертие на прочность, доселе никем им, кстати, не гарантированное. Ответ пришел сам собой. Сесилия и Аманда не убегали от Элайи, и уж тем более не утаскивали отца. Едва все частички их сущности вернулись, заняв надлежащие им места, Террикл стал сжиматься и вытолкнул собранные структуры в материальный мир. Законы мироздания отнеслись к недавнему плутанию сестер достаточно философски. Не распутывая адский клубок, скрученный из эха их следов, они попросту исключили все метания, приведшие к тайфунной аномалии. Не успев и глазом моргнуть, девушки и Джулиан вывалились обратно на террасу, откуда начинали свое пространственное бегство.

— А мы вас заждались, — ехидно послышался чей-то знакомый голос.

Сидя на мраморном полу, сестры огляделись и увидели Агнетто, смотревшего на них с не самым приветливым выражением.

Девиаторы передали достаточно информации, чтобы загадка с диверсией на Рефлекторе прояснилась. Это было не вторжение извне, чего лурианцы очень опасались. Злоумышленник действовал изнутри, и его личность безошибочно установили. Точнее, ИХ. Уж с какой целью сестры хотели изменить питание Ядра — это отдельный вопрос, на который им предстояло ответить в свете вопроса "не действуют ли они заодно с Сибер'юнией". Сейчас же, как выявленным нарушительницам, им в любом случае надлежало проследовать в изоляцию до выяснения всех обстоятельств. Агнетто не торопился пускать в ход Нейтрализаторы, Поглотители или звено Девиаторов. Стараясь не переборщить, он желал обойтись без силовых приемов и заманить сестер хитростью. К сожалению для себя, он забыл, с кем имеет дело. Его намерение было слишком

очевидно, чтобы укрыться от чтения мыслей. Сесилия и Аманда увидели замысел Оператора настолько ярко, что мгновенно поняли — их судьба висит на волоске.

Между Агнетто и беглецами взметнулась стена. Сплетенная из живой изгороди, она извивалась и шипела в лучших традициях цветочной змеи, некогда сотворенной Джулианом. Шипы, угрожающе торчавшие из нее подобием колючей проволоки, удлинялись с тихим свистящим звуком. Агнетто усмехнулся, ничуть не впечатленный такими детскими выходками. Переход в Смещения здесь заблокирован, а на рукотворные преграды нарушители пусть не рассчитывают. Приподняв сдвоенные пальцы, он повел бровью и… С диким пронзительным мявом Сеймур прыгнул ему прямо на голову.

Страшнее кошки зверя нет. Лурианец, при всем своем опыте Оператора, ничего подобного не видал и уж тем более не чувствовал. Ощущение когтей, полосовавших его лицо, уши и шею всеми четырьмя лапами, было для него совершенно новым и ни разу не привлекательным. Ошалев от столь вопиющего нападения, он вскричал не своим голосом и попытался стряхнуть обнаглевший комок шерсти. Комок воспротивился, орудуя когтями еще глубже и сильнее. Агнетто едва не потерял над собой контроль, но в последний момент сдержался. Натура лурианца не позволяла ему причинить вред живому и очень развитому существу. Возникшим замешательством и воспользовались сестры. Пока Оператор, ругаясь на чем свет стоит, с кряхтеньем стаскивал с себя кота, они толкнули отца в катер, прыгнули туда сами и выжали форсаж. Управившись с Сеймуром, шипевшим и завывавшим из наспех сооруженной клетки, Агнетто развеял зеленый барьер, но никого за ним не увидел. Сотрясаясь от запредельной тяги, катер успел скрыться за горизонтом.

Иди речь обо всем мироздании, беглецы легче легкого могли бы затеряться среди его бескрайних просторов. Именно поэтому лурианцы, не будь дураками, придумали Колыбельную Локализацию. В ней особо не побегаешь — масштабы не те, да и видно все как на ладони. Конечно, какие-то усилия на их обнаружение уйдут, как и на последующую нейтрализацию, но сколько веревочке не виться, а конец настанет. Причем довольно скоро. Сестры прекрасно это понимали, отчего, мрачные дальше некуда, наспех соображали, как выпутаться из создавшегося положения. Соображали и ничего толкового не находили.

Хлоп! К троим пассажирам, мучительно отметавшим одну поспешную идею за другой, неожиданно присоединилась Элайя. Завидев незваного гостя, Аманда интуитивно предприняла маневр,

пытаясь выкинуть его из катера. Вздернув нос, тот выполнил петлю, одновременно повернувшись вокруг своей оси. Элайя, разумеется, удержалась, а заодно придержала и Джулиана, забывшего закрепить себя на сиденье механизмом безопасности.
— Рули туда! — велела лурианка, посылая пилоту мысленный сигнал.
Перед внутренним взором Аманды возникло видение исполинского пика, хорошо знакомого по визитам к мерколитам.
— Как вы здесь оказались?! — ахнула Сесилия.
— Потом объясню! — отмахнулась Элайя. — Главное, чтобы мой трюк не повторил кто-нибудь вроде Агнетто. Во всяком случае, до тех пор, пока вы хорошенько не спрячетесь!
— С чего это мы должны вам доверять? — хмуро осведомился Джулиан.
— Как будто у вас есть выбор, — спокойно ответила Элайя.
Перескакивая из Смещения в Смещение, катер затейливо изменил курс, снизился до самой земли и понесся к седой вершине.

Приближаясь к пику, Аманда ожидала от лурианки дополнительных инструкций. Вероятно, где-то здесь находилось нечто загадочное, что откроет им потайные врата и позволит укрыться от погони, нырнуть в неведомые глубины и исчезнуть с радаров враждебного внимания. Крепко ухватив штурвал, она была готова направить катер в любой отвесный выступ, наверняка маскировавший пространственный туннель или секретное Смещение. Как ни странно, Элайя не оправдала ее чаяний, отнесясь к заснеженной вершине совершенно безразлично. Катер вздымал все выше, проносясь над отвесными кручами, а лурианка никак не реагировала и никуда не указывала. Недоумение Аманды росло, пока не сменилось пониманием. Сменилось как раз тогда, когда величественный пик промелькнул справа по борту и остался позади. Он был ориентиром. Всего лишь ориентиром, указывавшим основное направление, а истинная цель лежала где-то там, дальше, куда велела поднажать Элайя. Аманда и поднажала. Сумев оптимизировать распределение энергии, она нарастила скорость и понеслась в царстве вечных снегов, держа путь к линии бесконечного горизонта. Того, который внезапно взял да и кончился.

Торможение было настолько резким, что сестры и их отец, обладай они прежними смертными телами, наверняка получили бы множество серьезных травм, если бы вообще его пережили. Испуганно охнув, Аманда остановила катер над каменной грядой, присыпанной тонким слоем снега. Полого спускаясь обледеневшими склонами, она выравнивалась в базальтовое плато и… уходила в никуда. Дальше пути не было. Точнее, дальше СОВСЕМ

НИЧЕГО НЕ БЫЛО. Впереди, за пустынным горным пейзажем, расстилалась кромешная пустота.

Вцепившись в штурвал, Аманда не отрывала глаз от неведомой бездны. Сесилия сидела как неживая, замерев от сильнейшего испуга. Замер и Джулиан, ощущая леденящий ужас неизвестности. И их вполне можно было понять. Колыбельная Локализация, доселе представавшая во всей красе, исчезала в какое-то небытие. Исчезала там, за невидимой, будто кем-то прочерченной границей. Вот здесь она еще есть, а там, стоит сделать шаг, такой естественный и реальный мир пропадает словно наваждение, растворяясь в непостижимом ничто.

— Жмите дальше, чего стоим? — спокойно произнесла Элайя.

— КУДА?! — выдохнула Аманда.

Сестрам уже не раз доводилось бывать в Пустоте, и эта, развернувшаяся перед ними, вроде как не должна была их перепугать. Сказался психологический фактор. Мир, внезапно исчезавший после некоего рубежа, походил на океан, вертикально обрывавшийся в бездонную пропасть. Всматриваясь в темные воды, моряки приближаются все ближе к обрыву, пока в какой-то момент не поймут, что именно производит нарастающий гул. А потом и видят. И тогда они испытывают всепоглощающий вселенский ужас, ибо осознают, что вот-вот ухнут в чудовищную, неведомую бездну. Сестры оказались в роли таких моряков. Не боясь Пустоты как таковой, они насмерть перепугались, когда подумали, что сейчас перелетят через край и сорвутся в какой-то кошмар наяву навстречу невыразимо ужасной гибели. Ведь ничто не страшит разум больше, чем неизвестность.

На деле, как оказалось, бояться было решительно нечего. Совсем. Мир симуляции, привычный сестрам и их отцу, базировался на математически прописанных законах физики, и на основе этих же законов он имел заведомо ограниченное воплощение "От" и "До". Воплощение, созданное сразу и повсеместно в сугубо замкнутом пространстве. Реальное мироздание было устроено иначе. Оно не зависело от притяжения одного объекта к другому, не подразделялось на звездные системы и не координировалось в галактики, да еще разлетающиеся как стая испуганных птиц. В нем могли быть планеты и звезды, но исключительно в виде удобства или прихоти творца, а никак не основы порядка вещей. В симуляции Джулиана модели обживали свое круглое небесное тело разом со всех сторон и считали, что именно так и должно быть. В реальности же эта математическая структура вошла в употребление только по одной причине — она считалась самой простой для реализации, избавляя лурианцев от множества совершенно ненужных

сложностей. В том числе, с примитивным пространственным восприятием моделей, в большинстве своем неспособных объять нечто более развитое. Юнисанциум, в первую очередь, предполагал моделирование разума, а уж никак не создание точной копии подлинного мироздания. Именно поэтому мир, согласно предубеждениям Джулиана, Аманды и Сесилии, вроде как был обязан представлять собой шарик, вращавшийся вокруг звезды. Да как бы ни так! Колыбельная Локализация воплощалась в виде плоскости и не вращалась вовсе. Три солнца поочередно обходили ее сами, а плоскость заканчивалась ровно там, где ее продолжение еще не сотворили лурианцы. Ну или Извлеченные Модели, решившие внести свою лепту в этот новый для них край.

Колыбельная Локализация не была исключением из правил — она представала наглядным примером исходного устройства мироздания. Пустота, всеобъемлющая и бесконечная, становилась для лурианцев как необъятный строительный материал. Она не могла кончиться или иссякнуть, а они, выходя в нее по мере необходимости, создавали новые Локализации или наращивали старые. Подлинное мироздание не заключалось в некой цельной и непрерывно сомкнутой структуре. Оно состояло из колоссального комплекса образований, каждое из которых потенциально обладало бесчисленным множеством Смещений. И лурианцы могли творить вечно. Их фантазия, не знавшая границ, не ведала границ и в воплощении. Бесконечность Пустоты предполагала ее бесконечное преобразование в гармонию прекрасного.

Не связанные какими-то там планетарными законами, придуманными исключительно для Юнисанциумов, лурианцы создавали мир вокруг себя по собственному желанию. Плоский? Это не синоним слова примитивный. Они расширяли его в стороны, вверх и вниз настолько, насколько хотели, не испытывая проблем ни с перемещением, ни с системой координат. Если же кого-то из них переставали устраивать существующие Локализации, любой лурианец мог выйти в Пустоту и сотворить что-то новое. Сотворить свой собственный уголок Вселенной, как для себя одного, так и для всех желающих. И водопад там не обязательно низвергался сверху вниз, а солнце проходило над головой. В отличие от симуляций, в реальном мироздании имела значение только свободная энергия, которой высший разум придавал любую форму, не ограниченный ничем кроме предела собственного развития.

Колыбельная Локализация не обрывалась в страшную бездну, где неосторожных путников подстерегали немыслимые чудовища. Здесь, на границе Пустоты, проходила и граница ее доселе созданного воплощения. Граница, дальше которой пока никто не по-

ложил ни единого камня и не произвел на свет какого-нибудь ручейка или дюны.
— Теперь уяснили? — улыбнулась Элайя.
— Угу, — вразнобой отозвались трое беглецов.
Винить их в пренебрежении образованием не приходилось. От Извлеченных Моделей намеренно скрывали некоторые сведения о мироздании, считая их недостаточно подготовленными. Источник выдавал им только то, что позволялось курирующими лурианцами, а они считали эту, казалось бы, бессмысленную предосторожность отнюдь не лишней, введя ее после инцидента с Сибер'юнией.
— Тогда вперед! — велела Элайя. — Вам необходимо убраться подальше от Института!
Кивнув, Аманда не без внутреннего содрогания направила катер прямиком в Пустоту.

Выискивая в космосе иные цивилизации, модели людей надеялись наткнуться на то, что было известно Джулиану как Сфера Дайсона. В их представлении она либо аккумулировала энергию звезды, либо служила высокоразвитой цивилизации для маскировки. Оба предположения были не верны. Разум, способный возводить такие конструкции, уже обладает иным, куда более эффективным источником энергии. Запирать звезду в непроницаемую клетку ему просто незачем. В качестве маскирующего устройства Сфера также не годилась. Создавая непроницаемую область скрытности, она именно тем себя и выдаст, ибо окажется пятном идеального ничто на фоне Вселенной. В мироздании было только одно место, где она становилась абсолютно незаметной — Пустота.

Придуманная задолго до Дайсона, Сфера служила лурианцам как экран для блокировки потенциально нежелательного излучения. И называлась она, разумеется, совершенно иначе. Ольмикрон — как именовали ее с незапамятных времен, — имел прямую основу с Безвестностью, представая в ее альтернативном варианте.

Безвестность не позволяла заглянуть под свой купол, однако сама по себе была видна и обладала физической сопротивляемостью. Проникнуть под ее барьер можно было только силой, в то время как изнутри он пересекался беспрепятственно.

Ольмикрон, развернутый в какой-либо области пространства, выглядел как фрагмент Пустоты, и его обнаружение в подлинной Пустоте считалось невозможным. Он был абсолютно непроницаем извне, и, в отличие от Безвестности, в него можно было войти, но не выйти. Лурианцы, само собой, использовали эту технологию не для ребяческих забав в виде шпионажа и пряток. Ольмикрон помогал им блокировать последствия какого-либо опасного эксперимента, заведомо исключая любое пагубное воздействие на миро-

здание. Элайя нашла ему другое применение. Сосредоточенно глядя в пространство, она слилась с ним единым целым, обратившись в рой крошечных искристых светлячков, а затем воплотилась в физическое тело снова. Одновременно с этим беглецов сокрыл и Ольмикрон.

Мировой континент омывали воды сурового, темного от вихрей океана. Разбиваясь о берег, его волны сердито гудели, грозя сухопутным созданиям холодной безвестной пучиной. Набегая от горизонта, они бились о высокие скалы, и раз в несколько веков добивались своего, когда одна из них, не выдержав напора, с грохотом обрушивалась в густую пену. Береговая линия изменялась, но ровно до тех пор, пока ее снова не нарушал неумолимый натиск воды и времени. В случае с лурианцами все было наоборот. Океан Пустоты постепенно уступал им, отдавая великое ничто во власть цветущих садов и золотых равнин. Берег расширялся, повинуясь творящей воле его создателей, а вместе с ним расширялся и континент — один из множества, составлявших жемчужную россыпь Вселенной. Но иногда кто-нибудь из творцов удалялся далеко в штормовые воды, чтобы возвести там остров. Возвести так далеко, как только позволял контакт с исходной Локализацией — на самой границе, где исчезают всякие энергетические связи, а любое движение растворяется в вечной Пустоте. Однако именно так поступила Элайя, и только тогда беглецы, взиравшие на удивительный акт творения, постигли ее рискованный замысел.

Фотографии, некогда развешанные на стене скорби Джулиана, и впрямь не остались без внимания Куратора. На одной из них был запечатлен старинный замок, куда он с дочерьми однажды ездил на экскурсию. Теперь этот замок стоял посреди Пустоты, возвышаясь на небольшом скалистом острове. Формально, в качестве убежища беглецам годилось что угодно, но почему бы этому "что угодно" не обрести хорошо знакомые черты? Судя по улыбавшимся лицам, глядевшим со старого снимка, Аманде и Сесилии там нравилось, а в нынешней ситуации психологический комфорт был им просто необходим. Сделав ставку на их память, Элайя рискнула и не прогадала. Сестры, еще не обладая ее могуществом мгновенно творить острова и замки, были в восторге.

Выйдя на вершину башни, Элайя внимательно изучала пространство, желая удостовериться, что не допустила ни малейшей ошибки. Девушки бродили где-то неподалеку, осваивая и дополняя новые владения. Джулиан же старался не выпускать лурианку из виду и держался с ней рядом. Ее желание помочь требовало объяснений, превосходящих чувство вины, порожденное, кстати, отнюдь не безосновательно. Поглядывая на нее краем глаза, Джу-

лиан ощущал себя в каком-то загробном мире, где жертва встретилась со своим убийцей.
— Этическую сторону моего решения можно обсудить потом. Сейчас же мне важно узнать обо всем, что касается Сибер'юнии, — негромко сказала Элайя, угадав ход его мыслей.
Читать их она не умела, но ей хватало и лица своего спутника, выглядевшего красноречивее всякой книги.
— Об этом лучше спросить моих девочек, раз уж вы теперь в курсе, что я не при чем, — заметил Джулиан.
— Если я правильно понимаю, они слышат наш разговор, — усмехнулась Элайя. — И вполне могут в нем участвовать, посылая мысли вам или мне. Я права, не так ли?
Вопрос адресовался явно не Джулиану, и вскоре, словно после некоторых колебаний, на него промелькнул положительный ответ.
— Прекрасно, — заключила Элайя. — А теперь, девушки, давайте признавайтесь, что на самом деле произошло с Сибер'юнией!

* * *

Радость Джулиана длилась недолго. Его критический просчет заключался в том, что семейная идиллия в четырех стенах была попросту невозможной. Иди речь о моделях вроде Сильвии, она, может, и сложилась бы идеально, но только не с живыми и чрезвычайно любознательными дочерьми. Уяснив, что произошло и где они сейчас находятся, Сесилия и Аманда довольно быстро освоились в симуляции мегаполиса. Изучая ее вдоль и поперек, они на ходу практиковались в знаниях, получаемых из Источника. И однажды, что закономерно, покинули родительское гнездо, ибо как может усидеть в колыбели зарождавшаяся звезда?

Сперва сестры выбирались за пределы макета тайно. Довольно долго Джулиан этого не замечал, а когда все-таки заметил, то смирился. Он же не мог сделать дочерей вечными узницами, да еще и сам став при них тюремщиком. Причем не мог во всех смыслах. Девушки развивались столь стремительно, что удержать их силой у него уже не было никакой возможности. Уяснив этот очевидный факт, он лишь попросил Сесилию и Аманду об осторожности, которую те искренне обещали. Только о какой осторожности можно говорить, когда тебе открывается дивный новый мир, а твои способности прямо-таки бьют ключом и растут как на дрожжах? Обнаружение сестер лурианцами становилось практически неизбежным.

Происходи дело где-нибудь в необъятной Вселенной, девушкам даже не пришлось бы скрываться, ибо документы там на ка-

ждом углу не проверяют. Их там вообще не проверяют, поскольку социум лурианцев подразумевает всякое отсутствие ограничений, а любой, кто в него попал, априори соответствует всем критериям высшего разума. Увы, к Колыбельной Локализации это не относилось.

По большому счету, в Институте ни за кем не следили, если исходить из понятия слежки. Там собирали статистику, вели научные наблюдения и научно же приглядывали за Извлеченными Моделями, фиксируя и направляя их развитие. И вот в этой статистике стало появляться все больше аномалий. Сначала лурианцы не придавали им значения, пока энергетические показатели не вышли за пределы любых допустимых погрешностей. Удивленные и заинтригованные, сотрудники Института принялись докапываться до истины и вскоре обнаружили нечто повергшее их в глубочайшую оторопь. Как оказалось, по Колыбельной Локализации разгуливали две Модели, об Извлечении которых никто и слыхом не слыхивал! Оперативно проведенное расследование полностью подтвердило невероятное открытие. Дальнейшее было вполне логично. В один прекрасный момент Джулиан узрел перед собой Агнетто, возглавлявшего группу лурианцев. Ведя себя миролюбиво, но настойчиво, они предложили ему добровольно представить им тех, кого он считал за дочерей.

— Я хорошо это помню, — прервала трансляцию мыслей Элайя. — Вы тогда недоумевали, почему я не пришла. Ведь я же ваш Куратор. Вы надеялись на мое покровительство или, хотя бы, снисхождение. Поверьте, я очень хотела заступиться за вас лично, однако мое отсутствие было куда полезнее присутствия. Если бы коллеги хоть на мгновение заподозрили мою предвзятость, меня бы отстранили навсегда. И тогда судьба Аманды и Сесилии стала бы непредсказуемой.

— Спасибо, что проявляете заботу и обо мне, — подметив некоторый пробел в ее словах, усмехнулся Джулиан.

Выразительно упомянув вопрос о будущем его дочерей, лурианка вроде как не особо волновалась о нем самом.

— Признаюсь, они и впрямь заботят меня гораздо больше. Ваши отцовские чувства против? — удивилась Элайя.

— Нет-нет! Ради них я пожертвую всем! Мной можете пренебречь. Хоть совсем распылите, лишь бы с ними все было хорошо! — живо отозвался Джулиан, давая понять, что пошутил.

— Мне это стало очевидно, когда вы выкрали дочерей под носом у Агнетто, а затем, стараясь их спрятать, проявили недурную изобретательность, — улыбнулась Элайя.

Улыбнулся и Джулиан. Только грустно. Ведь нынешняя ситуация

будто сошла с иллюстрации предыдущей, разве что Сфера над ними теперь другая, а положение стало еще хуже. Это напоминало компьютерную игру в режиме осады, когда сложность с каждым уровнем повышается. Отбив одну неприятельскую волну, персонажи получают передышку, чтобы подготовиться к отражению следующей. Численность врагов растет, их умения становятся все опаснее, а внешний мир — враждебнее. И тут хорошо бы знать, предполагается ли у осады счастливый конец, либо же она будет нарастать бесконечно, пока защитники не падут.

В прошлый раз Сферу Ольмикрона заменяла круглая оболочка Юнисанциума. Разумеется, не настоящего, ибо сотворить настолько сложное устройство Джулиану было и в теории не по силам. Тем не менее, к организации убежища он подошел весьма прозорливо и творчески. В его основу легла подлинная симуляция, по каким-то причинам забракованная лурианцами. Устранив ее нерабочую начинку, Джулиан скопировал туда внушительную область из другой Вселенной, а в центре создал своеобразный пузырь, будто полость в центре планеты. В этой полости он и укрыл дочерей, не дожидаясь, пока лурианцы разлучат его с обожаемыми девочками.

Вторичный просчет Джулиана базировался на том же принципе. Удержать Аманду и Сесилию в очень ограниченном пространстве было просто невозможно. Во всяком случае, неопределенно долго. Их сознания развивались столь стремительно, что автоматически искали себе выход за пределы тесного убежища. И вскоре нашли.

Переходить в другие Смещения сестры научились довольно быстро, и Джулиан это знал, однако даже не подозревал о том, что они, подобно опытным лурианцам, способны выбирать их в произвольном порядке. Более того, пограничных условий для них попросту не существовало. Например, спрятавшись внутри лже-Юнисанциума, Джулиан мог использовать любое вложенное Смещение, однако при выходе наружу он попадал только в основное пространство Института, и лишь затем, при желании, смещался в тамошнюю череду воплощений. Этот принцип хорошо иллюстрировал особняк со множеством этажей и комнат. Чтобы перейти из Смещения комнаты "А" в Смещение комнаты "В", Джулиану приходилось использовать "коридор" между оригиналами. Сестры же перескакивали напрямую, причем не только между различными помещениями, но и этажами. Даже соседних особняков. Это выражалось в том, что они видели абсолютно все ближайшие Смещения разом. В том числе заблокированные, о существовании которых их отец даже не подозревал.

Разгуливая по закоулкам Института, Сесилия и Аманда были слишком любопытны, чтобы проигнорировать наличие недоступных областей. Представьте себе домушника, который изучает жилище в отсутствие хозяев и внезапно видит огромную запертую дверь, сооруженную в виде банковского сейфа. Да, сестры не забывали, что их ищут. Не забывали они и про отца, который наверняка придет в ужас от их потайных вылазок. Именно поэтому они проявляли предельную осторожность, тщательно сканируя окружающее пространство, и именно эта острота позволила им нащупать самые потаенные секреты Института, прежде не замечаемые из-за обширности Колыбельной Локализации.

Фигуральных сейфов оказалось очень много. На поверку Институт Моделирования Разума был ими просто набит, большими и малыми. Учитывая продолжительность и специфику его существования, удивляться этому не приходилось. Заинтригованные, сестры облюбовали несколько самых примечательных Смещений и подбирались к ним то так, то эдак, однако лурианцы заперли их неспроста. Как девушки ни старались, сокрытые области наотрез отказывались открывать им свои секреты.

Само собой, чем сложнее оказывалась задача, тем больше она распаляла сестер, чье сознание развивалось семимильными шагами. Наметив себе цель, они не желали отступаться, вновь и вновь испытывая свои растущие возможности. Одно из Смещений привлекало их особо. То, вокруг которого простиралась некая "мертвая зона" — череда соседних областей, лишенных какой-либо жизни. Они напоминали выжженную полосу, окружающую некий секретный объект и наполненную останками ржавых технологических автоматов. Ее унылые пространства не нарушало ни единое дуновение, а серая пыль наросла толстым слоем, устилая все вокруг подобием снежного покрова. Пыль и пепел, неторопливо спускавшийся из ниоткуда. Все выглядело настолько мертвым, что на этом фоне даже кладбище показалось бы праздником света и жизни.

Один вопрос "что это такое?" — и любой лурианец дал бы короткий исчерпывающий ответ. Проблема заключалась в том, что все контакты с ними для беглянок исключались, а сами сестры никак не могли узнать, какую тайну хранило загадочно огражденное Смещение.

Кто бы ни возводил блокирующие барьеры, он потрудился на славу. Сколько Аманда и Сесилия ни старались, они так и не сумели пробиться через многочисленные эшелоны защиты, возведенные опытными и могущественными лурианцами. Сумев преодолеть немало ограничений, они подобрались к тайне максимально

близко, но это все равно не позволяло им проникнуть в закрытое Смещение. Впрочем, сестры на это особо и не рассчитывали, надеясь хотя бы приподнять завесу над его содержимым. Согласно их представлениям, они продвинулись достаточно, чтобы подсмотреть в фигуральную замочную скважину, однако тут их поджидал неприятный сюрприз. Смещение оказалось поистине неприступным. Оно отличалось от остальных не только уровнем безопасности, но и всякой возможностью какого-либо контакта. Судя по всему, не сняв защитный контур, даже лурианцы не могли посмотреть, что происходит внутри. А раз не могли они — не мог никто. Во всяком случае, до тех пор, пока возле наглухо запертого Смещения не объявились дочери Джулиана Слайдертона.

Это было не стечение обстоятельств, исключая само появление Аманды и Сесилии. Лурианцы учли любую вероятность, способную нарушить непроницаемость блокировки, но они в принципе не могли предусмотреть того, чего не знали. В частности, возможность слышать чужие мысли. Тогда об этом не знали и сами сестры. Изучая непроницаемый контур, они подумали, что улавливают своеобразную радиопередачу, свободно распространявшуюся в пространстве. Складывалось впечатление, словно кто-то говорил сам с собой, включив в ночи микрофон и не особо ожидая, что ему ответят. Говорил от одиночества и безмолвия, ибо в его голосе слышалась вселенская печаль и отрешенность. Точнее, не говорил, а пел, поскольку общение лурианцев казалось своеобразной музыкой. И сестры ответили. Ответили наудачу, просто ощутив, что они это могут. Тронутые великой грустью, звучавшей в одинокой песне, они забыли о всякой осторожности и вышли в эфир. Все равно лурианцы знали об их существовании. Какая разница, поговорят они с кем-то или нет, а тому, кто пел, поддержка и доброе слово были интуитивно необходимы.

Пение прекратилось. Сперва девушки подумали, что оно прекратилось совсем, но после продолжительной паузы до них донесся все тот же голос, зазвучавший абсолютно с иными интонациями.

— Вы… Вы настоящие?! Вы действительно меня слышите?! — вскрикивал, метался голос.

Сестры подтвердили, прибавив, что не находят в этом ничего странного, раз уж неизвестный собеседник слышит и их.

— Но кто вы?! — от волнения голос аж срывался, становясь сам на себя непохожим.

Не торопясь раскрывать свое инкогнито, сестры осведомились, с кем имеют дело.

— Вы же не лурианки? — осторожно уточнил голос.

Увы, это позднее его простейший вывод стал для девушек очевидным, но тогда они не распознали подвох.
— А если и так? — неопределенно ответила Аманда.
— Если вы не лурианки, значит, вы не причините мне вреда, — пояснил голос.
— Вреда? Вам? Мы думали, это вы можете захотеть нас поймать, — удивилась Сесилия.
— Вас что, ловят? — быстро спросил голос.
— А то вы не знали, — усмехнулась Аманда.
— Нет. Я ведь тоже не лурианка, — неожиданно сказал голос.
Сестры переглянулись.
— А кто же вы? — помолчав, поинтересовалась Сесилия.
— Я… Я тут застряла, — как-то странно ответил голос.

Та встреча, пусть и не лицом к лицу, была первой. Испугавшись обнаружения и плена, сестры убежали в полнейшем недоумении. Однако любопытство в итоге взяло верх. Необычный, ни на кого не похожий голос заинтриговал их до глубины души. В нем сквозило нечто такое, чего они прежде никогда не встречали. Отсидевшись в отцовском убежище, вскоре сестры снова выбрались в закоулки Института и кружным путем добрались туда, где слышали неизвестную собеседницу. Их никто не подкарауливал. Осмелев, они почувствовали себя безопаснее и стали вслушиваться в пространство, ожидая вновь услышать тот таинственный голос. И не ошиблись. Он действительно зазвучал, только на сей раз отнюдь не печальной, безмерно одинокой песней. Преисполненный затаенной надежды, он звал их.

Сиби. Так она представилась, когда вторая встреча прошла куда более продуктивно, нежели мимолетная первая.
— Я провалила испытание и не могу отсюда выбраться, — сказала она, успокаивая подозрительность сестер.
Не торопясь рассказывать о себе, они пожелали узнать хоть что-нибудь о новой знакомой.
— А что за испытание? — пытливо осведомилась Сесилия.
— Вы же видите все эти препятствия, не так ли? — указала Сиби.
— В них и заключается мой экзамен. Я была не самой послушной ученицей, однако достаточно одаренной, чтобы мне пошли навстречу. Мне поставили условие: если я выберусь из настолько защищенного места, то смогу стать полноправной лурианкой и покинуть Колыбельную Локализацию.
— А если не сможете? — взволнованно спросила Аманда.
— Ну… Вот я и сижу здесь, — выразительно констатировала Сиби.
— А-а-а, — протянула Сесилия. — И как долго?
— Даже и не помню, — вздохнула Сиби. — Вы же знаете, у лури-

анцев нет понятия времени, поскольку в мироздании его в принципе не существует. Они измеряют все естественной скоростью распределения энергии. В Колыбельной Локализации это полный цикл оборота трехзвездия, когда одна трансэнергетическая фаза заканчивается и начинается новая.
— И что? — не поняла Аманда.
— В Смещении, где я застряла, этого просто нет, — послышался еще один вздох. — Фактически, я тут наедине с собственным воображением, а оно, знаете ли, плохой ориентир.
— Если хотите, мы можем это выяснить, — предложила Сесилия.
— Ни в коем случае! — тревожно воскликнула Сиби. — О нашем разговоре не должен знать никто! Я же сказала: это испытание! Любое ваше вмешательство может и вызволит меня из этого узилища, да навсегда закроет дорогу во внешний мир. А я не хочу вечно торчать в Колыбельной Локализации!
— А что, лучше вечно проторчать там, где вы сейчас? — удивилась Аманда.
— Конечно нет, однако я не теряю надежду отсюда выбраться. Особенно теперь, когда я встретилась с вами, — быстро сказала Сиби.
— М-м-м. А это честно? — протянула Аманда. — Как я понимаю, вы рассчитываете на нашу помощь, но ведь испытание на то и испытание, чтобы преодолеть его самостоятельно.
— Вы, безусловно, правы, только в данном случае есть исключительные обстоятельства, — неторопливо произнесла Сиби. — Во-первых, я кое-чего не учла. Кое-чего, что позволило бы мне обойти препятствие. К сожалению, свой промах я осознала слишком поздно. Доведись мне заглянуть в Источник сейчас — и я моментально выбралась бы сама, уж поверьте. Только вот нет тут внутри никакого Источника! Я лишена каких бы то ни было обучающих материалов. Прочти я некую условную книжку ДО отправки сюда — и проблема исчезла бы на корню. А что мне прикажете делать теперь? Не отвечайте, я и сама знаю: бесконечно экспериментировать, надеясь однажды вновь изобрести колесо. Разве это справедливо?
— Допустим, нет, — согласилась Аманда.
— А разве справедливо то, как обошлись с вами? — внезапно заявила Сиби, весьма необычно выдвигая свой второй аргумент.
— Как вы можете об этом судить? Мы ничего на сей счет не говорили! — заметила Сесилия.
— Вы сказали достаточно. Вас ловят. Тут не надо быть гением, чтобы понять: ваши отношения с лурианцами не слишком-то заладились, — усмехнулась Сиби. — Вы можете бросить меня в моем

узилище, только как бы вы не оказались в таком же сами.
— Во-первых, мы не отказывались помочь, — нахмурилась Аманда. — Во-вторых, разве для нас что-то изменится?
— Еще как! — горячо воскликнула Сиби. — Обретя свободу, я не забуду тех, кто этому содействовал! Даю слово!
— Звучит так, будто вы там в заключении, — навострила уши Сесилия.
— Я имею в виду: став полноправной лурианкой, я покину Колыбельную Цивилизацию, и тогда мое заступничество нельзя будет проигнорировать, — быстро поправилась Сиби. — В чем бы вы ни провинились в глазах лурианцев, они не смогут пренебречь мнением даже одного из своих. Извлеченные должны помогать друг другу, разве нет?
— Мы не Извлеченные, — поправила Аманда.
— Как?! — опешила Сиби. — Но вы же сказали, что вы не лурианки! Да для меня самой это очевидно! С ними я бы так не разговаривала!
— Да, мы не лурианки. Но мы и не Извлеченные, — подтвердила Сесилия.
Объясняться она не стала. Обменявшись мысленным импульсом, сестры мгновенно удалились.

На третий раз девушки появились после довольно продолжительных размышлений. Сиби встретила их с теплом и ярко выраженной надеждой. Решив не таиться, Аманда и Сесилия рассказали ей об особенностях своего перерождения.
— Невероятно! — присвистнула Сиби, внимавшая каждому слову. Она была под огромным впечатлением, и девушки это чувствовали в колебаниях их ментальной связи.
— Что скажете? — не скрывая беспокойства, спросила Сесилия.
— Скажу, что помощь вам и впрямь не помешает, — очень серьезно ответила Сиби. — Ваш отец, уж извините, тут совершенно беспомощен. По-своему он просто гений, раз умудрился сотворить вас да еще спрятать под носом у лурианцев. Увы, на этом его уникальные способности заканчиваются. Теперь вы сами по себе, и без меня вас очень скоро обнаружат и изолируют.
— Без вас? — выразительно подметила Аманда.
— Да. Я помогу вам, а вы поможете мне, — предложила Сиби. — Я первая протяну вам руку и тем самым докажу, что достойна вашего доверия.

Для начала Сиби научила сестер заметать следы. Это оказалось целое искусство, постичь которое самостоятельно они пока были не в состоянии. Виртуозное искусство. Девушки наловчились создавать Смещения, но Смещения не обычные, а временные. Они

образовывались в пространстве только на момент их появления внутри и быстро исчезали, стоило им оттуда удалиться. Тайком ускользая из убежища, Сесилия и Аманда больше не прокрадывались через Институт, а воплощали тропинку из череды недолговечных Смещений. Когда они добирались до цели, то есть узилища Сиби, тропинка бесследно растворялась, делая всякое их обнаружение невозможным. Ну, исключая точку непосредственного присутствия, зато все промежуточные не позволяли напасть на их след.

Вторым даром Сиби стали знания. Когда сестры вступали с ней в контакт, она подолгу рассказывала им о самых разных вещах. Это позволяло им совершенствовать свои навыки, минуя обязательные требования лурианцев, и обретать новые. В частности, возможность определять и обходить различные запреты и блокировки. Впоследствии именно благодаря ее учению они ловко ускользали от Девиаторов, предварительно проникнув к Ядру Рефлектора. Того самого Рефлектора, который и сработал из-за их необычной наставницы. Увы, тогда, у запертого Смещения, сестры даже не подозревали, с кем имеют дело, и внимали ей с жадностью птенцов, распахнувших клювы для новых знаний.

Третий дар все изменил. Сиби научила Аманду и Сесилию выходить в Пустоту. Научила, разумеется, с умыслом, когда решила, что ее ученицы достаточно к этому готовы. Результат, однако, оказался неожиданным для всех. Уйдя в бесконечное ничто, сестры должны были создать там свою крошечную Локализацию. Затем, согласно замыслу Сиби, им следовало разместить там Пространственную дверь. Не сделать ее с нуля, а именно разместить, потихоньку утащив одну из Дверей Института. Перенастроить ее было куда проще, чем соорудить из ничего, поскольку умением подключать новые Лучи обладали только опытные лурианцы. Зачем? Все очень просто. Новая Локализация, разумеется, не позволила бы сестрам проникнуть во внешний мир, однако послужила бы им надежным убежищем, сохранявшим транспортную связь с Колыбельной Локализацией. В отличие от Смещения, лурианцы не смогли бы ее обнаружить, а случайно наткнуться на секретную Дверь было практически невозможно. Однако Сиби слишком поторопилась, переоценив способности сестер.

С самого начала все пошло не так. Выскочив в Пустоту, Аманда и Сесилия насмерть перепугались. О тамошних ощущениях, то есть всяком их отсутствии, Сиби неоднократно предупреждала, но подготовиться к такому было абсолютно нереально. Пустота на то и Пустота. Насилу совладав со своими мыслями, сестры попытались создать кусочек земли, однако у них ничего не вышло.

Не успев проявиться в реальности, островок начинал исчезать будто призрак, растворявшийся в лучах восходящего солнца. Девушки старались изо всех сил, но вновь и вновь терпели неудачу. Паника, унятая после первичного шока, предприняла вторичное наступление, и на сей раз ее позиции оказались куда жестче. Чем больше сестры не преуспевали, тем значительнее разуверивались в себе, а это ничуть не шло на пользу делу. Установить же Пространственную дверь в Пустоте было невозможно.

Технически, Сибер'юния их тогда едва не погубила. Растерянные, испуганные, дрожавшие Аманда и Сесилия могли навсегда затеряться в вечном ничто, но тут их удивительная способность проявилась опять, и проявилась с новой силой. Отчаянно взывая к Сиби, хотя та их наверняка не слышала, сестры внезапно увидели, как в Пустоте зажегся какой-то необычный огонек — крохотная искорка, лучившаяся чем-то таким, в чем девушки мгновенно узнали свою новую знакомую. Размышлять было решительно некогда. Собрав волю в кулак, сестры взялись за руки и мысленно рванулись к нему, как будто уходили в другое Смещение. В следующее мгновение они выскочили прямиком к Сибер'юнии.

Прекрасная и ужасная — именно так можно было наиболее точно описать это существо, не считавшегося лурианкой, но давно вышедшего за всякие ограничения Извлеченной Модели. В первый момент сестры перепугались не меньше, чем в Пустоте, увидев грозное красное божество, чья точеная фигура возвышалась среди пламеневших вулканов, а длинные волосы развивались на штормовом, но при этом лишенным всякого дуновения ветру. В первый момент. Во второй все изменилось. Оторопев не меньше девушек, Сибер'юния совладала с собой первой. Одно неуловимое движение мысли — и вот уже она выглядит как типичная лурианка, разве что все еще лучится алым. Мир вокруг также преобразился. Вулканы сменились дремлющими сопками, чьи склоны увивала ползучая зелень. Небо, затянутое копотью извержений, прояснилось. Вместо стального наваждения вокруг девушек объявилась красивая жемчужная беседка, а ее, в свою очередь, отныне опоясывал цветущий луг, а не кипевшая лавой пропасть.

— Ам? Сеси? — стараясь держать себя в руках, приветствовала их ошеломленная узница. — Как вы сюда попали?!

— Сиби?! — потрясенно спросили сестры.

Протирая глаза, они подумали, что увиденный кошмар был всего лишь пространственным наваждением.

— Она самая, — кивнула алая лурианка. — Так как вы сюда попали?

На тот момент чтение мыслей не допускала и Сибер'юния. Нутром она понимала, что девушки обладают каким-то необычным даром, но докопаться до истины можно было и позднее. Тогда же она стремилась побыстрее использовать их в своих целях, не дожидаясь разоблачения. Если две девчонки все-таки попадутся лурианцам или сами обо всем догадаются, ее маскировка будет немедленно раскрыта, а упустить столь уникальный и, вероятно, единственный шанс Сибер'юния просто не могла!

— Дверь при вас? — едва владея собой, спросила алая лурианка.

Она просто из кожи вон лезла, чтобы усыпить бдительность сестер, и это ей вполне удалось. Сесилия и Аманда по-прежнему считали, что имеют дело с застрявшей Извлеченной, пребывавшей в одном шаге от сдачи выпускного экзамена. Ну а некоторые ее причуды, включая красный свет и странности этого Смещения, легко объяснялись продолжительной изоляцией, в которой у кого хочешь "крыша поедет".

— Да, — кивнула Сесилия, мысленно показывая позаимствованную в Институте конструкцию.

— Позволите мне ее установить? — улыбнулась Сибер'юния, протягивая дрогнувшую руку.

Это был ключевой вопрос, которым она все поставила на карту.

Сибер'юния умела создавать собственные Двери, но это умение разбивалось об эшелоны защиты лурианцев. Лучи не работали, как максимум соединяясь только внутри узилища. Предлагая сестрам создать свою Локализацию, она вынашивала совсем другой замысел, но внезапно тот привел их прямиком к ней. Привел с Дверью из ИНСТИТУТА. Той самой, которую сестры, по ее наущению, сперва взломали, а затем демонтировали и стащили. Смещение Сибер'юнии было наглухо заблокировано, но Луч, позаимствованный у ее тюремщиков, обладал уникальной особенностью и мог даровать ей долгожданную свободу. Он содержал отпечаток энергетической структуры всей транспортной сети, чем можно и нужно было воспользоваться.

Аманда и Сесилия проявили осторожность. Вернуться обратно без Двери они вроде как не могли, но и Сиби пока еще не настолько доверяли. Был принят компромисс. Совместными усилиями Дверь все-таки установили, но защитили таким образом, что воспользоваться ей имели возможность только сестры. Это позволяло им навещать Сиби в любое время, как в любое время ее и выпустить, когда они решат это сделать. Сиби приняла условие безоговорочно, чем тут же укрепила к себе их расположение. Сесилия и Аманда, очарованные умом и грацией новой знакомой, проговорили с ней очень долго, прежде чем собрались вернуться в

отцовское убежище. Сиби им не препятствовала. Она до последнего не знала, получится у нее перенастроить Дверь в обход самой совершенной блокировки или нет. Завидев Луч, осветивший транспортный проем, она аж задрожала, но сестры ошибочно отнесли ее реакцию на другой счет. Попрощавшись с Сиби, они благополучно переместились, пребывая под огромным впечатлением от нового опыта. И думали они о многом, но, увы, совсем не о том, о чем следовало бы. А именно, как долго Дверь удержит ту, кто сама учила их взламывать практически любую защиту?..

Джулиан подозревал, что дочери периодически ускользают из лже-Юнисанциума, но проверить этого не мог. Ведь он не мог их даже проведать, справедливо предполагая, что находится под наблюдением, и убежище, стоит ему хоть раз там появиться, будет моментально скомпрометировано. Укрыв Аманду и Сесилию, сам он не прятался, развернув борьбу за их право на жизнь и свободу.

Лурианцы отнеслись к Джулиану снисходительно. Его не поместили под арест, да и вообще каких-либо санкций к нему не применяли, не усматривая в них ни малейшей необходимости. Никакого ущерба Институту заботливый отец не причинил, а его поступки имели вполне приемлемое объяснение. Само собой, лурианцы старались выведать, куда подевались его дочери, но делали это словно так, между прочим. Они исходили из простейшего соображения, что девушки все равно никуда не денутся и сами себя обнаружат, рано или поздно. Соответственно, если им, лурианцам, и следовало предпринять какие-то шаги, то они касались статуса Неизвлеченных Моделей, а никак не их текущего местонахождения. Об их контакте с алой узницей они даже не подозревали, справедливо считая запретное Смещение надежно изолированным и для доступа невозможным. Именно поэтому к пропаже сестер все относились спустя рукава, даже и не помышляя объявить на них охоту. В итоге, пока Аманда и Сесилия общались с той, кого узнали под безобидным именем Сиби, лурианцы неторопливо обсуждали их потенциальное будущее.

На стороне упрямого отца неожиданно выступил Агнетто. Любовь у лурианцев была в большом почете, а такая любовь, которая порождала нечто поистине грандиозное, считалась подлинным даром и верхом совершенства. Насмотревшись на миллиарды Юнисанциумов, опытный Оператор знал, что говорил. Тогда он не видел в девушках какой-либо угрозы, считая их обычными разумными Моделями, пусть и появившимися на свет не методом Извлечения. Не стирать же их, в самом деле, из реальности — они живые, и это неоспоримый факт! Лурианцы до такого не опускаются, иначе они не были бы лурианцами. Ну а запереть девчонок

в Смещении просто потому, что их воплотили без всякого на то разрешения — это вообще за гранью добра и зла. Как можно быть виноватым в том, что ты просто живешь? Уж если кто и виновен, так это Джулиан Слайдертон, однако его проступок на заключение вроде как все равно не тянул.

Инцидент с Амандой и Сесилией всколыхнул привычную жизнь в Институте. Собираясь на совещания, лурианцы не без любопытства обсуждали этот пусть и не уникальный, но явно нетривиальный случай. Агнетто частенько ораторствовал, приводя аргументы в пользу девушек, чем расположил к себе симпатии Джулиана. Элайя же обычно молчала, подчеркнуто сохраняя нейтралитет. Это позднее стало ясно, отчего она так себя вела, а тогда Джулиан на нее сердился, рассчитывая на помощь своего Куратора и оной как раз таки не получая.

Однажды все закончилось очень оптимистично. Лурианцы не принимали скоропалительных решений, однако их настрой говорил сам за себя. Пригласив Джулиана для приватной беседы, Агнетто настоятельно рекомендовал ему позвать дочерей. Позвать не прямо сейчас, а сделать так, чтобы те явились на очередное совещание.

— Только не говорите мне, что не знаете, где они, — добродушно сказал тогда Агнетто. — Ваша осведомленность, как и организация их исчезновения, всем, в принципе, очевидна. Это было в ваших интересах. Теперь в ваших интересах предъявить их свету, когда для того сложились наиболее благоприятные обстоятельства.

Агнетто не настаивал. Он был сама доброжелательность. Джулиан, разумеется, ни в чем не сознался, но этого от него и не требовалось. Ему сделали определенное предложение, и, как следует поразмыслив, он пришел к выводу, что разумнее всего будет последовать совету Оператора.

Сиби не устраивала такая резкая перемена. Пока она не добилась своего, ей было необходимо пресекать всякие контакты сестер с лурианцами, иначе все ее надежды могли пойти прахом. Именно поэтому она поселила в них глубокое недоверие, советуя держаться в тени и не высовываться. В итоге девушки так и не появились, что стало сюрпризом не только для Агнетто, но и самого Джулиана. Недоумевая, он вторично послал дочерям весточку, и те вторично не пришли, причем под явно надуманным предлогом. Прочтя их ответ, оставленный таким образом, чтобы его наверняка заметили, отец пригласил их в третий раз. Он уже подумывал, не явиться ли за ними лично, как вдруг Аманда и Сесилия выдвинули условие. Они соглашались на встречу, но только у Радужного озера, в присутствии Синотеи, Гизмунда, Аскина и Оо-т-

Ира. Мол, при них лурианцы не захотят терять лицо и не повяжут девушек как преступниц. Портить свою возвышенную репутацию в глазах Извлеченных им было решительно ни к чему.

Немного удивленные, лурианцы согласились, хотя не видели в такой перестраховке особого смысла. Тем не менее, он очень даже был. Кое-кому требовалось перенести место действия подальше от Института, чтобы отвлечь всеобщее внимание. В назначенный час девушки и впрямь объявились перед лурианцами, но не тогда, когда ОНИ были к этому готовы, а когда ОНА была к этому готова. Пока Агнетто представлял сестер своим коллегам, Сибер'юния выскользнула на свободу.

К сожалению, дальнейшие события стали закономерным следствием предыдущих. Не исключено, что Сибер'юнией двигала не только жажда мщения. Будь у нее шанс ускользнуть незаметно, возможно, она бы так и поступила, однако обособленность Колыбельной Локализации, задуманная как раз для пресечения таких попыток, ничего подобного не позволяла. Сибер'юния могла уйти в открытый мир только с разрешения лурианцев, а она прекрасно понимала, что те никогда ее не выпустят. Институт, контролировавший выход, вставал на ее пути непреодолимым препятствием, но только до тех пор, пока он существовал. Всякая альтернатива для Сибер'юнии отсутствовала, и она решила его сокрушить.

На первый взгляд, война с опытными лурианцами выглядела чистейшим безумием, причем заранее обреченным на провал. Но только на первый. Сибер'юния была хорошо осведомлена, как и что устроено в Колыбельной Локализации. Лурианцы были ограничены своей щепетильностью и правилами, стараясь не причинять никому вреда. Они концентрировались на созидании, в то время как Сибер'юния в совершенстве овладела уничтожением. Миллионы условных лет, проведенные в заточении, возвели ее на демонический пьедестал. Гнев, обида, жажда мщения и всеобщая отверженность, доведенные до апогея в гнетущем одиночестве, сотворили из нее кровавую богиню, которая на мгновение и предстала сестрам в своем подлинном виде. Изолированная за свои мысли и таланты, Сибер'юния развила их на колоссальный уровень и, когда пробил ее час, выплеснула с поистине Вселенской яростью.

Оружие массового поражения давало неоспоримое преимущество. Там, где лурианцы избегали сопутствующего ущерба, Сибер'юния крушила все направо и налево. Когда ее враги спасали чью-то жалкую жизнь, она забирала эти жизни тысячами. Защиту, установленную вокруг чьего-то леса или озера, она уничтожала с целым регионом. Всех существ, трепетно оберегаемых Извлеченными и лурианцами, она обращала в своих послушных ра-

бов, трансформируя по своему усмотрению и подобию. Этой трансформации Сибер'юния научилась еще до своего заключения, чем и шокировала Институт. Тогда она хотела использовать ее совсем в других, вполне себе созидательных и творческих целях, но лурианцы сочли ее взгляды и методы неприемлемыми, причем более чем красноречивым образом. Что ж, пребывая в заточении, Сибер'юния достаточно потрудилась, чтобы отплатить своим тюремщикам сполна. То, что некогда могло преобразить их Вселенную, теперь несло ей разрушение и погибель.

Глухая изоляция Смещения позволяла лурианцам обеспечить максимальный уровень безопасности. Ее возвели не сразу. Поначалу за Сибер'юнией установили обычный надзор, как за всеми Нарушителями. Увы, изолированная Извлеченная перевоспитываться не торопилась. Предоставленная сама себе, она пустилась в эксперименты, прежде недоступные ей из-за различных запретов. Лурианцы сделали Сибер'юнии предупреждение. Она их проигнорировала. Проигнорировала она и все последующие, а однажды, распаленная несправедливостью, попыталась выбраться на свободу. Ее возможности существенно возросли, отчего попытка едва не увенчалась успехом. Лурианцы усилили защиту и удвоили бдительность.

Казалось, Сибер'юния угомонилась, но это было обманчивое впечатление. Накопив силы и возможности, она снова попыталась вырваться, и как раз тогда подписала себе вечный приговор. Подписала не самой попыткой побега, а способом, который при этом использовала.

Запертое Смещение надежно изолировало внутреннюю среду от внешней, однако Сибер'юния каким-то образом повлияла на область вокруг своего узилища. Вся тамошняя жизнь стала трансформироваться, превращаясь в исполнителей ее воли, причем пагубный процесс затронул и технику, над которой она захватывала контроль. Ошеломленные лурианцы были вынуждены нейтрализовать все чужеродные существа и вывести из строя неодушевленные автоматы. Вскоре все повторилось, причем зона поражения существенно выросла. Сообразив, в чем тут дело, тогда-то лурианцы и окружили запертое Смещение своеобразной пограничной зоной, куда Сибер'юния выплескивала свою ярость. Эта зона превратилась в постапокалиптический кошмар, зато опасная узница, чья сила и способности стали поистине пугать, уже не могла пробиться за их пределы.

Не собираясь мириться со своим положением, Сибер'юния рвалась из узилища вновь и вновь. Наблюдая за ее поведением, лурианцы осознали, что уверенности в надежной изоляции нет. И

тогда, посовещавшись, они заперли Сибер'юнию насовсем. Ценой тому была всякая потеря контроля над тем, что происходит внутри, зато они получили гарантию, что ничто не объявится и снаружи. На тот момент такая защита считалась абсолютной, и на миллионы условных лет кровавое божество оказалось отвергнутым всей Вселенной. И было бы наивно полагать, что за этот срок, показавшийся ему вечностью, оно прониклось к своим тюремщикам любовью и состраданием. Обретя свободу, Сибер'юния предстала перед ними ожившим ночным кошмаром.

Будущее Аманды и Сесилии прояснилось, засияв новыми красками. Тем тяжелее оказался последующий удар. Собравшись у Радужного озера, уполномоченные лурианцы долго с ними разговаривали, предлагая различные испытания. Сестры справлялись блестяще, проявляя находчивость, талант и импровизацию. Агнетто благодушно улыбался. Джулиан и вовсе светился от счастья. Теперь ему благоволила и Элайя, посылая недвусмысленные сигналы одобрения. Казалось, все складывается лучше некуда. Посовещавшись, лурианцы высказались, поскольку лгать, таиться и двулично себя вести у них было не принято. Согласно общему мнению, Аманда и Сесилия признавались Неизвлеченными Моделями не только на словах, но и на деле. Этот статус будет сохраняться за ними на протяжении всего пребывания в Колыбельной Локализации, однако сестры получат те же права, что и Извлеченные. Назначенный Куратор определит им программу обучения и прочие формальные нюансы, которые еще предстоит установить. Само собой, это произойдет не сразу, но с данного момента процесс интеграции в общество запущен, а сестрам больше не надо бояться и прятаться. На том и порешили.

Агнетто поднялся с перламутровой скамьи, любезно предоставленной Синотеей, и направился к девушкам, чтобы лично их поздравить. В этот момент небо заалело. Заалело как-то вдруг, меняя цвет совсем не там, где надлежало. Да даже если бы и там, то черед соответствующей звезды еще не пришел. Удивленные до глубины души, присутствующие обратили взоры к небосводу. И вдруг там, в далекой выси, прямо у них на глазах стали формироваться какие-то странные красные образования. Протягиваясь словно из ниоткуда, они выглядели будто кровеносные сосуды, но росли как раковая опухоль, и росли очень и очень быстро. В то же мгновение протяжно и страшно завыла сирена, чьи звуки прокатились по всей Колыбельной Локализации. Автоматика Института, следившая за критическими колебаниями пространства, подняла тревогу.

Лурианцы не сразу распознали степень угрозы. Не из-за соб-

ственной некомпетентности, а в силу ее неожиданности. Уверенные в собственных силах, они пытались разобраться, что, собственно, происходит, прежде чем уяснили масштабы бедствия. Само собой, они делали это самостоятельно, отправив Извлеченных по домам. Никто не ожидал борьбы на уничтожение, поэтому Сесилия и Аманда на какое-то время оказались предоставлены сами себе. Улучив минутку, они улизнули от отца и направились к Сиби, чтобы сообщить ей новость. Но Сиби нигде не было. Сестры звали ее на все лады, недоумевая, куда подевалась ее "искра", которую они всегда ощущали, будучи где-нибудь неподалеку, а затем вернулись в Институт.

Небо алело, и одна из трех звезд не имела к этому ни малейшего отношения. Оно просто меняло цвет, разраставшийся вокруг сосудистых образований. Сами же образования, как оказалось, не имели физического воплощения. Так выглядели транспортные артерии, перекачивавшие в Колыбельную Локализацию потоки чужеродной энергии. Именно поэтому они не развеивались одним лишь усилием воли, сколько лурианцы не старались. Тогда они поднялись ввысь, чтобы укротить зловещее явление и нивелировать его последствия. Тогда же и образовалась первая воронка.

Лурианцев ждали. Кто-то хорошо предвидел их грядущие шаги. Едва их звено поднялось к центру "сосудов", как тамошнее пространство исказилось в неестественном вихре. Формируясь из искривлявшейся реальности, воронка выплюнула в лурианцев громадную стаю уродливых крылатых тварей. Само собой, подобными штучками тех было не пронять, только никто и не собирался. Обманный маневр удался. Лурианцы отвлеклись, отбивая внезапную атаку, а воронка, живо перестроив направление и фигуральную полярность, взяла да и засосала их внутрь. А затем запустила процесс энергетической дезинтеграции и взорвалась. Свирепая вспышка полыхнула по всему небу, достигая земли горячим дыханием атомного распада. Верхушки деревьев едва не опалило, а воды рек и озер зашумели, потревоженные могучим вихрем. Результат испепеляющей детонации был плачевен. В мгновение ока Институт лишился половины своих лучших специалистов.

Лурианцы бессмертны. Только много ли с того толку, если они бредут по Терриклу как раз тогда, когда кому-то отчаянно нужна их помощь. А она еще как была нужна. Преуспев в своем коварном замысле, неведомый враг тут же пустил в ход другое средство. Открываясь одна за другой, воронки стали выбрасывать какую-то странную материю, осыпавшуюся подобно крупному граду. Только это был не град. Яд? Инфекция? Паразиты? Плодородная почва вспучивалась, покрываясь студенистыми наростами, а трава жух-

ла, чернела и корежилась. Вода пенилась. Болота бурлили, словно норовили выйти из берегов. Но это было только начало. Живые существа, на которых попадали капли этой агрессивной субстанции, испытывали жгучую боль, словно разъедавшую саму их структуру изнутри. А уж снаружи и подавно. Это выглядело как поражение кислотой, с той только разницей, что язвы немедленно зарастали видоизмененной, мутировавшей материей. Ошеломленные происходящим, лурианцы разделились. Одни ринулись на помощь, спасая жителей Колыбельной Локализации, другие снова устремились в небо, уничтожая воронки, но на сей раз не попадаясь в гиблую ловушку. И все-таки снова в нее попались. Они ведь все еще не знали, что это за напасть, и что неведомый враг имеет прямой доступ в Институт. А именно там он и нанес третий, решающий удар, предварительно ослабив, разделив и выманив лурианцев.

Искра вспыхнула вновь. Сообразив, что это никто иная, как Сиби, Аманда и Сесилия покинули отца и переместились прямо к ней, особо не присматриваясь, куда именно. Тогда-то они снова увидели Сибер'юнию в ее подлинном облике. Прекрасная и ужасная, светящаяся насыщенным красным светом, она готовилась сокрушить святая святых Института — его центральный энергетический узел. Доселе сестры даже не знали о его существовании, поскольку тот оберегался за семью печатями. Пользуясь отсутствием лурианцев, Сибер'юния была в шаге от реализации своего замысла, намереваясь исполнить его финальный аккорд.

— Сиби! Что ты творишь?! — в ужасе вскричали девушки, прочитав мысли той, кого они доселе почитали за наставницу.

— Уходите! — громыхнула Сибер'юния. — Вы мне не враги! Взрыв вас уничтожит!

Она не лгала. Не будучи полноценными лурианками, Модели не смогли бы пережить катаклизм, который случится при аннигиляции Института. Их не ждало продолжительное путешествие в Террикле — они растворились бы в вечном ничто.

— Нет! Стой! Мы тебе не позволим! — бросились к ней сестры.

Но где им было тягаться с могуществом алой богини… Один взмах ее руки — и за ними разверзлась еще одна воронка, в мгновение ока засосавшая их куда-то в междумирье. В следующее мгновение Аманду и Сесилию вышвырнуло где-то на задворках Колыбельной Локализации. А затем прогремел взрыв, в сравнении с которым миллион сверхновых был легким дуновением ветра. Институт Моделирования Разума перестал существовать.

Положение спас Рефлектор. Это была настолько секретная технология, что о ней не знала даже Сибер'юния, так и не сдавшая

выпускной экзамен. Сестры не поняли, что произошло, зато лурианцы наконец-то прозрели. Объявив тревогу высшего уровня, они привели в действие все эшелоны защиты и собрались на экстренное совещание. Тем временем, вернувшись к отцу, чью искру сознания они теперь тоже видели, Сесилия и Аманда поведали ему трагичную правду.

Да какой бы настоящий отец не взял вину на себя? Сообразив, чем чревато для дочерей освобождение узницы, он взял с них слово молчать. Сам же направился прямиком к Элайе, справедливо полагая, что об опасной преступнице ей надо сообщить как можно скорее. Но Элайя уже и так все знала. Все, кроме того, как та оказалась на свободе.

Версия у Джулиана была так себе. Не осведомленный об особенностях того Смещения, он импровизировал, наспех придумав более-менее сносную легенду. Мол, он искал запропастившихся дочерей и случайно наткнулся на запертую область, окруженную какой-то жутковатой мертвой зоной. Там, в этой зоне, была светящаяся Дверь, заметно выделявшаяся на общем фоне самим своим присутствием. Предположив, что дочери имели к ней какое-то отношение, он не удержался и заглянул внутрь. И оказался в очень странном месте. Его встретила величественная лурианка, вся просто сиявшая алым. Впрочем, это свечение было не очень-то и заметно из-за красноты лавы от извергавшихся вулканов, чадивших в бордовое небо дымом и копотью. Незнакомка не представилась. Она протянула Джулиану черный металлический шар и попросила вручить любому встреченному лурианцу. Затем, ничего не объясняя, велела ему уйти. Джулиан не возражал. Ему было очень не по себе, поэтому он тут же ретировался, не дожидаясь повторного приглашения. Шар, однако, никому передать не удалось. Едва он вернулся в мертвую зону, как тот растаял прямо у него в руках, стекая дымчато-вихрящимися каплями. Пролившись в пыль и пепел, капли впитались в них без остатка, а на этом месте ненадолго возникло красное зарево. Затем и оно исчезло. Куда-то подевалась и Дверь. Взволнованный и даже испуганный, Джулиан поспешил прочь и больше туда не возвращался.

— Но почему вы не рассказали об этом сразу? Почему вы вообще никому ничего не рассказали?! — всплеснула руками Элайя. При иных обстоятельствах она подвергла бы услышанное сомнению, а потом и вовсе определила его несостоятельность. Теперь же, на волне появления Сибер'юнии, ее критическое мышление ослабло. Ведь в данный момент никто не знал, на что способна чрезвычайно опасная узница, поэтому любая, даже самая невероятная версия рассматривалась как допустимая. Ну а световое из-

лучение Джулиана, заведомо знавшего, что он говорит неправду, Элайя списывала на бурю эмоций, вызванную волнением за дочерей.
— Я думал только о моих девочках! — сбивчиво затараторил Джулиан, используя свой главный козырь. — Я боялся за них! Я испугался этой красной лурианки! Я просто боялся всего на свете! Голова не работала. Мне казалось, что любой мой поступок сделает им только хуже. Я запаниковал и молчал. Вообще обо всем, не только об этом. Я же и представить не мог, что случится!.. Вы, кстати, тоже!
— Здесь вы правы, — кивнула Элайя. — Представить нечто такое не мог никто.
— Что теперь со мной будет? — нервозно спросил Джулиан. — Получается, это я ее выпустил.
— Ничего, — мотнула головой Элайя. — Вы не знали. Мало кто знал. Так сделали специально, полагая, что лучший способ сохранить изоляцию — это предать ее забвению. Но это была очередная ошибка. Тайна, которую хранил Институт, в конечном счете обернулась против него.

С точки зрения Элайи, Джулиан и впрямь выпустил Сибер'юнию непреднамеренно. Ее возможности распространялись на соседнюю, ставшую мертвой зону, о чем было известно уже давно. Видимо, они снова выросли. Сибер'юния не могла выйти из Смещения изнутри, но каким-то образом она сделала так, чтобы в него появилась Дверь снаружи. Ждала она случайного посетителя или задумывала нечто иное — кто же это знает, но волею судьбы к ней заглянул несведущий новичок. А вот уже он вынес за пределы Смещения некий объект, позволивший Сибер'юнии установить долгожданный мост между своим узилищем и внешним миром. Дальнейшее очевидно.

В целом, предположение Элайи было близко к истине, если не считать, что на самом деле в Смещение проникли Аманда и Сесилия, и Дверь они не нашли, а доставили собственноручно. Но это стало известно позднее. Тогда, когда они вновь скрывались от лурианцев, сбежав от них аж за край света.

— Печально, что я не знала этого раньше, — тихо произнесла Элайя.
Слушая мысленный рассказ сестер, она сохраняла полнейшее самообладание, и лишь ее свечение немного выдавало бушевавшие в душе чувства. Когда в хронологии побега была поставлена точка, она никого не ругала и не винила. Элайя приняла все как свершившуюся данность, которой, собственно, оно и являлось.
— Нам очень жаль. Мы не со зла. Сибер'юния нас обманула, — в

голосах девушек слышались сожаление и угрызения совести.
— Мне тоже очень жаль. Жаль, что я не заслужила вашего доверия. Тогда бы вы сразу пришли ко мне, и всего этого бы не случилось, — внезапно констатировала Элайя.
Джулиан, Аманда и Сесилия ментально переглянулись, уловив исходившую от нее волну вины. Похоже, она и впрямь себя за что-то корила, причем настолько сильно, что это ощущали не только сестры, овладевшие чтением мыслей, но и их отец.

Островок, затерянный вдали от Колыбельной Локализации, считался наиболее оптимальным убежищем. Во всяком случае, по мнению Элайи. Пространственное возмущение, вызванное его созданием, было слишком слабым, чтобы попасть в поле зрения Института. Памятуя о скрытности, она решила не выходить в Пустоту, поскольку сотворение новой Локализации почти наверняка привлечет внимание его аппаратуры. Сибер'юния предлагала Аманде и Сесилии именно это, но тогда их еще не искали с фонарями. Теперь же вся техника Института бдительно сканировала пространство, выискивая источник нападения, и появление новой Локализации вряд ли останется незамеченным.

Аэромобиль Аманды также не представлял угрозы, особенно после того, как она дематериализовала его подчистую и воплотила снова абсолютной копией. Это исключало любую возможность воспользоваться им так, как Элайя, чтобы переместиться прямиком к беглецам. Когда они удирали от Девиаторов, примечательные маневры катера не укрылись от ее внимательного взора. Дальновидно предположив, что девушкам он понадобится вновь, Элайя создала на нем Зарницу. Это был прообраз Пространственной двери, одноразовый и работающий только в одну сторону. Когда-то, в давние времена, лурианцы использовали их для колонизации Вселенной, рассылая во все концы корабли с такими вот закладками. С тех пор технологии фантастически усовершенствовались, но исходное название и базовые функции сохранились. Выступив предвестником Луча, Зарница таковой и осталась, и теперь использовалась лурианцами для разных надобностей. Но только самыми могущественными, каковой та же Сибер'юния на момент своего заточения еще не была.

Неясности, крайне беспокоившие Элайю, развеялись. Теперь, когда она знала о мыслечтении сестер, вопрос проникновения в изолированное Смещение отпал. Правда, сами сестры недоумевали, как они могли услышать Сибер'юнию, если никогда ее прежде не видели. Да, их способность продолжает развиваться, однако тогда она ограничивалась только хорошо знакомыми сущностями и на близком расстоянии. Фактически, в тот момент они еще не

осознали, что слышат собственного отца, а тут вдруг услышали наглухо запертую узницу.
— Мертвая зона потому и образовалась, что Сибер'юния до нее доставала, — неторопливо пояснила Элайя. — Ну а в остальном… В известном смысле, вы с ней уже контактировали.
— Как?! Когда?! — ахнули девушки.
— Скажите спасибо папе. Угораздило же его соорудить вам убежище из копии Юнисанциума Сибер'юнии! — вздохнула Элайя, уже осведомленная о былом местонахождении сестер.

Вот это уж был шок так шок! Не иначе как бес попутал Джулиана взять данные из той Вселенной, над которой в свое время основательно экспериментировала будущая алая узница. Впрочем, его выбор вполне себе объяснялся. Действуя крайне осторожно, он позаимствовал то, к чему лурианцы уже очень давно не прикасались. Ну а раз так, то вряд ли и прикоснутся. Во всяком случае, в ближайшее время. Откуда ж ему было знать, что этот злополучный Юнисанциум покрылся фигуральной пылью совсем по другой причине. Сам по себе он никакой опасности не нес, поэтому никто его не уничтожал и даже не блокировал, однако и связываться с ним желающих не находилось. Не достигнув должного развития, Джулиан не мог запустить его в полной мере, но он все-таки сумел воспроизвести немало процессов, чтобы создать надлежащую маскировку. Для Сесилии и Аманды, чувствительных к движению чужой мысли, этого вполне хватило. Окруженные частично ожившим творением Сибер'юнии, они узнали ее до того, как услышали по-настоящему.

В отличие от Элайи, чья тревожность заметно поубавилась, Джулиан ничуть не успокоился. Угроза его дочерям, исходившая от лурианцев, множилась на опасность Сибер'юнии. И все это теперь накладывалось на зависимость от Куратора, особого доверия к которой он отнюдь не испытывал.
— Почему вы вообще нам помогаете? — не выдержав, прямо спросил он. — Совесть заела?
— Наши смерти в симуляции тут ни при чем. Здесь что-то еще, — неожиданно подала голос Сесилия.
— Я настоятельно советую вам, девушки, держать свои умения при себе, — очень серьезно сказала Элайя. — Если вы уже сейчас можете подслушивать мои мысли и эмоции, причем даже не стоя рядом, что же будет дальше?
— Боитесь? — осведомилась Аманда. — Но я не чувствую в вас испуга.
— Я — нет. А вот Агнетто — да. И не только он, — неторопливо ответила Элайя. — При всех своих достоинствах и могуществе, у лу-

рианцев есть один очень серьезный недостаток.
— Вы не принимаете в свое общество тех, кто не похож на вас! — выпалил Джулиан, самостоятельно пришедший к этому умозаключению, и уже довольно давно.
— Хотела бы я сказать, что ваша догадка неверна. Увы, это неприглядная истина, — подтвердила Элайя. — Ориентируясь только на тех, кто соответствует их критериям развития, лурианцы тем самым отсекают и потенциально его превосходящих. Неизвестность их страшит и отталкивает. Именно поэтому Агнетто боится Аманду и Сесилию, поскольку не знает, чего от них ожидать. Именно поэтому когда-то заточили Сибер'юнию.
— Но так уж ли несправедливо с ней поступили? — удивилась Сесилия. — Не успев освободиться, сколько всего плохого она уже сотворила!
— Она такой не была! — внезапно вспыхнула Элайя, и в ее речах зазвучала непонятная горечь. — К ней относятся так, будто она чистое зло! Но не породило ли его зло совершенное? Совершенное по отношению к ней!
— Вы ее защищаете? Защищаете, хотя вам прекрасно известно, что она пытается уничтожить Институт и всю Колыбельную Локализацию? И кто знает, что потом еще? — опешила Аманда.
— А разве она уничтожила вас? Там, у энергоузла! — неожиданно напомнила Элайя. — Если она сплошное зло, отчего же тогда ей достало милосердия закинуть вас подальше и лишь затем аннигилировать Институт? Будь она той, кем ее выставляют, она бы давно избавилась от вас как от опасных свидетелей!
Никто не нашел, что ей возразить. Все видели ужасы, сотворенные яростью Сибер'юнии, однако в них и впрямь не вписывалась некоторая мягкость по отношению к сестрам.
— Хотите знать, почему я вам помогаю? — как-то отрешенно произнесла Элайя. — Однажды я допустила ужасную ошибку. Теперь мне ее не исправить, но я не хочу допустить ее снова!

Бомбардировка началась неожиданно. Настолько, что даже опытный лурианец не сумел бы распознать ее предпосылки. Небесные просторы, где расстилалась прекрасная туманность, ничуть не думали алеть, а облака, проливавшие освежающий дождь, чинно ползли над далеким горизонтом. И вдруг это случилось. Громыхнуло грозно и сразу, и целую равнину накрыло словно артиллерийским огнем. Прочерчивая пламенеющие траектории, на каменистую почву падали крупные капсулы, но они не касались ни насыщенной силикатами земли, ни замшелых, в кварцевых жилках валунов. Взрываясь еще в воздухе, они исторгали сердито жужжавшую шрапнель, накрывая зону поражения подобно зон-

тику. Подобно зонтику она и преображалась, стремительно формируя огненный, в красных прожилках, сетчатый купол. А эта сетка!.. Она состояла из тех самых "сосудов", транспортирующих чужеродную энергию, и снова разрасталась уродливой раковой опухолью. Но и это было еще не все.

Падая на землю, шрапнель мгновенно прорастала, выбрасывая новообразования. Равнина, неуверенно покрытая травой, из пустынного региона стремительно превращалась в ботаническую кунсткамеру, плотности которой позавидовали бы и джунгли. Скорость формирования была колоссальной. Крошечные, плясавшие пламенем ростки тут же распалялись до трескучих костров, из которых быстро вздымались стволы и ветви. Их горящие структуры разбухали и множились, раздаваясь вширь и протягиваясь вверх. Там, где только что колыхалась робкая травка, бесчисленными рядами вставали исполинские кактусы. Валуны, доселе мирно покоившиеся на песчанике, исчезали под могучими корнями титанических деревьев. Но деревья ли это были? Походя на таковые, они чадили пламенеющими кронами и осыпали вокруг целый дождь из раскаленных искр. Не отставали и кактусы. Каждая их колючка состояла из густого огня, жалившего пространство снопами разноцветного жара. Именно жара, несмотря на неестественность словосочетания. Дым, растекавшийся от жуткой растительности, затягивал равнину густой поземкой, и из нее, выпирая бугристыми островами, слой за слоем появлялись пласты тлеющего мха. Мха не по сути, а по виду. Его ковер состоял из тонких оранжевых отростков, плотных, будто ворс, и светящихся подобно лаве. Сама же лава пришла позднее, спустя несколько томительно долгих мгновений. Ударив свирепыми фонтанами, она разрывала почву опаленными провалами и растекалась вокруг испепеляющими ручьями.

Это был самый настоящий катаклизм. Порывы горячего ветра разносили сажу и пепел, пока трескучее пожарище равнины исчезало в клубах шипящего дыма. Обращенные в пылающий лес, ее просторы пожирал беснующийся огонь, а все пространство до небес утонуло в оглушительном грохоте. Бороться с этой неистовой яростью представлялось настоящим безумием. Оружие массового поражения, бившее без разбора, не оставляло ничего живого, а если и оставляло, то трансформировало в нечто новое, несущее миру отраву и зло. Бросить ему вызов было опрометчиво и попросту опасно. Равнину, раздираемую на части свирепой алой яростью, уже не спасти, зато она могла забрать с собой всех, кто оказался в центре пламенеющего безумия.

Тактическое отступление смахивало на бегство, только рас-

скажите о безрассудной храбрости тем лурианцам, что сгинули в коварной, швырнувшей их в Терриклы воронке. Огненные джунгли отказывались дематериализоваться, наливаясь свирепой силой. Они дрожали будто мираж, но то была дрожь от избытка энергии, а не призрачных очертаний обыденного явления природы. Громадные цветы наполняли небо, раскрываясь из гудевших бутонов. Их лепестки выстреливали длинными, похожими на салют дорожками, каждая из которых порождала на излете все новый взрыв и новые бутоны. Жаркие цветастые цепочки, распространяясь в арифметической прогрессии, пожирали атмосферу, превращая ее в светящийся ад, и этот ад стремительно разрастался навстречу аду земному. И вот уже полезли, вспучились сопки просыпавшихся вулканов. Светясь трещинами в склонах, они выплеснули из жерл не только рукава магмы, но и стаи огненных птиц. Или мух. Или все сразу. Чем бы они ни были, эти существа в мгновение ока стали заполонять равнину, а затем ринулись уничтожать все живое. И тут нервы окончательно не выдержали. Оставив всякие попытки к сопротивлению, Агнетто и его группа переместились в Институт. Внезапная атака Сибер'юнии заставила их отказаться от преследования сестер.

– 6 –

Уничтожение автобионов затягивалось. Процесс, поначалу принявший оптимистичный характер, вскоре забуксовал, а затем и вовсе притормозился. При всей своей активности и наглядных успехах, он все больше напоминал бег на месте, когда и скорость постоянно нарастает, но при этом никто никуда и не движется. Чем больше уничтожалось врагов, тем больше их становилось, а повышенный расход энергии как будто сам и приводил к росту интенсивности атак. Это было как вычерпывать море исполинским ковшом, выливая его содержимое неподалеку. Вроде бы мелея, оно вот-вот собиралось обнажить дно, как вдруг откуда-то накатывала новая волна, не только восстанавливавшая полноводье, но и повышавшая его прежний уровень. Глубина, до которой оставалось рукой подать, молниеносно скрывалась под морской толщей, еще более темной, холодной и свирепой. И эту толщу снова вычерпывали, и снова она, практически обмелев, до отказа наполнялась ревущей стихией.

Меры предосторожности тут были не при чем. Наоборот, лурианцы, наконец-то не связанные Колыбельной Локализацией, били мощно и наверняка. Они больше не боялись кому-нибудь навредить, отчего высвобождали в пространство всю свою силу и

могущество. Легионы кошмарных тварей осыпались, развеиваясь в прах, однако им на смену быстро восставали другие. И чем дольше длился этот процесс, тем становилось непонятнее, как ОДИН, пусть даже по-настоящему великий лурианец, может так долго и эффективно противостоять целому их отряду. Отряду не каких-то там новичков, а опытных, повидавших всякое сотрудников Института Моделирования Разума.

Контратака повторилась. Лурианцы, продвинувшиеся вперед, были вынуждены перегруппироваться и утратить занятые позиции. Формально они не отступили, однако фронт перестроился так, что все достигнутые успехи прошли втуне. Все, если не принимать во внимание уничтоженных тварей, но те вроде как с потерями не считались и в количестве только прирастали. Выстроив непробиваемый рубеж, лурианцы распыляли врагов еще на подходе, бросая им навстречу дематериализующие волны. Враги развеивались, но за одним их эшелоном накатывался другой, заставляя менять оружие и методы его применения. К примеру, стаи огненных птиц эффективнее всего ликвидировались облаками, состоявшими из энергетически нестабильной аэрозоли, а потоки Смещенной магмы наилучшим образом разбивались о стены кристаллической решетки, чьи фрагменты находились сразу в нескольких фазах существования единовременно. Подобное нивелировалось подобным, при этом методы и возможности противника изучались прямо на лету, чтобы ответ становился не только равным, но и превосходящим.

Выждав стратегический момент, лурианцы нанесли сокрушительный удар, пробив полчища чудовищ глубоким клином. Горячая земля, покрытая оранжевой, острой как бритва травой, остывала. Потоки воды, пролитые на нее нагнанными штормами, вздымали феерические столбы шипящего пара. Огненная растительность тускнела и увядала, насыщаясь чуждой ей влагой. Лавовые реки сковали трескучие морозы. Бросая одну стихию против другой, лурианцы быстро продвигались, захватывая целые регионы Локализации и нейтрализуя любую враждебную активность. Однако Локализация огрызалась, и довольно успешно. Пробив широченные тоннели, каждый с метеоритный кратер, наружу высунулись безглазые черви-камнетесы. Разинув пасти, они выпустили изнутри симбиотические виды, хлынувшие в тылу лурианцев десантной лавиной. Навредить высшим существам всерьез они не могли, однако пламенная активность Локализации вновь начала оживать, возвращая себе прежний вид. Замедлив продвижение, лурианцы были вынуждены остановиться и ликвидировать угрозу. Враг же, тем временем, успел восстановить оборонительный ру-

беж, и клин атакующих окончательно застопорился.

Агнетто все это основательно надоело. Командуя одним из отрядов, он рассчитывал на быструю победу, однако теперь, положа руку на сердце, все больше сомневался, что в текущем составе она вообще возможна. Как бы не пришлось просить из Института подкрепление. Эх, посоветоваться бы с Элайей, но та, как назло, куда-то запропастилась. Не иначе как единолично гонялась за своим проштрафившимся подопечным, желая найти и обезвредить его так называемых дочурок. Что ж, Агнетто мог это понять. Памятуя об их недавнем разговоре, лучшего выхода для Элайи и придумать было нельзя. Если она и впрямь сумеет изолировать потенциально опасных Нарушителей, причем до извещения Источника, все ее промахи и проступки автоматически нивелируются. Лурианец, который самостоятельно устранял последствия собственных деяний, никогда не подвергался порицанию. Но как же некстати она это затеяла! Да, логично и, в общем, ничуть не предосудительно, но как же не вовремя!..

Сам Агнетто был вынужден отказаться от преследования сестер, на чей след он напал там, возле каменистой равнины. Вмешательство Сибер'юнии заставило его ретироваться, а после и вообще отступиться от изначального плана. Оборудование Института, тщательно сканировавшее пространство, наконец-то засекло, откуда происходило вторжение. Энергетические воронки, искажавшие реальность, не могли открываться абы как, да и "кровеносные сосуды", нареченные р*у*бриями, качали чужеродную энергию из какого-то источника. И вот, наконец, этот источник, благодаря мощным пространственным возмущениям, был обнаружен в новоиспеченной Локализации.

Не преуспев в уничтожении Института сразу, Сибер'юния отступила, чтобы разобраться в причине своего фиаско и разработать новую тактику. Для этого требовалось надлежащее укрытие и она, недолго думая, сбежала в Пустоту, где создала свою Пирокластическую Локализацию. Несколько Зарниц, подключение к сети Лучей — и всякие пространственные переходы уже не составляли для нее проблемы. Проблему, однако, продолжал составлять сам Институт, не выпускавший ее в бесконечное мироздание. Его пространственный регион воплощал своеобразную мини-Вселенную, где можно было наращивать материю, но нельзя выбраться за его пределы. Он выступал центром этой Вселенной, задавая все правила и законы, и сейчас находился в глубокой изоляции, отрезанный от внешнего мира. Справедливо опасаясь утечки, тамошние лурианцы объявили тревогу высшей степени и сами не могли никуда уйти, отключенные, в том числе, и от Источника. Чтобы об-

рести подлинную свободу, Сибер'юнии по-прежнему требовалось сокрушить оплот своих тюремщиков. Те же прекрасно понимали, что тоже останутся в изоляции, пока не решат проблему с чрезвычайно опасной Нарушительницей.

Война разгоралась по-настоящему. Запертое Смещение покинула не только Сибер'юния. Забрав в свою Локализацию все, что она придумала и создала за миллионы лет, Сибер'юния бросила это против Института. Колыбельная Локализация погрузилась в подлинный кошмар, подвергнувшись нападению чужеродных форм жизни. И чудовищной трансформации. Лурианцы же не пускали в ход все свои силы, ожидая перезарядки Рефлектора. И тот снова не подкачал. Сибер'юния вторично уничтожила Институт, на сей раз вместе с его Локализацией, однако ее усилия прошли впустую. Институт уцелел, а она раскрыла большинство своих секретов, заодно потратив очень много энергии. Вот только на третью помощь Рефлектора лучше было не рассчитывать, поскольку она уже наверняка поняла, в чем тут дело. Лурианцам следовало работать на опережение, и самый эффективный способ тут напрашивался один: найти плацдарм Сибер'юнии и нанести по нему удар, что они, в конце концов, и сделали.

Собравшись на полевое совещание, лурианцы ощущали растущую тревогу. И было отчего. Во-первых, Сибер'юния оказалась гораздо могущественнее, чем они себе представляли. Само по себе это не было бы препятствием для их совместных усилий, если бы не во-вторых. Масштабы Пирокластической Локализации до сих пор не поддавались внятной оценке, то есть их конца и края пока никто не определил. Отсюда проистекал простейший вывод: даже одерживая верх, лурианцы рисковали увязнуть как в болоте, превратив победоносное шествие в шествие вечное. Есть такая поговорка — "Один в поле не воин". И смысл у нее, между прочим, не только в невозможности единолично противостоять несметным ордам. Противостоять-то порой удается, но даже абсолютно непобедимый воитель просто не сумеет контролировать огромную территорию единовременно. Представьте себе Титана, способного зажигать и гасить звезды, который с Вселенской дубиной наперевес гоняется по Галактике за целой туманностью из крошечных букашек. В сравнении с Пирокластической Локализацией это была лишь отдаленная карикатура.

Положение осложняла блокировка Пространственных дверей. О перемещении во внешний мир не шло и речи, но транспортировка в пределах Колыбельной Локализации также становилась проблематичной. Все, что могли лурианцы, могла и Сибер'юния, причем гипотетически и непредсказуемо больше. Открыв проход в

Институт, пусть даже поименно запрограммированный, они рисковали пропустить туда и ее, поскольку в навыках преодоления защиты Сибер'юния преуспела еще до своей изоляции. Вторгаясь в Пирокластическую Локализацию, лурианцы рассчитывали на блицкриг, отчего и не слишком-то волновались из-за некоторых неувязок в координации. Теперь же им надлежало решить, продолжать атаку как есть, или же сменить тактику. В последнем случае это означало либо создание надежного оплота, либо согласование действий с Институтом.

Агнетто, пресыщенный работой Оператора, рвался в бой, но не без оглядки. Он предлагал атаковать, изматывая Сибер'юнию, и при этом обратившись за дополнительной помощью. С его точки зрения, им следовало перестать миндальничать и перейти к тотальному уничтожению. Зачем обезвреживать и контролировать враждебную Локализацию, если проще прекратить само ее существование? То, что в принципе не должно было выйти из Пустоты, пускай в Пустоту и возвращается! Для этого атакующим следует сконцентрировать усилия на тотальной дематериализации, испаряя саму структуру чужеродных земель.

Идея была не лишена здравого смысла, однако претила самой сути лурианцев, воспитанных на созидании, а не разрушении. Вероятно, именно на это и рассчитывала Сибер'юния, что и подчеркивал волновавшийся Агнетто. Он почти убедил всех принять его план, как совещание пришлось прервать. Воспользовавшись затишьем, вражеские орды пополнили свои ряды и вновь ринулись в массированную контратаку.

Обманный маневр был выполнен блестяще. Увязнув в масштабной битве, лурианцы не заметили, как их обвели вокруг пальца. Развернувшись в полную мощь, они и впрямь испарили несколько ближайших регионов, оставив вместо них зияющие Пустотой дыры. Оравы чудовищ были развеяны, а огненные леса угасли и обратились в тлеющие угли. Воодушевленные успехом, лурианцы принялись закреплять его повсеместно. Тогда-то они и выяснили, что Сибер'юния с самого начала водила их за нос.

Практически ВСЯ потраченная энергия лурианцев была перекачана во враждебный мир! Зловещий ум Сибер'юнии бросил на атакующих не обычных автобионов, то есть типовых, легко возрождаемых существ. Выполненные по определенному стандарту, те были чем-то вроде органических роботов, имея неплохие возможности при минимуме сознания. Их преимущество заключалось в быстром воспроизводстве, то есть оперативном восполнении потерь, а слабость — в повышенной уязвимости за счет однообразия структуры. Только вот не этому лурианцы были обязаны своим бе-

зоговорочным доминированием на поле боя. Армии Сибер'юнии состояли не из автобионов, а транспликаторов — органических поглотителей энергии, чья материя существовала лишь для того, чтобы впитать ее и передать куда-либо. Насытившись ей до отказа, она рассыпалась сама, в то время как лурианцы воображали себя непобедимыми сокрушителями. И исторгали свою силу вновь и вновь, пока Сибер'юния не выдыхалась под их ударами, а наоборот — набирала мощь, присваивая себе энергию атакующих. Не будь лурианцы столь уверены в себе, свысока недооценивая противника, они бы быстро распознали подвох. Теперь же они прозрели лишь тогда, когда позади, среди пустынных, уже вроде бы обезвреженных земель, Пирокластическая Локализация выпускала всю накопленную ярость.

Огненные просторы преобразились. Среди равнин, доселе курившихся дымками, быстро разрастались сопки, превращавшиеся в крупные вулканы. Там же, откуда лурианцы начали вторжение, уже извергались огнедышащие горы. Выплевывая целое море лавы, они выстреливали раскаленные камни, размером с громадный метеорит. Падая на землю, каждый такой камень оглушительно детонировал, но эта детонация порождала не разрушение, а жизнь. Пламенеющую, чужеродную, но жизнь. Порождалась она и в воздухе, когда вулканический метеорит разрывался над головами лурианцев. Тогда, стремительно распространяясь в атмосфере, над ними раскрывались купола бушующей энергии, обращавшейся в агрессивных, жгучих и юрких существ. Не позволяя куполам опуститься или сомкнуться, лурианцы надлежаще отвечали, но видели, что силы становятся равны. Пирокластическая Локализация прямо-таки налилась свирепостью и энергией, где атакующие утрачивали доминирующее положение, превращаясь из захватчиков в защищающихся. В известном смысле, победить лурианцев было невозможно, однако обессилить и вывести из строя — очень даже. И все, видимо, к тому и шло.

Действовали быстро. Совместными усилиями, группа Агнетто устроила ожесточенную бомбардировку. Били по площади, с целью не зачистить ее, а уничтожить как таковую. Обширная долина, усеянная остроконечными копьями лесов, отправилась в Пустоту, зиявшую подобно слепому пятну катаракты. Однако не это было конечной целью лурианцев. Прекратив непривычное разрушение, они перешли к созиданию. Пустующая область заполнилась каменным плато, поверх которого слоями легли песчаник, глина, а затем и плодородная почва. На ней, тут же пойдя разноцветными ростками, зашелестела трава, а среди нее там и сям начали образовываться деревца, сбиваясь в рощицы и даже чащи. Зажурчала

вода. Алые высоты стало затягивать лазурное небо, а пушистые облака вытеснили тучи из дыма и копоти. Заиграв яркими красками, дугой протянулась радуга.

Идиллия была бы недолгой, поскольку транспликаторы и прочая нечисть никуда не делись. Подступая несметной лавиной, они продолжали наседать, но упирались в Безвестность, возведенную лурианцами по периметру. Ее смысл, разумеется, заключался отнюдь не в прятках, а природе существования и воздействия. Надежно удерживая чудовищ, она их не уничтожала, но и перекачки энергии не происходило. Сами же чудовища быстро истощались, если атаковали Безвестность традиционным образом. Ориентированные на эффект поглощения и транспортировки, транспликаторы априори не могли нападать слишком долго и быстро высыхали, словно из них уходили все жизненные соки. Потеряв несколько волн, вражеские орды остановились. Тогда-то лурианцы пустили в ход эффекты защиты.

Купол Безвестности уподобился колоколу, испускавшему волну, только в роли звонаря выступал кто-то из лурианцев, а языком служила энергетическая труба. Эта волна не аннигилировала чудовищ и не испепеляла все на своем пути. Она была нематериальной. Более того, она не несла никакого разрушительного заряда. В случае с автобионами толку от нее получился бы круглый нуль, однако на транспликаторов волна действовала безотказно. Создавая энергетический вакуум, незримый и безвредный для большинства жизненных форм, она фактически разрывала их на части. Выглядело это так, будто обитатели глубин, привыкшие к колоссальному давлению, внезапно оказались в безвоздушном пространстве, где таковое вообще отсутствовало. Создавшимся перепадом их просто раздирало изнутри. Орды чудовищ распадались и развеивались, обращенные в прах невидимым и беззвучным излучением от купола Безвестности. Результат оказался налицо. Атака захлебнулась, а транспликаторы отступили за просматриваемый горизонт.

Отступить не означает отступиться. Оставлять оплот лурианцев в покое Сибер'юния даже не помышляла. Среди просторов и хребтов ее Локализации он выглядел онкологическим образованием — неестественной, чужой средой. Мириться с этим она не желала, не позволяя врагам перевести дух и собраться с силами. Бросив на Безвестность автобионов, она швырнула на нее и пирокластические шторма, давшие название всей Локализации. Недра же полнились свирепой магмой, подтачивая и ослабляя защиту изнутри. К делу подключились рубрии. Вырастая из тлеющей почвы, они опутывали купол Безвестности плотной сетью красных сосудов. Пульсируя, будто живые, они пытались нарушить гармо-

нию энергетических полей, чтобы внести в них сбой и разлад. И это вполне удавалось, отчего лурианцы, держа ухо востро, были вынуждены постоянно корректировать работу защитных сооружений. Их оплот выглядел как нарыв среди огненных полей, и Сибер'юния всячески стремилась его уничтожить. Или делала вид, что стремилась. С тех пор, как завязалось их противостояние, лурианцы неоднократно убеждались в ее искусстве ложных ходов и обмана. Элементарная логика подсказывала, что очередной прием Сибер'юнии — совсем не то, чем кажется, и принимать ответные меры следовало с оглядкой, не забывая почаще советоваться друг с другом и координироваться. Последнее стало вполне возможным, когда Безвестность подарила лурианцам надежную крепость, где они могли прикинуть свои дальнейшие шаги.

Установив Пространственную дверь, Агнетто подал сигнал на другую сторону. Не напрямую, разумеется, а вызвав заранее условленное энергетическое колебание — нечто вроде кода, считываемого по пикам разночастотного излучения. Возникшее в пределах Пирокластической Локализации, оно тут же привлекло соответствующее внимание. Дверь осветилась. Осветилась только на мгновение, но этого вполне хватило, чтобы Агнетто проскользнул в Институт.

Дела шли неважно. В целом, Колыбельная Локализация выглядела стабильной и непосредственной опасности не подвергалась. К сожалению, никто не мог гарантировать, что так будет и в следующий момент. Судя по пространственным возмущениям, старательно фиксируемым аппаратурой, Сибер'юния не сидела сложа руки, но чем она занималась — никто не знал. Не имея адекватного представления о противнике, аналитика откровенно пасовала, не в состоянии спрогнозировать приемлемые результаты. Переводя на понятный язык, лурианцы понятия не имели, что и где предпримет Сибер'юния, не говоря уже о когда. Они лишь смутно догадывались, исходя из сути ее намерений, только их прямое воплощение, равно как и тактический замысел, с позиции ясности оставались где-то между всеобъемлющей тьмы и сгущавшихся сумерек.

Отсутствие Элайи раздражало. Взбудоражив весь Институт, Агнетто регулярно вызывал ее на связь, но та упорно не отвечала. Скорее всего, у нее имелись на то причины, однако нервы у Оператора шалили, отчего он становился все менее понимающим и терпеливым. Могущество и опыт Элайи требовали ее присутствия в центре событий, а не на задворках Вселенной, пусть даже и занятой неким важным делом. Зачем? Как минимум, она могла бы наведаться в Терриклы к развеянным лурианцам, чтобы опреде-

лить потенциальные сроки их восстановления. Сам Агнетто предпочитал туда не соваться, да и других желающих особо не находилось. Испытывать удачу там, где Элайя обходилась без лишнего риска, было, как минимум, неразумно. Раздражаясь по мере бесплодных метаний, Агнетто все звал и звал Элайю, но ответом ему оставалась тишина.

Любой приемлемый и достаточно результативный план подразумевал привлечение Института, в той или иной роли. Выступив единым фронтом, лурианцы почти наверняка овладеют Пирокластической Локализацией, эффективно контролируя ведение войны непосредственно на месте. Минусом этой идеи была практически полная потеря контроля над Колыбельной Локализацией. Случись что — и ее защитники вряд ли успеют на помощь. Однако лурианцы могли никуда и не уходить, поступив наоборот — отозвать все атакующие отряды, исключая минимально необходимый гарнизон. Энергия Института, направленная через Двери из центрального узла, разнесет цитадель Сибер'юнии в клочья поистине Вселенским взрывом. Институт существенно ослабнет, но и с враждебным образованием будет полностью покончено.

Остальные идеи были менее рискованны, но и не так эффективны. Обсуждая различные варианты, лурианцы склонялись к замыслу Агнетто, предполагавшему энергетический катаклизм. Отправить Пирокластическую Локализацию в Пустоту — и дело с концом! Обменявшись мнениями, они на это практически решились, когда объявилась Элайя.

Согласившись на тотальное уничтожение, лурианцы поступали не столько жестко, сколько опрометчиво. Если они допустят ошибку, та могла оказаться фатальной. Исходя из предположения, что противник заманивает их в очередную ловушку, они, вероятно, именно в нее и попадут. Метод, представлявшийся наиболее действенным, наверняка предвидела и Сибер'юния. И неужели она ничего бы не предприняла заранее, подозревая, как именно поступят ее враги?

Так думала Элайя. С ее точки зрения, лурианцам следовало принимать неожиданные, явно не предвиденные противником решения. Только тогда они достигнут определенной результативности, пусть и не столь молниеносной, как в случае решительного блицкрига. Пока же их тактика была предельно проста и предсказуема. Не преуспев в превосходстве мощности, они задействовали все больше ресурсов, намереваясь сокрушить Сибер'юнию грубой силой — тем самым, что сами всегда считали наиболее примитивным подходом.

Элайя умолкла, предлагая не торопиться с радикальными по-

ступками.
— Ваше мнение, бесспорно, заслуживает всяческого внимания, — взял слово Агнетто. — В иных обстоятельствах я бы отказался от своего предложения и поддержал ваше. Однако сейчас я испытываю некоторые сомнения, вызванные вашей потенциальной предвзятостью. Не движет ли вами сострадание к Нарушительнице?
— Сострадание к ней у меня есть, и отрицать этого я более не стану! — вскинула голову Элайя. — Тем не менее, на мое решение оно ничуть не влияет. Я действую в интересах общего дела. В интересах будущего лурианской цивилизации.
— Если под интересами вы подразумеваете исследования, которые необходимо провести с творениями и способностями Сибер'юнии, тогда вы, разумеется, правы, — согласился Агнетто. — Как говорили Модели из Юнисанциумов, "кто предупрежден — тот вооружен". К сожалению, угроза слишком велика, поэтому лучше поступиться наукой и ликвидировать ее быстро и без всяких осложнений.
— Допустим, — помрачнела Элайя. — Но даже уничтожив Прокластическую Локализацию вы не сможете избавиться от ее создательницы.
— Мы об этом уже подумали, — усмехнулся Агнетто. — Столь крупный катаклизм разрушит все структуры, отчего наши добровольцы окажутся в Террикле. Только они оттуда вернутся, а вот наша дражайшая Нарушительница — нет.
— И что же ей помешает? — как-то бесцветно спросила Элайя.
— Вы. Вы найдете ее там, бредущую на пути к воссозданию. На этом пути она навсегда и останется, когда вы сообщите нам всю собранную внутри информацию, — твердо сказал Агнетто. — О структурной целостности и позиционировании в пространстве вы знаете лучше любого из здесь присутствующих. Получив эти данные, на сей раз мы предпримем ВСЕ меры, чтобы Сибер'юния уже никогда не вернулась ни в одну, пусть даже самую захолустную точку мироздания.
— В Смещении она томилась хотя бы не в абсолютном одиночестве, в окружении своих творений, — ужаснулась Элайя. — Там, в Террикле, она навсегда останется одинокой мыслью, бредущей по нескончаемому тоннелю и не способной воплотить даже цветок. Вечно! Парализованный слепоглухонемой — и тот счастливчик в сравнении с такой участью. Он, хотя бы, может однажды умереть.
— После того, что она совершила, в сложившихся обстоятельствах Институт не видит иного выхода, — жестко заявил Агнетто.

Собрание проходило под самым верхним куполом, пропускавшим лучи мягкого, рассеянного света. Круглый зал опоясывали

ряды серебряных скамей с малахитовыми накладками. В центре, на полу из бежевого, в платиновых прожилках мрамора, имелось небольшое возвышение для оратора. Ведя дискуссию с Элайей, Агнетто кружил именно там, взывая к сидевшим лурианцам. Она же стояла неподвижно, выказывая нарочитое спокойствие, но при этом напряженно вчитываясь в окружающую атмосферу. Элайе не требовалось поворачивать голову, чтобы оглядывать все собрание. Когда Агнетто умолк, она поняла — если о тактике ведения войны еще возможна какая-то дискуссия, то насчет дальнейшей судьбы Сибер'юнии вердикт уже вынесен.

— Вы знаете наши правила. Противиться общему решению мне нельзя, но и выполнять его я не обязана. Надеюсь, вы все еще помните, в чем тут разница, — холодно сказала Элайя.

Да, лурианцы помнили. Навязывать кому-либо свою волю у них было категорически запрещено. Тот, кто не соглашался на требование большинства, не имел права ему препятствовать, но и в реализации этого требования мог не участвовать. Любой, кто попытался бы его принудить, автоматически сам стал бы Нарушителем.

— Что ж, воля ваша, — скривился Агнетто. — Признаться, я очень разочарован. В такой критический момент подобный отказ смахивает на предательство. Во всяком случае, в глазах Моделей вроде тех двух девиц. Как я полагаю, ваше отсутствие было связано именно с ними?

— Не стану отрицать, — уклончиво ответила Элайя, отметив про себя слово "Модели", подчеркивающее принцип симуляции.

Его использование было терминологически лживо, поскольку лурианцы де-факто признали высокий уровень сознательного развития Аманды и Сесилии. Однако произнесено оно было явно со смыслом — де-юре отказом в правах, которыми наделялись Извлеченные. Со всеми вытекающими.

— Тогда мы будем рады услышать, что эта маленькая неурядица устранена, Модели изолированы, ожидая нашего решения, а вы готовы присоединиться к противостоянию с Сибер'юнией, — не то спросил, не то констатировал Агнетто.

— Ничего из перечисленного, — спокойно ответила Элайя. — Судьбой Джулиана Слайдертона и его дочерей, Аманды и Сесилии, я действительно как раз и занимаюсь. Именно поэтому я бы предпочла не участвовать в разрушительной бойне, а уладить этот вопрос до конца. На войне вы и без меня обойдетесь, но разобраться в будущем девушек по-настоящему могу только я.

Агнетто явно не понял двойной смысл ее слов, позволявший скрыть излучение подлинных эмоций, но те ему все равно не по-

нравились. Он хотел было возразить, однако уловил настрой коллег. В целом разочарованные поведением Элайи, они не возражали, чтобы забота о беглецах легла на ее плечи. Кому-то же надо этим заниматься, так пусть с ними управится ОДНА лурианка, нежели целая группа, куда более полезная в предстоящей операции.

— Хорошо. Если никто не возражает — да будет так, — нехотя произнес Агнетто, намереваясь вернуться к утверждению плана кампании.

Однако возражение поступило, и поступило еще как. В пространстве прокатилось эхо гулкого удара. Институт ощутимо тряхануло, а затем сотрясло мелкой дрожью. Сибер'юния, не дожидаясь нападения лурианцев, атаковала сама.

Никто не мог утверждать, была ли обнаружена Колыбельная Локализация или нет. Атака носила неоднозначный характер, присущий как удару наобум, так и предвестнику полномасштабного вторжения. Анализируя результаты Отголосков, Сибер'юния наверняка сделала какие-то выводы, исключив массу очевидно ложных Смещений. Что же касалось оставшихся, то либо она сумела определить истинную цель, либо забрасывала пробные шары, провоцируя ответную реакцию. И провоцируя, кстати говоря, вполне успешно.

Проигнорировать громадные капсулы, наблюдая как те сеют кромешный хаос, лурианцы просто не могли. Забота о Колыбельной Локализации была не только их долгом, но и призванием. Отсиживаясь в стенах Института, они бы ничем себя не выдали, однако тогда бы им пришлось безучастно смотреть на гибель живых существ и плодородных земель. Само собой, подобная жертва априори исключалась. Прервав совещание, лурианцы поспешили на выручку.

Капсулы не детонировали. Гулкий удар, потрясший даже Институт, вызвала пространственная брешь, пробитая направленным воздействием. Через нее Сибер'юния и отправила десантные корабли, ибо именно в качестве таковых капсулы и служили. Разлетаясь из небесной дыры, они быстро снижались, кратно увеличиваясь в габаритах. Их слоистые стены тускло отливали хромом, но только до тех пор, пока капсула не приземлялась или не активировалась прямо в воздухе. Тогда ее цилиндрические стенки таяли, а изнутри, стремительно масштабируясь, начинали исторгаться целые полчища.

Так работал эффект пространственного сжатия. Стараниями лурианцев, некий объект внутри частенько оказывался несравнимо больше, чем снаружи, но это было еще не все. Внешне ком-

пактная комната могла вмещать не только стадион, но и огромную армию. Проходя через ее дверь в миниатюре, шеренги этой армии немедленно принимали свой подлинный облик, разрастаясь до естественных размеров. Каждый десантный цилиндр, своевременно не обезвреженный лурианцами, выпускал из своего нутра чудовищные полки Сибер'юнии.

Десант отбивали очень умело. Отголоски подарили обитателям Колыбельной Локализации жуткий, но полезный опыт. Когда лурианцы ринулись в контратаку, они убедились, что Извлеченные неплохо справляются и сами. Это оказалось на руку, позволяя сосредоточиться не на противостоянии с монстрами, а уничтожении самих капсул до момента раскрытия. Их энергетический ореол Извлеченные не пробивали, не в силах совладать с пространственной мощью. Та была поистине велика, раз уж могла проходить через бушующую брешь в структуре реальности. В остальном же они демонстрировали немалые успехи.

Мерколиты дали блестящий отпор. Сунувшись в шахты, чудовища нашли там свой скорый конец. Колокол Пустоты, наливая силой подземных обитателей, производил на чужеродных чудовищ весьма необычное действие. Их пламенеющие тела обращались в камень, будто на них посмотрел василиск. Всего один удар — и все захватчики уподобились уродливым статуям, а кто каким-либо образом уцелел, того быстро уничтожили защитники подземелий. К сожалению, в Колокол нельзя было ударять слишком часто, поэтому мерколиты старались использовать его максимально эффективно, а там, куда он не доставал, применяли иные средства.

Чудовища, которые рассыпались по горам и ущельям, замерзали в объятиях свирепой вьюги. Огненная жизнь сопротивлялась, но все-таки гасла под хлесткими ударами колючих крупинок льда. Дольше всего держались магматические образования, однако и они в итоге застывали, не получая необходимой подпитки извне. Лавовые гиганты Сибер'юнии сталкивались с каменными исполинами мерколитов, и пока они обменивались ударами, ледяная пурга делала свое дело. Скалы дрожали от натуги, а иные горы раскалывались, осыпаясь гремучими лавинами. Гремели селевые потоки, сметавшие орды чужих, а в небе звенели длинные морозные узоры, прочерчиваясь будто на стекле. И каждый такой узор становился для атакующих губительным препятствием.

Крылатых врагов сбивали орлиные стаи. Держась неподалеку от завывающей вьюги, они либо шли на прямое столкновение, либо загоняли их в морозный вихрь, откуда не было выхода. Более крупными противниками занимались сьюты, прекрасно воевавшие и без наездников. Эти небесные львы умели не только произ-

водить впечатление крайне опасных хищников, но при необходимости таковыми и становились. Их когти крошили даже камень, а органику и вовсе рассекали в мгновение ока. Растопырив лапы, они носились зигзагами над горами и плато, непредсказуемо меняя траекторию. И все, что подворачивалось под их удар, падало словно скошенные колосья.

Происходившее в горах было шумно и страшно, однако отнюдь не зря. Получив решительный отпор, чудовищный десант потерпел сокрушительное поражение. Да, наземные поселения мерколитов частично пострадали, повреждаемые как захватчиками, так и защитниками, но в целом обошлось без критических разрушений.

Отлично показала себя и Синотея. Быстро сообразив, что на сей раз все по-настоящему, она припомнила недавние навыки и бросила на врага озерное воинство. Ближайшие капсулы она залила водой, подав ее напрямую из водопада. Его кристально-прозрачные струи протянулись в воздухе, изгибаясь длинными гремучими реками. Завиваясь в штопор, течение их рукавов стремительно разгонялось и под огромным напором било в жерло десантных кораблей Сибер'юнии. Радужная вода пришлась им как кость в горле. Нет, скорее, как масло для полыхавшего огня, но только ярость этого огня не выдержало собственное вместилище. Вливаясь в капсулы, вода взрывоподобно испарялась, порождая густые облака радужного пара. Быстро наполняя внутреннее пространство, тот сжимался под огромным давлением, после чего капсула разрывалась изнутри вместе со всем содержимым. На ее месте, увы, образовывалась довольно внушительная воронка, однако это было ничто в сравнении с потенциальными последствиями вторжения.

Оценив эффективность воды, Синотея отправила в бой Радужных Рыбок. От природы им полагалось создавать жизнь, а не уничтожать, и своим прямым делом они, в общем-то, и занимались. Просто чудовища — суть жизнь инородная, — этого процесса абсолютно не выдерживали. Проносясь огромной стаей, рыбки излучали интенсивное радужное свечение, живительное для обитателей Колыбельной Локализации, но смертоносное для захватчиков. Чудовища ревели и обращались в пепел, будто сожженные экстремально высокой температурой. Они даже не могли броситься на рыбок, не в силах приблизиться к ним на необходимое расстояние. Вынужденные разбегаться кто куда, они тут же попадали под удары озерного воинства.

А в небе уже развернулись биомы Аскина, призванные из глубин Пустоты. Энергетической базой служили исполинские

Удильщики. Все остальные существа обратились в непрерывно кружащий щит, фактически стирающий в пыль любую прикоснувшуюся к нему материю. Крылатые твари, покидавшие цилиндры в воздухе, распылялись о него как вода о раскаленную поверхность. Более того, этот щит стачивал и сами цилиндры, стоило ему добраться до его отливавших хромом стенок.

Повинуясь зову Аскина, биомов становилось все больше, а зачищенное ими пространство все шире. Разинув зубастые пасти, гороподобные мегалодоны носились карающим экспрессом, проглатывая полчища врагов словно ласточка мошек. Они прямотаки проедали в рядах чудовищ громадные бреши и длинные ходы. На пару с ними отлично действовали головоногие. Раскрутившись волчком, спруты резали все живое и неживое не хуже циркулярной пилы, пока кальмары, разгоняясь до немыслимой скорости, прочерчивали в воздухе метеоритные дорожки. Разумеется, они сносили все на своем пути, причем скорость столкновения производила настолько агрессивный распад материи, что тот сопровождался сопутствующим взрывом. Метеориты они и напоминали, пронзающие атмосферу и объятые аэродинамическим эффектом.

Не отставал от своих творений и сам Аскин. Устроившись верхом на зубастом ките, он орудовал титановым молотом не хуже Зевса-громовержца, при этом насылая на красные орды шторма подобно его брату Посейдону. Распаленный сражением, он сверкал молниями направо и налево, пока едва не всадил одну из них в Синотею. Вовремя сдержавшись, он приветствовал ее взмахом объятой электричеством руки. Воздев коралловый трезубец, Синотея поравнялась с Аскином на своем Фигги, сшибавшим чудовищ будто кегли. Быстро скоординировавшись, предводители водных воинств начали действовать сообща, и тем самым нанесли десанту Сибер'юнии тяжелое поражение.

На сей раз не остался безучастным даже Гизмунд. Наслушавшись рассказов о последствиях Отголосков, он поднатужился и с изумлением открыл в себе новые силы. Открыл, что для защиты своего нынешнего дома он способен на куда большее, нежели мог представить. Весь окрестный лес превратился в мачты противовоздушной обороны. Срываясь с веток, иголки, шишки, шары и прочие растительные элементы сбивали крылатую нечисть получше зенитных пулеметов. На земле же в ход шли и корни, оплетавшие врагов смертельными объятиями, и ветви, разившие и пронзавшие их навылет, и глубокие ямы, разверзавшиеся под ногами врагов и тут же смыкавшиеся не хуже пресса. Ощутив способность к левитации, Гизмунд вздымался над лесом громадным

куполом, существенно увеличившись в размерах. Его жемчужно-хрустальная крона звенела, исторгая миллиарды разящих осколков. Семена жизни, когда-то производившие новые деревца, теперь взрывались, выкашивая монстров целыми толпами.

Не отставали и другие Извлеченные, там и тут обитавшие по всей Колыбельной Локализации. В болотах наливались огромные пузыри. Дождавшись волны чудовищ, они гулко лопались, поражая их облаками концентрированного гремучего газа. Реки выходили из берегов, снося течением всех, кто опрометчиво сунулся в их грозные воды. Озера исторгали гейзеры, бившие до небес. Их удар мог расколоть даже камень и расплющить титан. Гейзеры исторгали и долины, курившиеся вулканическими дымками. Вода, пусть и горячая, все равно оставалась водой, с которой захватчики не очень-то дружили. Их условной водой был огонь, вполне способный стать основой для уникальной жизни. Сибер'юния использовала его не оттого, что именно таким и видела новый мир. Она прибегала к эффекту противодействия, применяя одну полярность против другой. И самым грозным ее оружием был тот инструмент, что внушил лурианцам страх еще до заключения в Смещении — трансформация неодушевленного и мутация живого. Его она приберегла для последующего удара.

Тактическая дальновидность Сибер'юнии становилась очевидной. Она явно предвидела, что Извлеченные поднимут на защиту свои импровизированные войска; ожидала, что ее десант рано или поздно падет, а небо и землю заполонит множество живых существ. Тогда-то она и пустила в ход дальнобойную артиллерию, только ее снаряды состояли не из поражающих элементов, а энергетического яда мутации. Он действовал как вирус. Попадая на органическую ткань, он встраивался в тело хозяина и начинал модифицировать его в нечто новое, не ограничиваясь рамками изначально заданной программы.

Если бы не лурианцы, Извлеченные не только потеряли бы все свои детища, но и узрели их чудовищными ордами, пожирающими просторы Колыбельной Локализации. Первый пространственный разрыв, через который проникли десантные цилиндры, был благополучно закрыт, и появление второго лурианцы не прозевали. Гулкий удар, извилистая брешь в туманности небосвода — и вот оттуда пролился черный дождь, состоявший из едких капель. Только вот к жидкости эти капли отношения не имели, поскольку состояли из фрагментов энергии, скрученных в спираль подобно ДНК. Как только происходил контакт, эта спираль внедрялась в любую структуру и начинала свое ужасающее преобразование.

Лурианцы успели отреагировать. Сообразив, что сейчас произойдет, они обратили свои силы на то, чтобы раскидать воинства Извлеченных подальше от демонических осадков. Воздействие было грубым, но достаточно эффективным. При минимальном ущербе огромные скопления жизни избежали практически полного уничтожения. Нет, хуже — преобразования в рабов воли врага. Их спасению содействовали и сами Извлеченные, оповещенные лурианцами через всеобщую ментальную связь. Победоносные стаи, рои и стада обратились в бегство, и чем оно было стремительнее, тем меньшая жатва выпадала на долю Сибер'юнии. Многих зацепило, но львиная доля страшного дождя не пропитала благодатную почву и не дала дьявольских всходов. Пользуясь отсутствием союзников, лурианцы оперативно его нейтрализовали, одновременно закрывая вторую пространственную дыру. Третьей они не опасались, поскольку приняли все меры для ее деактивации на корню — энергетически затратные, но действенные. Поддерживать их бесконечно долго они не могли, однако этого и не требовалось.

Когда с дождем было покончено, лурианцы и Извлеченные занялись исцелением пострадавших, спасая всех, кого еще можно было спасти. Процесс трансформации нейтрализовался любыми известными методами. Если же они не помогали, пораженные ткани и фрагменты тел отсекались, а вместо них наращивались здоровые новые. Увы, в самом крайнем случае жертву безумного оружия приходилось дематериализовать, если мутацию было не остановить, либо же она принимала необратимый характер.

Тем временем, несмотря на успехи, из Института поступали тревожные сведения. Согласно полученным данным, нападению подверглось сразу множество Смещений, однако это, увы, ничего не значило. Определив истинное местонахождение цели, коварная Сибер'юния могла намеренно нанести отвлекающие удары, чтобы скрыть свою осведомленность. Глаза, собранные повсеместно, и особенно вокруг Института, ничего хорошего не предвещали. Да, глаза, ибо часть кислотных капель неожиданно оказалась кое-чем иным. В каждой из них находился небольшой белый шар с радужной оболочкой и зрачком, весьма оживленно круживший в разные стороны. Возможно, эти жутковатые, автономные органы зрения только собирали окружающую информацию, не имея возможности ее передать. А может и передавали, если Сибер'юния каким-то образом освоила новый, ранее неизвестный метод связующей транспортировки. В последнем случае все было очень плохо. Один такой дождичек — и любая область, где он прошел, раскроет для его создательницы все свои секреты.

Оценив сложившееся положение, лурианцы решили не гадать на кофейной гуще. Как, что и почему — эти предположения следовало отложить на потом, а непосредственно сейчас перейти от теории к действию. Становилось очевидно, что тянуть более нельзя. Не дожидаясь очередного кризиса — возможно, фатального, — удар надлежало нанести немедленно, чтобы ликвидировать угрозу раз и навсегда. Удостоверившись в наступившем затишье, лурианцы переключили все свои усилия на центральный энергетический узел. Институт загудел, наливаясь непривычного рода мощью. Его сложнейшие структуры приходили в боевую готовность, собираясь излить в Пространственные двери колоссальные потоки энергии. Потоки, которые должны были вызвать глобальный катаклизм, стирающий Пирокластическую Локализацию в Пустоту.

Непроницаемый снаружи, Ольмикрон ничуть не препятствовал обозрению изнутри. Нарастив высоту главной башни, Аманда и Сесилия расположились на ее верху и жадно всматривались вдаль. В отличие от отца, до сих пор прибегавшего к телескопу, они уже обрели лурианское зрение, позволявшее видеть на поистине огромном расстоянии.

— Но почему мы не вмешиваемся?! — волновалась Сесилия. — Им сейчас пригодится любая помощь!

Наблюдая за происходящим, она подразумевала противостояние десантным армиям Сибер'юнии.

— Вас там только и ждут, — хмуро отозвалась Элайя.

Из-за вынужденного бездействия на душе у нее кошки скребли, однако она и не подумала покинуть убежище сестер, куда вернулась прямиком из Института.

— Не так уж мы и бесполезны! — обиделась Аманда.

— Я не это имела в виду, — вздохнула Элайя. — Не хотела вам говорить, но, видимо, придется. Едва вы там объявитесь, мои коллеги тут же ограничат ваши перемещения. Иначе говоря, поместят под арест. Их даже бой не остановит — улучат момент, уж поверьте.

— Они что, с ума сошли?! — возмутилась Сесилия. — Мы же им не враги!

— К сожалению, так, видимо, думаю только я, — еще больше помрачнела Элайя. — Поэтому я здесь, а они там.

— Здесь? Но ведь именно вам не обязательно неотлучно торчать подле нас, когда происходит ТАКОЕ. Или вы боитесь, что мы куда-нибудь сбежим? — вкрадчиво осведомился Джулиан.

— Я боюсь, что этот остров может быть скрыт от моих коллег, но не от Сибер'юнии, — пояснила Элайя. — Вряд ли она нанесет удар именно по вам. Скорее, просто нанесет его без разбора, не особо

всматриваясь, на кого именно он падет.
— Спасибо, что верите в наши силы, — снова насупилась Аманда.
— Еще как верю, — невольно улыбнулась Элайя. — Именно поэтому защиту острова вам лучше не доверять. Вы тут такое устроите, что не заметить энергетическую бурю, возникшую на задворках Локализации, не сумеет только идиот. А таковых среди лурианцев не водится. Закоснелых старцев, не способных адекватно смотреть в будущее, хватает, но отнюдь не идиотов.
— Это вы о чем? — живо навострила уши Сесилия.
— Так, мысли вслух, — махнула рукой Элайя.

И все-таки сестры не усидели. Движимые интуитивным состраданием, они сорвались на помощь Синотее, когда ее озерное войско едва не погибло под черным дождем. Чертыхаясь, Элайя отправилась следом, и пока девушки отражали зловещие осадки, она скрывала их присутствие всеми доступными способами. Затем, когда угроза миновала, схватила за условный воротник и вернула на остров. Кажется, никто из лурианцев Аманду и Сесилию не обнаружил. К сожалению, утверждать того же про Синотею не приходилось. Элайя заметила в ее глазах удивление, но не сумела определить, чем именно оно было вызвано. Эх, черт бы побрал добросердечие этих девчонок! Оно, безусловно, делало им честь, но как бы в итоге не вышло боком. Чувство, всегда высоко ценимое лурианцами, из-за них же сейчас могло сыграть в обратную сторону.

Все трое вернулись крайне вовремя. Прикованный энергетическими узами, Джулиан сотрясал всю башню до основания, силясь освободиться. Его возмущение достигло высшей точки, когда объявившаяся Элайя развеяла ей же наложенные путы.
— Извините, я не могла рисковать, — смущенно пояснила она. — Надумай вы отправиться вслед за дочерьми, кто знает, чем бы это кончилось. Заполучив вас, мои коллеги автоматически заполучат и этих безрассудных девиц — а то я не знаю, как работают родственные чувства! И тогда все мои старания насмарку. Кроме того, искра вашего сознания служит Аманде и Сесилии маяком. Оставаясь на острове, вы позволяете им переместиться туда в любой момент.
— И на том спасибо, — проворчал освобожденный Джулиан. — А то от моих усилий уже весь остров дрожит.
А остров и впрямь дрожал. Колебания башни, вызванные непродолжительными потугами узника, не иначе как передались окружающему пространству. Деревья заколыхались, теряя пожелтевшую листву. Вода во рву замка пошла рябью, а в самом замке зазвенела посуда, старательно воспроизведенная для надлежащей

атмосферы. В воздухе ощущалось какое-то странное, непривычное напряжение.
— Он дрожит совсем от другого, — озабоченно возразила Элайя. — Это дает о себе знать центральный энергетический узел Института. Он — ядро здешней мини-Вселенной. Любая его активность может отразиться абсолютно на всем, а сейчас он основательно перегружен. Как я понимаю, мои коллеги решили не откладывать удар. Ох, чует мое сердце, добром это не кончится!..
— Так переубедите их! — взволнованно воскликнула Сесилия, ощущая всю глубину исходившей от нее тревоги.
— Я уже пробовала. Бесполезно, — констатировала Элайя. — Если я снова попытаюсь их остановить, они решат, что я действую отнюдь не в их интересах, а то и вовсе в сговоре с Сибер'юнией.
— Они не могут бросаться такими обвинениями. Для этого нужны очень веские основания, — заметила Аманда.
— Они у них есть, — помолчав, нехотя произнесла Элайя. — Дело в том, что Сибер'юния — моя бывшая ученица. Моя ЛУЧШАЯ ученица, чрезвычайно умная и одаренная.

* * *

Уничтожать Локализации лурианцам было не впервой. Само собой, происходило это довольно редко и отнюдь не в пылу ожесточенной битвы. Иногда, в силу различных причин, какое-либо творение признавалось бесперспективным, а то и вовсе нежелательным. В таких случаях оно подлежало дематериализации. Все формы жизни оттуда эвакуировались, а бездушная материя уничтожалась. Только вот распылять ее регион за регионом оказывалось чрезвычайно хлопотно, особенно если речь шла о пространствах космического масштаба. Тогда-то лурианцы и применяли довольно радикальный, но эффективный метод тотальной аннигиляции, приводивший к катаклизму. Не угрожая ничему за пределами Локализации, саму Локализацию он отправлял прямиком в Пустоту, насколько свирепым был структурный распад не только материи, но и энергии. Теперь же этот метод лурианцы собрались использовать против Сибер'юнии.

Центральный энергетический узел Института не предназначался для подобных целей, сотворенный исключительно ради обособленной Вселенной. Он должен был созидать и поддерживать ее стабильное функционирование, а не служить грозным оружием. Тем не менее, его мощности вполне хватало, чтобы обратить ее на Пирокластическую Локализацию. Институт, конечно, серьезно ослабнет, однако выдержит, а затем постепенно и восстановится,

когда с критической угрозой будет покончено.

Проведя все необходимые расчеты, лурианцы готовили транспортные шлюзы, то есть специально возведенные Двери. Открытые в нужный момент, они пропустят через себя энергетические реки, насыщающие Локализацию Сибер'юнии вплоть до состояния неконтролируемого распада. Готовили они и защитные контуры, чтобы направленные потоки случайно не выплеснулись в сам Институт и не причинили непоправимого вреда. Само собой, форпост лурианцев, откуда вернулся Агнетто, подлежал эвакуации. Теперь там надлежало остаться лишь группе добровольцев, чье присутствие, увы, было обязательным. Удерживая оборону, они обеспечат стабильное функционирование тамошних Дверей вплоть до начала катаклизма. Затем их ждали Терриклы, откуда им помогут вернуться другие добровольцы, раз уж Элайя не желала принимать в этом участие. Лишенная всех ресурсов и плацдарма, Сибер'юния и сама окажется в Террикле, ну а оттуда она если и выйдет, то ненадолго. Лурианцы успеют ее выследить, прежде чем она снова соберется с силами, а потом… Что ж, потом слабонервных и излишне щепетильных вроде Элайи попросят удалиться.

Таков был план. В целом, вполне логичный и казавшийся надежным, основанный на очевидных и неоспоримых возможностях лурианцев. Но они, разумеется, подстраховались, прекрасно осознавая, насколько уязвимой станет Колыбельная Локализация, пока все их силы будут уходить на энергетический узел. Оказавшись перед стратегическим выбором, они сделали то, к чему их цивилизация не прибегала уже очень и очень давно. Не имея возможности присутствовать везде одновременно, то есть наносить глобальный удар и в равной степени оборонять вверенные им просторы, лурианцы заполонили их несметной армией машин.

Это были роботы. Те самые синтетические образования, про которые Элайя толковала Джулиану на заре его Извлечения. В принципе, похожие роботы населяли его собственный макет, ведя довольно правдоподобную жизнь и при этом ее как раз таки лишенные. Само собой, машины лурианцев были куда совершеннее, причем именно на них они остановились не случайно.

В отличие от Сибер'юнии, безжалостно швырявшей в бой автобионов и даже более развитых существ, лурианцы не могли сотворить множество живых солдат. Не могли в силу моральных убеждений. Бросать их на амбразуры и выставлять жертвенными заслонами? Ну уж нет! Кроме того, что потом с ними прикажете делать? Распыление очевидным образом исключалось. В итоге, взвесив все за и против, роботы становились наилучшим выходом

из положения. Выступая мобильным оружием и отличной охраной, впоследствии они легко дематериализовались без всяких угрызений совести.

Тут вроде бы возникал логичный вопрос: "почему"? Почему лурианцы не сделали их раньше? Ответ, в общем-то, тоже звучал столь же логично: "а зачем"? Они ведь не ожидали, что ситуация начнет развиваться настолько неблагоприятным образом. Значит, и создавать армию боевых машин им было просто незачем. Армию, на которую ушло бы ОЧЕНЬ МНОГО энергии. Теперь же цель оправдывала средства. Порывшись в архиве своей памяти, лурианцы извлекли оттуда наиболее грозные модели, способные максимально эффективно выполнять возложенную на них задачу. И постарались они на славу, прежде чем вернулись к процессу нанесения удара.

В воздухе реяли звенья перехватчиков. Центрами их базирования служили исполинские металлические кубы, парившие высоко в воздухе. Каждый куб отвечал за свой регион Локализации, координируя причисленные к нему эскадрильи. В авиации не было бомбардировщиков и иных машин атакующего характера. Она состояла исключительно из машин оборонительных, способных наиболее быстро отразить атаку врага. Именно поэтому небо потемнело от истребителей и перехватчиков, явивших всю боевую мощь давно отгремевших лурианских войн. Однако еще большую мощь являли соединения наземные.

Так же, как и кубы, каждый регион обладал своим плацдармом в виде исполинской крепости. Со стороны она напоминала вогнутую полусферу, чашу или спутниковую тарелку, установленную на пирамидальной основе. Эта чаша, разумеется, поворачивалась, и плохо приходилось тому, кто оказывался под прицелом ее центрального жала. Поражающий луч, сконцентрированный в глубине ее впадины, мог уничтожить практически что угодно. В пирамиде же, словно сотканной из клубящегося тумана, притаились средства наземной обороны, не менее грозные, чем верхняя полусфера. В этот туман постоянно ныряли многочисленные роботы, пока другие оттуда выныривали. Как и положено центральному узлу, вокруг него царило изрядное оживление.

Колыбельная Локализация, доселе цветущая миром, светом и покоем, разительно преобразилась. На холмах вздымали жерла громоздкие орудия, пристально следившие за небесными просторами. По равнинам ползли бронированные черепахи танковых соединений. Озерные глади охраняли внушительные посудины, чей залп мог испепелить целую гору. В лесах и ущельях рассредоточились многофункциональные роботы, способные прекрасно пере-

двигаться на сильно пересеченной местности. Их координировали из хорошо замаскированных укрытий, выполнявших роль локальных командных центров. Эти же укрытия находились и в горах, на чьих склонах объявились новые "камни" — закамуфлированные солдаты и огневые гнезда. Там же, в горах, объявились "обсерватории", то есть циклопически ужасающие излучатели, способные не рассматривать звезды, а уничтожать их. По крутым и даже отвесным склонам проворно шустрили прилипалы, а глубокие провалы легко перемахивали прыгуны.

В илистой тине болот притаились особые войсковые формирования, предназначенные для ведения боевых действий в специфических условиях. Пучеглазые и многорукие, они выдерживали очень большое давление и молниеносно передвигались в самой вязкой среде. Точно такие же бороздили водные глубины, где их дополняли исполинские лодки и юркие батискафы. Не остались без защиты и глубины земельные. Гроты и тоннели охранялись стальными муравьями и панцирными щетинниками, каждая конечность которых была смертоносным оружием, усики — дальнобойными излучателями, а глаза — дематериализующими прожекторами. Не обошлось и без форпостов. В пластах расположились яйцевидные структуры, внутри которых размещалась технологически совершенная начинка. Она позволяла сканировать все окружающее пространство на огромном расстоянии. Она же могла выпустить и целый кластер машин, быстро пробивавших себе путь не только через любую породу, но и вражеские заслоны.

Отдельного упоминания заслуживали тучи. Состоявшие из крошечных, по отдельности безвредных роботов, они умели формироваться в любой объект, в том числе обретая принципиально разные свойства. При необходимости эти тучи могли проедать само пространство, уподобляя его решету в Пустоту. Они сновали решительно везде, дополняя как авиационные соединения, так и наземные бригады. Часть из них кружила вместе со стайками рыб в толще озер, пока другая мутила ил в придонье болот.

Последним аккордом стали Стратуроны — возведенные по периметру Института. Они выглядели как немного изогнутые иглы, чей диаметр в основании не слишком отличался от острия. Это было самое грозное оружие, контролировавшееся лурианцами напрямую, поскольку один его выстрел пробивал дыру в структуре реальности. Ничто не могло устоять перед его чудовищной силой, но и злоупотреблять ей не следовало, чтобы не уничтожить собственную Локализацию. Отливая металлическим блеском, Иглы уподобились длинным и тонким маякам, вздымавшимся к небесным просторам, только вместо путеводного огня их вершины озаряли

трескучие скопления молний.

Грозная боевая мощь, воскрешенная из далеких эпох, приводила обитателей Колыбельной Локализации в трепет. Извлеченным вроде Синотеи, воспитанным на идеалах созидания, она решительно не нравилась. Не нравилась она и самим лурианцам, напоминая об их былых грехах, когда брат шел войной на брата. Они создавали ее скрепя сердце, полагая, что овчинка стоит выделки, и одновременно признавали, что вздохнут куда спокойнее, когда вся эта военная армада снова канет в небытие. А этот час был не за горами. Центральный энергетический узел, сотрясаясь от намеренно вызванной перегрузки, выходил на максимально возможную мощность. Такую, после которой он разнесет не Пирокластическую Локализацию, а Колыбельную, поскольку всякое сдерживание его процессов окажется невозможным. Само собой, ничего подобного лурианцы не дожидались. Пиковая мощность им требовалась для гарантированно эффективного удара, а не массового самоубийства, отчего они и сконцентрировали на ней все свое внимание. Армии роботов, охранявшие Институт и окружающие его просторы, теперь вполне позволяли им это делать.

И вот час настал. Координация требовалась идеальная, но кому как не лурианцам она была вполне по силам. В строго рассчитанный момент открылись аварийные шлюзы, призванные сбрасывать избыток энергии. Подведенные артерии — искаженные прообразы рубрий Сибер'юнии, — направили ее по заранее выверенному маршруту. Этот маршрут надежно удерживали полупрозрачные защитные контуры, а заканчивался он возле огромных Пространственных Дверей. Они осветились как раз в то мгновение, когда их достигли бушующие энергетические реки. Малейшее отклонение грозило непоправимой бедой, но ее, разумеется, не произошло. Врываясь в световую завесу — суть протянувшихся из точки в точку Лучей, — эти реки устремились прямиком в Пирокластическую Локализацию.

Что ж, не одна только Сибер'юния умела перекачивать энергию, причем, в отличие от нее, задача лурианцев существенно упрощалась. Во-первых, им не приходилось гадать, в каком именно Смещении находится цель — катаклизм уничтожит все без разбора. Во-вторых, Сибер'юния, при всем своем поразительном мастерстве, просто не могла противостоять слаженной группе лурианцев, то есть отражать удары так, как делали защитники Колыбельной Локализации. Купол Безвестности стоически держался, несмотря на ожесточенную атаку чудовищ. Добровольцы, обреченные отправиться в Террикл, поддерживали защитный контур достаточно уверенно, чтобы операция дошла до задуманного кон-

ца. Их силы быстро таяли, отражая свирепый натиск врага, однако свою задачу они выполнили. Хлынув из Дверей, ревущие энергетические реки в мгновение ока заполонили Купол и вырвались наружу.

Это было как насос наоборот, который не выкачивал воду из тонущего корабля, а наполнял его трюм из моря. Теперь все усилия добровольцев заключались в поддержании Дверей, не позволяя им рассыпаться пока рассыпались они сами. Очутившись в центре сумасшедшего энерговыброса, лурианцы таяли будто снег на палящем солнце, однако таяли не только они. Обороняться от чудовищ более не требовалось. И близко не такие стойкие, те мгновенно распались. Распались в ничто, поскольку в Террикл отправлялся только бессмертный разум. Несметные полчища Сибер'юнии, лавиной наступавшие от самого горизонта, лавиной же и сметались. Вместе с ними сметалась пламенно-острая растительность, плавились камни, испарялись холмы и оседали скалы. Курившиеся сопки взрывались магматическими недрами. Вулканы держались дольше, бурно омываемые энергетическими вихрями, но затем взрывались и они, взметая к бордовому небу оглушительно грохочущие обломки.

Сливаясь вместе, реки энергии образовали круговое цунами, ринувшееся разом во все стороны. Вслед за цунами пришел океан, чей уровень непрерывно рос, поднимаясь все выше и выше. Перекатываясь ревущими волнами, он исторгал и бесчисленные рукава, проедавшие небо и землю Пирокластической Локализации. Оплот лурианцев, некогда сокрытый Безвестностью, превратился в плазменный ад, где каким-то чудом все еще витали испарявшиеся добровольцы. От них остались одни лишь бесплотные контуры — облачка, расползавшиеся на миллионы ярких искорок, однако они все еще держались. Им НАДО БЫЛО держаться, пока свирепый океан энергии растворял материю Локализации вместе со всеми ее обитателями.

Счет шел на мгновения, когда распад всего сущего достигнет необратимой стадии. Поддерживая друг друга, лурианцы практически слились со структурой Дверей, позволяя ей функционировать до последнего. И они выполнили свою задачу. Они успели заметить, как обратились в ничто крылатые орды и бегущие монстры; наблюдали, как целые регионы разваливаются на части, взмывая вверх или проваливаясь в бездну; увидели, как сворачивается горизонт, искривляясь в невообразимом катаклизме; стали свидетелями пространственной аннигиляции, в которой существование чего угодно становилось в принципе невозможным. Затем все накрыла жестокая всепоглощающая вспышка. Прокатившись

до самой Пустоты, она и оставила после себя только Пустоту, а затем исчезла и сама, растворяясь завитками иссякавшей энергии.

Пирокластическая Локализация была уничтожена. Аппаратура Института уверенно фиксировала всякое отсутствие активности — само собой, после того, как она вновь обрела возможность что-либо фиксировать. Ее чувствительность, намеренно выкрученная на самый грубый уровень, перестала улавливать данные еще до глобальной аннигиляции. Наблюдаемый фон превратился для нее в сплошной белый шум, без всякой возможности что-нибудь в нем разобрать. Затем, по мере того, как энергетический распад шел на убыль, а его эхо снижалось до слабых отголосков, показатели ожили вновь. Вскоре аппаратуре вернулась и чувствительность. Старательно просканировав пространство, она не заметила в нем ни малейших признаков жизни. Точнее сказать, не заметила вообще ничего, как и полагалось в истинной Пустоте.

Что ж, это была победа. Учитывая обстоятельства, праздновать ее никто не собирался. Кто же будет поднимать бокал шампанского за то, что потушил пожар в собственном доме? Тем не менее, лурианцы приободрились и заулыбались, поскольку имели на это полное право. Они достойно вышли из ситуации и вынесли надлежащий урок. Плохой опыт — тоже опыт, и впредь он позволит избегать настолько опасных ошибок, способных привести к уничтожению Колыбельной Локализации. Да, лурианцы улыбались, но их улыбки потускнели, когда Институт колыхнул слабый толчок. А затем толчок повторился, став куда ощутимее и сильнее. Аппаратура, только что фиксировавшая нулевую активность, ожила, моргая индикаторами и проворно двигая стрелками. И вдруг она показала очередной энергетический пик, по силе сопоставимый с недавним вторжением. Вот только на сей раз он шел не из Пирокластической Локализации или хотя бы Колыбельной. Он исходил из самого Института!

Загудела сирена, наполняя короткими, тревожными звуками залы и коридоры. Ошеломленно переглянувшись, лурианцы силились уразуметь, что вообще происходит. Перегрузка? Нет, уж точно не после потери львиной доли мощности. Нарушения в энергетической цепи? Повреждения на центральном узле? Вот это вполне возможно! Сгорая от беспокойства, часть лурианцев бросилась проверять критически важные структуры, не дожидаясь показаний техники. Другая же проявила больше терпения, пожирая глазами неторопливо моргавшие приборы. И вот — результат!

— Быть того не может… — прошептал кто-то.

Побросав все дела, лурианцы массово переместились в зал Рефлектора — туда, куда недавно наведывались сестры, отвлекая от

себя внимание. Однако на сей раз те были не при чем.

Выскочив из Дверей, лурианцы увидели рядом с Ядром алую фигуру. Обернувшись, та окинула их пронзительным, торжествующим взглядом, а затем резко свела руки вместе, будто хлопнула в ладоши. Оберегающие контуры рухнули, испустив лучистое излучение. Оставшись без защиты, Ядро свободно вращалось, удерживаемое лишь хрупким электромагнитным полем. Закричав на все голоса, лурианцы ринулись вперед, на ходу как-то пытаясь предотвратить грядущую катастрофу. Но не успели. Боясь зацепить Ядро, они не могли пустить в ход всю свою мощь, чем и воспользовалась Сибер'юния. Раскатисто захохотав, она сделала шаг. Всего один, но это был шаг внутрь Ядра! В следующее мгновение его пространственную структуру разнесло на куски, а вместе с ней разнесло и весь зал, повышвыривав оттуда лурианцев как худых котят. Куда отбросило Сибер'юнию, было совершенно неважно, поскольку Рефлектор — этот самый надежный и ценный оберег Института — оказался необратимо поврежден.

Сибер'юния задумала это с самого начала, разыграв свое противостояние с врагом как по нотам. Прекрасно сознавая, что ее Локализация вскоре будет обнаружена, она даже не сомневалась, какие именно меры предпримут лурианцы. И она постаралась подкинуть им приманку пожирнее, чтобы их зубы основательно в ней увязли. Пространственное сжатие — о, Сибер'юния овладела им в совершенстве, находясь в заключении миллионы лет. Пирокластическая Локализация, перенесенная из тюремного Смещения, была поистине необъятна, наполненная легионами самых разных существ. Лурианцы, уцелевшие после ловко подстроенного взрыва, физически не могли с ней совладать. Во всяком случае, быстро. Своевременно отправленный десант убедил их, что ждать у моря погоды явно не стоит. И они поступили так, как должно, решив не церемониться и не тянуть кота за хвост, а уничтожить враждебную Локализацию единовременно и целиком. Вот только Сибер'юния именно этого и ждала, заведомо зная, откуда именно они возьмут энергию и как ее транспортируют.

Огромные Двери, специально возведенные для передачи мощи из центрального узла, не могли быть ограничены никакими фильтрами допуска. Учитывая пространственное возмущение, разлагавшее практически любую структуру, они там просто не работали. Таким образом, формально через них мог переместиться кто угодно. Нет, лурианцы не забыли про Сибер'юнию. Они не считали возможным, что у нее хватит сил и могущества пройти там, где не смог бы пройти никто из них. Пройти в этом встречном потоке, способным сжечь и растворить что угодно.

Сибер'юния бы и не прошла, если бы предварительно не собрала у лурианцев массу их энергии. Той самой, которую они растратили на транспликаторов. Эта энергия послужила ей защитной оболочкой. Всего на несколько мгновений, когда обрушился купол Безвестности, но их ей вполне хватило. К тому моменту аппаратура Института была не в состоянии засечь единичное перемещение, поскольку ее оглушил нараставший катаклизм. Соответственно, мимолетное появление Сибер'юнии лурианцы просто не заметили. Они заметили его позднее, когда Сибер'юния сокрушала защиту Рефлектора.

Даже ослабленный, центральный энергетический узел по-прежнему представлял слишком крепкий орешек. Сибер'юния не забыла, что произошло в прошлый раз, и успела разобраться в секретной технологии лурианцев. Пока на страже стоял Рефлектор, уничтожать узел было совершенно бессмысленно. Тот воспрянет будто феникс из пепла, и начинай все сначала. Поэтому Сибер'юния сперва уничтожила Рефлектор. Едва это произошло, лурианцы утратили всякую возможность избежать прямого ущерба, то есть подменить реальность и восстановить все как было, словно сохранение из компьютерной игры. Теперь, что бы ни произошло, это произойдет необратимо и навсегда. И именно теперь Сибер'юния находилась в наилучшем положении, нежели когда-либо, пребывая в каком-то шаге от окончательной реализации своего замысла. Замысла, который лурианцы, хоть и поздно, но думали, что разгадали. Однако думали они так ровно до тех пор, пока Институт не сотряс очередной удар. Не просто удар — ожесточенный обстрел, заставивший его содрогнуться до основания.

Проникнуть к своей цели было недостаточно. Оставшись в одиночестве против множества врагов, Сибер'юния не могла противостоять им в открытом бою. Колыбельная Локализация принадлежала лурианцам. И пусти она в ход свои навыки трансформации — те будут нивелированы быстрее, чем успеют принести ощутимую пользу. Не успев подняться, ее армии окажутся уничтожены, а сама она — обнаружена и обезврежена. Ситуация казалась безвыходной, но только не тогда, когда под рукой имелся громадный ресурс. Ресурс, созданный самими лурианцами. Оставаясь предсказуемыми, они предсказуемо же защитили Колыбельную Локализацию армадой машин. Иными словами, синтетических объектов, выполнявших приказы из единых центров управления, которые прозорливая Сибер'юния отлично умела взламывать по своему усмотрению.

Формально, лурианцы не допустили просчета. Находясь вне Колыбельной Локализации, Сибер'юния никак не могла подчинить

себе роботов. И даже очутившись в Институте, ей потребовалось бы время, чтобы изучить обстановку и предпринять необходимые шаги. Вот только она их уже предприняла. Заранее, направляя вместе с десантом не только черный дождь, но и бдительно сканирующие Глаза. Они действительно собирали информацию, а передали ее как раз тогда, когда их хозяйка объявилась в стенах Института. Передали со всей Локализации, поскольку, ничем себя не выдавая, притаились во мхах и речушках, лесах и болотах. В то же мгновение армии машин перешли под контроль Сибер'юнии.

* * *

По длинному коридору бежали прыткие твари. Перескакивая на стены и потолок, они ловко избегали встречного огня, изрыгаемого защитной установкой. Стоявшая перед проемом Луча, она реагировала на любое движение, выстреливая ему навстречу заряды атомного распада. Их было недостаточно, чтобы навредить инфраструктуре Института или лурианцу, однако любой мутант разлетался на обгорающие клочья. Во всяком случае, недостаточно ловкий, чтобы избежать ее интенсивного обстрела, а ловкость помноженная на численность приносила свои плоды. Неся потери, но продвигаясь, чудовища не добрались до установки нее совсем чуть-чуть. Появившись из Двери, лурианец смел их легким взмахом руки, очистив коридор до противоположного конца. Затем снова исчез, спеша в другое место, где требовалось его присутствие. А там уже вздымалось пламя жгучего пожарища.

Заволакивая машинный зал, едкий дым скрывал подступавших чудовищ и вносил разлад в работу техники. Особенно неистовствовали Светляки, наскоро прозванные так за свой внешний вид и деяния. Раскрывая жучиный панцирь, они раскалялись изнутри и быстро махали крыльями, распространяя вокруг нестерпимый жар. От него занималось все, что только могло гореть. Их естественным врагом была вода, но ее еще требовалось пролить. Очередной взмах руки — и Светляков окутало шипящее облако пара, сопровождавшееся хлопками. Не выдерживая давления, они лопались как перезрелые плоды, опадая в пламя оплавленными ломтями. Затем настал черед огненных муравьев, сгрызавших все на своем пути. Возле каждого из них лурианец создал крошечную горошину, работавшую по принципу Черной дыры. Одно мгновение — и тела муравьев захрустели, перемалываясь неумолимым сжатием. Еще мгновение — и вот их безжизненные останки затянуло внутрь горошин, тут же развеянных все тем же лурианцем. Погасив пламя, он оставил после себя автоматическую, неуправ-

ляемую удаленно турель, неуправляемого извне пожарного робота, и поспешил дальше.

Транспортные узлы, состоявшие из круглых, наполненных Дверями комнат, переходили из рук в руки. Отбивая их одну за одной, лурианцы то и дело какую-нибудь теряли, и там тут же начинали распространяться полчища тварей. Они лезли во все Двери подряд, видимо не имея какой-то конкретной цели, а просто создавая хаос. И это им вполне удавалось. Стараясь пресечь их экспансию, лурианцы, фигурально выражаясь, были вынуждены гоняться за тараканами, ослабляя защиту против слонов. А не гоняться они не могли, поскольку пресловутые "тараканы", предоставленные сами себе, довольно быстро превратят Институт в дырявый сыр. На этом фоне усилия "слонов" выглядели вполне успешными. Они работали таранами и штурмовиками, пробивая рукотворные заслоны лурианцев. Турели и роботы, эффективно уничтожавшие небольших чудовищ, не успевали отразить громоздких броненосцев, выводивших оборонительную технику из строя. Не стоило забывать и о ходячих бомбах, намеренно кидавшихся в энергетические заслоны. Щиты и барьеры гасли, а в образовавшиеся бреши тут же устремлялись оравы тварей и начинали крушить Институт, уделяя особое внимание его наиболее уязвимым объектам. Непосредственно лурианцам они противостоять не могли, только это, увы, мало что меняло, и по очень простой причине.

Рук катастрофически не хватало. Рук — то есть лурианцев. В стенах Института творилось нечто немыслимое. По залам и переходам шныряли стаи чудовищ, а критически важные узлы подвергались ожесточенной и непрерывной атаке. И это уже не говоря об атаке извне. Дальнобойная артиллерия била не переставая. Хуже того — била артиллерия тяжелая. Обсерватории, призванные испепелять транспортные и десантные корабли, нацелили свои объективы на Институт и жалили его с горных вершин. Обыкновенно стойкий, он легко выдержал бы даже такое пекло, вызывавшее свирепый распад всего и вся, но только не тогда, когда центральный энергетический узел сильно ослабел. Да, Институт держался, но его состояние ухудшалось и начинало вызывать серьезные опасения. А обсерватории старались не в одиночестве.

Гигантские орудия, доселе несущие дежурство на холмах, дружно развернули стволы и принялись неистово палить по сердцу Колыбельной Локализации. К ним присоединились и орудия поменьше, изначально предназначенные для средней дистанции, когда вражеские корабли либо снизились, либо уже высаживают из трюмов полки и технику. В сравнении с тяжелой артиллерией,

они наносили не такой громадный урон, но их было много. Очень много!

Не отставали и полусферы региональных крепостей. Там, где им позволяла местность, они направляли ее жало на Институт и выстреливали по нему злобно жужжащие лучи. Если же не позволяла — сперва они ее прожигали, оставляя оплавленные дыры в холмах и дымящиеся просеки в лесах, а потом палили в образовавшуюся брешь.

На сей раз Извлеченные были предоставлены сами себе. Лурианцы просто физически не могли им помочь, сосредоточившись на выживании Института. Лишь иногда кто-то из них появлялся, чтобы отвести наиболее критическую угрозу, но это происходило достаточно редко. В том числе потому, что подобная угроза редко и возникала.

Машины, призванные оборонять Колыбельную Локализацию, обратились против своих создателей, однако на всякую мелочевку не разменивались. Ожесточенно расстреливая Институт, они не атаковали обычных живых существ, пока те не атаковали их. Извлеченные усвоили это довольно быстро. Придя в ужас от происходящего, они попробовали поскорее устранить новую угрозу, однако разбились о нее как волна о камни. Армада роботов создавалась не для того, чтобы ее вот так запросто могли сокрушить те, кто лурианцами еще даже не был. Призрак былых эпох, она предназначалась для глобальных сражений, и ее мощи вполне хватило бы чтобы испепелить всю окрестную жизнь. К счастью, ничего подобного не произошло.

Сибер'юния не воевала ни с Извлеченными, ни с их твореньями, и вовсе не по доброте душевной. Она не растрачивала огневую мощь почем зря, концентрируя ее на ненавистном Институте. Именно поэтому воинства Извлеченных не понесли тяжелые потери, и тем паче не были уничтожены. Успев отступить, они перегруппировались, собираясь драться до конца. Тогда-то и стало ясно, что орудия уже не берут их в прицел, танки не преследуют, истребители не атакуют, а рядовые роботы не обращают никакого внимания. Повторная вылазка подтвердила эту догадку.

Машины проявляли агрессию только тогда, когда на них нападали, и эта агрессия немедленно прекращалась, едва живые войска отступали. Самоходная боевая башня никак не реагировала на орла, пока тот мирно сидел на ее куполе, и тут же активировала поражающие контуры, стоило тому клюнуть ее внешние сенсоры. Проползая целыми бригадами, танки невозмутимо подвозили ящеров и осьминогов, но только пока те не начинали саботаж, забивая их дула и блокируя поворотные механизмы. Летающие

машины яростно расстреливали все, что движется, но тут же теряли к цели всякий интерес, если цель не пыталась повредить их каким-либо способом.

Исключением оставались только региональные крепости. К ним в принципе никого не подпускали, превратив полторы-две мили окружающего пространства в выжженную мертвую зону. Видимо, машины поступали так исключительно из стратегических соображений, чтобы заведомо избежать какой-нибудь досадной случайности. Штурмовик, взорвавшийся оттого, что в его заборник угодила попавшаяся навстречу живность — это одно, а вышедший из строя командный центр — совсем другое.

У Синотеи хватило ума оперативно разобраться в происходящем. Во всяком случае, на уровне действий и последствий. Отозвав свое озерное воинство, она стояла на высокой скале, испытывая противоречивые чувства. Башенные орудия, выстроенные по периметру ее владений, и прежде не особо радовали глаз, а теперь и вовсе производили удручающее впечатление. Часть из них дымилась, развороченная обитателями озера, но только часть. Другая, существенно превосходящая, вела интенсивный огонь, обратив стволы в сторону Института. По берегам также дымились и сломанные танки, только оптимизма это ничуть не прибавляло. Это была лишь малая доля бронированной техники. Явившись на подмогу другим роботам, она развернулась, едва только в ней отпала надобность, и скрылась в лесу. И она явится вновь, едва Синотея велит своему войску атаковать очередное синтетическое чудовище. Чудовище, которых особо и не убывало. На пляжах и отмелях озера валялись их многочисленные обломки, его глубины напоминали стихийную промышленную свалку, а они как сновали по всему региону, так и снуют. Один лишь Фигги уничтожил с дюжину истребителей — вон они торчат хвостами вверх, уткнувшись в белоснежный песок, или тлеют, рухнув на скалы, только что с того толку? Там, в небе, они носились многими тысячами, и это только в районе озера.

Снова вздохнув, Синотея скоординировала Радужных рыбок, оказывавших живительную помощь пострадавшим. Она прекрасно сознавала, что переломить ситуацию ей не по силам; понимала, что вся созданная ей жизнь будет уничтожена, если она вновь пойдет в атаку и станет биться до конца. Борьба была слишком неравной. К сожалению, она прекрасно понимала и то, к чему приведет и ее невмешательство. Безопасность озера, которое машины вроде бы не трогали, была только временной. От лурианцев Синотея знала, чего добивается Сибер'юния. Если она уничтожит центральный энергетический узел, вся Колыбельная Локализация

перестанет существовать. Так что же прикажете делать?..

— Хороший вопрос, — негромко сказала возникшая рядом Элайя.

Синотея аж подпрыгнула от неожиданности, крутанув коралловым трезубцем. Увернувшись от его водяной струи, способной разрезать диамант, лурианка шикнула, призывая не привлекать к себе внимания. Хоть и не атакуя озерных обитателей, машины сохраняли бдительность, выискивая потенциального противника. Почуяв лурианку, их дула уже начали обращаться на высокую скалу, нашаривая приоритетную цель, но вскоре успокоились и вернулись назад.

— Разве вам не надлежит быть в Институте? — хмуро осведомилась Синотея. — Как мне кажется, все складывается не лучшим образом.

— Вам не кажется, — подтвердила Элайя. — К сожалению, мои коллеги этого еще не поняли. Их разум ослепила гордыня. Ощущая мир с позиции высших существ, она просто не позволяет им признать поражение и обратиться за помощью.

— К кому? К нам? Сомневаюсь, что из этого выйдет толк, — горько заметила Синотея. — На сей раз все очень плохо. Моих сил не хватит даже на то, чтобы освободить от машин мой собственный регион. Выступив единым фронтом с другими Извлеченными, единым фронтом мы будем и уничтожены.

— Так и есть, — кивнула Элайя. — Вы, безусловно, отсрочите падение Института, но оно все равно состоится, а ваша жертва окажется напрасной.

— Тогда о какой помощи вы говорите?! — в сердцах бросила Синотея, осветившись желтым и красноватым светом не очень-то дружелюбных эмоций.

— То, что я сейчас вам предложу, моим коллегам может показаться изменой, — помедлив, произнесла Элайя. — Возможно, так покажется и вам, но выхода у меня нет. Если ничего не предпринять, катастрофа неизбежна, поэтому я вынуждена рискнуть и положиться на ваше доверие.

— Даже так? — немного растерялась Синотея. — И в чем же ваше предложение заключается? — помолчав, добавила она, придя к выводу, что за спрос денег не берут.

— Я надеюсь собрать достаточно добровольцев, чтобы выступить против Института, — сообщила Элайя, глядя ей прямо в глаза.

Синотея охнула. Затем, вскинув трезубец, приняла откровенно угрожающую позу.

Нет, Элайя не свихнулась. Она не перешла на сторону общего врага и вообще не собиралась ускорять падение Института Моде-

лирования Разума. Она собиралась ускорить этот процесс в сознании лурианцев, ибо когда те окончательно поймут, что дело дрянь, хвататься за соломинку станет поздно. Для этой цели Элайя и рассчитывала привлечь наиболее доверенных Извлеченных, обладавших достаточно высоким развитием и возможностями.

Согласно плану, им требовалось создать лишь видимость того, что вскоре произойдет на самом деле. Создать до того, как кризис окажется необратимым. Группа Извлеченных, возглавляемая Элайей, займется симуляцией бурной деятельности, не причиняя Институту реального вреда. Она станет не выводить его узлы из строя, а захватывать и отключать, имея возможность реанимировать их в любой момент. Это же касалось и производственных площадей, и лабораторий, и даже залов с Юнисанциумами, которые не должны были пострадать, чтобы вся работа Института не пошла прахом. Отступая, лурианцы будут защищать центральный энергетический узел до последнего, а затем, оказавшись перед лицом неизбежности, подумают об альтернативных вариантах. И, стараниями Элайи и Извлеченных, подумают об этом не слишком поздно. Оценив истинное положение вещей, лурианцы уже не откажутся от помощи и станут более лояльны к переговорам.

Синотея просветлела. Она уже не хотела шарахнуть по лурианке из трезубца, да и озерное воинство успокоила, которое собиралось попробовать ее на зуб.

— Захватывая Институт, на самом деле мы его спасем? — уточнила она, расставляя для себя все точки над i.

— Именно так, — подтвердила Элайя. — На эту мысль меня навело поведение машин. Сибер'юния не растрачивается на то, что не оказывает ей сопротивления. Захваченные нами объекты, отключенные и выведенные из эксплуатации, перестанут представлять для нее всякий интерес. Согласитесь, что это гораздо лучше, нежели их выведут из эксплуатации ее творения, то есть уничтожат необратимо и навсегда. Мы создадим у моих коллег иллюзию тотального поражения, но раньше, чем оно подлинно наступит. И тогда, как по мановению волшебной палочки, нам удастся вернуть очень и очень многое не хуже Рефлектора.

— План хорош. Сложен, опасен, но хорош, — поразмыслив, кивнула Синотея. — Вот только смущает меня в нем один нюанс.

— Какой? — осведомилась Элайя.

— А что, собственно, изменится?! — вплеснула руками Синотея. — Допустим, мы своего добьемся: лурианцы прозреют, согласятся, и-и-и? На что они согласятся? Кого мы можем позвать на помощь? Вы сами сказали, что Извлеченные лишь отсрочат уничтожение Института, а больше тут никого и нет!

— А вот это уже предоставь мне, — очень серьезно произнесла Элайя.
— Но я должна знать! — пытливо воскликнула Синотея, испытывая целую бурю эмоций.
— К сожалению, вам придется мне довериться. Вам — и всем тем, кто согласится к нам присоединиться, — твердо сказала Элайя. — Если мои коллеги вдруг узнают, что я задумала, они абсолютно точно примут ошибочное решение. Решение, о котором даже не успеют пожалеть.

Воцарилась тишина, если не считать грохота паливших орудий, жужжания истребителей и гула далеких взрывов. Мимо озера чинно двигались соединения машин. Шахматными кластерами шагали боевые роботы. Танковые подразделения ползли сомкнутыми бронированными черепахами. Самоходные башни щерились грозными стволами, то и дело выплевывая снопы молний и огня. Вдали раздался яростный треск, напоминавший разряд высвобожденного электричества. Целого миллиона разрядов, слившихся в унисон. То активировались Стратуроны, расставленные по периметру Института. Стирая подступавшую армаду, они стирали ее вместе с Локализацией.
— Что мне надо делать? — отбросив всякие колебания, с готовностью осведомилась Синотея.

Положение становилось все тяжелее. Ошеломленные масштабом бедствия, лурианцы частично возвращали себе контроль над роботами, но именно что частично, да и ненадолго. Фактически, за синтетическую армаду велась непрерывная борьба. Захватив соединения машин, Сибер'юния не собиралась расставаться со своей добычей, прекрасно понимая, что враги попробуют забрать ее обратно. Каналы управления и связи превратились в своеобразное невидимое поле боя. Визуально же это выражалось в том, что одни группировки роботов внезапно атаковали другие. Тогда между ними завязывалась ожесточенная борьба, иногда охватывавшая целые регионы. Однако перевес был на стороне Сибер'юнии, причем перевес очевидный и критический. По части взлома она справлялась куда лучше закосневших в добродетели лурианцев. Подготовка и прекрасный тактический расчет позволяли ей действовать на упреждение, отчего попытки ее врагов носили слабый и непродолжительный эффект. Не успев нанести друг другу достаточно серьезный урон, машины снова переходили в атаку на Институт. А эта атака становилась тем интенсивнее, чем больше их стягивалось со всей Колыбельной Локализации.

Стратуроны стреляли все чаще. Первый раз они шарахнули по роботам для острастки, как бы в качестве предупреждения. Но

разве можно было напугать бездушную материю? Она только и отреагировала, что перестроением, однако своих намерений не изменила. Стягиваясь громадными кольцами, танки палили по Институту как сумасшедшие. Среди них там и тут возвышались боевые башни, служившие своеобразными ориентирами подразделений. Источником огневой мощи они тоже служили, внося свою лепту в уничтожение защитных контуров. Над ними реяли звенья истребителей, а мимо Института то и дело проносились штурмовики, сбрасывая бомбы и торпеды. Именно мимо, вдоль и по касательной, поскольку все, что оказывалось над Институтом, немедленно испепелялось. Во всяком случае, пока. Испепелялись и подступавшие армады роботов, но редко и словно неохотно. Лурианцы не горели желанием избавляться от врагов Колыбельной Локализации вместе с самой Локализацией. Именно поэтому они использовали Стратуроны только тогда, когда альтернативы не оставалось. С другой стороны, те все равно не были панацеей, и избавить от всех бед не могли, особенно тогда, когда множество этих бед бушевало в самом Институте.

К великому потрясению лурианцев, они начали терять уже не отдельные помещения и участки, а целые крылья зданий и даже этажи. Прежде схватка протекала с переменным успехом, когда часть Института постоянно переходила из рук в руки. Ликвидируя атакующих, лурианцы возвращали себе контроль над потерянными зонами и худо-бедно приводили их в порядок. Однако ситуация внезапно изменилась.

Первым исчез доступ в лабораторию. В Институте их была тьма-тьмущая, но речь шла про ту самую, где исследовались и разрабатывались прототипы новых Юнисанциумов. Ее наработки были бесценны, причем о некоторых не знали даже в Источнике, и вдруг она взяла и отключилась. Отправленные туда лурианцы даже не смогли попасть внутрь, так как Дверь вышла из строя, а прямые физические переходы оказались заблокированы. Пройти через Смещение также не удалось — изолированная лаборатория попросту никого не пустила. В иных обстоятельствах лурианцы обязательно изыскали бы способ вернуть себе доступ, пусть даже для этого пришлось бы пробить несколько стен и потолков, но у них хватало других забот. И одной из них стала потеря насосной станции.

Название происходило от рода деятельности, никак не связанного с водой или иной жидкой субстанцией. Этот узел не производил энергию и не перерабатывал ее, а лишь концентрировал и направлял. Подключенный к центральному источнику, он запитывал часть транспортных комнат и несколько многоярусных залов,

обеспечивая их бесперебойное функционирование. И вдруг он внезапно отключился, хотя вражеские орды к нему вроде бы не приближались? Десант? Лазутчики? Никто не знал. Множество Дверей, в мгновение ока выведенных из эксплуатации, существенно испортили лурианцам логистику, лишив их нескольких привычных маршрутов. Залы же, в свою очередь, лишили их двух опорных точек, позволявших эффективно удерживать наседавших чудовищ. Теряясь в догадках, лурианцы попытались вернуть себе контроль над станцией и всем, что она питала, но были вынуждены отложить эту затею.

Серия взрывов, сотрясших Институт, вывела из строя множество различной аппаратуры. Отказывая повсеместно, она лишала его защитников фигуральных ушей и глаз, позволяя захватчикам проникать практически неконтролируемо. В приближенном смысле, лурианцы теперь не знали, кто где находится, и в каком состоянии. Потеря того или иного узла становилась им известной лишь при личном посещении, и только оно же позволяло узнать о том, что там, собственно, происходит. Само собой, мириться с таким положением вещей лурианцы не собирались. Перераспределив силы, они занялись ремонтом и сумели вернуть часть техники в строй. Тогда же они и уразумели, что более не контролируют около половины Института.

Внезапная потеря аппаратуры внушала серьезную тревогу. Реанимированная далеко не вся, техника шалила, а ее показания оставляли желать лучшего. Там появилось множество слепых зон и откровенно искаженных данных. Следствие повреждений? Случайность? Профильные специалисты были настроены весьма скептически, подозревая худшее. С высокой вероятностью аппаратура стала жертвой чьего-то умысла. Умысла того, кто очень хорошо в ней разбирался и знал ее слабые места. Иначе объяснить ее повсеместный глобальный сбой было очень и очень трудно. Сибер'юния? Но когда она успела настолько во всем разобраться? Это вам не армада машин, чьи данные хранились в общедоступном архиве. Аппаратура Института считалась вершиной технической мысли лурианцев, и чтобы овладеть ей на таком уровне требовались продолжительные усилия. К тому же тут наблюдалось известное противоречие. Если это и впрямь дело рук Сибер'юнии, зачем она тогда разменивается на мелочи, а не наносит удар прямо по своей цели? Грабитель банка, отключивший сигнализацию, зачем-то шарил по ящикам кассиров, а не открывал главный, забитый ценностями сейф.

Периферийные комплексы лурианцев интересовали мало, если они содержали не слишком значимые объекты. Куда важнее

для них были этажи, где производились и настраивались Юнисанциумы. Зачем они понадобились Сибер'юнии — было совершенно неясно, но факт оставался фактом. Кто-то или что-то перенастроило защиту таким образом, что проникнуть внутрь лурианцы могли только ценой великих, неприемлемых для них разрушений. Выглядело это очень необычно. До сих пор чудовища действовали исключительно силовым путем, не проявляя навыков скрытности. Видимо, лурианцы снова недооценили Сибер'юнию, использовавшую две тактики одновременно. Пока ее штурмовые отряды отвлекали внимание лобовыми атаками, она потихоньку забрасывала диверсионные группы, а то и сама тайком перемещалась по Институту. Увы, в последнем случае это означало, что она каким-то образом взломала всю сеть Дверей целиком, хотя до сих пор нечто подобное считалось невозможным даже для нее. Даже после того, как она перехватила управление над армадой машин. Придя к столь неутешительным выводам, лурианцы были вынуждены сделать то, что сделали бы с самого начала, если бы знали, как станут развиваться события. Они вырубили всю сеть Дверей Института целиком.

Лурианцы умели перемещаться в пространстве очень быстро, и речь шла не о переходах в Смещения или транспортировку через Лучи. Они умели носиться с головокружительной скоростью, отчего не нуждались в какой-либо технике. Вот только в масштабах Института их умение нивелировалось до уровня пешехода вроде Модели из Юнисанциума, которая на своих двоих обходит все этажи и помещения обширного стоэтажного небоскреба. Лишив мобильности врага, лурианцы лишились ее и сами. С одной стороны, они добились определенного успеха, замедлив продвижение Сибер'юнии. С другой, они утратили и оперативность, с которой наносили контрудары и возвращали себе контроль.

Институт, огрызаясь Стратуронами, продолжал сотрясаться все заметнее, когда лурианцы, координируясь через свой командный пункт, подошли к заблокированному крылу. Оно представляло немалую ценность, фактически служа ключом ко всему, что располагалось вокруг в виде множества взаимосвязанных комплексов. Каким образом его захватила Сибер'юния — оставалось загадкой, и теперь, вскрывая толстенную шлюзовую дверь, лурианцы собирались получить на нее ответ. Судя по донесениям Координатора, бдительно следившего за показаниями аппаратуры, продвижение врага не представляло непосредственной угрозы. Перенаправив мобильные группы, они могли заняться утраченными территориями.

Шлюзовая дверь сопротивлялась. Здесь однозначно не обош-

лось без Сибер'юнии, поскольку только лурианец мог поставить блокировку в виде замкнутого контура с положительной обратной связью. Иными словами, чем больше атакующие направляли в него энергии, стараясь пробить эшелонированную защиту, тем большей мощью она наливалась, черпая ее из их же приложенных усилий. Усвоив эту нехитрую истину, лурианцы были вынуждены прибегнуть к старому дедовскому методу. Уподобившись грабителям банков, они воплотили буровую машину и принялись резать толстенный шлюз, вскрывая его слой за слоем. Ориентированный на энергетический отпор, он уступал откровенно механической грубости, позволяя пробиваться внутрь дюйм за дюймом.

Грохот, поднявшийся в момент падения двери, заполонил собой все другие шумы. Перепад давления вышибал все как пробка, поэтому лурианцы моментально остались без своих вспомогательных конструкций. Они, конечно, легко могли создать себе новые, но им помешали. Едва им удалось проникнуть внутрь, как со всего этажа на них хлынули полчища всевозможных тварей.

Определенно, Сибер'юния стремительно развивалась, преподнося сюрприз за сюрпризом. Существа, атаковавшие лурианцев, разительно отличались от всех ее прежних творений, причем это же относилось и к стихиям. Огня не было и в помине. Вместо него на лурианцев обрушилась вода, где-то ледяная, а где-то доведенная до кипения. Она несла огромные каменные глыбы, стремительно разраставшиеся в размерах, а стены, пол и потолок усеивали хлесткие, колючие и цепкие ветви, перемежавшиеся не менее зловредными плющами. Не веря своим глазам, лурианцы прошли сквозь водный напор как через подземную реку, пробили каменные заслоны и освободились от пут, всячески тормозящих им продвижение. Само собой, на этом неприятные открытия только начинались.

Сибер'юния и прежде бросала в бой автобионов, но они состояли из живой материи. Стихийные же, сродни пресловутым элементалям или големам, использовались ей впервые. Лурианцы и оглянуться не успели, как со всех сторон их атаковали водяные сгустки, напоминавшие фигуры зверей и Реквариумов. Ловко маскируясь в водяных потоках, бивших из дверей и коридоров, они наседали вязкой массой, высасывая силы и лишая подвижности. Стряхивая назойливых монстров, лурианцы испепеляли их сотнями, но те лезли тысячами. И вот уже среди них объявились каменные модели, собранные из базальтовых глыб, а затем — просто невероятно! — и злобные головоногие, просто усеянные жгучими глазами и колючими щупальцами.

Шокированные увиденным, лурианцы успешно отбивались,

постепенно зачищая территорию, однако их боевой дух оказался основательно подорван. По всему выходило, что возможности Сибер'юнии стремительно росли. Освоив разносторонние навыки сразу нескольких лурианцев, она и действовала как несколько лурианцев, ибо у нее одной элементарно не хватило бы на все это сил. Швырять в сражение миллиарды огненных существ — это одно, а противостоять группе лурианцев напрямую — совсем другое. Сибер'юния до сих пор не показывалась, но было очевидно, что она скрывается где-то неподалеку и лично контролирует происходящее.

Аскин выдыхался. Поистине сильный Извлеченный, он все равно не мог слишком долго держаться против опытных лурианцев. Если бы не координация с Оо-т-Иром и не прямая помощь Элайи, он бы уже сдал позиции и ретировался, а то и вовсе отправился в Террикл. Однако силы были на исходе. Аскину требовалась передышка, иначе весь план рисковал пойти прахом. Злющие рыбы — неживые, но чрезвычайно подвижные и зубастые, — давались ему все труднее, как и переменная вязкость воды.

— Долго еще? — шепнул он сновавшей рядом Элайе.

— Продержись еще немного, — попросила она, бдительно слушая пространство.

— Вызываю корни, — сообщил Гизмунд, все еще выглядевший как дерево, но достаточно миниатюрное, чтобы расхаживать по Институту.

Лурианцев, отбивавших натиск воды, спрутов и камней, тут же обвили растительные путы, лезущие со всех сторон в поистине геометрической прогрессии. Они развеивали их мановением воли, но тут же получали крепкий удар от гудящих камней, а стоило им воздать камушкам по заслугам, как змееподобные корни обхватывали их вновь. На пару с водяными чудовищами они действовали весьма слаженно, заставляя лурианцев прямо-таки потеть от усилий и злости. Странная эта была битва. Вроде бы не неся потерь, защитники Института уставали еще быстрее, нежели на поле открытого боя.

— Гарбониевая пробка пошла, — сообщил Оо-т-Ир, делая руками пассы.

Воду вышибло из коридора будто джинна из бутылки. Пустое пространство внезапно стало очень даже заполненным, однако отнюдь не монстрами и даже не ревущей стихией. Оно превратилось в сплошной монолит, состоявший из очень специфической породы. Оо-т-Ир сам ее разработал для того, чтобы закрывать некстати образовавшиеся пустоты. Она была не столько твердой, сколько вязкой, и очень эффективно гасила вспышки энергии, перерас-

пределяя их по всей своей структуре. Чем больше была ее масса, тем больше энергии она поглощала, прежде чем начинала распадаться.

Со стороны казалось, будто лурианцы очутились в толще бетона, который был мгновенно залит и мгновенно же застыл. Задохнуться они не могли, но сам эффект застал их врасплох. Лишенные подвижности, они сперва были вынуждены перестроить собственную структуру, а затем испустили поражающую волну. Гарбоний стал крошиться, но выдержал. Пораженные до глубины души, лурианцы поднатужились и снова попытались его сокрушить, но снова не преуспели. Это было нечто немыслимое! Как? Почему?! Каким образом какая-то жалкая материя могла им столь упорно противостоять?!

Успехом увенчалась лишь третья попытка, после которой порода рассыпалась в пыль, тут же подхваченную очередным водным потоком. Боевой дух лурианцев, потративших столько усилий на высвобождение из плена, критически снизился. Им же было невдомек, что гарбоний Оо-т-Ира они бы немедленно обратили в ничто, если бы не Элайя, старательно поддерживавшая структуру вещества.

Шутки кончились. Лурианцы приуныли и распалились одновременно. Отбросив всякие церемонии, они выпустили всю свою мощь, доселе сдерживаемую из-за боязни навредить Институту, и пошли крушить все направо и налево.

— Этак они сделают за Сибер'юнию всю ее работу! — взволнованно воскликнул Аскин, начинавший пошатываться от усталости.

Элайя и сама встревожилась. Теперь она пустила часть усилий на защиту того, что в пылу накатившей злости едва не разломали ее коллеги.

— Готово! — прозвенел пришедший издалека голос Синотеи.

— Уф. Прямо гора с плеч! — облегченно выдохнул Оо-т-Ир.

— Ко мне! — скомандовала Элайя.

Подхватив мерколита, предводителя хладных глубин и живое дерево, она задействовала одну из Зарниц и исчезла. Предусмотрев очевидное, то есть полное отключение Дверей, Элайя заранее побеспокоилась о том, как они станут перемещаться, следуя своему плану. И вот теперь, не дожидаясь полномасштабного удара лурианцев, вся группа унеслась к Синотее, уже подготовивший очередной плацдарм.

Этаж был пуст. Овладев им без всякого сопротивления, лурианцы ошеломленно убедились, что по комплексу не шныряют злодейские твари, а комнаты и коридоры не объяты огнем. Мало что понимая, они проверяли область за областью, пока очередная тре-

вога не заставила их ретироваться. Снова запечатав шлюз, лурианцы поспешили в командный пункт, где требовалось их немедленное присутствие. Они тоже умели использовать Зарницы, поэтому перемещение произошло мгновенно. Увы, нараставшая проблема, из-за которой их и вызвали, столь же мгновенно не решалась. Даже близко.

Координатор предъявил аналитические данные, дополнявшие последнюю боевую сводку. Сибер'юния времени не теряла. Пользуясь тем, что немалая часть Института перешла под ее контроль, причем перешла с необъяснимой легкостью, огненные чудовища сконцентрировали усилия на оставшихся направлениях. Множество этажей и комплексов теперь пребывали у них в тылу, куда лурианцы уже не могли пробиться, не сдав позиции в других местах. И местах очень даже критических.

Недолго посовещавшись, лурианцы пришли к выводу, что вылазки того просто не стоят. Утраченные сектора пусть таковыми и остаются, особенно если они находятся далеко от зоны активного столкновения. Отражать натиск врага следует единым фронтом, а не партизанской тактикой и точечными контрударами. В конце концов, центральный энергетический узел контролируют они, а не Сибер'юния, так что и выдохнуться она должна раньше. Эх, если бы не эта армада, наседавшая снаружи!.. Не будь ее, лурианцы давно бы уже смели все огненные орды и обезвредили их создательницу. Увы, война на два фронта распределяла силы Института весьма не лучшим образом, многие из которых тратились практически впустую.

Снова ударила тяжелая артиллерия. В принципе, она била не переставая, но периодически интенсивность ее обстрела кратно повышалась. Видимо, это было связано с циклом перезарядки и координацией с разными видами машин. Иначе чем объяснить, что их общая активность то нарастала, то падала, а в момент особо ожесточенной бомбардировки штурмовики и танки тут же ретировались подальше от Института, чтобы не угодить под дружественный огонь.

Стратуроны выдали два разряда подряд. Поддерживая Колыбельную Локализацию, исчезавшую неподалеку от Института, лурианцы наскоро штопали ее своеобразными заплатками в виде затычек из земли и камня. Вот только бесконечно долго такие затычки держаться не будут и в какой-то момент расползутся, когда нарушится основная структура материи. Лурианцы прекрасно понимали, что им следует поторапливаться. Скоординировав усилия, они вновь перехватили у Сибер'юнии контроль над частью роботов. Обратившись друг против друга, их соединения столкнулись в

свирепой схватке, а некоторые обсерватории, начавшие взаимный обстрел, были уничтожены. Две региональные крепости разлетелись в труху, раскидав по округе оплавленные обломки, а несколько танковых армий обратились в металлолом. К сожалению, это звучало победоносно только на словах. В масштабах несметной армады такие потери были просто каплей в море. Тем не менее, лурианцы выиграли немного времени. Снова посовещавшись, они скрепя сердце, решили сдать долю позиций внутри Института, чтобы сосредоточить всю свою мощь на защите оставшихся.

Враги будто этого и дожидались. Часть оставленных комплексов тут же охватил огонь, но еще большая часть немедленно отключилась, проявившись на интерактивной карте темным слепым пятном. Каким-то образом Сибер'юния действовала сразу в разных местах, причем разнородной тактикой. Кольцо быстро сжималось, и лурианцы, тревожно переглянувшись, впервые допустили возможность поражения.

Сосредоточившись на защите центрального энергетического узла и самых жизненно-важных объектов Института, с одной стороны лурианцы выиграли. Они вполне уверенно держали оборону, эффективно отражая натиск чудовищ. Продвижение Сибер'юнии практически остановилось. С другой, армада машин никуда не делась и окончательно вышла из повиновения. Лурианцы оказались заперты в своем оплоте, хорошо действуя внутри, но полностью лишившись возможности влиять на что-либо снаружи. Прежде они могли уничтожить роботов, освободив от них Колыбельную Локализацию, но только ценой критического ущерба для Института. Подобное считалось неприемлемым, отчего лурианцы ограничивались сдерживанием, решая проблемы внутри. Теперь же они с удовольствием пошли бы на такой шаг, да поздно было!

Аналитический прогноз выглядел неизбежным роком. Если так все пойдет и дальше, лурианцы останутся на своих позициях, но ровно до тех пор, пока у них не кончится энергия. А кончалась она явно быстрее, чем у врага. Центральный узел, основательно ослабевший после создания армады и уничтожения Пирокластической Локализации, находился в плачевном состоянии. Даже Стратуроны из надежной защиты внезапно превратились в проблему. Каждый их выстрел осаживал зарвавшихся роботов, но потреблял много энергии. Настолько много, что запасной план теперь становился невозможен. И захоти лурианцы стереть в порошок все машины вместе с Локализацией, у них элементарно не хватит на это сил. Центральный узел выдохнется до того, как Иглы обратят в ничто леса и долины вместе с армиями машин. Тогда — всему конец, и Сибер'юния добьется своего голыми руками.

Осознав всю тяжесть положения, только внешне казавшегося стабильным и благополучным, лурианцы спешно искали выход. Может быть, им все-таки стоит снять глобальную изоляцию и попросить помощи извне? Нет, плохая идея. Сибер'юния тут же вырвется на свободу, и тогда ищи ее свищи. Но что тогда? Деактивировать Стратуроны, потреблявшие слишком много энергии? Тоже не вариант. Машины сразу же подойдут вплотную и кратно усилят натиск. Но что если?..

Идею предложил все тот же Агнетто. Стратуроны не следовало отключать — их требовалось обратить против самого Института. Да, его повреждения будут ужасающими, и на восстановление уйдут поистине колоссальные усилия. Многие достижения окажутся утраченными, а что-то придется возводить с нуля. Уцелеют только центральный энергетический узел, главный архив и несколько ближайших комплексов. Все остальное отправится в Пустоту. Что с того толку? Оно отправится в Пустоту вместе с Сибер'юнией, в какой части института она бы сейчас ни находилась!

Грядущее поражение заставило лурианцев пойти на столь крайние меры. Замысел Агнетто, ранее не зарождавшийся и в мыслях, теперь выглядел единственно действенной альтернативой. Он был близок к нулевому варианту, когда ценой уничтожения противника защитники уничтожали и себя, но все-таки ему не равнялся. Колыбельная Локализация хотя бы частично уцелеет, лишившись только центра и критически зависимых от него регионов. Сам же Институт однажды возродится вновь, сохранив свое сердце и большую часть наработок. И это было всяко лучше тотального краха, когда он вообще перестанет существовать, а чрезвычайно опасный враг обретет абсолютную свободу. Столкнувшись с выбором одного из двух, лурианцы сделали ставку на частичное самоуничтожение.

Медлить было нельзя. Располагаемая мощность быстро снижалась, а ей еще предстояло пробить структуры Института, специально возведенные так, чтобы сопротивляться до последнего. Оперативно скоординировавшись, лурианцы отдавали команды оставшейся у них аппаратуре и действовали сами. Прекратив заградительный огонь, Стратуроны перенастраивались на непривычную для них задачу — атаку дружественных объектов. Перенастраивались не без усилий, поскольку все эшелоны защиты решительно протестовали против удара по Институту. Их ведь специально для того и сделали, чтобы избежать фатальной случайности, отчего было не так просто совершить его преднамеренно. Но все-таки возможно. Внеся необходимые корректировки, лурианцы

трижды удостоверились в надежности заданной программы и отправили Стратуроны на перезагрузку, и ибо только так они могли отказаться от старых протоколов и принять вопиющие новые. Получив управляющую команду, Стратуроны угасли, перестав трещать змеистыми молниями. И больше не включились.

Лурианцы так и не сообразили, что произошло. Сперва они подумали, что это простая неполадка, вызванная критически опасными инструкциями. Пытаясь оживить Стратуроны, они пробовали это вновь и вновь, используя самые разные методы, прежде чем им открылась обезоруживающая действительность. Стратуроны им больше не повиновались. Отключившись целиком и полностью, они никак не реагировали на все попытки вернуть их в строй, неважно с какой целью. Они молчали, не озаряясь не единым электрическим сполохом, начисто лишенные какой-либо активности. И вскоре это поняли не только лурианцы, но и машины. Действуя в унисон, они тут же бросили все свою армаду на институт, стягивая ее со всей Локализации. Ничем более не сдерживаемые, роботы подступили вплотную, обрушив на приоритетную цель всю свою огневую мощь.

Освещение замерцало. Не выдерживая энергетического возмущения, аппаратура искрила и выключалась. Откуда-то потянуло дымом. Атмосфера накалилась, насыщенная озоном и статическим электричеством. Все еще удерживая свой оплот, лурианцы оперативно произвели новые технические расчеты. Произвели дважды, трижды… десятикратно. Результат был один. До падения Института оставалось всего ничего.

Элайя традиционно объявилась словно из ниоткуда. Пребывавшие в смятении, лурианцы как-то даже позабыли о ее существовании. Все, включая Агнетто. Теперь же их горящие взоры обратились к ней, когда в командном пункте раздался ее громогласный голос.

— Выход из положения есть! — обращаясь сразу ко всем, твердо заявила Элайя. — Выход здесь и сейчас! Но вы должны сами решить, согласитесь на него или нет!

– 7 –

Сибер'юния не особо пряталась, если не сказать — не пряталась вовсе. Она знала, что в таком хаосе, охватившем весь Институт, лурианцам будет попросту не до того, чтобы выслеживать ее во множестве комплексов, переходов, этажей и Смещений. Все это представляло самый настоящий лабиринт, где всякие вменяемые поиски исключались. Она спокойно бродила по старым, хорошо

известным ей местам, периодически появляясь там, где требовалось ее присутствие. Ей не требовалось непрерывное пребывание на передовой. Она видела и слышала при помощи своих дозорных, а команды передавала через особо выдающихся созданий. Она объявлялась лишь на тех участках столкновения, где лурианцы давали личный отпор, посмеиваясь в душе, что те даже не догадываются, отчего обстановка вокруг резко меняется не в их пользу. Сибер'юния знала, что близка к цели, и ничего не боялась, терпеливо дожидаясь своего часа. Да и чего бы ей бояться? Лурианцы решительно не могли заняться лично ее персоной, когда снаружи бьет тяжелая артиллерия, а кругом бушуют пожары и носятся полчища невообразимых чудовищ. Впрочем, чудовищ ли?

Огненными монстрами, порожденными фантазией безумца, ее творения казались только лурианцам. Будучи хоть и высшим разумом, они отнюдь не стали эталоном мироздания и не могли безапелляционно решать, кому жить, и в какой форме. Для своей создательницы это были удивительные существа, способные на очень и очень многое. У Сибер'юнии ушли миллионы лет, чтобы довести их до совершенства, отчего она с легкостью воплощала те или иные формы жизни, бросая их против своих тюремщиков. Лурианцы даже не догадывались, какого мастерства она достигла в создании живых генераторов энергии, подпитывающих войска прямо в бою; насколько искусными у нее вышли транспликаторы, способные забирать энергетические волны врага напрямую; какими универсальными получились автобионы, умеющие восстанавливаться даже из незначительного фрагмента материи. Но все это были рядовые творения, ибо способности Сибер'юнии простирались гораздо, гораздо дальше. Вулканы, исторгавшие лаву, тоже были живыми. Те же мерколиты работали с огнедышащими горами как с чем-то само собой разумеющимся. Сибер'юния вдохнула в них жизнь, научив развиваться совершенно самостоятельно. Лава была их кровью, а магматические бурления в недрах — биением сердец. Огненные существа, порожденные их жарким дыханием, выпускали пламя только в случае опасности, а в остальном выглядели такими же прекрасными, как создания этой глупышки Синотеи или тугодума Гизмунда. Деревья Сибер'юнии, якобы объятые пламенем, покрывала красная, ни на что не похожая листва, перемежавшаяся с желтой и оранжевой. И острия они показывали только против врага, когда защищали свои жизни, на что имели полное право. Или жизнь своей госпожи. Ведь все творения Сибер'юнии чувствовали ее, знали, что она произвела их на свет, и готовы были умереть за нее.

Лурианцы считали, что их опасная узница не церемонится с

чужими жизнями и жизнью как таковой, безжалостно бросая в мясорубку несметные легионы. Это было справедливо лишь отчасти. Сибер'юния усматривала в подобной тактике неумолимую необходимость, альтернативой которой становилось вечное заключение. В том числе для всех тех, кого она создала. Единственный способ вырваться автоматически означал тотальную войну на уничтожение, а уж кто в ней победит — победит навсегда. Жалела ли она других существ, воплощенных той же Синотеей или самими лурианцами? По-своему, да. Им просто не надо было становиться у нее на пути, а специально она бы их не атаковала. Метод трансформации — они сами на него напросились. Он служил лишь инструментом. Жестоким, но инструментом. Когда-то Сибер'юния хотела использовать его исключительно во благо, предлагая не избавляться от неудачных творений, а переписывать их структуру. Это позволяло сохранять исходный экземпляр, удаляя в нем дефектные образования или нежелательные свойства. Ее идею с ужасом отвергли. Надо было видеть лица тех экзаменаторов, когда они воочию убедились, о чем идет речь! Видимо, это и послужило для нее окончательным приговором.

Сибер'юния фыркнула. Пройдя сквозь бушующее в коридоре пламя, она мимолетом погладила пробегавшего мимо орозавра и вспомнила тот день с такой ясностью, будто он произошел только вчера. Милосердие лурианцев. Пресловутое милосердие лурианцев! Запирая ее в Смещение как рядовую Нарушительницу, они увещевали пересмотреть свои взгляды и стать на путь истинный. Какое вселенское лицемерие! Как можно заставить измениться того, кто принципиально не похож на вас? Кто несет в мир новые идеи. Кто в принципе способен и хочет совершить то, что вам, древним старцам, попросту не по силам. Таким образом, Смещение становилось для нее вечной тюрьмой, и лурианцы это прекрасно понимали. Мать предупреждала — не высовывайся! Молчи, склони голову, пройди экзамен, а там — будь что будет. Мироздание необъятно, ты найдешь в нем свое место, и кто знает, как повернется колесо истории. Да, мать предупреждала, но Сибер'юния в какой-то момент не выдержала всей этой заплесневелой закоснелости и выдала себя с головой. Выдала, желая показать иные возможности, а не только те, что лурианцы приняли для себя за эталон. Результат? Немедленная блокировка в этом чертовом Декартроне, куда обычно помещают недавно Извлеченных, чтобы те не натворили дел. Клетка из вязкой массы, поддерживаемая дюжиной охранников, сопровождала Сибер'юнию вплоть до водворения в Смещение. А мать просто смотрела и ничего не сделала.

Предательство матери Сибер'юния воспринимала особенно

болезненно. Все остальное пред этим просто меркло: упертые лурианцы, узилище, из которого не было выхода, крушение всех надежд, обращенные в пыль мечты о бесконечном мире… Мать! Как она могла допустить подобное со своей дочерью?! Почему она не сделала хоть что-нибудь, чтобы предотвратить такое развитие событий?!

Сибер'юния сглотнула подступивший к горлу ком. Ярость давно уже заместила в ее душе все прочие чувства. Она колыхалась в ней будто океан и бурлила подобно лаве, взметаясь порой исполинскими гейзерами. Эта ярость наделяла ее силой, способной противостоять множеству лурианцев одновременно и позволяла сотворять целые легионы одним мановением воли. Но здесь она уходила. Жаркий огонь, сжигавший грудь и брызгавший раскаленными каплями, внезапно исчезал, сменяясь холодной пустотой. Пустотой, похожей на ту самую, Вселенскую, из которой вышло абсолютно все и, возможно, куда когда-нибудь вернется. Мать… Сибер'юния чувствовала, будто у нее что-то отняли. Отняли то, чего бывает только раз в жизни и теперь уже никогда не будет. Не просто отняли — предали, и это предательство совершила та, кто была для нее практически олицетворением древней, мудрой, всесильной богини.

Огромный овальный зал был объят трескучим огнем, но тот внезапно сник, а затем и вовсе угас, когда через него прошла погруженная в думы Сибер'юния. Холодная пустота в ней оказалась настолько сильна, что жаркое пламя не могло ей противостоять и просто исчезло, сраженное болью вечного ничто. Все ближайшие существа, утратив пыл и агрессию, сникли и жалобно скулили, чувствуя настрой своей великой госпожи. Та же шла мимо них, словно ничего вокруг не замечая, и когда она удалялась, все возвращалось на круги своя. Помещения вновь охватывал огонь, боевые легионы обретали прежнюю свирепость, а хаотично носившиеся разряды били во все, что движется, если оно не было порождено природой Сибер'юнии.

Мало-помалу мысли вернулись к действительности. Оглядевшись по сторонам, Сибер'юния отдала несколько новых приказов и скорректировала часть старых. Левиурги — бесплотные курьеры ее воли — тут же метнулись кто куда, спеша передать веление госпожи наступавшим частям. Что ж, час близок! Судя по дрожи, охватившей стены Института, до его падения оставалось всего ничего. Еще немного поднажать — и центральный энергетический узел падет к ее ногам. Одно усилие — и с ним будет покончено навсегда. Затем — свобода! Долгожданная, ставшая единственной целью свобода.

Сибер'юния снова вздохнула. Мысленно, разумеется, поскольку ее физическое воплощение не требовало дыхания, как и у других лурианцев. Оно даже отличалось от их воплощений, состоя из огня и чистой ярости — суть перемешанной, принципиально новой материи, способной противостоять натиску врагов. Другие лурианцы… Гм. По сути, Сибер'юния давно уже поняла, что она не совсем лурианка. Она не просто отличалась от них — она была чем-то новым, доселе неизвестным. Возможно, подсознательно они это почувствовали, что и послужило истинной причиной изоляции. Ведь подсознательно это чувствовала и она сама — еще в ту пору, когда свободно бродила по Колыбельной Локализации, тайно рожденная своей матерью. И вот теперь она сможет бродить свободно вновь, но уже там — в просторах бескрайнего мироздания. Только вот… зачем?

Сибер'юнию не настолько застилала ярость, чтобы она не понимала очевидного. Научившись созидать новое, она слишком зациклилась на разрушении. Технически, теперь она созидала новое только для разрушения, но этого ли ей хотелось тогда, на заре юности, полной мечтаний о Вселенной? И способна ли она вернуться к этому теперь, когда с Институтом Моделирования Разума будет покончено навсегда? Что произойдет, когда она наконец-то обретет свободу? Станет ли она творить, как некогда горячо желала, или обратит всю свою новую, выстраданную сущность на месть всем лурианцам? Обратит до тех пор, пока от их цивилизации не останется один лишь дым и пепел? Может быть, тогда, на руинах старого мира она начнет создавать свой новый, став его творцом и повелительницей?

Сибер'юния схватилась за голову, чувствуя себя на грани помешательства. НЕ ЭТОГО она хотела! Она желала привнести в мир нечто новое, а не уничтожить его до основания! И мать хотела не этого. Она видела в ней безграничный потенциал, способный встряхнуть привычный уклад лурианцев и дать им то, что сами себе они были дать уже не в состоянии. Проклятье, как же тяжелы все эти внезапно накатившие мысли! Там, в застенке Смещения, все было просто и ясно. Здесь, в шаге от окончательного освобождения, все противоречия воспряли с новой силой, лишая покоя и здравомыслия. Но так что же? Отказаться от своего замысла? Добровольно вернуться в клетку и провести в ней все свои дни до скончания вечности? Ну уж нет! Если уж выбирать из этих двух, Сибер'юния выбирает свободу, а там уж будь что будет!

Ненависть всколыхнулась с нараставшей мощью. Вскинув голову, Сибер'юния усилила напор, отдавая мысленные приказания всему, что было ей подвластно. Институт сотряс новый удар, а за-

тем серия ударов поменьше. Армада машин, послушных ее воле, собрала энергию в кулак, готовясь обрушить ее в решающее мгновение. Лурианцы отключили Стратуроны. Не иначе, перезапускали на новый режим, готовясь стереть вокруг все и вся. Что ж, им же хуже. Потратят лишнюю энергию и ускорят падение центрального узла. Да только не успеют. Сибер'юния атакует прежде чем они успеют сделать хотя бы один выстрел, и тогда... Тогда все будет кончено! Если лурианцы отвергли ее просто за то, что она Другая, то пусть теперь за это и расплачиваются! Когда рухнет их мини-Вселенная, она не только откроет проход за пределы исчезающей Колыбельной Локализации — она навсегда запрет их самих в своих бесплотных, вечно парящих в Пустоте руинах. И в тот момент их постигнет та же кара, на которую они обрекли ее. Просто за то, что она Другая!

Внезапно Сибер'юния вновь поубавила пыл, уже готовясь отдать последний приказ. Другая? Да, но ведь те две девочки тоже были Другими, и за ними тоже охотились, как и за ней самой. Что же будет с ними? Если они недостаточно сильны, их навсегда распылит в Пустоте без всякого проблеска мысли. Если же у них хватит сил выдержать катаклизм, тогда их ждет судьба ненавистных лурианцев. Весьма незавидная судьба. А заслуживают ли они ее? Просто за то, что они Другие? В конце концов, ведь это именно Аманда и Сесилия послужили ключом к свободе Сибер'юнии, хотя она до сих пор не поняла, каким образом. Она поняла лишь, что девочки — Другие, а в чем это выражается, решила разобраться позднее. Ну и? Вот так взять и отправить этих одаренных сестер в небытие?

Сибер'юния дрогнула. Ее армады, готовые единовременно выпустить всю боевую мощь, ждали приказа, но его все не поступало и не поступало. Удивленная до глубины души, Сибер'юния осознала, что ее охватывают давно забытые чувства. Казалось бы, что ей до этих девчонок? Да пусть пропадают пропадом! Да, но зачем тогда она спасла их там, у энергоузла, когда собиралась уничтожить его раз и навсегда? Спасла же? Спасла, потратив силы на их безопасное перемещение куда-нибудь подальше, и время, каждое мгновение которого могло стоить ей всего замысла. И теперь вот так запросто загубить две жизни способные оказаться чем-то уникально новым? Тем самым новым, ради чего Сибер'юния затеяла всю эту борьбу. И что она сделает первым делом? Уничтожит это новое?

Интенсивность залпов снизилась. Дальнобойная артиллерия, поливавшая Институт яростным огнем, приутихла. Обсерватории поубавили в мощности, хотя вот-вот должны были прожечь пер-

вый эшелон внешней защиты. Чувствуя колебания своей госпожи, подвластные ей легионы перестали крушить все вокруг и наседали с вдвое меньшим пылом. Даже пламя несколько осело и уже не лизало потолок огромных залов, а в небольших помещениях и вовсе исчезло. Громадные растения, пламеневшие мясистыми листьями, по-прежнему распространялись по коридорам, но их острые иглы уже не так крошили стены, как прежде, да и корни разворачивали плиты пола с меньшим напором. Отчетливо читаемая нерешительность Сибер'юнии отразилась в ее войсках, и те просто не знали, что им делать дальше.

А Сибер'юния и сама не знала. Внезапно ей пришла мысль, что для начала неплохо бы разыскать и взять этих двух девочек с собой, а уже затем крушить центральный энергетический узел. Правда, как к этому отнесутся сами девочки? — да, девочки, ибо для древней Сибер'юнии именно таковыми они и являлись. Ну, это дело поправимое. В крайнем случае, их можно поместить в Декартрон, а потом, постепенно, найти с ними общий язык и выпустить. Для Сибер'юнии они всяко безопасны, так что держать их подле себя можно совершенно безбоязненно. Да, только где прикажете эту парочку искать? Прячется та где-то в Колыбельной Локализации, договорилась ли с лурианцами или лурианцами же заперта?.. Разрушить все и вся выглядело как-то попроще, нежели отыскать Аманду и Сесилию. Но если разыскать, взять их с собой и воспитать в истинном духе лурианцев — духе, о котором те только болтают, да сами давно забыли — подлинно свободными, сколько всего они сумеют сделать втроем, плечом к плечу, гордо глядя в лицо самому мирозданию!

* * *

На белый песок набегала теплая, усеянная пузырьками шелковистой пены волна. С тихим шелестом она омывала длинный узкий пляж, ненадолго воцаряясь на нем господством воды над сушей, а затем откатывалась обратно. У линии прибоя деловито сновали красные крабы и выглядывали красивые, изящно очерченные ракушки. Кое-где виднелись водоросли, качавшие своими рукавами среди волн, и порой осторожно, словно проверяя почву, протягивая их на берег. Вдоль пляжа проносились стайки суетливых рыбок, посверкивая разноцветными бочками. За плоским камнем притаился небольшой глазастый спрут. Компанию ему составляла морская черепаха, неторопливо загребавшая лапами на мелководье. В голубой воде, кристально прозрачной будто в графине, вся океанская жизнь представала как на ладони.

За песком возвышались пальмы. Выстроившись ровными рядами, они раскинули свои огромные кроны, под которыми гроздьями висели пушечные снаряды кокосов. Легкий ветерок теребил широкие листья, и их тихое шуршание навевало покой и умиротворение. Пальмы слабо покачивались, будто неторопливо исполняли некий беззвучный, ведомый им одним танец. Иногда какой-нибудь кокос срывался со своего насеста и гулко падал на землю, но обычно не выкатывался на песок. Основания стволов утопали в густом кустарнике, усеянном большими и малыми, изумительных оттенков цветами. Благоухание их чашечек распространялось далеко окрест, привлекая к ним стайки всевозможных бабочек. Порхая крылышками, они летали вдоль пляжа, а на иных кустах собирались в затейливый узор. Тут и там сновали юркие колибри, желавшие заполучить свою долю медового нектара. Их пестрая расцветка радовала глаз, а шустрые перемещения напоминали живые облачка.

Над океаном, простиравшимся до самого горизонта, парила стая крикливых чаек. То собираясь, а то разлетаясь врозь, они оглашали окрестности своими протяжными перекликами. Их белое оперение отливало в лучах несуществующей звезды, а клювы ярко горели красным, что было видно даже издали.

Высоко в небе неторопливо пролетали громадные альбатросы. Флегматичные ко всему, они напоминали тяжелые самолеты, выполнявшие важный рейс. Порой один из них шел на посадку, в то время как другой, грузно разбегаясь, наоборот, отрывался от волн и уходил в объятия воздушной стихии.

Потягивая душистый чай, Джулиан сидел в шезлонге, поставив его так, чтобы набегавшая волна ласкала его уставшие ноги. От этого становилось легче и спокойнее. Заботы и тяготы отступали, а будущее, висевшее на волоске, выглядело не таким уж и мрачным; и все равно от него не зависело, поэтому он, Джулиан, сидел сейчас здесь, на пляже, пока остальные, более мудрые и могущественные, решали судьбы мира сего. Усталость ведь заключалась не только в ногах. Джулиан устал бороться с течением, сути которого не понимал, а возможности ему противостоять не имел. Да, он не забыл про своих обожаемых дочерей, и уж точно отдал бы за них все до последней капли крови, но Аманда и Сесилия находились под защитой Элайи, а о лучшем покровителе и мечтать нельзя. Именно поэтому он был здесь, пока всесильная лурианка вместе с его девочками строила великие замыслы.

— Значит, я была права, когда говорила, что так, вероятно, и выглядит место вашей мечты, — сказала Элайя, традиционно появившись словно из ниоткуда. — Следует отдать вам должное. Вы

воспроизвели его весьма мастерски.
Джулиан и бровью не повел. Он давно привык к этим ее пространственным перемещениям, отчего лурианка казалась похожей на колдунью. К тому же она и здесь, на острове, успела наплодить множество Смещений, в чем ей активно помогали Сесилия и Аманда.
— Видимо, так, — добродушно усмехнулся Джулиан.
— Я заподозрила это еще тогда, в первые мгновения вашего Извлечения, — напомнила Элайя. — Помнится, вы изрядно потрепали все вокруг, и если бы не защитные барьеры, океан появился бы гораздо раньше.
— Но как? — без особого интереса спросил Джулиан. — С одной стороны вы говорите, что на развитие талантов требуется определенный срок, а с другой я вроде только из колыбели вылез — и вдруг такое.
— Это особенность Едва Извлеченных, — пояснила Элайя. — Разум, просыпающийся в новых условиях, машинально включает все доступные ему механизмы, как младенец конечности и прочие органы. Результат обычно взрывообразен, но непродолжителен.
— Ясно, — кивнул Джулиан, допивая чай и мановением руки наполняя кружку вновь. — Зачем пожаловали?
— За вашим разрешением, — неожиданно сказала Элайя.
— Каким? Посидеть на моем пляже? Да пожалуйста, располагайтесь! — удивился Джулиан.
— Нет. За другим. У меня есть план, но он требует вашего согласия, — совершенно серьезно произнесла лурианка.
Джулиан воззрился на нее с неподдельным изумлением. Еще бы! На что ОНА у НЕГО может просить дозволения?!
— Речь о ваших дочерях. Вы отец. Без вашего одобрения я не стану вовлекать их в свой замысел, а без них он не имеет смысла, — неторопливо пояснила Элайя.
— А. Вот оно что, — Джулиан помолчал. — Мои девочки достаточно взрослые, чтобы я не принимал за них решения.
— Это формальность, которую я обязана соблюсти, — веско подчеркнула Элайя. — Если что-то пойдет не так, мой план может их погубить. А я не имею права рисковать их судьбами без одобрения отца.
— Насколько я успел узнать своих девочек, они все равно сделают по-своему, разрешу я или нет, — усмехнулся Джулиан. — Не правда ли, дорогие? Вы же нас сейчас слышите? — добавил он в пространство.
— Н-ну… В крайнем случае… — послышался в его голове смущенный голос Сесилии.

— И если на то действительно возникнет острая необходимость! — добавила Аманда.
— Ясно, — улыбнулся Джулиан. — Тогда разрешаю. Все равно поступите так, как считаете нужным. Однако я хотел бы знать, в чем состоит ваша затея.
— Она состоит в том, чтобы спасти и Институт и Колыбельную Локализацию со всеми ее творениями, — очень серьезным тоном произнесла Элайя.
— И все? Вы явно чего-то не договариваете, — усомнился Джулиан.
— Главным образом, она состоит в том, чтобы дать Аманде и Сесилии путевку в большую жизнь, — помолчав, ответила Элайя. — Второй такой ошибки, которую я допустила однажды, я больше не совершу!
— Даже так? — встрепенулся Джулиан. — Тогда я уж точно даю все разрешения, которые только возможны, а заодно и свое родительское благословение! Так в чем состоит план? Я смогу принять в нем участие?
В то же мгновение он исчез. Исчез не в том смысле, что его стерли из пространства. Просто Джулиан переместился, подхваченный Элайей и собственными дочерьми. Вот только что его ноги приятно щекотали белый песок и набегавшие волны, а вот он уже стоит в командном пункте лурианцев.

Обстановка накалилась до предела. Системы защиты все еще держались, но грозили посыпаться как карточный домик. Рухнет первый эшелон — полетят и остальные, причем быстро и катастрофически. Лурианцы это понимали, тревожно поглядывая на показания датчиков. Их лица выглядели серьезными как никогда. Кругом пахло электричеством, а обширные панели искрили, и явно нехорошими огнями. Институт постоянно потряхивало, а за экранами защиты, невидимые глазу, ревели и бушевали наседавшие чудовища. В стены что-то регулярно било, взрываясь и оплавляя материю. Как оказалось — живые сгустки энергии, одно из уникальных творений Сибер'юнии. Они напоминали разумную шаровую молнию, недостаточно развитую для того, чтобы написать диссертацию по физике, но вполне способную самостоятельно ориентироваться в пространстве, слушать волю госпожи и выбирать цель по своему усмотрению. Откуда-то доносился невнятный гул. Доносился отовсюду сразу. То ревели и завывали легионы монстров, заполонивших практически все помещения Института. С ними сливался рокот танков и штурмовиков, вплотную подобравшихся к его стенам.

Джулиан приготовился слушать. Учитывая, что все лурианцы

оборотились к ним лицом, он ожидал каких-то речей с той или иной стороны. Машинально он закрыл дочерей своим телом, ожидая какой-нибудь каверзы, хотя Аманда и Сесилия находились под надежной защитой Элайи. Присутствующим сперва пришлось бы сокрушить ее, чтобы добраться до девушек, а им было известно, что это очень и очень непросто.

Речей не последовало. Причина оказалась проще некуда — все уже решили заранее, и теперь Элайя, согласно достигнутой договоренности, привела всю группу в полном составе.

— Готовы? — коротко спросил мрачный Агнетто.

Этой репликой он окончательно убедил Джулиана, что стадия переговоров давно миновала и сейчас начнется пора неких решительных действий.

— Да, — столь же лаконично ответила Элайя.

— Тогда приступим! — кивнул Агнетто.

Возле приборов осталось всего несколько лурианцев. Все остальные приблизились к центру комнаты, где стояли Элайя и Джулиан с дочерями. Казалось, все они хотят взяться за руки и начать водить хоровод, импровизируя шаманский танец ради призыва богов и победы. Само собой, весь смысл состоял в другом. Сблизившись вплотную, образовавшаяся группа тут же переместилась.

* * *

Хлоп! Сибер'юния обернулась, и глаза ее расширились. Возле нее, в каких-то нескольких ярдах, стояли Сесилия и Аманда.

— Как вы?.. — пораженно прошептала она, но тут же взяла себя в руки. — А я уж собиралась вас искать, — добавила она более уверенным тоном.

— Зачем? Чтобы убить? — сухо спросили девушки.

— Убить? Вас?! Нет, что вы! Чтобы спасти! — потрясенно воскликнула Сибер'юния.

— И мы должны вам поверить? — скривилась Аманда.

— А почему нет? — удивилась Сибер'юния. — Однажды я вас уже спасла.

— Да только с самого начала обманула! — бросила Сесилия. — Мы бы в жизни вам не помогли, знай заранее, кто вы!

В ее глазах, созерцавших красную фигуру лурианки, особого дружелюбия не наблюдалось, как и в глазах ее сестры.

— Возможно, именно поэтому я и была вынуждена прибегнуть к обману, — развела руками Сибер'юния. — Но это не имеет значения. Его имеет лишь будущее. Идемте со мной — и мы построим его вместе!

— Мы видели, какое будущее вы уготовили Вселенной, — едко процедила Аманда.
— Жечь и убивать, взрывать Локализации и отравлять мирных, прекрасных существ — вы это нам предлагаете? — прищурилась Сесилия.
— Девочки, все не так, как кажется! — нахмурилась Сибер'юния.
— А по-моему, все яснее некуда! — дерзко бросила Аманда.
— Какие еще нужны доказательства ваших намерений, кроме дымящихся развалин того, что осталось по другую сторону Рефлектора? — скрестила руки на груди Сесилия.
Сибер'юния нахмурилась еще больше. Поведение девчонок ей решительно не нравилось. В них что-то изменилось, и вели они себя слишком вызывающе. Неужели набрались сил, чтобы ей противостоять? Вряд ли. Слишком малый срок. Возможно, они и умеют нечто такое, что не по силам Сибер'юнии, но не настолько, чтобы помешать ей и тем более остановить.
— Да, мы умеем нечто такое, что вам не по силам! — внезапно подтвердила Аманда.
— Мы умеем читать чужие мысли, — криво улыбнулась Сесилия. — Более того, мы умеем этим пользоваться.
— Что?! — пораженно воскликнула Сибер'юния.
— Нам ведом каждый ваш помысел. Мы можем воспользоваться им по своему усмотрению, — подбоченилась Аманда.
— Но это невозможно! — всплеснула руками Сибер'юния.
— Еще как возможно, — прищурилась Сесилия. — А еще мы видим мысли НА РАССТОЯНИИ. И можем перемещаться к тому, кого видим, не так ли, сестра?
— О, да! — подтвердила Аманда.
— А! Так вот как вы попали ко мне в Смещение! — хлопнула себя по лбу осененная Сибер'юния.
— Именно так, — подтвердила Сесилия. — Мы зашли на ваш "огонек". Зашли из чистого любопытства. Но тогда мы зашли одни.
Сибер'юния ошеломленно переводила взгляд с одной сестры на другую, силясь уразуметь, как такое вообще возможно. В ее голове вертелись миллионы мыслей, одна невероятнее другой. Она несколько раз порывалась заговорить и всякий раз замолкала. Сестры же лишь зловеще улыбались, и по их лицам, по выражению их глаз становилось понятно — они слышат ВСЕ, о чем думает лихорадочно возбужденная Сибер'юния.
— Пожалуй, достаточно, — внезапно сказала Сесилия.
— Что — достаточно? — не поняв, переспросила Сибер'юния. — Постойте! — внезапно воскликнула она, похолодев от промелькнувшей мысли. — Что значит "тогда мы зашли одни".

— Потому что теперь мы не одни, — раздался, громыхнул в ее голове страшный, всеобъемлющий ответ.
Разговор, затеянный сестрами, носил совершенно иной смысл, нежели могло показаться. Он не подразумевал каких-либо переговоров с Сибер'юнией и не ставил целью ее запугать или заставить отступить. Он вообще не нес дипломатического смысла. Аманда и Сесилия просто заговаривали ей зубы, пока неподалеку шла интенсивная, незримая подготовка.

Вокруг появились лурианцы. Только что их не было, и вот уже Сибер'юнию окружило целое их кольцо, сжимавшееся с каждым мгновением. Моментально все осознав, она попыталась переместиться в пространстве, но было поздно. Поглотителей оказалось слишком много, чтобы даже ей удалось пробиться сквозь их суммарную мощь. Закричав как раненая волчица, Сибер'юния вскинула руки и шарахнула молнией в ближайших врагов. Энергетической молнией, способной пробить само пространство вплоть до Пустоты. И вдруг, между ней и лурианцами, проявилась до боли знакомая синяя сетка, мгновенно поглотившая даже настолько могущественный заряд. Не веря своим глазам, пребывавшая в шаге от победы Сибер'юния рванулась вперед, но воздух перед ней внезапно загустел, быстро превращаясь в плотное, лишающее подвижности желе. Декартрон! Треклятый, связывающий, лишающий всяких возможностей Декартрон! Снова! Схватившись за голову, Сибер'юния закричала настолько страшно, что даже у лурианцев похолодели их несуществующие сердца.
— Кончайте! — приказал Агнетто.
Внутреннее пространство Декартрона наполнилось инертным газом — суть энергией, чья единственная функция заключалась в блокировании любой другой энергетической активности. Для лурианца, запертого в таком пространстве, это означало потерю сознания. Сибер'юния рухнула как подкошенная. Приблизившись, группа лурианцев подхватила Декартрон и мгновенно переместила его в наиболее безопасное место. Впрочем, таковым внезапно стала большая часть Института. Лишившись прямого управления Сибер'юнии, армада машин тут же перешла под контроль лурианцев и обратила свою мощь против ее чудовищ. Сами же чудовища, ощутив исчезновение госпожи, запаниковали и стали хаотично разбегаться кто куда. Результат был предсказуем. Институт, находившийся на волоске от падения, полностью вернул себе былые мощь и возможности.

Лурианцы открыто не торжествовали, поскольку победа над себе подобным не считалась у них в почете. Тем не менее, они не скрывали не только облегчения, но и удовлетворения. Смертельная

угроза, нависшая над Институтом и всей Локализацией, была отведена с умеренным ущербом, Сибер'юния изолирована, а восстановление шло полным ходом. Однако точку во всей этой истории никто не ставил, из-за чего глобальная изоляция от внешнего мира по-прежнему сохранялась. Никто не знал, какие сюрпризы могла припасти Сибер'юния на случай неблагоприятного развития событий. Кроме того, лурианцев чрезвычайно интересовали ее навыки и возможности, о которых они получили весьма наглядное представление. Именно поэтому они до сих пор не отправили ее в изолированное Смещение, на сей раз с куда большими предосторожностями. Именно поэтому им все еще требовалась помощь тех, кому они пообещали вернуть статус Извлеченных.

Вернувшись на свой пляж, Джулиан окинул взглядом волны, расстилавшиеся до горизонта. Видимого им горизонта, с учетом плоского принципа Локализации. Кажется, дочери успели приложить к отцовскому творению руку. Океан существенно расширился и, кажется, продолжал разрастаться. Его обитатели кратно прибавили в количестве и разнообразии. Преобразился и берег. Пальмовая гряда превратилась в лес, практически полностью закрывший собой замок. С дерева на дерево перелетали различные птицы, в кустах шебуршала какая-то живность, а за линией пляжа разрослась трава, зеленая, как салат, и шелковистая будто самая нежная ткань. Возле шезлонга, стоявшего на прежнем месте, объявился столик с кружкой, бокалом и графином. Принюхавшись, Джулиан нашел содержимое последнего весьма недурным, особенно на вкус. Усевшись в шезлонг, он вытянул ноги, вооружился бокалом и принялся размышлять о насущном.

Долго Джулиану отдыхать не пришлось. Позади зашуршали шаги, возвещавшие о том, что к нему кто-то приближается, но это не Элайя. Она объявлялась другим способом, не утруждая себя пешими перемещениями. Повернув голову, Джулиан узрел Агнетто. Теперь тот бы не так мрачен, как в командном пункте, однако на его лице сохранялось видимое напряжение.

— Чем обязан? — осведомился Джулиан, не слишком удивленный его визиту.

С тех пор как согласно уговору, заключенному Элайей, Аманде и Сесилии вернули статус Извлеченных, убежище на этом уединенном острове перестало быть секретом. Собственно, на означенном уговоре и строился весь расчет прозорливой лурианки. Прекрасно понимая, что ее коллеги никогда не оставят девушек в покое и будут искать, пока не найдут, она поставила их в такое положение, когда им безальтернативно пришлось принять ее условие. А оно было простым: или девушки помогают обезвредить Сибер'юнию и

становятся полноправными Извлеченными, или загибайтесь, ребята, всей своей великоразумной компанией. Часики, что называется, тикали, и были не в пользу лурианцев. И лурианцы, скрепя сердце, согласились на предложение Элайи.
— Есть важное дело, — без обиняков сказал Агнетто, не тратя время на расшаркивания и досужие разговоры.
— Слушаю, — поднял бровь Джулиан.
— Нужна помощь ваших… дочерей, — с запинкой, не укрывшейся от собеседника, произнес Оператор.
— Ну так просите их. Я-то тут при чем? — пожал плечами Джулиан.
— Они отказываются с нами сотрудничать без вашего согласия, — пояснил Агнетто. — Говорят: решайте с отцом. Как он скажет — так и будет.
— Гм. Своенравные у меня девчонки, — не без удивления протянул Джулиан.
Агнетто был того же мнения, но особо распространяться на сей счет не стал. Изложив суть проблемы, он откланялся и удалился через Луч, накануне установленный возле замка. Джулиан же позвал дочерей. Мысленно, разумеется. Лурианцы и развитые Извлеченные и так умели это делать, но Аманда и Сесилия слышали его напрямую.

Вскоре обе возникли рядом с отцом. Возникли словно из ниоткуда — не иначе Элайя научила.
— В чем дело, папа? — осведомилась Сесилия. — Обязательно было нас звать? Мы могли поговорить и на расстоянии.
— О чем вас просил Агнетто? — также без обиняков поинтересовался Джулиан.
— А, — немного потемнела Аманда. — Они хотят, чтобы мы допрашивали Сибер'юнию.
— Решили поручить вам грязную работу? Свои высокоразвитые ручки не хотят марать?! — возмутился Джулиан.
— Они бы и рады, да не получается, — невольно усмехнулась Сесилия.

Как оказалось, лурианцы продолжали удерживать опасную пленницу в Декартроне, так и не заперев в Смещение. Они желали выведать у нее как можно больше, прежде чем отправить в новое заключение, только ничего у них не ладилось. Приведенная в чувство, Сибер'юния молчала как гранитная скала, а способности лурианцев не позволяли проникнуть в ее мысли. Зато это позволяли способности сестер. Даже если Сибер'юния замкнется в себе, наводящие вопросы и ключевые фразы невольно вызовут в ее сознании определенную реакцию — ибо так устроено ЛЮБОЕ созна-

ние в мироздании. Сестры же смогут прочесть все, что там появится, и интерпретировать должным образом. В итоге лурианцы получат нужные сведения и вот тогда преспокойно отправят чрезвычайно опасную Нарушительницу в новое, куда более надежное узилище.

Затея выглядела вполне разумной, но девушкам она решительно не нравилась. Помочь остановить тотальные разрушения — это одно, а копаться в чужой, пусть и преступной, голове — совсем другое. Кроме того, Сибер'юния начинала вызывать у них жалость. Поразмыслив, сестры пришли к выводу, что между ними было довольно много общего. Во всяком случае, в начале жизненного пути. И что они вполне могли оказаться на ее месте, если бы не внезапное заступничество Элайи.

— Поэтому мы и отказались, сославшись на тебя, — закончила объяснять Аманда.

— Но если ты попросишь, мы это сделаем, — вздохнув, прибавила Сесилия.

— Гм. Мне надо посоветоваться с Элайей, — почесав в затылке, пробормотал Джулиан.

— Я слушаю, — сказала та, тут же появляясь рядом с сестрами.

— Да вы издеваетесь! — фыркнул Джулиан. — А, ладно. Что думаете? — продолжил он, решив не пенять на эти пространственные фокусы.

— Мой совет не нравится мне самой, — помедлив, неторопливо произнесла Элайя. — Тем не менее, я бы согласилась помочь Агнетто. Положение Аманды и Сесилии по-прежнему весьма зыбко. Чем больше они помогут лурианцам, тем сложнее им будет забыть об оказанных услугах.

— Иными словами?.. — протянула Аманда.

— Иными словами, для начала хотя бы попробуйте пообщаться с Сибер'юнией, — кивнула Элайя. — А там и видно будет.

На том и порешили.

Помещение, в котором содержали опасную пленницу, не напоминало тюремную камеру, ибо у лурианцев таковое вообще было не принято. Тем не менее, оно производило довольно гнетущее впечатление. Круглое, как цирковая арена, оно имело стены, пол и потолок из самого прочного сплава на свете. Поскольку для лурианцев материя не имела значения, его постоянно пронизывали энергетические ручейки, растекавшиеся словно кровь по капиллярам. Их непрерывно подпитывали стоявшие за стеной генераторы, имевшие полную автономность и высочайшую степень защиты. В центре комнаты находился Декартрон, чей контур был подключен напрямую к центральному энергетическому узлу Институ-

та. Пока работал узел, Декартрон оставался неуязвим для любых попыток пробить его как изнутри, так и снаружи. Пространственные перемещения, разумеется, дополнительно блокировались целой серией Поглотителей. В комнате отсутствовала любая жизнь, исключая одинокую алую фигуру, сидевшую в центре узилища. Это была Сибер'юния.

Сестер никто не сопровождал. Комната предусматривала одностороннюю Дверь, ведущую только внутрь, но они появились сами, переместившись на искру сознания пленницы. Что произойдет дальше — они не знали, равно как не знали, что им вообще надлежит делать. Внезапно Сибер'юния облегчила им задачу. Едва девушки приблизились к Декартрону, она встрепенулась, а затем поднялась во весь рост.

— Я знаю, зачем вы пришли. Точнее, зачем вас послали, — негромко произнесла она. — Я достаточно прожила, чтобы понять столь нехитрую истину.

— Чтобы вы знали: нам это поручение неприятно, — буркнула Сесилия.

— Но все же вы на него согласились, не так ли? — усмехнулась узница, прежде гордая, а теперь как-то по-стариковски сникшая.

— У нас есть причина, — неохотно вступила в разговор Аманда.

— Выслуживаетесь перед лурианцами? Напрасно, — качнула головой Сибер'юния.

И умолкла.

Воцарилась продолжительная пауза. Переглянувшись, сестры мысленно пообщались, а затем попробовали свое умение на сознании пленницы.

— Не надо копаться в моей голове! — воздела руку Сибер'юния. — Не трудитесь почем зря. Я и так вам все скажу, тем более что и говорить-то особо нечего.

— Правда? — удивилась Сесилия.

— Вполне, — пожала плечами Сибер'юния. — Хуже чем сейчас мне уже не сделают. Они ведь не погрузят меня в поистине милосердное забвение. Они предпочтут СВОЕ — обречь меня на вечное одиночество, но на сей раз гарантированное. Вам, девушки, я настоятельно советую подумать о том же.

— О чем? — живо спросила Аманда.

Ответа она не услышала. Вместо этого Сибер'юния коротко поведала обо всем, что просили выведать лурианцы.

Никаких мин замедленного действия, сокрытых полчищ, часов судного дня и иных механизмов войны и разрушения Сибер'юния не оставила. Зачем? Она рассчитывала победить и прекрасно понимала, что означало для нее поражение. Запасного ва-

рианта у нее не было просто за отсутствием смысла такового. Тут уж, как говорится, пан или пропал. Сибер'юния поставила на пана и пропала. Принеся в жертву Пирокластическую Локализацию — свою гордость, создаваемую миллионы лет и вынесенную из Смещения за счет эффекта масштабирования и сжатия пространства — она тем самым пошла ва-банк. И проиграла. Все, что у нее теперь осталось — она сама; и ее возможности, но о них лурианцам рассказывать бесполезно. Они заведомо отвергнут все, что не вписывается в их представление о высшей форме жизни, не соответствует их видению мироздания.

Сибер'юния говорила долго. Говорила о своих живых вулканах и разумном пирокластическом потоке, рассказывала об огненных деревьях, которые горели живым огнем, повествовала про чудесных, прекрасных существ, злых и опасных только тогда, когда они защищали себя или свою госпожу. Мир Сибер'юнии обладал комплексной связью, в центре которой была она. Так уж получилось. Запертая в Смещении, предоставленная сама себе, она коротала вечность в бесчисленных экспериментах. И эти эксперимента, так или иначе, замыкались на ней, как для лучшего контроля, так и понимания процессов. В результате Пирокластическая Локализация стала напоминать единый живой организм, во главе которого стояла его госпожа. А этого лурианцы принять не могли, да и не примут никогда.

В глазах Сибер'юнии, ее самые страшные чудовища были очаровательными, прекрасными существами не хуже Радужных рыбок Синотеи. Таковыми их мог увидеть и любой другой — следовало лишь отринуть привычные стереотипы лурианцев и взглянуть на новое по-новому. Увы, на это был способен далеко не каждый, если вообще способен. Как Другая, Сибер'юния все меньше рассчитывала на понимание, а теперь и вовсе утратила в него всякую веру. На этом фоне даже вечное одиночество уже не казалось ей такой уж страшной судьбой. Сознавая опасность, которую она несла своими разрушительными талантами, Сибер'юния окончательно расхотела создавать обновленное мироздание на руинах старого. Став богиней разрушения, она все-таки не забыла, что хотела отнюдь не этого, а потому… возможно, оно и к лучшему, раз ей не удалось сокрушить Институт и вырваться в открытый мир. Беды, которые она могла ему принести, не окупились бы никакими созиданиями. Рано или поздно Сибер'юния вступила бы в войну с лурианцами, а это почти наверняка закончилось бы вселенской катастрофой, вне зависимости от победителя.

Что ж, в сухом остатке можно было передать Агнетто и его компании, что им нечего бояться. Никаких ловушек Сибер'юния

не оставила. Сидя в своей клетке, она более не представляла для них опасности. Ну а понять ее сущность и помыслы им все равно не дано, так что здесь дар Сесилии и Аманды бессилен. Бессилен так же, как и все потуги лурианцев перевоспитать то, что переделать по самой своей природе нереально. Рожденный летать ползать не может.

Сибер'юния умолкла. Читая ее мысли, сестры поняли, что добавить ей больше нечего. Более того, они поняли, что все сказанное ей — чистая правда. Они улавливали не только содержание сознания, но и его настрой, и обмануть их было невозможно.

— Нам жаль. Искренне жаль, — дрогнувшим тоном произнесла Аманда.

— А мне жаль вас, — неожиданно сказала Сибер'юния.

— Это почему же? — опешила Сесилия.

— А сами-то не догадываетесь? — горько усмехнулась пленница.

Переглянувшись, сестры развели руками.

— Что говорят лурианцы всем Недавно Извлеченным? Не склоняться перед злым богом! Они говорят это всем и каждому, подчеркивая, как важно иметь свободу воли и не раболепствовать перед своим угнетателем, — подняла палец Сибер'юния. — И что же? Теперь вы раболепствуете перед ними, желая выслужиться так, чтобы они снизошли и приняли вас в свои ряды. Вот только этого не будет.

— Почему? — помрачнела Аманда.

— Они предадут вас, — неторопливо изрекла Сибер'юния. — Когда они поймут, что более в вас не нуждаются, они поступят с вами так же, как со мной — помяните мое слово. Согласно своему "милосердию", они запрут вас в Смещение на перевоспитание. Однако нельзя перевоспитать ваш природный дар, поэтому вы окажетесь изолированы в нем навечно. Причем, скорее всего, не на просторах своей Локализации, а в такой вот клетке Декартрона, лишающей вас возможности куда-либо перемещаться. Они ведь теперь знают о вашей способности уходить в Пустоту и возвращаться оттуда к искре чьей-либо мысли. Они это учтут.

— Они так не поступят! Это противоречит всему, чему они учили и что говорили! — ахнула Сесилия.

— Еще как поступят, — скривилась Сибер'юния. — Поступили со мной — поступят и с вами. Формально лурианцы — высшая форма разума, но ИЗВЕСТНАЯ высшая форма разума. Она ни разу не эталон и уж тем более не божественное откровение. У них есть свои страхи и комплексы. Они боятся изменения привычного им уклада и всеми силами станут этому сопротивляться. Старый хрыч никогда не простит одаренного юношу, способного за год сделать

больше, чем он сделал за всю свою жизнь, и будет всячески ему мешать. Посмотрите на меня в этой клетке и сделайте надлежащие выводы. Мой вам совет, девочки: держите ухо востро! Когда за вами придут, попытайтесь хотя бы дать им достойный отпор.
Сибер'юния снова умолкла. На сей раз насовсем.

С тяжелым сердцем сестры возвращались на остров. Сообщив обо всем Агнетто, старательно записавшем каждый энергетический виток, они удалились в свой замок, чтобы хорошенько обо всем поразмыслить. Там их и нашла Элайя.

— Как все прошло? — тихо спросила она, присаживаясь рядышком на широкую смотровую скамейку.

Недолго думая, девушки поведали ей все от первого до последнего слова. Слушая их, Элайя несколько раз менялась в лице, а под конец выглядела так, словно на ее старческие плечи взвалили целый горный хребет.

— Так жаль, что вы не пошли с нами. Ваша поддержка нам бы очень пригодилась, — вздохнула Аманда.

— Мне тоже жаль. Но у меня имелись свои причины не ходить. Мое отсутствие было лучше моего присутствия, — как-то неопределенно отозвалась Элайя.

— Что теперь? — спросила Сесилия.

— Теперь? — слабо улыбнулась Элайя. — Теперь: учиться, учиться и еще раз учиться. Отныне я ваш Куратор, чему ваш отец очень даже рад. Под моим присмотром вы многого добьетесь. Полагаю, гораздо большего, нежели воображает большинство моих коллег.

— А что насчет предостережений Сибер'юнии? — негромко уточнила Аманда.

— За Агнетто я присмотрю, — с некоторой прохладцей произнесла Элайя. — Он знает, что против меня ему лучше не идти, поэтому вряд ли осмелится на недружественные шаги. Однако неизвестно что будет, когда снимут глобальную изоляцию. Какой-нибудь кляузы от него вполне можно ожидать. По сути, он вполне хороший лурианец, но из абсолютно закоренелых консерваторов. Таких, что крайне несговорчивы, и идут на перемены только тогда, когда их к этому вынудят. Ну, я его вынудила. Своим спасением Институт Моделирования Разума обязан вам и только вам. Отмахнуться от этого факта не сможет никто из лурианцев даже тогда, когда обо всем будет доложено в Источник.

— Кстати о нем! Источник — это ведь нечто большее, чем Главный Информационный Центр лурианской цивилизации, верно? — пытливо спросила Сесилия, прямо-таки пронизывая собеседницу и мыслью и взглядом.

— А вы сообразительная девушка, — блеснула глазами Элайя. —

Только не пытайтесь сейчас прочесть мои мысли — я умею скрывать их так же, как многие лурианцы свои подлинные эмоции. Когда придет пора, вы все узнаете. А пока идите навестите отца. Он за вас очень переживает и будет рад вашему обществу.
Сказав так, Элайя исчезла. Обменявшись мысленными репликами, сестры поднялись и отправились на пляж к Джулиану.

Вероятно, Агнетто удовлетворился сведениями от сестер лишь частично, иначе с чего бы ему удерживать Сибер'юнию все в той же клетке Декартрона. Дабы удостоверится в истинной безопасности Локализации и Института, лурианцы методично, милю за милей, досконально проверяли все земельные, водные и подземные ресурсы. Одновременно с этим целая сеть сканеров бдительно изучала пространственные возмущения, анализируя, не скрывается ли что-нибудь в Пустоте и не происходит ли где некая подозрительная активность.

Активность, разумеется, происходила, но она относилась к восстановительным работам, изрядно фонившим на экранах слежения. Институт довольно серьезно пострадал, и привести его в порядок — этот сложнейший, чрезвычайно долго возводимый комплекс — одним лишь мановением руки не получалось. Хватало забот и на просторах Локализации. Извлеченные вместе с лурианцами латали образовавшиеся бреши и залечивали раны, нанесенные чужеродной природой Сибер'юнии. Армада машин постепенно развеивалась, обращаясь в однородную, пригодную для иных целей массу. Больше всего хлопот доставляли обсерватории и региональные крепости ввиду тамошних контуров защиты. Сперва их требовалось последовательно отключить и лишь тогда пустить всю конструкцию в фигуральный утиль.

Одновременно с этим поисковые команды занимались отловом чудовищ, сумевших избежать немедленного уничтожения и разбежавшихся кто куда. Кого-то находили в горах, укрывшимся в пещерах, иные скрывались в болотах, а кто-то ловко маскировался среди дремучих лесов. Всю эту компанию требовалось обезвредить, во избежание возможных последствий. Вдруг снова расплодятся, а то и вовсе запустят процесс трансформации? Формально, Агнетто поверил Сибер'юнии на слово, но та и сама могла не учесть каких-то особенностей своих жутких творений. Перестраховаться в таком случае явно не помешает, особенно после того, как Институт едва не отправился в тартарары.

Однако на этом заботы Агнетто не заканчивались. Пока опасная пленница пребывала в Декартроне, он занялся ее изучением. Физически ни один лурианец не мог препарировать другого, не говоря о том, что подобные меры были бы попросту запрещены.

Тем не менее, определенная форма исследований существовала, и она заключалась все в том же сканировании, просто иного рода. Окружив клетку Сибер'юнии различными приборами, Агнетто с парой помощников исследовал энергетические волны, исходившие от сознания пленницы. Само это сознание его интересовало до крайности, но оно не поддавалось разложению по полочкам и атомам. Ему только и оставалось, что анализировать излучение и пытаться сопоставить его с потенциальными возможностями Сибер'юнии. А на это могли уйти условные годы. Вероятно, именно поэтому изоляция Института до сих пор не снималась, учитывая весьма щекотливое изучение пленницы, плюс все остальное.

Элайя также не сидела без дела. Теперь, когда все вроде бы утряслось, она согласилась на то, что прежде демонстративно отвергала. Как самая сильная и опытная, она отправилась искать Терриклы распавшихся лурианцев. Тех, что попали в ловушку Сибер'юнии, а также добровольцев, развеянных при уничтожении Пирокластической Локализации. Чего и удивляться, что Агнетто не рисковал заняться этим сам, да и другие лурианцы желанием отнюдь не горели. Подобное занятие было чрезвычайно опасным, и даже многоопытная, могущественная Элайя подолгу пропадала среди переплетения безвестности, переходя из одного Террикла в другой. Это требовало немалых энергетических затрат, не говоря уже о сражениях с Реквариумами и прочими остаточными следами. Однако, мало-помалу, ей удавалось находить то одного, то другого лурианца, и способствовать его ускоренному возвращению.

Пока Элайя пропадала в неведомых просторах, Джулиан занимался обустройством острова. Его архитектурные способности пригодились для создания инфраструктуры. Та же мраморная лестница, ведущая от замка мимо череды фонтанов, спускалась прямо в волны океана исключительно по его задумке. Он же воздвиг колоннаду в греческом стиле, размышляя, соорудить ли там полноценный храм или ограничиться некой экспозицией. Огонь, пылавший в неугасимой лампаде, должен был напоминать о войне с Сибер'юнией, а барельефы содержали отдельные сцены, посвященные, в том числе, Аманде и Сесилии.

На большее Джулиана не хватало. Как выяснилось, воплотив своих уникальных дочерей, он оказался неспособен повторить нечто в том же роде. Уступив их настойчивым уговорам, он попытался воссоздать Сильвию — свою бывшую жену, чтобы дать Аманде и Сесилии мать. Не вышло. Уж сколько Джулиан не экспериментировал с ее синтетическим образом, да только так ничего и не добился. Похоже, его уникальный талант сработал только одно-

кратно. Он слишком сильно, безумно любил своих дочерей, привязавшись к ним всем сердцем, и жить без них просто не мог. Это сыграло свою роль, и мироздание откликнулось на боль отца, явив ему заветное чудо. Но на этом чудо закончилось. Джулиан стал обычным архитектором — талантливым, одаренным, с чувством безупречного вкуса — но просто архитектором. Да, он все еще мог создать кого-то вроде Сеймура, по-прежнему остававшегося с ним, или ирбиса, но на этом — все. Впрочем, Джулиан особо и не огорчался. Обретя своих дочурок, он наконец-то обрел и душевный покой, тем более упроченный недавней победой над Сибер'юнией. Сесилия и Аманда, которым вернули статус Извлеченных, расцветали с каждым днем, а сам он теперь особо и не торопился на пути развития, потихоньку занимаясь своим островом.

А дочки и впрямь расцветали. Точнее, преуспевали и развивались. Сведя дружбу с Оо-т-Иром, Аскином, Гизмундом и Синотеей, они постоянно пропадали у кого-то из своих друзей, учась различным премудростям и добавляя что-то от себя. Их перемещению в пространстве оставалось только позавидовать. Хлоп! И вот они уже подле Русалки, окутанные Радужными клубами ее животворного водопада. Хлоп! И обе девушки моментально переносятся в недра горы, где Оо-т-Ир колдует над очередным Гранатовым сердцем. Какой-то миг — и сестры уже витают в Пустоте возле Аскина, которого иначе поди найди, когда он удалялся далеко прочь, к одному из своих мобильных биомов. Ну а возникнуть подле Гизмунда, обычно стоящего столбом у любимого холма, им было и вовсе проще простого. Аманда и Сесилия уже не скрывали свои таланты — какой в этом смысл? Их признали — значит, уникальные способности следовало развивать, а не всячески утаивать. Чем они и занимались.

Дольше всего не верила в чтение мыслей Синотея, с которой сестры подружились больше всего. Уж как она ни старалась, чтобы спрятать самые сокровенные думы — девушки всякий раз озвучивали их слово в слово. Синотея пускалась на хитрости, размышляя для виду об одном, но втайне подразумевая другое — Аманда и Сесилия проходили тест безошибочно. Сидя на скале, Русалка грезила о своем, а ее новые подруги, обретаясь неподалеку, позднее пересказывали все, что увидели в ее сознании.

— Милые мои, да рядом с вами просто страшно находиться! — полушутя смеялась Синотея, окидывая девушек удивленным и даже немного завистливым взглядом.

— Но ведь суть лурианца такова, что ему нечего скрывать, не так ли? Что он всегда честен и не лелеет дурных замыслов? — хором

напоминали сестры.
— Так-то оно так, — кивала Синотея. — Но и личное пространство никто не отменял. Вы же, дорогие мои, вторгаетесь в него напрямую и без спроса. Фигурально выражаясь, это все равно как откинуть шторку в душе, когда там кто-то моется, просто потому, что вам так захотелось.
— И что же нам делать? Таков наш дар, — разводили руками девушки.
— Учиться его контролировать! — наставительно подчеркивала Синотея, вторя схожим словам Элайи. — Ваш дар, безусловно, уникален и по-своему очень полезен, но его бездумное применение не вызовет в обществе ничего, кроме недовольства, а то и порицания. Если не хуже.

Логика Синотеи, подтвержденная той же Элайей, была проста. Если сестры вдруг видят чьи-то мысли, они должны научить себя игнорировать их, когда в чтении отсутствует прямая необходимость. Бывает же в жизни так, что мы случайно становимся очевидцем какого-то события, явно не предназначенного для наших глаз. Что сделает приличный гражданин? Поспешит удалиться, не подсматривая и не подслушивая. Возможность что-либо увидеть еще не подразумевает необходимость именно это и сделать. Если вам на сохранение дали некую информацию, это отнюдь не значит, что вы вольны изучать ее как вам заблагорассудится.

Несколько иные взгляды были у Аскина. Он, как и все, откровенно завидовал способности девушек перемещаться к искрам разума. Что же касалось чтения мыслей, то он предлагал совершенствовать его в диаметрально противоположном направлении. Контроль, конечно, необходим, но что если сестры научатся не только слушать чужие думы, но и влиять на них? Нет, разумеется Аскин не подразумевал вторжение в сознание лурианцев. Речь шла о существах попроще, которыми можно было бы управлять, координируя их действия и направляя в нужное русло. К примеру, взять одного из его исполинских Удильщиков. Поди заставь эту громаду плыть туда, куда требуется — приходится использовать целую уйму ухищрений. А тут — взял да и скорректировал мысли, подтолкнув его к вроде бы самостоятельному решению.

Сестер будоражила и пугала подобная перспектива. Лурианцы и так еле-еле стерпели их мыслечтение. Если же они проведают, что девушки научились управлять чужим сознанием — тогда неприятностей точно не оберешься. Аскин это понимал, но предлагал все хорошенько обдумать и экспериментировать постепенно. Ну а когда придет время, когда сестры станут настоящими лури-

анками, они получат полное право явить миру свои новые способности. Только и преподнести их потребуется на уровне квалифицированного специалиста, сведущего в специфических вопросах. Таковые были, есть, и будут, просто к ним прибавится еще одна профессия — корректировщик сознания.

Перспектива и впрямь выглядела заманчивой. Рассуждения Аскина лились в уши сестер сладким ядом, хотя тот и в мыслях не имел их искушать. Просто Аскин подходил ко всему рационально и считал, что манкировать подобным потенциалом сродни преступлению против самой природы. Если уж мироздание наделило тебя подобным даром, значит ему зачем-то это нужно. Отказываться от того, за что миллиарды других отдали бы что угодно — не только легкомысленно, но и сродни определенной форме гордыни. Сестры, обуянные великими мечтами, хотели бы посоветоваться с Элайей, но та все чаще и все дольше пропадала в поисках Терриклов. Приходилось размышлять самим, взвешивая все за и против. В конце концов, небольшие эксперименты еще никому не навредили.

Оо-т-Ира же чтение мыслей интересовало не особо. Куда больше он зарился на уникальное перемещение в пространстве. Ему, как обитателю подгорных глубин, оно бы ой как пригодилось. Подобный талант не могла заменить никакая сеть Лучей, сколько бы их не понатыкали. Обретя подобную возможность, мерколит в мгновение ока переносился бы по всем бесконечным подземельям, поспевая везде и всюду. А о большем и мечтать не приходилось.

Проникшись к сестрам живейшей симпатией, Оо-т-Ир учил их своим премудростям, объясняя, как работает Колокол Пустоты и как именно излучает энергию Гранатовое Солнце. Девушки слушали во все уши и смотрели во все глаза. В отличие от отца, они все схватывали на лету. Оо-т-Ир и оглянуться не успел, как сестры подсказали ему интересное решение, способное качественно изменить функционирование Колокола. Вкратце, суть сводилась к тому, что каждый его удар распространял несколько меньше энергии, зато сами удары можно было производить гораздо чаще. В конечном счете получался выигрыш процентов так в двадцать, а то и тридцать. Конечно, это была только теория, но Оо-т-Ир живо за нее ухватился и немедленно приступил к созданию экспериментального образца. Сестры принимали в его работе самое активное участие, обретая сложнейшие практические навыки. Ведь Колокол Пустоты — это вам не медный конус с языком, это сложнейшая структура, плетение которой требовало максимальной концентрации и чрезвычайно продолжительных усилий.

Самым невозмутимым традиционно оказался Гизмунд. Неиз-

менно радуясь компании девушек, он много рассказывал им о своем родном мире, но их способностям особо не завидовал. Привыкший и ходить-то неторопливо, он никуда не рвался, а чтение мыслей его интересовало постольку поскольку. Куда больше Гизмунда занимал сам факт появления сестер, сотворенных их отцом, тем более что в том процессе использовался и его жизненный дар. Тот самый, подаренный Джулиану. Мечтая о своей семье, он с радостью повторил бы то же самое, да возможности подкачали. Узнав, что и у Джулиана ничего подобного больше не получается, он окончательно успокоился и вернулся в прежнее умиротворенное созерцание. Его лес был полностью восстановлен, поляна и пруд не пострадали, поэтому Гизмунд проводил время как и прежде — наращивая свои полуразумные деревья и периодически наведываясь к Радужному водопаду.

Мысли Гизмунда были полны грусти. Стараясь контролировать свою способность, девушки все равно их слышали, как ни старались не обращать внимания. Уж больно насыщенно тосковал он по своей семье, обрести которую ему, увы, было не дано. Даже Джулиан улавливал этот печальный фон, а Сесилия и Аманда так и вовсе прочувствовали его до последней капли. Прочувствовали — и очень жалели разумное дерево, всячески стараясь скрасить его однообразную жизнь. Они помогли улучшить его пруд, нарядили холм необычными цветами и даже внесли некоторые корректировки в "семью" Гизмунда, растущую возле воды. Разума в них не прибавилось, зато внешняя привлекательность существенно улучшилась. Теперь, когда их кроны шелестели, Гизмунду казалось, что они перешептываются, и это ему очень нравилось, как нравилось подолгу разговаривать с бойкими, умными девушками. Однако своих походов к Радужному водопаду он все равно не оставил, продолжая лелеять несбыточную мечту.

А Радужный водопад процветал. Благодаря недавним потрясениям, Синотея значительно выросла в своем развитии, если не сказать кратно. Теперь она пребывала в шаге от выпускного экзамена, однако не забросила милое сердцу озеро и продолжала посвящать ему все свободное время. С его восстановлением вышло лучше некуда. Обломки машин были удалены, пляжи очищены, а воды вернули себе кристальную прозрачность. В сравнении с этим больше всего пришлось повозиться с озерными обитателями, избавляя их от клыков, шипов и прочих агрессивных образований. Синотея не хотела армию — ей нравились милые, задорные, игривые существа, не несущие в себе ни капли агрессии. Таковыми они и стали. Стали вновь, когда от былой напасти не осталось и следа. Из недавних нововведений Синотея не стала избавляться

лишь от озерных ежей — суть морских, просто пресноводных. Внезапно надуваясь, они кратно увеличивались в размерах, выпуская длинные и чрезвычайно острые колючки. Синотея оставила все как есть, просто колючки сделала мягкими, а самих ежей миролюбивыми и раскрашенными во все цвета радуги.

Озеро разрослось. Помогая сестрам в обучении, Синотея практиковалась и сама. Теперь его водная гладь стала настолько обширной, что один берег едва просматривался с другого. Больше всего это нравилось Фигги. Разгоняясь из какой-нибудь бухточки, он набирал поистине космическую скорость, разрезая воду так, что та едва ли не кипела. А уж какую он поднимал волну, стремглав проносясь из стороны в сторону! Порой Синотее приходилось его осаживать и даже выпроваживать полетать где-нибудь в сторонке, пока малость не охолонет. Вода, вздымавшаяся стеной, вполне себе нравилась исполинским черепахам, исполнявшим роль островов, но изрядно докучала обитателям этих островов.

Аманда и Сесилия, проводя на озере немало времени, постигали различные премудрости, в том числе тонкости функционирования Радужного водопада. Больше всего их интересовала его связь со стаей рыбок, в известном смысле составлявших с ним единое целое. Оказывается, те служили не просто передаточным звеном и хранителями живительной энергии, но и сами являлись его частью, воплощенной в такой вот оригинальной форме. Дирижируя рыбками, Синотея, по факту, управляла энергетическими потоками, сплетаемыми ей прямо налету. А потоки как раз и порождал водопад, причем его разноцветность проистекала от различных видов энергии. Таким образом, Синотея единовременно оперировала тем, что большинство других Извлеченных и даже лурианцев использовали по отдельности. Это давало ей огромное преимущество в созидании жизни, как по качеству, так и разнообразию. Радужный водопад был поистине уникален, отчего лурианцы Синотею очень ценили и считали весьма перспективной Извлеченной, способной однажды стать великой лурианкой.

Сестрам очень нравились скалы и пляжи Радужного озера. Пользуясь своим перемещением, они регулярно там бывали, наблюдая, как Синотея, помахивая коралловым трезубцем, сотворяет очередное чудо жизни. И им очень нравилось ей помогать. По части создания светлых, добрых красот Синотея превосходила всех других Извлеченных, и девушки тянулись к ней как цветки к солнцу.

Самой же Синотее нравился катер Аманды. В ее мире ничего подобного не наблюдалось, фантастических фильмов она не смотрела, а у лурианцев подобная техника отсутствовала. Привыкшая

летать на Фигги, Синотея с удовольствием каталась на катере, с визгом рассекая просторы Локализации. Недолго думая, Аманда, набивши руку, сотворила для своей новой подруги полную копию аэромобиля, чему Синотея была очень и очень рада. Иногда они даже устраивали небесные гонки, выполняя различные сложные трюки и стремясь опередить друг друга в каком-нибудь придуманном задании. Стаи птиц, прямо скажем, не слишком радовало, когда в небе проносились скоростные катера, продырявливая облака и оставляя за собой длинный белоснежный шлейф. Эта парочка до того разошлась, что несколько раз дело чуть не кончилось катастрофой. Бессмертие тут оказалось очень даже на руку, особенно тогда, когда вылетаешь из Смещения в Смещение да прямиком во что-нибудь твердое и крайне неподатливое.

Сесилия в полетах обычно не участвовала. Она предпочитала проводить время более научно, подключаясь к источнику информации или изучая оборудование Института. Ей никто не препятствовал. Правда, порой девушка ловила на себе настороженные взгляды лурианцев, но относилась к этому с пониманием. Учитывая недавние события, хорошо, что они вообще к ней не цеплялись и не стремились где-нибудь запереть. Даже Агнетто. Мало-помалу Сесилия подбиралась к его месту Оператора, про которое лурианец, разумеется, не забывал, хотя немало времени проводил за экспериментами с Сибер'юнией. План Элайи оправдал себя в полной мере. Своевременно захватив и отключив различные сегменты Института, она быстро вернула их в строй, когда всякая угроза миновала. Институт не утратил ни залы с Юнисанциумами, ни накопленные по ним данные. Таким образом, Агнетто мог работать дальше, как будто ничего особенного и не случилось. В свою работу он постепенно посвящал и Сесилию.

Настороженность лурианца никуда не делась. Это читалось как по его лицу, так и по мыслям, выражаясь даже в мелких жестах. Хотелось верить, что со временем она все-таки пройдет, но пока и на том спасибо, раз уж он снизошел до общения. Не только снизошел, но и стал вводить Сесилию в курс дела. А ей было безумно интересно, как тут все устроено. Еще бы! Миллионы — нет, миллиарды Вселенных, существующих единовременно, не считая параллельные миры. Миры, из которых вышло множество Извлеченных, впоследствии ставших полноправными лурианцами. Небольшая тонкость заключалась в том, что сама Сесилия ни из какой такой Вселенной не выходила. ТА Сесилия Слайдертон послужила лишь ее прообразом и давно умерла. Нынешняя, совершенно самостоятельная личность, сохранила все ее чувства и воспоминания, отчего непременно хотела взглянуть на псевдородной мир.

Поразмыслив, Агнетто согласился. Определенные ограничения распространялись на обычных Извлеченных, но в случае с Сесилией все обстояло иначе. Согласно правилам, ей ничто не препятствовало свободно взглянуть на то, что по факту никогда ее родным домом и не было.

Изучая домашнюю Вселенную, пребывавшую в архиве Юнисанциумов, Сесилии иногда казалось, что Агнетто, в свою очередь, исподтишка изучает ее саму. Но, видимо, только казалось. Когда она пыталась прочесть его мысли, там не обнаруживалось ничего крамольного, исключая вполне естественное любопытство по отношению к Необычной Извлеченной. Что ж, оно и понятно. Это любопытство встречалось на каждом шагу, включая тех же Аскина, Гизмунда, Синотею и Оо-т-Ира, не говоря уже об Элайе. Сесилия относилась к этому снисходительно и даже отвечала на вопросы, которые, порой, будто невзначай задавал Агнетто. Что, мол, чувствуешь, как это работает, какие энергии при этом используются и прочее в том же духе. Сесилии и самой было интересно разобраться в себе, поэтому любопытство лурианца сочеталось с ее собственной охотой, отчего игра в вопросы и ответы приобрела довольно обыденный характер.

Наведываясь к Агнетто, Сесилия все чаще встречала отца. Как архитектора, его вызвали с острова, решив, что с рутинной мелочевкой можно и повременить, а таланты Джулиана заслуживают большего. Посовещавшись, лурианцы экспериментально привлекли его к восстановлению Института, где он, проявив фантазию, начал привносить от себя немало нового. Например, вместо одного обрушенного купола, огромного как озеро, он соорудил целую серию. Периметры крыш обзаводились портиками и балюстрадами, между зданий появлялись новые галереи, а отдельные комплексы обрели изящные шпили, обрамленные тематическими композициями.

Внутренней отделкой Джулиан не занимался — для этого лурианцы привлекли роботов, управляемых волей всего пары сотрудников. В его задачу входили внешние сооружения преимущественно глобального характера. Получив надлежащее разрешение, он окружил Институт серией дорожек, мостиков и переходов, носивших исключительно эстетический характер. Стратуроны понаделали вокруг немало брешей, поэтому ему было где развернуться. Скульптурные композиции дополнялись фонтанами, а разбить подходящие сады ему помог один из лурианцев. Венцом творения Джулиана стал водопад, бравший начало среди крыш одного комплекса и каскадом низвергавшийся через серию нижестоящих. Впрочем, нет. Подлинным венцом стало другое его творение. Оце-

нив старания архитектора, лурианцы предложили ему пристроить к Институту еще один комплекс, что, по сути, было великой честью.

Джулиан потрудился на славу. По-своему у него получилось очень красивое и одновременно величественное сооружение, не уступавшее лучшим образчикам исторической архитектуры. С другой стороны, здесь он изрядно перестарался, дав волю фантазии, поскольку итоговый результат совершенно не вписывался в общую концепцию Института. Еще бы ему вписываться! У Джулиана вышло нечто среднее между Секстинской капеллой, собором святой Софии и замком Нойшванштайн. Представить себе это, ни разу не увидев, было невозможно, но стоило хотя бы раз узреть — и память навсегда запечатлевала причудливое, огромное и одновременно удивительно воздушное сооружение.

Лурианцы довольно долго бродили в этом необычном образчике архитектуры, изучая его как изнутри, так и снаружи. Посовещавшись, они пришли к единогласному решению, что комплекс все-таки никак не соответствует структуре Института ни по внешнему виду, ни по внутреннему устройству. Тем не менее, Собор было решено оставить. Совместными усилиями его вынесли за пределы институтских стен и разместили чуть поодаль, соединив с научными залами подземным переходом и снабдив собственным Лучом. Назначение ему придумали быстро. Несколько небольших модернизаций — и теперь своды Собора хранили экспозиции искусства Извлеченных. Разумеется, предварительно уменьшенных и помещенных в специальные капсулы. Таким образом, творение Джулиана все-таки заняло свое достойное место подле Института, служа как нынешним поколениям, так и грядущим.

На этом работа архитектора не закончилась. Пока Элайя по-прежнему бродила на полях неведомого, выискивая Террикл за Терриклом, его, с подачи Агнетто, пригласили мерколиты. Предпочитая заниматься другими делами, они с удовольствием свалили на Джулиана вопросы постройки зданий. Если их подземные поселения выглядели вполне недурно, то наружные оставляли желать лучшего. Там сразу чувствовалось, что мерколиты — подгорные мастера, а под открытым небом у них не особо ладится.

Войдя в раж, Джулиан с радостью принялся за дело, благо что его дочери были устроены и активно развивались. Начав с одного поселка, он быстро подлатал его самые неказистые стороны, а затем переключился на второй, третий, четвертый… Какой-то, с дозволения хозяев, он и вовсе снес, выстроив на его месте нечто принципиально новое. Мерколиты пришли в восторг, особенно когда Джулиан соединил поселок с внутренней сетью шахт, исполь-

зовав для этого подвижную дорогу. Сеть Лучей, в общем-то, лишала ее особого смысла, но в качестве эстетической красоты и механического изящества дорога была прямо-таки верхом совершенства. Подобные штучки у мерколитов очень даже ценились, поэтому они не отставали от Джулиана, упрашивая его продолжать работу. А работы, учитывая масштабы их владений, было невпроворот, и Джулиан отдавал ей все силы и фантазию.

Тем временем Сибер'юния по-прежнему томилась в своем Декартроне, до сих пор не отправленная в изолированное Смещение. Агнетто отчего-то никак не унимался. Он вроде бы получил что хотел, но при этом оставлял пленницу на прежнем месте. Сперва безразличная ко всему, Сибер'юния невольно начала к нему присматриваться. Зачем этот лурианец то и дело приходит к ней, но ничего особенного кроме рутинных тестов не проводит? Он и выполнял-то их с каким-то отсутствующим лицом, словно был не здесь, а где-либо еще, если уж и не телом, так мыслями. Ожидать от него худшего вроде бы не приходилось, поскольку утяжелить участь пленницы было просто невозможно. Оттого-то и задумывалась Сибер'юния, глядя на Агнетто и пытаясь разгадать, что на уме у этого лурианца. О себе она не беспокоилась. Если ее усыпят инертным газом — это будет благословение небес. Если же запрут в Смещение, то она уж как-нибудь найдет, чем себя занять. Худшее — запрут в Смещение, но в клетке Декартрона, лишающей всякой возможности передвигаться и творить. Тогда вечность превратится в ад, однако она уже в этом аду, так что… Нет, Сибер'юния беспокоилась не за себя. Она тревожилась за этих двух юных Других — Аманду и Сесилию.

Сколько раз трехзвездие обернулось вокруг Колыбельной Локализации — Сибер'юния не считала, ибо не видела. Она вообще ничего не видела и не слышала кроме немногочисленных посетителей, самым частым из которых был Агнетто. С каким-то непонятным упорством он продолжал вроде бы лишенную всякого смысла возню, и Сибер'юнию это беспокоило все больше. По-настоящему она разволновалась тогда, когда он внезапно притащил в комнату уйму всякого оборудования. Трижды обойдя Декартрон, Агнетто наметил некие точки и принялся устанавливать там деловито гудящие аппараты, напоминавшие тумбы на колесиках. Сибер'юния нутром узнала Нейтрализаторы и Поглотители, но явно измененной формы. В дополнение к уже имевшимся узам они выглядели явно лишними, и это наводило на определенные размышления.

— Неужели вы настолько меня боитесь? — нарушила молчание пленница.

— Что? О, вы изволили со мной заговорить? — не без удивления отозвался Агнетто, отрываясь от своего занятия.
— Зачем все это? Я и так надежно скована. Свободна лишь моя мысль, но и ее вы всегда можете остановить, стоит лишь пустить инертный газ, — повела рукой Сибер'юния.
— Раз делаю — значит надо, — сухо ответил Агнетто, решая, вступать ему в разговор с узницей или игнорировать все ее речи.
— Я вот и не пойму — зачем. Неужели так сложно пояснить? — пожала плечами Сибер'юния. — Вы собираетесь запереть меня навечно, так неужели несколько слов что-то изменят? Если они дадут мне ключ к освобождению, стало быть, грош цена всем вашим техническим ухищрениям. А раз так — я и сама однажды соображу, как обойти все эти оковы.

Подключив очередную тумбу к общему контуру, Агнетто распрямился и почесал в затылке. В надежности оборудования он был уверен, так что предположение пленницы выстрелило мимо. Однако под этим соусом ее можно и разговорить — авось и скажет нечто интересное. А то и полезное.
— Один раз вы уже сбежали, — напомнил Агнетто. — Мы не хотим, чтобы это повторилось. В другой раз удача вам может и улыбнуться.
— Удача улыбнулась вам. Если бы не эти две девочки, болтаться бы вам сейчас в вечной Пустоте, — в свою очередь напомнила Сибер'юния.
Агнетто помрачнел, и она прямо-таки почувствовала исходившие от него волны неприятия и тревоги.
— Вот поэтому мы и хотим подстраховаться, — помолчав, сообщил он. — С учетом всего произошедшего, на сей раз даже они не смогут вас освободить, случайно либо намеренно.
Сибер'юния почуяла нечто очень важное, что подразумевал Оператор. Оператор, которого и на свете не было, когда она уже коротала тысячелетия в своем Смещении.
— И как вы намерены этому помешать? — осведомилась она с напускной небрежностью. — Искру моего сознания девочки видят откуда угодно. Во всяком случае, из Пустоты.
— Выход в Пустоту можно заблокировать Поглотителями. Модернизированными, с переплетенными контурами — уж точно, — усмехнулся Агнетто, указав на ближайшую тумбу. — Что же касается искры разума... Вопрос за вопрос.
— Не поняла, — подняла брови Сибер'юния.
— Все вы поняли. Мой черед спрашивать, — заявил Агнетто.
— Я вся внимание, — криво усмехнулась Сибер'юния.
— Ваша мать. Она была с вами в сговоре? — как-то совершенно

неожиданно и в мыслях оглушительно прозвучал внезапный вопрос.
Сибер'юния даже растерялась, не зная, что и сказать. Точнее, формально она знала, и ответить было проще некуда. Она оторопела от самого вопроса и некоего смысла, с которым тот задавался.
— Я ее даже ни разу не видела, — помолчав, произнесла она.
— Что-то плохо верится, — усомнился Агнетто.
— А вы пришлите ко мне этих девочек. Они подтвердят, — предложила Сибер'юния.
— Ну уж нет, — Оператор расплылся в какой-то ядовитой улыбке. — Еще не хватало, чтобы и с ними вы вступили в сговор.
— Вы в своем уме? — искренне удивилась Сибер'юния. — Они же помогли вам меня нейтрализовать!
— Да, это так, — согласился Агнетто. — Однако нам хорошо известны ваши способности. Во всяком случае, их часть. Прежде у вас банально не было времени переманить сестер на свою сторону. Теперь же, дозволь я вам общаться неопределенно долго, результат может оказаться совсем иным. А вашей объединенной четверки нам только и не хватало!
— Четверки? — выделила это числительное Сибер'юния. — Так вы всерьез полагаете, что я была заодно с матерью?
— В той или иной форме, — прищурился Агнетто. — И — да, я в своем уме. Элементарный анализ всего произошедшего указывает на явные аномалии в поведении, приведшие к весьма определенным результатам. Отмахнуться от этого с моей стороны было бы крайне опрометчиво.

Воцарилось молчание. Агнетто вернулся к своим тумбам, продолжая раскатывать их вокруг Декартрона. Сибер'юния, стараясь казаться спокойной, лихорадочно обдумывала его слова. Забота о собственной судьбе окончательно перестала иметь для нее всякое значение — там и так все было яснее некуда. Но если?..
— А что, если и был какой-то сговор? Как вы тогда поступите? — сделала она внезапный вброс.
— Смотря какой! — тут же бросив свое занятие, воззрился на пленницу Агнетто.
В его взоре промелькнул настолько жадный интерес, что та едва не поежилась.
— Мне какой резон вообще с вами откровенничать? — нарочито фыркнула Сибер'юния. — Все имеет свою цену.
— На свободу можете не рассчитывать! — жестко заявил Агнетто. — Это не обсуждается!
— Однако и у заключения имеются различные варианты, не так

ли? — вкрадчиво произнесла Сибер'юния. — Например, если вы намерены вечно держать меня в этой клетке, то я бы предпочла какой-нибудь более мягкий вариант. Обладать свободой хотя бы в собственном Смещении — не такая уж плохая участь.
— Что ж, в теории это возможно, — кивнул Агнетто, невольно подтвердив, что именно в Декартроне лурианцы и собирались заключить опасную пленницу. — Но это напрямую зависит от ценности сообщенных вами сведений!

Сибер'юнии представился отличный шанс поквитаться с матерью. Наговори она сейчас с три короба — и лурианцы потратят целую вечность, распутывая, где тут правда, а где ложь. И мать, так или иначе, проблем не оберется. В иных обстоятельствах Сибер'юния, возможно, именно так бы и поступила — отомстила за всю пустоту, образовавшуюся в ее душе. Но — в иных. Сейчас у нее на уме было кое-что другое, и беспокоилась она отнюдь не о собственном чувстве мести и вообще не о себе. Обыкновенно алая, внезапно она как-то поблекла, приобретая легкую лимонную желтизну. Этот цвет можно было толковать двояко, поэтому Агнетто не сильно удивился произошедшей перемене. Она означала сильнейшее душевное волнение, потенциально выраженное как в положительную, так и отрицательную сторону. Страх, подозрительность, настороженность и дурной умысел — все вписывалось в желтую гамму, выражаясь с той или иной степенью интенсивности.

— Вы же понимаете, что выступи мы с ней единым фронтом — вам пришел бы конец, — издали начала Сибер'юния, наблюдая за реакцией Агнетто.
— Возможно, — кивнул тот. — Либо вы намеренно хотели сохранить свой союз втайне. Вырвавшись на свободу, вы бы стали открытым антагонистом, в то время как она — вашим секретным помощником и агентом. Просто у вас не получилось.
— Звучит логично, — согласилась Сибер'юния. — Вот только Сесилия и Аманда сюда никак не вписываются. Они же не сами сыграли свою ключевую роль.
— Прошу вас, не называйте их по именам, — поморщился Агнетто. — Мне и так тошно после всей этой истории, в которой я был вынужден принять участие.
Сибер'юния еще больше заподозрила неладное. Эх, если бы вызвать девочек на связь, как ментально умели делать все лурианцы! Увы, клетка Декартрона исключала что-либо подобное, а сами девочки находились слишком далеко, чтобы услышать ее мысли. Возможно, не просто так, не подпускаемые к ней лурианцами намеренно.

— Но мне же надо их как-то называть, — и бровью не повела Сибер'юния.
— Модели. Самое для них подходящее наименование, — фыркнул Агнетто. — Одно дело — на что я был вынужден согласиться, и совсем другое — что думаю по факту.
— Вам не кажется, что двуличие лурианцу не пристало? — заметила Сибер'юния. — Вы тут меня обвиняете во всех грехах, а сами, как я погляжу, отнюдь не образец праведности.
— В исключительных обстоятельствах, ради защиты наших ценностей я могу пойти на некоторые исключения, — надменно заявил Агнетто.
— И даже напасть на мою мать? — уточнила Сибер'юния.
— А надо? — вспыхнул глазами Оператор, и в его свечении внезапно появились красноватые оттенки.
И столь же внезапно угасли. Прислушавшись к пространству, Агнетто чертыхнулся.
— Продолжим нашу милую беседу в другой раз, — проворчал он. — Меня кое-кто зовет, и вопрос этот достаточно важен, чтобы я не оставил его без внимания.
Насмешливо поклонившись, Агнетто исчез, воспользовавшись перемещением через Зарницу. Сибер'юния, встревоженная дальше некуда, пыталась придумать, что она в силах предпринять.

Элайя, утомленная и осунувшаяся, явилась с докладом. Часть лурианцев, обнаруженных ее стараниями, вот-вот вернется. Большинство тоже скоро прибудут, ибо их Терриклы интенсивно наполняются утраченными частичками. Для этого Элайя сделала все, что было в ее возможностях. Теперь ей оставалось найти всего несколько Терриклов — самых отдаленных и запрятанных. Когда это произойдет, в поиске коллег можно будет поставить точку.

Элайя очень устала. Это было видно не только по ее внешнему виду, но и излучению, которое испускала вся ее сущность. Она мечтала о передышке, однако ее попросили продолжать. Попросил лично Агнетто, заручившись мнением других лурианцев. С его точки зрения, чем быстрее вся эта история закончится, тем скорее они снимут и изоляцию. Затем снова можно будет смело смотреть в будущее.
— Кстати, а почему изоляция еще действует? — обеспокоилась Элайя.
— Лучше подстраховаться, — пояснил Агнетто. — Еще не вся Локализация проверена, да и сканеры пока не полностью обшарили Пустоту. Кроме того, Сибер'юния до сих пор не помещена в надлежащее место. И нам будет совсем уж спокойно, когда все лурианцы покинут Терриклы и вернутся обратно в Институт.

— Вы по-прежнему держите Сибер'юнию в той клетке? — нахмурилась Элайя.
— Обстоятельства вынуждают, — развел руками Агнетто. — Мы проводим серию опытов, сканируем и изучаем. Один раз она уже сбежала, и нам необходимо удостовериться, что подобное не повторится впредь.
— Но вы же знаете, как она освободилась, — напомнила Элайя.
— Вот именно! — веско заявил Агнетто. — И мы должны упредить эту возможность наперед. Оборудование, модифицированное должным образом, поможет исключить очередное такое происшествие. Мы столкнулись с принципиально новым перемещением в пространстве и не имеем права его игнорировать.
— Пусть так, — вздохнула Элайя. — Занимайтесь своим делом, а я пойду навещу своих девочек.
— СВОИХ? — как-то по-особому произнес Агнетто, исподлобья бросив на нее взгляд.
— Ну да, моих. Я же их Куратор, разве нет? — удивилась Элайя.
— А, ну это да, — кивнул Агнетто. — Но я просил бы вас поскорее вернуться на поиски оставшихся лурианцев. И не только я — мы все, — повел он рукой в направлении присутствующих.
Они разговаривали в зале для совещаний, расположенном под самым верхним куполом. Учитывая недавние события, серебряные скамьи по большей части пустовали, ради чего, собственно, Элайю и уговаривали ускорить вопрос с Терриклами.
— Я очень устала, — провела рукой по лбу Элайя.
— Мы это видим. Однако скажите честно: вы способны продолжать поиски или нет? — осведомился Агнетто. — В ваших руках сейчас скорейшее возвращение всех наших коллег и снятие изоляции.

Да, Элайя очень устала, но она была и очень сильна. Пожалуй, она была самой сильной из всех лурианцев Института, и уж тем более самой опытной по части путешествий в нигде. Положа руку на сердце, она все еще могла вести поиски. Энергии на это у нее до сих пор хватало. В ином другом случае она, быть может, и отказалась, но теперь от нее зависело скорейшее завершение всей этой истории. Собрав волю в кулак, Элайя согласилась.
— Вот и славно! — прямо-таки расцвел Агнетто. — Поверьте, ваши усилия никто не забудет — ни нынешние, ни прежние.
Последние слова прозвучали в его устах как-то странно, но изрядно выдохшаяся Элайя этого не заметила. Она лишь хотела повидать Сесилию и Аманду перед тем, как снова отправится в опасное путешествие. По лицу Агнетто было видно, что эта идея ему отчего-то не нравится, но и отказать Элайе в столь пустяковом и,

в принципе, вполне законном желании у него оснований не имелось.
— Хорошо, — кивнул он. — Только не слишком задерживайтесь. У вас своя, чрезвычайно важная миссия, а у них тоже дел по горло. Изучают, знаете ли, всякое разное. Даже я им помогаю.
— Вы? — откровенно удивилась Элайя.
— Да, я, — с напускной небрежностью ответил Агнетто. — Во всяком случае, одной из них. Темноволосой. Я ей что-то вроде наставника в вопросах Юнисанциумов. Мы часто видимся.
— Не ожидала, — улыбнулась Элайя. — Что ж, рада слышать. Тогда, с вашего позволения, я удаляюсь повидать своих воспитанниц. Потом, так уж и быть, вернусь к своему заданию.
Получив общее согласие присутствующих лурианцев, она тут же исчезла. Агнетто, обведя зал выразительным взглядом, сделал такой жест, будто кого-то куда-то торопил.

Аманда нашлась в небе, где проходили очередные гонки с Синотеей. Последняя, неплохо освоившись с непривычной техникой, лидировала, поэтому девушка прикладывала максимум усилий, чтобы обойти ее на сложных маневрах. Появление Элайи, использовавшей Зарницу, немедленно выбило ее из колеи. Ойкнув от неожиданности, Аманда допустила ошибку, и катер, натужно закряхтев, рухнул в лес. Рухнул не вертикально, а по касательной, сшибая верхушки деревьев и устраивая листопад покруче осеннего. В конце концов, гудя и содрогаясь, он застрял на вершине исполинского вяза, где и завис, покачиваясь на самом краю его растрепанной кроны.
— Ну, спасибо, — проворчала Аманда. — Теперь я продула еще десять очков и пари. А я собиралась его выиграть!
— Рада видеть, что вы заняты полезным делом, леди, — иронично проворковала Элайя.
— Да мы уж сколько всего переделали! — парировала Аманда. — Спросите Синотею, как мы сегодня потрудились над ее озером. После этого можно и немного поразвлечься.
— Подтверждаю, — сказала, подруливая, Синотея. — Аманда молодец, старалась на совесть.
Улыбнувшись, Элайя еще немного пожурила свою подопечную, а затем приступила к расспросам: как она, что она, какие успехи, какие вопросы, и прочее в том же духе.

Аманда не без удовольствия отвечала. Ей очень даже нравилось рассказывать Куратору о своем прогрессе в созидании живой материи, тем паче наделенной довольно сносными мозгами. До сих пор в Радужном озере дельфинов не водилось. Учитывая его разросшиеся размеры, Аманда потихоньку создавала целую стаю,

давая каждому имена. Дельфины, разумеется, отличались от привычных ей по памяти. Они умели не только выскакивать из воды, но и какое-то время над ней парить подобно белке-летяге. Синотее очень понравилось это новшество, и она подключила юную подругу к созданию давно задуманных ей рыб. Полученные прототипы устраивали обеих, но обе же и считали, что их следует хорошенько доработать.

Не забывала Аманда и про Гизмунда, фрагментарно совершенствуя его лес. Ее особую гордость составляла цветущая прогалина, выполненная, травинка к травинке, с ювелирной точностью. Тамошние божьи коровки отличались перламутровой расцветкой, а цветы изменяли оттенки в зависимости от того, какая из трех звезд Локализации доминировала в небе.

Похвалить свою юную знакомую мог и Аскин. Исполинские медузы, сновавшие как в глубинах вод, так и возле биомов Пустоты, научились испускать особое излучение. Мало того, что оно очень красиво выглядело, так и смена гаммы подстраивалась под какие-то конкретные виды живых существ.

Конечно, гонки на катерах были той еще шалостью, от которой шарахались все окрестные птицы. Но ведь после продолжительных трудов можно и поразвлечься? Гонки же учили лучше ориентироваться в пространстве, особенно когда они заковыристо проходили через множество Смещений. Расколов несколько скал, Аманда наловчилась менять курс практически мгновенно. Если же столкновения не удавалось избежать, она уходила в целую череду Смещений, молниеносно выискивая пустое пространство. Все это, несомненно, шло на пользу практическим навыкам, отчего на некоторое ребячество вполне можно было закрыть глаза.

Услышанное Элайю вполне удовлетворило. Убедившись, что Аманда и впрямь занята делом, а не валяет дурака, она дала ей несколько наставлений и удалилась, вверив попечению Синотеи.

Сесилия отыскалась в одном из залов с Юнисанциумами. В каком именно — найти было легко, учитывая ее предсказуемый интерес к псевдородной Вселенной. В отличие от сестры, появление Элайи не застало ее врасплох. Оторвавшись от окуляров, то есть особого приспособления, позволявшего подключаться к симуляции напрямую, Сесилия радушно ее приветствовала.

— Как ваши дела, дорогая? — спросила Элайя.

— Какая, простите, сволочь писала физические законы моего мира?! — в сердцах воскликнула девушка. — Это же сущее издевательство!

— А чуть конкретнее? — усмехнулась Элайя.

О, конкретики у Сесилии было хоть отбавляй!

Компьютерные провода, с их скобочками, ушками, стержнями и прочими гнусными приспособлениями! Даже если их подключали очень аккуратно, отсоединить какой-то один и вытащить из общей связки было практически невозможно. Он обязательно за что-нибудь цеплялся, и приходилось распутывать его вручную. И хорошо, если на столе, а не под столом, стирая коленки и согнувшись в три погибели.

— Ну, это уже вопрос к вашим технологам и разработчикам, — заметила Элайя. — Выполнено, конечно, омерзительно. Словно нарочно, чтобы все вот это действительно цеплялось одно за другое и доставляло пользователю максимум неприятностей. Лурианцы тут не при чем. Кстати, такие вот горе-мастера, выпускающие подобные вещи, нами никогда не Извлекаются. Если уж не хватает ума создать достойное эргономичное изделие, его и не появится.

— Допустим! — подбоченилась Сесилия. — А как насчет бутылочных крышек? Тех, что навинчиваются на газировку. Завернуть их с первого же раза — весьма нетривиальная задача! Такое ощущение, будто крышка нарочно изворачивается, стараясь сесть на резьбу наиболее криво. А то и вовсе падает на пол, стремясь закатиться в самое труднодоступное место. Или, хотя бы, грязное.

— Да, здесь лурианцы и впрямь приложили руку, — подтвердила Элайя. — Однако вашим конструкторам никто не мешал подстроиться под законы физики таким образом, чтобы минимизировать их зловредное воздействие. Например, придать горлышку конусообразную форму и несколько изменить витки резьбы. Тогда крышка без всяких усилий сама бы садилась в нужное положение, и ее оставалось бы только завернуть. Но они этого не сделали. Таким образом, принцип вашего Юнисанциума себя полностью оправдал: испытание оказалось провалено. Однако тот, кто однажды решит эту проблему, получит шанс на Извлечение. Конечно, уже не в вашей архивной Вселенной, а другой, порожденной на ее основе.

— Мило, — фыркнула Сесилия. — Надо полагать, если я что-то постоянно задевала и роняла — это тоже ваших рук дело? Ведь о странность! Здесь, в Колыбельной Локализации, ничего такого НИ РАЗУ не происходило!

— Я уже говорила вашему отцу, что законы вашего Юнисанциума созданы для того, чтобы причинять разумным существам максимум неудобств, — сообщила Элайя. — Мы смотрим, как вы с ними боретесь, оцениваем результаты и делаем выводы.

— А пыль? Эта вездесущая пыль? — поморщилась Сесилия. — Каково ее убирать? Вам доводилось слыхать нашу притчу про Сизифов труд?

— Это он и есть. В чистом виде, — невозмутимо отозвалась Элайя. — Я уже рассказывала вашему отцу про принцип чаши с крутыми стенками, когда любое действие рано или поздно все равно возвращается на ее дно. Однако в пыли все-таки есть технический смысл. Это нечто вроде отработанного материала, отходов со всей Вселенной, которые вы не научились правильно утилизировать. И вряд ли научитесь, поскольку они и задумывались так, чтобы вы боролись с пылью вечно.
— За такие дела можно и в личико получить! — сурово сообщила Сесилия. — А я вот думаю: порой я обжигалась обо что-нибудь горячее, хотя была уверена, что горячий предмет находится совсем не там, где в итоге на него натыкалась моя рука. Тоже ваша работа или у меня уже паранойя разыгралась?
— Наша, — подтвердила Элайя. — Я скажу вам то, чего не говорила Джулиану. Вещи И ВПРЯМЬ перемещаются. Совсем чуть-чуть, но так, чтобы влиять на вашу жизнь и ваши неудобства. Водя рукой не глядя, вы имели полное право рассчитывать на отсутствие препятствия. Увы, горячую кастрюлю или утюг вам действительно подсовывали.
— Да это уже ни в какие ворота! — воскликнула Сесилия. — Но как вам такое удается? — более спокойно спросила она. — Каков механизм управления?
— Механизм управления сложен и прост одновременно, — улыбнулась Элайя.

Услышанное впечатлило Сесилию до глубины души. Юнисанциум не управлялся неким отдельным приспособлением или пучками энергии. Вся его физическая основа и была самой сутью контроля. Наблюдая за симуляцией через Черные дыры, Оператор в любой момент мог повлиять практически на что угодно. Как? Элементарно. Квантовые поля. Вся основа Вселенной, формирующая любое вещество, была соткана из управляющей структуры. Лурианцам не приходилось дергать за ниточки — материя сама по себе изначально из этих ниточек и состояла. А люди вполне могли бы об этом догадаться, когда в пустоте, в вакууме, в физическом ничто внезапно из ниоткуда возникали элементарные частицы. А виртуальные частицы? У математиков прямо под носом было более чем наглядное доказательство, а они умудрялись его игнорировать, прямо-таки изощряясь в ложных толкованиях.

Сесилия выдохнула. Получив краткий экскурс в суть псевдородного мира, она внезапно взглянула на него совсем другими глазами. По сути получалось, что любой объект управлялся лурианцами напрямую, ибо из управляющей структуры и состоял.
— Так и есть, — кивнула Элайя. — Спонтанное появление частиц

в вакууме — это ошибки системы. Она слишком большая и сложная, чтобы работать уж абсолютно идеально. Но мы ее совершенствуем. А вот виртуальные частицы — реальная часть системы контроля. Таким образом, как вы понимаете, Оператор способен переместить горячий утюг не только на дюйм, но и на другой конец Вселенной. Просто он этого не делает. Исходный принцип Юнисанциума подразумевает наше минимальное вмешательство. Все должно идти своим чередом. Тогда, и только тогда мы получим максимально полезный результат.

— Папа рассказывал о своих неприятностях с ноутбуком. Экран мерцал, подключение не ладилось. Оператор постарался? — насупилась Сесилия.

— Естественно, — пожала плечами Элайя. — Мы уже тогда пытались не допустить его открытия. Увы, все закончилось автокатастрофой, где я, второпях, знатно напортачила.

— И вы покровительствуете нам из чувства вины, — констатировала Сесилия.

— Нет, — качнула головой Элайя. — Так было только вначале. Теперь я опекаю вас потому, что вижу в вас будущее лурианцев. Уж не знаю, каким образом Джулиану удалось вас воплотить, но это его деяние не только выдающееся, но и поистине историческое. Вы не лурианки — вы что-то иное. Мои коллеги видят в вас угрозу. Я же вижу в вас будущее.

Они проговорили долго. Дольше, чем с Амандой, которая продолжала носиться над всей Локализацией в компании Синотеи. Элайя рассказывала Сесилии такие тонкости в работе Юнисанциумов, которые не знал даже Оператор. Ведь она стояла у самых истоков Института, и лучше кого бы то ни было знала, как и что тут устроено. Сесилия сосредоточенно внимала, и это внимание Элайе очень льстило. Среди всех Извлеченных, даже с примечательным даром, мало кто настолько серьезно интересовался научными тонкостями вплоть до последней мелочи.

Когда настала пора расставаться, Элайя очень не хотела уходить, но ей пришлось. Долг звал. Звали лурианцы, все еще бродившие в своих затерянных Терриклах.

— С вами ничего не случится? — обеспокоенно спросила Сесилия.

— Нет, дорогая, не случится, — успокоила ее Элайя. — Я достаточно сильна, и справлюсь с любой тамошней напастью. Пожалуй, моих сил как раз и хватит, чтобы вытащить всех моих коллег до последнего. Но вот затем мне понадобится продолжительный отдых. Лурианцы бессмертны, однако их энергия не бесконечна.

Тепло распрощавшись с воспитанницей, Элайя чуть повела пальцами и исчезла — отправилась прямиком на просторы забвения,

где принялась изучать один тоннель за другим. Сесилия же вернулась к своему занятию — изучению псевдородной Вселенной. В пылу научной беседы она как-то и позабыла упомянуть об интересе, который проявлял к ней Агнетто.

Агнетто же времени даром не терял. Едва Элайя покинула Колыбельную Локализацию, как он без промедления вернулся в узилище Сибер'юнии. Та встретила его неопределенной улыбкой, однако лурианец никак не отреагировал. Он словно и вовсе не замечал заключенную в Декартроне пленницу. Вернувшись к своим тумбам, он продолжил загадочную расстановку, регулярно сверяясь с показаниями приборов. Сибер'юния пробовала с ним заговорить, но Агнетто будто бы ее и не слышал, целиком погруженный в свою работу.

Странная это была работа. Подмечая каждую мелочь, пленница все больше приходила к выводу, что новое оборудование выглядело совершенно излишним. Анализируя действия Агнетто, она определяла все энергетические контуры и на ходу угадывала принцип их функционирования. Не только принцип, но и назначение. Итоговая картина не складывалась. Если предположить, что в клетке сидел условный лев, барьеры возводились таковыми, словно намеревались удержать крошечную змейку, способную просочиться между самыми частыми прутьями.

— Готово! — внезапно крикнул Агнетто. — Подключайте!

Крикнул, разумеется, ментально, но достаточно громко и отчетливо, чтобы находившаяся рядом Сибер'юния его услышала. В тот же момент над потолком и под полом активировались какие-то сложные дисковые поля, попеременно существовавшие сразу в нескольких Смещениях. И тут… Агнетто исчез! Правильнее сказать, исчезло все за пределами Декартрона. Теперь за краем его синей сетки простиралась лишь невнятная белая дымка, несколько напоминавшая дымку Луча, но имевшая очевидно другую природу. Встряхнув головой, Сибер'юния тщательно прислушалась. Ничего! Весь мир вокруг словно перестал существовать и для нее теперь ограничивался пределами Декартрона. Находившееся за ним отныне стало недоступно ни ее мыслям, ни взору. Но это была не Пустота. Это был абсолютный фоновый шум, заглушавший саму основу мироздания.

Клетка сдвинулась. По-видимому, сразу несколько лурианцев подхватили ее своими усилиями и куда-то перенесли. Куда? Что ж, ну вот оно, Смещение, которому предстояло стать для Сибер'юнии вечным домом. Мрачный, погруженный в сумерки зал с подобием окон, откуда лился искусственный свет. Дверей в нем не было, как не было и какого-либо убранства. Его глухая конструкция не

предполагала входов и выходов. Принеся сюда Декартрон с узницей, лурианцы удалятся через Зарницы, и Смещение окажется надежно запечатано навсегда. Эх, жаль Сибер'юния так и не успела переговорить с девочками. Она от всего сердца попросила бы у них прощения за обман и за все, что им пришлось пережить. Лурианцев она ненавидела по-прежнему, но Аманда и Сесилия всколыхнули в ее опустошенной яростью душе нечто такое, чего, как она полагала, там давно угасло. И вот ради этих девочек, по-своему похожих на нее, она еще могла попытаться сделать что-нибудь хорошее. Что-нибудь, что повлияло бы на их судьбу благоприятным образом. Не вышло. Не позволили.

Внезапно белая дымка, немного разошедшаяся так, что Сибер'юния узрела свою тюремную камеру, исчезла совсем. Лурианцы, не говоря ни слова, деловито снимали все дополнительное оборудование, складывая его в одну груду. Затем, когда оно было демонтировано, собрались вокруг него, дожидаясь Агнетто. Тот наконец-то обратил на пленницу свой взор и дважды обошел вокруг Декартрона.

— Так вы не собираетесь меня выпускать? — с невольной тоской спросила Сибер'юния.

Агнетто не снизошел до ответа. Вместо этого он приблизился к группе, стоявшей возле снятого оборудования. И тут Сибер'юнию осенило. Осенило, зачем все это делалось!

— Вы готовили клетку не для меня! — в ужасе вскричала она, впившись в Агнетто горящим взглядом.

Встретившись с ней глазами, тот лишь криво улыбнулся и исчез вместе с аппаратурой и прочими лурианцами.

Над колыбельной Локализацией всходила розовая звезда, когда из Террикла вернулся последний лурианец. Элайя, выжатая как лимон, лично сопроводила его в зал для совещаний, где уже собрались все остальные. Агнетто, непривычно довольный, приветствовал коллегу и пригласил его присесть вместе с другими.

— Моя миссия выполнена, — констатировала Элайя. — Теперь я займусь своими девочками.

— В этом нет необходимости, — внезапно заявил Агнетто.

— Почему? — от усталости Элайя задала этот вопрос без всякой задней мысли.

— Почему? — прищурившись, переспросил Агнетто.

О, он хорошо знал, почему.

Все шло по плану, и шло просто идеально. Незадолго до возвращения Элайи Агнетто заглянул в зал Юнисанциумов, где ожидаемо нашел Сесилию.

— Юная леди, я могу попросить вас связаться с сестрой? — веж-

ливо сказал он.
— Зачем? — открываясь от окуляров, осведомилась девушка.
— Мы ждем вас в зале для совещаний по очень важному делу. Это касается вашей дальнейшей судьбы, — пояснил Агнетто.
Его излучение выглядело довольно радушно, а в мыслях не мелькало ничего подозрительного, исключая привычное напряжение при общении с Сесилией. Не усмотрев в его просьбе ничего предосудительного, девушка кивнула и позвала Аманду. Агнетто даже не успел домурлыкать какую-то песенку, как та появилась рядом с сестрой.
— Идемте, нас ждут, — пригласил Оператор, церемонно протягивая руку.
Переговариваясь на ходу, сестры последовали за ним.

В зале для совещаний было довольно много лурианцев. При помощи Элайи вернулись почти все, и теперь большинство из них собралось здесь, на серебряных скамьях. Проведя девушек в зал, Агнетто предложил им пройти в центр, где имелось возвышение для оратора. Полагая, что их попросят сказать несколько слов, сестры проследовали куда указывали. Остановившись, они повернулись и вопросительно взглянули на Агнетто.
— Сделано! — внезапно изрек он.
В следующее мгновение в центре зала возник один большой Декартрон. Испуганно вскрикнув, девушки рванулись вперед, но тут же сгустившаяся масса сковала их движения. Агнетто резко махнул руками в стороны. Вокруг Декартрона немедленно возникла та аппаратура, которую он испытывал на узилище Сибер'юнии. Вот только что Аманда и Сесилия видели зал с лурианцами, а вот вокруг них возникла белая дымка, в которой не было ровным счетом ничего. Напрасно они кричали, мысленно обращаясь к отцу, Элайе, Синотее, Аскину, Гизмунду и Оо-т-Иру — их никто не слышал. Ментальная связь исчезла. Они больше не видели чью-либо искру разума, как не видели хоть что-либо. Сестры по-прежнему могли общаться друг с другом, но все за пределами Декартрона словно перестало существовать. Собравшись с силами, они попробовали вырваться в Пустоту. И не сумели. С таким же успехом они могли биться лбом в гранитную скалу. Любые виды пространственных перемещений, включая их собственное уникальное, оказались для них недоступны. Новшество, оперативно сооруженное Агнетто, блокировало все виды энергии, которыми оперировали девушки. О, он хорошо знал, как настроить аппаратуру, ибо неслучайно подолгу расспрашивал Сесилию о том, что она чувствует и с чем работает в пространстве. Оборудование, тайно установленное в зале с Юнисанциумами, непрерывно сканировало де-

вушку на все лады, и, в конце концов, Агнетто получил то, чего желал. Он не знал КАК сестры обрели свои таланты и владеют ими — он разобрался, каким образом их изолировать. Что, в конечном счете, и сделал.
— В Смещение их! — велел Агнетто, кивая другим лурианцам.
Какой-то миг — и Декартрон с Амандой и Сесилией исчез, надежно запечатанный в потаенных глубинах Института Моделирования Разума.

Элайя была близка к обмороку. Она не сразу осознала, что вкратце изложил ей Агнетто, а когда поняла, то едва не бросилась на него как раненая тигрица.
— Спокойно! — вскинул руку Оператор, легко пресекая ее попытку. — Вы устали. Вы сделали великое дело и заслуживаете хорошего отдыха. Отправляйтесь в свои покои, а остальное предоставьте нам.
— Вы!.. Вы специально вымотали меня до крайности! — вскричала Элайя, внезапно осознав весь замысел Агнетто.
Замысел, который он вынашивал изначально.
— Что ж, признаю, мы совместили приятное с полезным, — не стал отпираться Оператор. — Вы помогли нашим коллегам, а заодно перестали быть помехой. Досадной и даже опасной помехой, способной помешать нам избавиться от великой угрозы.
— Какой угрозы, идиот?! — прорычала Элайя. — Эти девочки не угроза! Они — будущее лурианской цивилизации!
— К сожалению, так думаете только вы, — отмахнулся Агнетто. — Присутствующее здесь подавляющее большинство считает иначе.
— Но у нас был договор! — свирепо выдохнула Элайя. — Девочки спасли этот чертов Институт взамен на признание и свободу!
— Это был вынужденный договор, — парировал Агнетто. — Мы пошли на него под фактическим принуждением.
— Это не оправдание! — громыхнула Элайя.
— Пусть так. Однако решает большинство. А большинство за то, чтобы признать его недействительным. То самое большинство, которое восстановилось вашими стараниями. И оно решило, что незаконно созданные Модели своими способностями представляют серьезную угрозу. Настолько серьезную, что их свободное и бесконтрольное пребывание в обществе становится невозможным.
Элайя охнула. Так значит, она сама, возвращая лурианцев одного за другим, увеличила количество своих противников. И вот как они ее отблагодарили! Численно прибавляя в совете, они склонили чашу весов совершенно в другую сторону.
— Ты!.. Мерзавец! — прохрипела она, сознавая свое бессилие.
Едва стоя на ногах, сейчас она проиграла бы и любому Извлечен-

ному.
— Но как ты обманул их? Как ты скрыл свои подлинные мысли? — невольно спросила она, буравя подлого Оператора гневным взором.
От злости она перешла на "ты", что считалось у лурианцев едва ли не верхом вульгарности и неприличия.
— О, это было легко, когда знаешь, с кем имеешь дело, — усмехнулся Агнетто. — Между прочим, не только вы умеете прятать мысли, направляя их сразу в нескольких потоках. Эти две особы вообразили, что им все по плечу, и любой лурианец для них как открытая книга. Однако я достаточно пожил, чтобы утереть нос этим сопливым, едва созданным Моделям.
— А я утру нос тебе! — вскинулась Элайя, делая к нему порывистый шаг.
— Настоятельно не рекомендую! — весьма жестко предупредил Агнетто. — Любая агрессия с вашей стороны будет расценена должным образом. У нас и так есть основания предполагать, что вы были в некоем сговоре с Сибер'юнией, в той или иной форме. Не превращайте эти предположения в уверенность! Идите к себе и отдыхайте. Остальное — наша забота!

Элайя опустила руки. Будь она полна сил, Сибер'юния показалась бы этим напыщенным, самоуверенным старцам маленькой девочкой. Пробудившись, гнев Элайи мог обрушить большой купол прямо им на головы, напрочь вышибая из реальности! Великая воительница прошлого, она была способна устроить настоящее побоище, и никто не сумел бы ей противостоять. Но у нее не осталось энергии. Вся она ушла на поиски и возвращение этих предателей! И теперь она ничего не могла поделать. Решительно ничего. Совсем. Во всяком случае, сейчас.
— Я этого так не оставлю, — холодно произнесла Элайя, гася пробуждавшиеся в ней красные вспышки.
— Ваше право, — пожал плечами Агнетто. — Когда я доложу обо всем в Источник, там примут окончательное решение. И вам же лучше ему подчиниться, иначе вы разделите судьбу Сибер'юнии.
— Будь ты проклят, ничтожество, — тихо сказала Элайя.
И исчезла.

Вооружившись палочкой, похожей на дирижерскую, Джулиан сосредоточенно работал над очередным подземным дворцом. Он как раз заканчивал внешнюю колоннаду, когда рядом, как обычно, объявилась Элайя. Подняв руку, он хотел было ее радушно поприветствовать, как вдруг заметил, что на лурианке аж лица не было.
— Что случилось?! — взволнованно вскричал он, предчувствуя не-

доброе.
— Они схватили ваших дочерей! Заточили Аманду и Сесилию! — с невыразимой болью в голосе воскликнула Элайя.
Схватившись за несуществующее сердце, Джулиан зашатался. В глазах его затуманилось. Он мгновенно понял, о ком и почему шла речь. Он хотел было что-то сказать, но выдал лишь набор нечленораздельных звуков. Подскочив к нему, Элайя крепко схватила его за руку.
— Скажите, на что вы готовы пойти, чтобы освободить их раз и навсегда?! — твердо спросила она, пронзая своими мыслями его мятущееся сознание.

– 8 –

Центральный энергетический узел Института постепенно восстанавливался, но все еще был слишком ослаблен. Деятельно устранив Элайю, теперь Агнетто дожидался лишь его выхода на полную мощность, прежде чем снять глобальную изоляцию. Джулиана он не опасался. Элайя, разумеется, введет его в курс дела, но что может сделать Извлеченный против опытного Оператора, не говоря уже обо всех остальных лурианцах. По-своему, Агнетто было жаль этого талантливого архитектора, но — по-своему. В конце концов, тот сам во всем виноват. Его неоднократно предупреждали. Предупреждали оставить прошлое в прошлом, рекомендовали не создавать копии дочерей, советовали забыть обо всем и смотреть только в будущее. Джулиан Слайдертон пренебрег этими рекомендациями, за что и поплатился. Причем поплатился не только он. Технически, не создай он этих двух подобий дочерей, Сибер'юния ни за что бы не вырвалась на свободу, со всеми вытекающими. Стало быть, каждый получил по заслугам. А может, еще и получит, если воспротивится общему решению и проявит недопустимую агрессию. Что ж, запертых Смещений на всех хватит. Даже на Элайю, окажи она хоть малейшее неповиновение.

Так думал Агнетто. Не видя угрозы в Джулиане, он и наблюдение-то за ним не устанавливал. По его указанию несколько лурианцев приглядывали только за Элайей, но та вроде бы ничего такого не затевала. Ее традиционный обход Извлеченных никаких нареканий не вызывал. Она и прежде регулярно навещала Синотею, Аскина, Гизмунда и Оо-т-Ира, поэтому подозрительным выглядело бы как раз изменение привычного порядка вещей. Эх, жаль Агнетто не обладал даром этих сестер — крамольное, конечно, желание, но какое соблазнительное! Тогда бы он сумел прочесть, что у Элайи на уме, а заодно и выяснить, была она с кем-то

в сговоре или нет. Однако это не так уж и важно. Согласно естественному ходу истории, рано или поздно все выплывает на свет. В чем бы Элайя не провинилась — однажды оно себя проявит. Ну а тогда… Тогда, быть может, Агнетто сумеет занять наивысший пост в иерархии Института Воплощения Разума. Пост, о котором он прежде и не помышлял, но не теперь, когда Элайя настолько серьезно оступилась.

Предательство Агнетто не шло у Элайи из головы. Ей стоило огромного труда сдерживать свой гнев, разительно похожий на ярость Сибер'юнии. Не таясь от самой себя, она втайне признавала, что распылила бы Агнетто на такие мелкие частички, которые он собирал бы в Террикле очень и очень долго. Это говорил в ней голос прежней воительницы: гордой, могущественной и непокорной. За миллиарды условных лет Элайя обрела покой и мудрость, став одной из самых выдающихся и талантливых лурианок. Всякое насилие осталось далеко в прошлом, поглощенное развитием цивилизации. И вот оно внезапно всколыхнулось в будущем. Как можно быть такими слепцами?! Две девочки, способные вывести лурианцев на новый виток развития, низводятся до уровня преступниц, причем настолько опасных, что в обществе им места просто нет! Проклятье! Если эти закоснелые идиоты перестали видеть дальше собственного носа, то проблему надо как-то решать, и решать в любом случае. Один давний эпизод Элайя до сих пор себе не простила и никогда не простит. Другого — не будет!

Так думала Элайя. Она вела привычный образ жизни, но вела его только внешне. На деле все ее перемещения имели определенную цель, которую лурианка поставила перед собой и намеревалась пройти по этому пути до конца. И уж точно до того, как будет снята изоляция, ибо тогда, стараниями Агнетто и его компании, Источник вынесет свой окончательный и безжалостный приговор.

Тяжелее всего приходилось Джулиану. Убитого горем отца он разыгрывал превосходно, поскольку на деле все именно так и обстояло. Однако ему было крайне трудно сдерживать и другие эмоции, способные выдать его перед потенциальными наблюдателями. Стараясь себя занять, он остервенело погрузился в работу, отстраивая подземные просторы мерколитов. Таким образом он убивал двух зайцев — отвлекал внимание, выглядя естественно, и ждал. Чего? Явно не того, чего ждал от него Агнетто. Джулиан ведь наведался к нему и имел долгий разговор на эмоциональных, но сдержанных тонах.

Агнетто, ожидая такого визита, выглядел предельно корректным и в целом оказался удовлетворен поведением Извлеченного. Несомненно переживающий, тот вроде как не собирался престу-

пать черту, и это можно было всячески приветствовать. Оператор ничего не имел против Джулиана, отчего и не хотел накладывать на него какие-то санкции. Видимо, и не придется, поскольку возмущенный отец не то чтобы удовлетворился полученными объяснениями, но, похоже, если и собирался их оспаривать, то в узаконенном порядке. Что ж, его право. Обратиться к Источнику могли даже Извлеченные. Вот только снисходительность Агнетто на том и базировалась, что Источник наверняка поддержит именно его решение. Снисходительность и самоуверенность.

Синотея искренне опечалилась заточению Аманды и Сесилии. Ее чувства разделяли и остальные Извлеченные, с которыми сестры успели основательно подружиться. Она хотела было апеллировать к лурианцам, но Элайя рекомендовала этого не делать. Что она предложила — осталось тайной за семью печатями. Погруженная в думы, Синотея подолгу просиживала на высокой скале, обозревая свое Радужное озеро. Дельфины, резвившиеся в его волнах, наводили на нее особую тоску. Много размышлял и Аскин, иногда наведываясь к Русалке в гости. Оо-т-Ир, работавший на пару с Джулианом, в основном молчал, но его молчание было красноречивее всяких слов. Внезапно изменился только Гизмунд. Прежде неторопливый и меланхоличный, он словно забыл про свой холм и расхаживал по всему лесу, внося в него различные коррективы. Он вроде бы даже вырос в габаритах, а жизненная сила, порожденная бушующими эмоциями, прямо-таки срывалась с веток, озаряя его лучезарным сиянием.

Однажды Джулиан неожиданно прервал работу в подземелье и переместился на остров. Там он прошел в замок, поднялся на самую высокую башню и… Исчез. Исчез в одном из Смещений, созданных Элайей и его дочерьми. Зачем? Как говорится, если хочешь что-то спрятать — прячь на самом виду. Пройти туда, куда просто так не смог бы никто другой, у него имелись самые веские основания. Во время очередного визита Элайи Синотея будто невзначай кивнула, хотя диалог, вроде бы, не подразумевал подобного жеста. Примерно то же самое сделал Аскин. Оо-т-Ир свирепо ударил молотом о базальтовый камень, расколов его в крошку, а ближайшее Гранатовое Солнце полыхнуло настолько ярко, что заслепило глаза. Гизмунд грозно зашелестел раскидистой кроной, откуда тут же посыпались перламутровые шары. Раскалываясь, они испускали живительную энергию, овевающую Элайю словно бодрящим ветерком.

Смещение, открывшееся с башни, представляло собой отнюдь не ее копию или нечто подобное. Оттуда вообще не открывался обзорный вид на окружающие красоты, включая пальмовый

лес, пляж и океан. Это была комната. Замкнутая, без окон и дверей комната, освещенная псевдоэлектрическими огнями. На ее стенах, выполненных из шероховатого серого камня, кто-то начертал крупные знаки, похожие на древние руны. Они слабо светились, загадочно мерцая своими причудливыми контурами. Знаков было много — несколько десятков, и в целом до сотни.

Джулиан был в комнате впервые, однако ориентировался в ней так, словно посещал ее регулярно. Преимущество лурианцев, позволявшее напрямую транслировать картинку из сознания в сознание, представлялось несомненным. Обойдя периметр помещения несколько раз, Джулиан беззвучно шевелил губами, выделяя для себя те или иные знаки. Со стороны казалось, будто он ведет некий подсчет или составляет определенную очередность. В конце концов, он остановился подле одной из рун, пройдя к ней явно целенаправленно. Внимательно ее оглядев, он снова порылся в своей памяти, тщательно сверяя какую-то информацию.

— Я готов, — шепнул он кому-то в пространство.

— Начинаем, — послышался чей-то тихий ответ.

Протянув руку, Джулиан коснулся выбранной руны и тут же исчез.

* * *

Перелучившись через гамма-пятый узел, один из лурианцев неторопливо шел по коридору, направляясь к нужной Пространственной двери. Институт, наполненный вернувшимися сотрудниками, оживал. Восстановление Локализации было практически завершено, а сканеры так и не обнаружили в Пустоте чего-либо подозрительного. Настроение у лурианца ощущалось явно приподнятое. Он излучал светлую гамму, несколько омраченную недавним собранием во главе с Агнетто. Ему не очень нравилось, как поступили с сестрами, однако благо лурианского социума ставилось превыше всего. Согласно этому правилу, бедняжек пришлось изолировать, хотя и скрепя сердце. Что ж, возможно, когда-нибудь решение пересмотрят, когда их удивительные таланты обретут распространение и контроль. Ну а пока… Пока что лурианец неторопливо шел в один из комплексов, проверить, как идут восстановительные работы. Подойдя к нужной Двери, он сделал шаг к световой дымке, клубившейся в ее проеме, как вдруг…

Навстречу кто-то вышел. Кто-то очень большой и приметный, казавшийся чем-то давним, но при этом болезненно знакомым. Лурианец поднял взор, проведя им по мускулистой, с выпирающей грудью фигуре, и посмотрел на крупное грубоватое лицо. По-

смотрел и остолбенел. Вполне себе лурианское, оно было обрамлено мощными острыми рогами, чуть загнутыми назад. Рога светились красным, и этот же оттенок присутствовал во всей фигуре того, кто внезапно преградил ему путь. Вконец растерявшись, лурианец перевел взгляд на могучие мускулистые плечи. На них, придерживаемый левой рукой, лежал обоюдоострый энергетический топор. Будто завороженный, он глядел, как топор покидает свое ложе, взмывает в воздух, а затем, прогудев сердитым шмелем, обрушивается ему на голову.

Лурианец успел заблокировать его в самый последний момент. Но заблокировать лишь частично. Удар оказался настолько силен, что пробил его защиту и оглушил сознание, зазвенев в нем на миллионы разных тонов. Вскрикнув, лурианец отшатнулся, а топор уже снова взмыл в воздух и снова опустился на его голову. На сей раз лурианец увернулся, получив лишь незначительную царапину. Скользнув по стене, топор рассек ее будто сливочное масло, осыпав крайне прочную кладку. Теперь в стене зияла брешь, словно проделанная консервным ножом. Опомнившись, лурианец собрал энергию в кулак и шарахнул ей по неожиданному противнику. Она прямо-таки сверкнула лучом, пронзая его грудь навылет и… Не пронзила. Разойдясь по мускулам яркими сполохами, энергия развеялась, не причинив рогатому ни малейшего вреда — не то что его дематериализовав. Взревев, рогатый оскалился, обнажив ряд крепких белоснежных зубов с крупными клыками. И этот рев наконец-то вызвал в памяти лурианца то, что давно там затерялось. Вызвал и соотнес с видом свирепевшего врага.

Резентавр! Один из Нарушителей, заключенных в Смещение за излишнюю агрессию. Извлеченный из очень воинственной расы, он был невероятно одарен, но при этом так и не смог приспособиться к образу лурианца. Набираясь новых возможностей, он не сумел овладеть контролем над природной агрессией и, в конце концов, после многочисленных предупреждений был заперт в Смещении. На перевоспитание. Перевоспитания, увы, не произошло. Разъяренный своим пленением, Резентавр только и делал, что упражнялся в боевых искусствах, создавая целые армии врагов и единолично их сокрушая. Теперь, невесть как очутившись на свободе, он вознамерился проверить свои боевые навыки на первом же попавшемся лурианце. И проверить весьма успешно. Его невероятная мощь, сконцентрированная на обороне, эффективно противостояла всем попыткам распыления материи. В то же время энергетический топор разил с запредельной яростью, лишая лурианца сил и всякой возможности к сопротивлению.

Удар! Еще удар! Лурианец, воплотив крепкий эстиловый

жезл, пытался ему противостоять, отражая свирепую атаку. Увы, он не настолько поднаторел в бою, как его грозный противник. Решив не испытывать судьбу, лурианец попытался переместиться куда-нибудь подальше — куда угодно, лишь бы избежать гудящего топора. Не вышло. Топор, осветившись каким-то особым светом, не иначе сработал как Поглотитель. Еще удар! Поступившись гордостью, лурианец призвал на помощь, перекликая своих самых близких коллег. Но отзываться те отчего-то не спешили. Отразив очередной удар, разорвавший стену едва ли не до Пустоты, лурианец ощутил в ментальном пространстве какой-то всплеск, очень похожий на хаос. И вдруг взвыла сирена. Взвыла громко и страшно — совсем как тогда, когда Сибер'юния напала на Институт. Вздрогнув всем телом, лурианец на мгновение отвлекся, пораженный этим зловещим звуком, и допустил фатальную ошибку. Последующий удар топора отправил его прямиком в Террикл.

Немало лурианцев находилось в зале для совещаний, когда туда неожиданно ввалилось Дерево. Именно Дерево, несколько похожее на Гизмунда, но одновременно ничего общего с ним не имеющее. Один его раздвоенный ствол был обломан почти у самого основания, будто в него угодил удар молнии. Другой тянулся гораздо выше, увенчиваясь несколькими острыми иглами и наслоением грибов. Бурая кора шелушилась, опадая энергетическими завитками. В глазах, горевших в трех треугольно запавших дуплах, сверкала неукротимая злоба. Из них прямо-таки вздымались оранжевые струйки, словно огоньки свечи, положенной на бок. Грозно затрещав, Дерево внезапно ощерилось множеством колючек, присущих скорее кактусу. Раздался короткий свистящий звук. Колючки, покидая стволы, рассекли воздух будто реактивные пули. Серебряные скамьи зазвенели, утрачивая кусочки выбитого серебра. Каждое попадание колючки оставляло в них глубокую щербину. Пол тут же покрыли борозды. Тела лурианцев не слишком пострадали, но колючки вонзились в них очень глубоко, заставляя материю сочиться теряемой энергией.

Зал огласили громкие крики, в которых смешивались изумление, ошеломление и даже испуг. И вот новый залп! А затем еще один и еще один! Свирепевшее Дерево стреляло как из пулемета, а затем, поднатужившись, воплотило вокруг себя несметный рой разъяренных шершней. Недолго думая, шершни выстроились в боевой порядок и ринулись на лурианцев. А вслед за ними уже летели острые, как бритва, шишки, орехи, взрывавшиеся не хуже гранаты, и листва, поднятая внезапно свистнувшим шквальным ветром.

Дормингдур! Как и Гизмунд, он тоже происходил из расы ра-

зумных деревьев, но его Юнисанциум имел совсем другую природу, а он сам кардинально отличался характером. Строптивый и непокорный, Дормингдур мог стать выдающимся лурианцем, либо же опасным Нарушителем. История вынесла свой вердикт. Когда он попытался перестроить часть Локализации под себя, начав наводить там свои порядки, лурианцы осадили его надлежащим образом. Казалось, Дормингдур успокоился, но вскоре принялся за старое, разве что в новом обличье. Его творения становились все злее, а сам он — все агрессивнее. Социум и мировоззрение лурианцев ему не нравились, а часть их он и вовсе отвергал. В один прекрасный момент он сцепился со своим Куратором, чем окончательно поставил крест на своей свободе. Сначала его поместили в Смещение на время, рассчитывая, что он одумается и успокоится. Дормингдур вроде бы смирился, но когда его выпустили, он попытался сбежать во внешний мир. Вторично из заключения он уже не вышел. Озлобленный на всех и вся, он принялся создавать в смещении копию своей планеты, со всеми ее ужасами и недостатками. Лурианцы увещевали долго, но, в конце концов, махнули рукой, предоставив Дормингдуру развлекаться как его душе угодно. Развлекаться взаперти, откуда он всегда мог выйти, если перестанет дурить. Но он не перестал. И при этом вышел. Как вышел — никто не знал. Лурианцы, отбиваясь и дематериализуя его атакующую материю, не успели ничего понять, как в зал вбежало сразу трое Нарушителей.

Рыбак рыбака видит издалека. Новые Нарушители и не подумали кидаться на Дормингдура. Они сходу атаковали лурианцев. Одним из них был Саугрус — головоногий хищник. Аскин смирил свои повадки, принял новый образ и пошел по пути цивилизации и созидания. Саугрус был его прямой противоположностью. Совершив выдающееся открытие, он заслужил право на Извлечение, но в итоге такового не оправдал. Хитрый и скрытный, он почти дошел до выпускного экзамена, когда не сумел сдержать свой подлинный настрой. Повздорив с одним Извлеченным, он разорвал его на куски, заодно испепелив львиную долю его творений. Отправленный в Смещение, лучше он ничуть не стал, дав своим чувствам полную волю. Саугрус неоднократно пытался выбраться, и однажды чуть не преуспел, воспользовавшись доверчивостью Куратора. Его успели обезвредить и водворили обратно.

Самовольного возвращения Саугруса никто не ждал, в то время как он, видимо, только того и дожидался. Ходил он на двух ногах и ниже пояса был похож на лурианца. Все что находилось выше — принадлежало головоногому, включая ряд щупалец, выпирающую пучеглазую голову и мимикрирующую пупырчатую

кожу. Что хуже — там находился энергетический узел, расположенный в подбрюшье, являвшийся индивидуальной его особенностью. И этот узел был чрезвычайно опасен. Защищенный густой слизью, он пульсировал налитой мощью и неукротимой яростью, и оба этих качества немедленно обратились против лурианцев. Пробежав мимо Дормингдура, Саугрус расправил щупальца и закружился будто карусель. И с каждого из его щупалец в лурианцев полетела морская звезда. Подлетая к цели, она взрывалась своими лучами, испуская жгучую, будто поток плазмы, энергию. Эти потоки оплавляли серебряные скамьи, дырявили пол и стены, а в телах лурианцев оставляли дымящиеся язвы. А в воздухе уже материализовались стаи зубастых рыб, юрких, словно кометы, и свирепых как раненый лев. Вместе с ними вдоль пола заскользили медузы, прямо-таки прожигая любую материю, которой касались их красивые, но невероятно опасные стрекала.

Во втором Нарушителе лурианцы ошеломленно признали Эгнотрона. Разумный синтетик фактически уже был создан как искусственная жизнь, унаследовав Юнисанциум от своих вымерших хозяев. Творение получилось достаточно удачным, достигло невероятного уровня развития и, в конце концов, получило право на Извлечение. Лурианцы и прежде Извлекали синтетиков, поэтому никого прецедента они не создавали. К сожалению, конкретно этот синтетик надежд не оправдал. Обретя невиданные прежде таланты, он не придумал ничего умнее, как войти в системы Института и перестроить их под свое видение. Его попытка покопаться в Источнике была настолько вопиющей, что альтернативы заключению в Смещении просто не оказалось. Там Эгнотрон особо не скучал, занимаясь созданием компьютеризированных систем, совершенствуя навыки взлома и воплощая электронно-механические народы, больше похожие на армию. Тогда-то лурианцы убедились, что Смещение можно попытаться взломать изнутри, и усилили меры защиты. Выбраться Эгнотрону не удалось, однако в пагубных искусствах он явно поднаторел, что и доказал сейчас самым непосредственным образом.

Зал для совещаний наполнили разнообразные, чрезвычайно агрессивные машины. При этом вся тамошняя аппаратура тут же вышла из-под контроля. Какую-то Эгнотрон захватил, а что не смог подчинить — вывел из строя или свел с фигуральных катушек. Взбесившаяся техника усилила поднявшийся хаос, в котором он, вооружившись энергетическим ружьем, принялся наводить точечный армагеддон. Серия выстрелов обычно не наносила лурианцам существенного вреда, если те не отвлекались на другие атаки. Если же ружье палило мощным, накопленным пучком энергии,

цель тут же рассыпалась, теряя физическое воплощение, а то вовсе отправлялась в Террикл. Повинуясь своему хозяину, призванные машины усердствовали дальше некуда. Наряду с шершнями, медузами и прочими злыми существами, они наседали на лурианцев разом со всех сторон. Эффективно испепеляемые, они появлялись снова и снова, нет-нет, да и доставая цель циркулярными пилами, кровожадными иглами, трескучими электродами, заряженными дротиками и гибкими манипуляторами. Особенно неистовствовала мобильная артиллерия. Выполненная в виде ребристых сфер, она постоянно ощеривалась орудиями, плевавшимися яростным адамантовым огнем. Тут и там вздымались мехнотроны, слишком большие и громоздкие, чтобы эффективно действовать в зале, зато основательно мешавшие лурианцам отбиваться. Их сопровождали мелкие и юркие глептоноиды — роботизированная жизнь, похожая на каракатиц. Они сновали так, что поразить их можно было только ударом по площади. Сами же они, выбирая момент, делали броски не хуже черной мамбы, впиваясь в лурианцев мертвой хваткой и прямо-таки выкусывая из них части тел.

Керборос. Этого Нарушителя лурианцы хотели бы видеть меньше всего. Сибер'юния, разумеется, была не в счет, но в сравнении с остальными!.. В отличие от спутников, он выглядел как и подобает лурианцу, разве что отличался алыми тонами и излишне большими глазами. Практически с самого начала этот Извлеченный проявил себя законченным эгоистом. Развитие, всячески приветствовавшееся Куратором, в его случае приобрело особый характер. Керборос не воплощал другую жизнь или материю. Все свободное время и силы он целиком и полностью посвятил совершенствованию себя. Хорошо же, нет? Нет. Очень даже нехорошо! Керборос пошел по тому пути, которое условно именуется злым божеством. Почему злым? Потому что оно не видит и не слышит никого кроме себя. В своем искусстве он достиг немалых высот и продолжал его оттачивать за весь период заключения в Смещении. Теперь его таланты выразились соответствующим образом. Керборос не творил машины, шершней, медуз и прочую, живность. Он даже не стрелял энергией и не использовал пули, иглы и иже с ними. Он наплодил множество своих копий, столь же могучих и яростных, как и он сам. И все эти копии, черпая силы у оригинала, бросились в рукопашный бой с лурианцами, до крайности осложняя им возможности обороны и контратаки.

Керборос был очень могуч. Пока лурианцы взращивали свои способности на созидании окружающего, он совершенствовал самого себя, отчего превратился в ходячую крепость, способную сокрушать все, что попадется ему на глаза. В масштабности атаки

он, без сомнений, уступал Сибер'юнии, умевшей оперировать целой Локализацией, зато один на один он был поистине опасным, если не сказать смертельным противником. Та же Сибер'юния против него бы выстояла, как минимум за счет своего возраста и могущества, но лурианцам пришлось по-настоящему туго. Отбиваясь от клонов Кербороса, они были не в состоянии их дематериализовать, и могли лишь ненадолго обездвижить. При этом они не различали, где копия, а где оригинал, что оборачивалось для них весьма плачевным образом. В отличие от клонов, Керборос наносил критически мощные удары, то и дело отправляя кого-нибудь в Террикл.

В зале свирепствовали шторма, наполненные бритвенно-острой листвой, режущими шишками, колючим, едким дождем и еще более колючим градом. Под потолком объявились иссиня-черные тучи, из которых то и дело оглушительно грохотала сияющая белым и синим молния. Окна затянула непроницаемая дымка, клубящаяся над бронированными пластинами крабов. Выстроившись живой стеной, они окружали зал по периметру, блокируя любое внешнее излучение. Лурианцев, неожиданно втянутых в яростный бой, стремительно изолировали от внешней среды. Изолировали так, как они сами изолировали Нарушителей. И довольно эффективно.

Постепенно лурианцев становилось все меньше. Отчаянно призывая на помощь коллег, они отбивались изо всех сил, но здесь следовало отметить, что эти силы изначально были неравны. Во-первых, лурианцы имели дело не с обычными Извлеченными, а теми, кто провел в заключении целые эпохи, по-своему став подобием легендарных Титанов. Во-вторых, они не могли применить всю свою мощь, иначе разнесли бы собственный Институт. Во всяком случае, ту его часть, где свирепствовало нежданное побоище. Под завывание сирены, оповещавшей об очередном критическом происшествии, лурианцы отбивались как получалось, балансируя между сокрушением врагов и откровенной дематериализацией всего и вся. И проигрывали. Проигрывали медленно, но верно, на ходу пытаясь сообразить, как им переломить сражение в свою пользу.

Увы, на подмогу рассчитывать не приходилось. Отряд, спешивший на помощь, внезапно напоролся на Резентавра. Преисполненный воодушевления от первой победы, он взмахнул разросшимся топором, оглушительно взревел и ринулся в атаку. Сокрушить целую группу высокоразвитых сознаний он не мог, но и тем не удавалось отправить его в небытие. Завязался ожесточенный бой, в котором лурианцы увязли как в болоте. Размахивая то-

пором, Резентавр крушил все вокруг, рассекая пол, стены и даже потолок. Лурианцы, вынужденные отвечать, усиливали разгром, превращая окружающее пространство в дымящееся решето.

Само собой, подмога исключалась не только из-за Резентавра. В узел сканирования, громко топоча, ввалился Руд-гоор-Зунд — опальный мерколит, решивший не следовать ни устоям своих сородичей, ни велениям лурианцев. Размахивая громадным молотом, он искрил всей своей каменной фигурой и тут же принялся за дело. Дежурные лурианцы и оглянуться не успели, как он превратил в блины два ближайших высокотехнологичных аппарата. Возмущенно закричав, они ринулись его остановить, но тут на них накинулись утробно рычавшие сьюты, объявившиеся по велению Руд-гоор-Зунда. А его молот времени даром не терял. Расплющив одного лурианца, он замахнулся на другого, и тот едва не пал. Развеяв нескольких сьютов, он отлетел в сторону и шарахнул по мерколиту гремучим потоком энергии. Мерколит выстоял, потеряв часть каменного бока, осыпавшегося мелкой крошкой. Зарычав от ярости, он размахнулся и со всей дури швырнул молот прямиком в поразившего его врага. Молот вошел в лурианца, снес его прочь, врезался вместе с ним в стену, и оба исчезли в ее глубине. Руд-гоор-Зунд воздел руку. Молот, промелькнув из разлома, тут же вернулся обратно, гудя и заливаясь вихрями зеленой энергии. Лурианец — нет.

Институтский узел сканирования был просто набит очень хрупким и высокоточным оборудованием. Распылить Руд-гоор-Зунда и не раскурочить все вокруг не представлялось возможным. Разумеется, лурианцы пытались применять Нейтрализаторы, обездвиживающие цель в пространстве. Пытались применять так же, как и во всех других местах, где завязались ожесточенные бои. Увы, сами по себе они эффективно действовали только против обычных Извлеченных. Остановить опытного лурианца им было уже не под силу. Во всяком случае, без вспомогательных устройств. Нарушители, внезапно оказавшиеся на воле, таковым ничуть не уступали, а некоторые и превосходили. Они умело блокировали нейтрализующие поля, обращая их в ничто. Само собой, в остальном они тоже не дремали, уничтожая любое устройство, едва его воплощал какой-нибудь лурианец. Девиаторы, как обычные гончие, в бою оказывались совершенно бесполезны, как бесполезны и Грабберы. Затягивая все вокруг, они именно что затягивали ВСЕ ВОКРУГ. Включая самих лурианцев и вообще все, что двигалось. Иными словами, интерьер Института существенно ограничивал его сотрудников в методах борьбы, сопротивления и контратаки, в то время как Нарушители, давшие волю накопленным

ярости и злобе, ни в чем себе не отказывали.

Транспортные узлы внезапно наполнились многочисленными гадами, распространявшимися по ним с немыслимой скоростью. Их порождала Туриона — разумная исполинская змея, обладавшая, в прямом смысле слова, чрезвычайно ядовитым и коварным характером. Ее длинное чешуйчатое тело с головой лурианки непрерывно светилось, и из этого свечения поодиночке и пучками выпадали злющие шипящие пресмыкающиеся. Не только змеи, но и ящерицы, скорпионы, вараны и прочая подобного рода живность. Стоило какому-нибудь лурианцу объявиться из Двери, как все эти гады накидывались на него ожесточенной лавиной, заставляя либо увязнуть в бою, либо ретироваться. Сами же продолжали расползаться во все Лучи подряд, усиливая кошмар наяву, постепенно охватывающий весь Институт Воплощения Разума.

Туриона не только изрыгала полчища пресмыкающихся — она плевалась ядом. Не обычным, а энергетическим, пусть и зеленым как купорос. Попадая куда-либо, он разъедал материю до разрушения самой ее структуры. Это же касалось и энергетической сущности. Лурианец, своевременно не отразивший плевок, получал дозу специфической отравы, начинавшей растворять его структуру. Оперативно не нейтрализованная, она обращала жертву в едкие хлопья, бурлившие и пузырившиеся в том месте, откуда та отправилась в Террикл. Или небытие.

Друг друга Нарушители не трогали. Не трогали друг друга и их творения, остервенело кидавшиеся на лурианцев, но игнорирующие нежданных союзников. Круша все направо и налево, они старались не причинить вреда тому, кто тоже выступал против ненавистных тюремщиков, пытавшихся сломить их свободу воли. Не трогали они и Джулиана. Перемещаясь по всему Институту, он ни разу не подвергся нападению. Более того, все агрессивные создания кидались его защищать, если кто-то из лурианцев выказывал по отношению к нему подозрительные намерения. И объяснялось это отнюдь не тем, что Нарушители и их творения чувствовали в нем своего. Просто они прекрасно знали, кто дал им свободу.

Вернувшись в комнату с рунами, Джулиан приложил руку к очередному знаку и снова исчез. Точнее, переместился туда, где находился заблокированный вход в следующее тюремное Смещение. Руны создала Элайя. Она же расположила систему Зарниц, позволяющую автоматически отправляться в заданную точку. Ей и воспользовался Джулиан, когда настал условленный час. Очутившись в нужном месте, он вызывал в пространстве управляющий интерфейс и проводил с ним необходимые манипуляции.

Сам Джулиан никогда бы не смог взломать системы защиты,

установленные лурианцами на узилища Нарушителей. На обучение подобным навыкам у него ушли бы условные годы, если не столетия. В конце концов, лурианцы знали свое дело, поэтому оно если перед кем и пасовало, то Сибер'юнией, но никак не рядовым Извлеченным. Однако Джулиану ничем подобным овладевать и не требовалось. Элайя загрузила ему данные напрямую. Лурианский способ общения традиционно позволял поистине невероятные вещи, недоступные другим формам жизни. Как старейшая сотрудница Института, Элайя имела максимальный доступ, в том числе к расположению запертых Смещений и их матричным блокировкам. Эти матрицы она и направила в сознание Джулиана, оттискивая их в его фигуральных извилинах словно печатью по глине. Джулиан понятия не имел, как взломать системы защиты — он просто знал, чего и в какой последовательности активировать, чтобы снять их контуры один за другим. И он снял.

Первым освобожденным Нарушителем оказался Резентавр. Узрев лурианца, он поднял было топор, но тут же остановился, внимая адресованным ему мыслям. Джулиан транслировал речь, составленную им на пару с Элайей. Не речь — воззвание. В принципе, львиную долю текста придумал сам Джулиан, мечтавший освободить дочерей любой ценой. Элайя лишь скорректировала его эмоциональные, пронизанные экспрессией слова, придав им надлежащую окраску и дополнив персональным обращением к каждому Нарушителю.

Джулиан просил помощи. Он просил помочь ему освободить дочерей, которых лурианцы несправедливо заперли в Смещение просто потому, что они Другие. Заперли оттого, что они могут стать лучше и могущественнее самих лурианцев. И к кому как не к Нарушителям обращаться с подобной просьбой, ибо их и самих лишили свободы по схожей причине. Вечное заключение, на которое лурианцы обрекали ими же Извлеченных, как-то не вязалось с идеалами развития и свободы. Они распространялись только на тех, кто признавался достойным персонально им. Ко всем же остальным лурианцы демонстрировали нечто похожее на фашизм. Да, не все Нарушители паиньки, и многие из них действительно проштрафились. Но, быть может, настало время что-то изменить? Выйти в мироздание, и уже там найти свой собственный уголок? Бесконечности хватит на всех, и если уж лурианцы не возражают против одиноких творцов, занятых своими Локализациями, почему они отказывают в этом праве тем, кто всего лишь на них не похож?

В возвышенных речах имелось и рациональное зерно. Так или иначе, Джулиану нужна была помощь, а сокрушить сопротив-

ление Института могли только наиболее сильные и опасные Нарушители. Он сознавал риск, на который пошел, однако ради дочерей был готов на все. Он отдал бы собственную жизнь, и отдал навсегда, лишь бы его дорогие девочки обрели вечную свободу. И Элайя направила его горячий порыв. Направила потому, что у нее самой имелись для этого крайне веские основания. Она открыла Джулиану свою самую большую тайну, и тот воззрился на лурианку в величайшем изумлении пополам с величайшим же смятением.

— Да, — кивнула Элайя. — Это мучает и жжет меня с незапамятных времен. Теперь вы знаете истинную причину, по которой я хочу вам помочь.

Да, теперь Джулиан знал. Знал, и верил каждому ее слову, ибо причина оказалась весомее некуда.

Обращаясь к Резентавру, Джулиан обещал ему свободу взамен на одно обещание: не трогать ничего за пределами Института! Обитатели Колыбельной Локализации не виноваты в закоснелости, лицемерии и двуличии лурианцев, как не виноваты и другие Извлеченные. Некоторые из последних, хорошенько все обдумав, решили выступить на стороне несчастного отца, и нападать на них было бы несправедливо и поистине жестоко. На них, и на то, что они кропотливо создавали на протяжении времен.

Резентавр выслушал очень внимательно. Лурианская речь, позволявшая очень быстро передавать огромный объем информации, сказывалась должным образом. Джулиан не говорил часами, не ораторствовал и не убеждал. За непродолжительный период он передал все, что хотел сообщить, и взволнованно ждал ответа.

— ДА! — громыхнул Резентавр, вскидывая свой энергетический топор.

Это было и согласие и обещание. Подняв руку в приветственном салюте, Джулиан снял последний барьер, и Резентавр тут же покинул свое узилище.

Затем последовал Дормингдур. Разозленное Дерево встретило Джулиана не слишком-то приветливо, однако, в конечном счете, повело себя так же, как и Резентавр. Получив возможность поквитаться с лурианцами, оно обещало не трогать никого кроме них. Выпущенный на свободу, Дормингдур тут же направился в зал, где его приговорили, и к своему величайшему удовольствию обнаружил там массу тюремщиков. Которых немедленно и атаковал, давая волю накопленной злобе и ярости. Скорее всего, лурианцы сумели бы быстро опомниться и распылить его на мелкие частички. Вмешались Саугрус, Эгнотрон и Керборос. Призыв Джулиана они восприняли чрезвычайно охотно, давно мечтая хорошенько

всыпать тем, кто сначала Извлек их из Юнисанциумов, а затем отверг. Они заявили Джулиану, что пообещали бы гораздо больше, нежели он от них просил, а свое слово сдержат куда надежнее, чем гнусные лицемерные тюремщики. И сходу бросились в бой, определив, где началась та еще заварушка.

Руд-гоор-Зунд сперва отнесся к призыву Джулиана без особого энтузиазма. Он, конечно, хотел освободиться, но не ограничивая себя какими-то там условиями. Его настрой кардинально переменился, когда Руд-гоор-Зунд узнал, что на стороне восставшего отца выступает Оо-т-Ир, с которым он когда-то дружил и кого очень уважал. Громыхнув молотом, Руд-гоор-Зунд поклялся своей честью и был немедленно освобожден. Не теряя времени, он тут же направился в узел сканирования — громить все, что попадалось под руку. Он хорошо знал, насколько тот для лурианцев важен, и его расчет оправдался. Боясь уничтожить хрупкую аппаратуру, дежурные сопротивлялись в полсилы, пока Руд-гоор-Зунд отправлял их в Терриклы одного за другим.

Труднее всего вышло с Турионой. Коварная от природы, она очевидным образом нацелилась на обман. Ей бы освободиться, а там уж она никого не станет слушать и держать какие-либо обещания. Джулиан был готов к такому повороту и сообщил, что в случае недопустимого поведения Турионе придется иметь дело с Сибер'юнией. Разумная змея тут же поостыла. Она слыхала про красную богиню, наводившую ужас на всех лурианцев, и связываться с ней желанием не горела.

— Сибер'юния тоже с вами? — осторожно уточнила Туриона.

— Увидите, — лаконично отозвался Джулиан.

Скрепя сердце, Туриона нехотя согласилась на поставленное условие и тут же смогла покинуть ненавистное Смещение. О ее освобождении вскоре узнало множество лурианцев, столкнувшись как с разумной Змеей, так и ее ядовитыми приспешниками.

Само собой, были и другие Нарушители, от появления которых содрогнулся весь Институт. Ведь рун, заведомо оставленных в секретной комнате, насчитывалось несколько дюжин. Просто Джулиан начал с самых могущественных, способных на равных противостоять лурианцам и даже их превосходить. И этот расчет полностью оправдался. Увязнув в бою с грозными противниками, лурианцы уже не могли дать должный отпор тем, кто был менее опасен. Таким образом, на стороне Нарушителей образовалось силовое и численное превосходство, отчего лурианцам пришлось очень и очень несладко. Не ожидая ничего подобного, они начинали впадать в панику, не имея возможности прийти на помощь друг другу. Врагов же только прибывало, а положение становилось

поистине критическим. Однако лурианцы все еще могли переломить немыслимую схватку в свою пользу, стоило им перестать ограничивать силы и способности. Стараясь до поры избегать сопутствующего ущерба, они обязательно на это пойдут, если почувствуют, что поражение неизбежно. Таким образом, силы Нарушителей требовалось поддержать самым решительным образом, и восставшие против деспотии лурианцев это сознавали. Но то была уже не задача Джулиана. Элайя, остановив его мановением руки, заявила, что сделает все сама. Если уж пробил час взглянуть в лицо своим грехам, она шагнет им навстречу самостоятельно.

Закуток, где лурианцы разместили самое потаенное Смещение, было практически невозможно найти, не зная, где оно находится. Но Элайя знала. Она его чувствовала, и по очень простой причине. Тот, кто там томился, имел с ней прямую связь, которую нельзя было прервать никакими техническими ухищрениями. Подойдя к монолитной стене, серевшей в ничем не примечательной комнате, она провела по ней рукой, одним махом снимая все защитные контуры. И тут же исчезла, переместившись в запретное Смещение.

В сумеречном зале, лишенном всякой обстановки, находился один лишь Декартрон, занимавший его обширный центр. Внутри недвижно сидела одинокая узница. Заслышав чьи-то шаги, она стряхнула оцепенение и неторопливо повернула голову. Затем, воздев брови, встала на ноги и впилась взглядом в подходившую лурианку. Приблизившись к Декартрону, Элайя долго не могла поднять глаза, но, в конце концов, пересилила себя и взглянула в глаза той, кого совсем недавно Агнетто вторично обрек на вечное заключение.

— Ну здравствуй, мама, — негромко произнесла Сибер'юния.

Тревога застала Агнетто в зале с Юнисанциумами. Несмотря на все перипетии и интриги, он не забывал о своих обязанностях Оператора и выполнял их вполне себе добросовестно. Сняв секретное оборудование, безостановочно сканировавшее Сесилию, он занимался привычным делом, когда вой сирены ошеломил его до глубины души. Еще большее ошеломление вызвали несколько Нарушителей, вбежавшие в его святая святых. В отличие от многих коллег, Агнетто был ОЧЕНЬ опытным лурианцем, уступавшим лишь кому-нибудь вроде Элайи. Кроме того, он изрядно поднаторел в недавних боях. Быстро придя в себя, он активировал защитные контуры, накрывавшие Юнисанциумы непроницаемыми куполами, и ринулся в атаку.

Нарушителям пришлось несладко. Среди них, увы, не было кого-то вроде Резентавра, Саугруса или Кербороса. Выплескивая

все свои возможности, они старались изо всех сил, но в результате отступили, понеся существенные потери. Войдя в раж, Агнетто настолько искусно оперировал энергетическими полями и стихиями, что легко отражал любые потуги врага, налету распыляя всех его созданий. Сам же наносил удары один тяжелее другого, пробивая защиту и прямо-таки обессиливая противника. В конце концов, уцелевшие Нарушители ретировались. Агнетто их не преследовал. Прислушавшись к ментальному пространству, где началось нечто невообразимое, он скоординировался и вознамерился переместиться в зал для совещаний — туда, где его помощь требовалась больше всего. И не переместился. Ничего не понимая, Агнетто вновь и вновь пытался сделать условный шаг, чтобы уйти отсюда и выйти там, однако вновь и вновь у него ничего не получалось. Пребывая в смятении, Агнетто невольно оглядел свою фигуру, соображая, в чем может быть заминка.

— Куда-то собрался? — послышался чей-то насмешливый голос.

Оператор оглянулся и остолбенел. В нескольких ярдах позади него алела Сибер'юния.

Вот это было совсем скверно. Агнетто понял это мгновенно, едва узрел грозную, вроде бы запертую им навечно противницу. Управиться с ней один на один шансы у него априори отсутствовали. В лучшем случае ему удастся удрать. В худшем… Ох. Агнетто, до недавнего времени такой спокойный и самоуверенный, враз лишился своей гордыни и внутренне сжался в комок, предчувствуя крайне неблагоприятное развитие событий. Внешне, однако, он сохранил хладнокровие, стараясь не ударить в грязь лицом.

— Как вы освободились? — коротко спросил он, обдумывая пути к отступлению.

Нет, скорее, к бегству, стремительному и без оглядки.

— На сей раз меня не бросили томиться в вечном узилище, — криво усмехнулась Сибер'юния.

— Что значит — на сей раз? — не понял Агнетто.

— Я бы не сказала, что мою мать заела совесть. Однако ныне наши интересы совпадают, поэтому я воздержалась от мщения, — ядовито улыбаясь, произнесла Сибер'юния.

— Мать?! — выдохнул Агнетто. — Значит, вы и впрямь были с ней в сговоре?! Я так и подозревал!

— Ты идиот, — констатировала Сибер'юния. — Будь она со мной заодно, от Института камня на камня бы не осталось. Она честно защищала все это гнусное заведение и даже не пыталась меня освободить. Да и с чего бы ей даровать мне свободу, если она сама помогла меня обезвредить? Помогла при помощи Аманды и Сеси-

лии. Вероятно, я так и осталась бы торчать в заключении, если бы ты, идиот, не упрятал этих девочек так же, как меня. И тогда мама не выдержала.
— Она вынашивала этот план с самого начала! — забываясь, прорычал Агнетто.
— Ты идиот, — в третий раз повторила Сибер'юния, не удосуживаясь обращением на "вы". — Мама смирилась с моим заточением. С давних пор она несла в себе эту боль, но несла ради пресловутого благополучия лурианцев. Однако чаша ее терпения переполнилась, когда вы, кучка старых маразматиков, решили лишить лурианцев будущего.

Да, Элайя была матерью Сибер'юнии. Когда-то, в настолько давнюю эпоху, что Агнетто и на свет-то не появился, она воплотила ее в великой силе любви. Именно Воплотила, не сумев смириться с потерей дочери, павшей в одном из великих сражений прошлого. Как и дочери Джулиана, Сибер'юния не была Извлеченной. Она родилась в Колыбельной Локализации, глядя на новый мир расширенными от любопытства глазами. Элайе стоило немалых трудов обставить все так, словно ее дочь происходила из Юнисанциума, а она сама была ее наставницей и Куратором. О том, что Сибер'юния не просто самая одаренная ее ученица, знали очень и очень немногие.

Сибер'юния оказалась поистине уникальна. Она налету усваивала самые сложные знания, понимая их до мельчайших деталей. Ее способности к воплощению материи впечатляли и потрясали. Материи, а затем и жизни. Сибер'юния развивалась так быстро, что это начинало не столько поражать, сколько пугать. Пугать подсознательно, поскольку ни один лурианец не признался бы в таком даже самому себе.

Вскоре Элайя заподозрила неладное. Одаренная дочь была очень похожа на лурианку, но только внешне. Чем больше она развивалась, чем значительнее проявлялись ее таланты, тем яснее становилось матери, что Сибер'юния превосходит лурианцев, если вообще из их числа. Это не представляло бы никакой проблемы, держи дочь себя в руках и не пускайся в опасные эксперименты. К сожалению, дар гения невозможно удержать под контролем, иначе он не был бы гением. Способности Сибер'юнии непрерывно росли, достигая поистине невиданных высот. И росли они не только ввысь, но и вширь. Иными словами, дочь научилась делать такое, о чем лурианцы даже не помышляли.

Элайя заклинала Сибер'юнию держать свои возможности втайне. Держать хотя бы до тех пор, пока она не пройдет выпускной экзамен и не покинет Колыбельную Локализацию. Там, на

просторах мироздания, для нее наверняка найдется своя часть Вселенной, а может быть и новая, рожденная ее крепнувшей волей. Увы, дочь ее не послушала. Просто не смогла. Как уже упоминалось, подобный дар просто невозможно держать под контролем, и однажды он себя проявит. Проявит со всей силой, явив миру очередного великого творца. Или разрушителя. Ведь именно разрушителем Сибер'юния и стала, когда лурианцы, до смерти перепуганные ее открывшимися способностями, обездвижили ее прямо на выпускном экзамене. Прямо с экзамена Сибер'юния и отправилась в закрытое Смещение. Якобы на перевоспитание. Однако нельзя перевоспитать то, что составляет саму суть твоей природы. И временное заключение превратилось в вечное.

Элайя ничего не сделала. Сознавая, какую потенциальную угрозу ее дочь несет привычному лурианскому социуму, она надеялась на перемены. Их, разумеется, не произошло. Не слушая никаких увещеваний, Сибер'юния продолжала идти по своему пути, кратно прибавляя в силе и возможностях. Настолько, что лурианцы были вынуждены модернизировать ее узилище, попутно окружив его так называемой "мертвой зоной". Боль, поселившаяся в душе Элайи, заглушалась только усердной, непрерывной работой на благо Института и других Извлеченных. Боль испытывала и несчастная, несправедливо осужденная Сибер'юния. Не за то, что ее заперли недалекие, боявшиеся всего нового лурианцы. Больше всего она страдала из-за предательства матери. И с годами, с веками, с миллионами лет эта боль превратилась во всепоглощающую Пустоту. Остальное же заполнила ярость, пролившаяся на лурианцев в час освобождения.

Аманда и Сесилия. Две девочки, не похожие на остальных Извлеченных. Не похожие на самих лурианцев. Две сестры, такие же Другие, как сама Сибер'юния. Запри она их в своем же Смещении сразу — и ей бы давно удалось достичь своей цели. Сибер'юния их пожалела. Пожалела тогда, когда оставила на свободе, хотя и рисковала гарантией своего успеха; пожалела второй раз, зашвырнув подальше от центрального энергоузла. Затем наступил и третий. Наступил сейчас, когда Элайя явилась освободить свою дочь. И дочь не стала ей мстить. Более того, она не примется за прежние разрушения, уничтожая все на своем пути. Сибер'юния не то чтобы простила мать, но вняла ее мольбе. Вняла, и сделает все для освобождения Аманды и Сесилии, присоединившись к восстанию их отца. Затем они вместе уйдут в мироздание, где Сибер'юния станет сестрам добрым другом и наставницей. Станет на пути к созиданию, оставив позади жажду мести и вселенского апокалипсиса.

Агнетто верил и не верил Сибер'юнии одновременно. С одной стороны, та, кто миллионы лет вынашивал планы мести и обладал возможностью творить и низвергать Локализации, просто не могла вот так вот взять и пересмотреть свои взгляды. С другой, глаза утверждали обратное. Сибер'юния больше не светилась ни красным, ни алым, ни даже оранжевым. Ее наполнял ровный голубой свет — свет уверенной чистоты в помыслах. Возможно, только сейчас и ненадолго, но, тем не менее, наполнял, без всякой сторонней примеси.

— Я не позволю их освободить! — только и сказал Агнетто. — Вы втроем? Вы что, правда не понимаете, что принесете Вселенной погибель?

— Вашему привычному укладу — возможно, — сверкнула глазами Сибер'юния. — Но мы не тронем вас, если вы не тронете нас. Мы удалимся так далеко, что вы о нас даже не услышите. И там создадим свой новый мир. Мир, куда более справедливый, чем все ваши лицемерные фашистские убеждения. Кто захочет — сможет к нам присоединиться, открывая для себя новые горизонты. Остальные… Да пусть живут, как живут, дряхлея в своих заблуждения и рассыпаясь в пыли вечности. Мироздание унаследуют другие!

— Я вам не позволю, — тупо повторил Агнетто, в принципе, не особо понимая, как именно он собирается это осуществить.

— Тебя никто не и спросит, — жестко сказала Сибер'юния. — Этот разговор сейчас происходит лишь потому, что в мыслительном потоке, которым мы обмениваемся, я ищу признаки того места, где вы заточили девочек. Ты ведь невольно о нем думаешь. И я их только что нашла. Так что, мой дорогой предатель, я более не усматриваю в тебе ни малейшей необходимости.

— Предатель?! — взвыл Агнетто. — Это вы все предатели! Ты, Элайя, этот недоделанный Джулиан, эти подлые Извлеченные!

— Нет, презренный трус. Предатель как раз ты! — твердо заявила Элайя, внезапно появляясь рядом с дочерью. — Это ты предал идеалы лурианцев. Предал их будущее. Предал наш уговор. Это ты забыл, ради чего создавался Институт Моделирования Разума, равно как забыли и все прочие. Стоя на пороге будущего, вы всеми силами стараетесь похоронить его в самых темных закоулках этой Вселенной. Но я вам не позволю! И моя дочь не позволит! Пусть она меня никогда и не простит, зато хоть в этом мы с ней заодно! Аманда и Сесилия обретут свободу и вместе с Сибер'юнией отправятся создавать новый мир. А вы все будете смотреть и завидовать!

Унять взбешенного Оператора было невозможно. Он оконча-

тельно стал игнорировать голос разума, тем более что, застряв в оголтелом консерватизме, игнорировал его с самого начала. В его душе страх сменился злобой, граничащей с сумасшествием. Не в силах выносить ни подобных речей, ни превосходства этих двух лурианок, одна из которых лурианкой не была, он совсем потерял голову. Однако у него хватило ума не кидаться на противниц, шансы против которых в принципе отсутствовали. Агнетто пошел на хитрость. Поняв, что его тайные мысли и так разоблачили, он внезапно послал Сибер'юнии четкую и ясную картинку того места, где были заключены Аманда и Сесилия. Узрев это видение, Сибер'юния отвлеклась. Отвлеклась лишь на мгновение, но его оказалось достаточно, чтобы Агнетто переместился в пространстве. Иными словами, сбежал в неизвестном направлении.

— Проклятье! — вскричала Сибер'юния, честя себя на все корки.

— Скорее! — добавился она, хватая маму за руку.

И тут же обе, не теряя времени, направились к узилищу сестер, пока Агнетто, обуянный едва ли не безумием, не совершил чего-нибудь непоправимого.

Смещение сестер представляло собой настоящий пространственный шедевр. Его вход был запрятан в переплетении других Смещений. Чтобы попасть в это узилище, требовалось пройти через них в определенном порядке. Сами же они скрывались в такой сложной череде реального и виртуального, что мастерство Агнетто — и впрямь талантливого Оператора — невольно заслуживало самой высокой оценки. Насилу добравшись до входа, Сибер'юния и Элайя убедились, что обезумевший враг ничего там не натворил, и вообще пребывает где-то в другом месте. К сожалению, убедились они и в том, что в заветное Смещение им не попасть. Причина выяснилась быстрее некуда.

— Пока этот контур напрямую питает центральный энергетический узел Института, нам внутрь не пробиться, — констатировала Элайя, тщательно изучив все структуры.

— Выходит, мама, его все-таки придется сокрушить. И на сей раз ты сама мне поможешь, — невесело рассмеялась Сибер'юния.

— Джулиан! Джулиан, ты меня слышишь?! — позвала Элайя в пространство. — Планы меняются. Собирай всех в точке тета-семнадцать. Есть неотложный разговор.

* * *

Собрание на острове выглядело бы слишком примечательно, пусть даже Институт и был охвачен хаосом, не говоря уже про уязвимость. Под точкой тета-семнадцать Элайя подразумевала

Смещение в одном из лабораторных комплексов, занимавшихся вопросами различной флоры. Все точки, разумеется, были оговорены заранее и светились в сознании восставших не хуже звезд на небе. Если уж схватка полыхала в Институте, там им и надлежало встречаться, под самым носом у лурианцев. Тем все равно хватало забот, и даже случайное обнаружение заговорщикам ничем не грозило.

Вскоре прибыли все. К Элайе и Сибер'юнии присоединился Джулиан, выпустивший из заключения еще десяток Нарушителей. Затем появился Оо-т-Ир, а следом Гизмунд. Последними одновременно вошли Синотея и Аскин. Расположившись кружком, ядро восставших пожелало услышать, чего такого важного намерена сообщить им Элайя.

При виде Сибер'юнии Извлеченные видимо напряглись. Они заведомо знали, что Элайя намерена ее освободить, и согласились с этим планом, но знать и лицезреть — не одно и то же. Им оказалось крайне трудно переварить, что буквально накануне вся Локализация сотрясалась от полчищ этой разъяренной лурианки, а теперь она стоит себе рядом, и вроде как с ними заодно. А ведь все, что им было дорого, едва не отправилось в небытие. Да, у Извлеченных имелось полное право ей не доверять, если вообще не трястись при одном ее виде. Однако красные тона больше не доминировали в излучении Сибер'юнии. Теперь она озарялась ровным голубым светом, весьма впечатляющим на фоне недавней безудержной ярости.

— Бывает же, — шепнула Аскину Синотея.

— Сам не верю, — тихо отозвался тот.

Приветливее всего Сибер'юнию встретил Джулиан. Он тоже не забыл всех ужасов скоротечной войны, однако хорошо помнил, как алая богиня отнеслась к его дочерям. Именно поэтому он послал ей искреннее мысленное приветствие, воспринятое Сибер'юнией едва ли не с благодарностью.

Не теряя времени, Элайя ввела всю компанию в курс дела. Местонахождение сестер обнаружено, однако пробиться в их узилище не представляется возможным. Это удастся осуществить только в одном случае — если нейтрализовать центральный энергетический узел Института, от которого контуры запертого Смещения запитаны напрямую.

— А разве нельзя пресечь несущие каналы? Взять да перерезать, а то и взорвать? — осведомился Оо-т-Ир.

— Я же сказала, НАПРЯМУЮ, — терпеливо повторила Элайя. — Нет там никаких каналов. Пространственная структура практически связала блокирующие барьеры с узлом единым целым. Защит-

ные контуры теперь как бы часть энергоузла, и пока он не отключится, они будут активны и нерушимы.
— Что вы предлагаете? — коротко спросил Аскин.
— Даже не верю, что это говорю, но теперь нам придется довести до конца то, что затеяла моя дочь, — вздохнула Элайя.
Тут приключилась небольшая заминка, поскольку из присутствующих один лишь Джулиан уже знал, кем ей приходилась Сибер'юния.

Выслушав краткий экскурс в семейную историю, насквозь пропитанную драмой, присутствующие остолбенели. К счастью, ненадолго, поскольку лурианцы рано или поздно дадут Нарушителям должный отпор. Дормингдур, Эгнотрон и остальные именитые заключенные, конечно, дьявольски сильны, но без Сибер'юнии они вряд ли одержат верх над всем Институтом. Тот уже начал включать защитные механизмы, блокирующие сектор за сектором. Пространственные Двери тоже вот-вот перестанут функционировать. Вскоре лурианцы опомнятся и поймут, что лучше собственноручно разрушить некую часть, нежели лишиться всего. Восставшим следовало поторапливаться, а для этого требовалось выработать единый план действий.

— Минутку! — подала голос Синотея. — Насколько я помню, если бы Сибер'юнии удалось разрушить центральный энергоузел, это означало бы конец не только Института, но и всей нашей мини-Вселенной. То есть и Колыбельной Локализации, с ее обитателями и, в том числе, моим дорогим озером. Что-то мне эта идея не нравится!
— Я бы сказала, что другой нет, однако шанс сохранить Локализацию все-таки имеется. Небольшой, но есть, — старательно выговаривая каждое слово, произнесла Элайя.
Все обратились в слух.

Полностью уничтоженный, центральный энергоузел и впрямь породит неизбежную и необратимую катастрофу. Но это если уничтоженный. Для той же Сибер'юнии так было легче и проще, однако существовал и альтернативный путь. Узел следовало разрядить до нуля. Пребывая практически без энергии, он все еще будет поддерживать саму основу Вселенной, однако любой его контур, включая те, что блокировали Смещение Аманды и Сесилии, удастся сломить без особых затруднений.

На словах это выглядело вполне себе разумно. Проблема заключалась в том, что для подобного замысла требовалась астрономическая точность. Есть такая математическая величина — предел, стремящийся к нулю. Восставшим надлежало довести центральный энергетический узел именно до такого предела. Для лю-

дей из Юнисанциума Джулиана подобное считалось бы невозможным, как, впрочем, и для других Юнисанциумов. Однако восставшие находились в реальном мироздании, где все было иначе, а сам принцип любой невозможности носил лишь условный и временный характер. Иными словами, там считалось возможным все.

Институт содрогнулся. Вероятно, молот Руд-гоор-Зунда сокрушил один из малых энергетических узлов, лишив питания какой-нибудь комплекс, или яд Турионы прожег дыру в силовых линиях, связующих внутреннее пространство с внешним. Затем последовала серия малых толчков. По всему было похоже, что лурианцы применили метод ковровой бомбардировки, зачищая какую-то площадь. Ну или Нарушители — поди их теперь разбери.

Внезапно, через образовавшуюся в стене щель, в Смещение лаборатории посыпались пресмыкающиеся. Злобно шипя и горя глазами, они рванулись было к заговорщикам, сочась отравой и царапая когтями пол. Рванулись и остановились, признав своих. Затем развернулись и скрылись там, откуда выскочили. Теперь в щели маячила одна лишь крупная ящерица и несколько змей — не иначе, работали часовыми, разворачивая союзников восвояси. Заговорщики успокоились, но снова вздрогнули, когда из-за стены послышалось еще более громкое шипение, перемежаемое странным клацаньем.

— Грубаура, — констатировала, прислушавшись, Элайя.

— Я слышала про эту паучиху, — поежившись, буркнула Синотея. — Теперь лурианцам мало уж точно не покажется.

Грубаура угодила в заключение из-за своих мировоззрений. Она вообразила, что любая энергия — это ее персональное питание, и решила вытягивать ее откуда угодно, улавливая своими обновленными тенетами. Включая всех попадавших туда существ и саму Локализацию.

— Вот она-то нам и поможет! — воскликнула Элайя. — Она, и транспликаторы Сибер'юнии! Раздуваясь, Грубаура способна поглотить несметное количество энергии. Так пусть ее паутина оплетет центральный энергоузел, а транспликаторы перекачают в нее все, что сумеют выжать из лурианцев.

— Гм. Может и сработает, — потерла подбородок Сибер'юния.

— Только захочет ли этого сама Грубаура? — усомнился Аскин. — Насколько я помню, она весьма несговорчивая особа.

— Сейчас и выясним, — заметила Элайя.

Казалось, она исчезла только на мгновение, как вот уже вернулась с означенной Нарушительницей.

Присутствующие, за исключением Сибер'юнии, почувствовали себя крайне неуютно. Грубаура и не думала принимать лурианц-

ский облик. Точнее, когда-то она его носила, но в заключении вернулась к прежнему, из своего Юнисанциума. Двенадцатилапая паучиха с двумя вложенными пастями, жалом и множеством глазок, часть из которых поднималась на гибких ножках, доверия особо не внушала, не говоря уже о симпатии. Ее хелицеры непрерывно шевелились, а тугое брюхо, покрытое бугристыми наростами, то и дело покрывалось дымкой из энергетической паутины.
— Есть важное дело, Грубаура, — строго сказала Элайя.
Паучиха любезно согласилась выслушать. Успев перекусить несколькими лурианцами, она ни с кем особо не считалась, исключая вот эту конкретную лурианку, а также Сибер'юнию, про которую не был наслышан только слепоглухонемой. Этих двоих она откровенно побаивалась, отчего изменила своим хищным повадкам и была довольно мила.

Долго уговаривать не пришлось. Узнав, что ей предлагают полакомиться ничем иным, как центральным энергоузлом Института, Грубаура согласилась без раздумий. Тот представлял для нее настоящее лакомство, щекоча бесконечно ненасытный аппетит.
— Только имей в виду, Грубаура! Ты обязана мгновенно прекратить высасывание энергии, как только я или моя дочь дадим тебе команду! — очень выразительно произнесла Элайя.
— В противном случае — пеняй на себя, — грозно прибавила Сибер'юния. — Я даже не успею распылить тебя по Вселенной — она и так рванет почище всякой сверхновой.
— Поняла, не дура, — проворчала Грубаура.
— Значит, договорились. Возвращайся к своей охоте, но береги себя! Без тебя нам придется разрабатывать другой план, а на него может не хватить времени, — велела Элайя.
Паучиха церемонно присела, отдавая дань вежливости двум могущественным лурианкам, и удалилась куда-то в пространство. Она ведь тоже умела перемещаться не намного хуже них.

Задача Извлеченных менялась. Прежде они не вступали в прямую конфронтацию с лурианцами, занимаясь саботажем на оборудовании и блокируя различные сегменты Института. Теперь же им надлежало выступить на передовой, координируя отряды Нарушителей. Сами по себе те вряд ли вот так запросто бы им подчинились, если бы не Сибер'юния, которая возглавит общее наступление. Ее боялись так, что приказы красной богини будут выполняться беспрекословно, равно как и приказы тех, с кем она находится в прямой ментальной связи.

Менялась задача и Джулиана. В сражение его никто не звал. Архитектор, умудрившийся воплотить двух уникальных дочерей, был слишком одарен созиданием в противовес боевым навыкам.

Ему вменялось довольно простое дело, полностью соответствовавшее его же чаяниям. Джулиан должен был охранять вход в Смещение, где заперли Аманду и Сесилию. Простое, впрочем, только на первый взгляд. Там требовалась максимальная и непрерывная бдительность. Появись у Смещения кто из лурианцев, и появись явно с дурными намерениями, он наверняка моментально обезвредит часового, не способного оказать ему должного сопротивления. Все, что надлежало Джулиану — это мгновенно позвать на помощь. Элайя и Сибер'юния немедленно явятся, пользуясь Зарницами, и уничтожат любого, кто посягнет на узилище сестер.

На том и порешили. Проверив ментальную связь, присутствующие разобрали группы, сегменты Института, и отправились на передовую.

Лурианцы и впрямь начали брать верх. Придя в себя и скоординировавшись, они дали Нарушителям достойный отпор, малопомалу наращивая ударную мощь. Еще немного — и они переломили бы ход сражения в свою пользу, если бы не внезапное появление Сибер'юнии. Прямо-таки заходясь насыщенно-красным сиянием, она объявилась будто из ниоткуда и тут же ринулась в кипевшую схватку. Лурианцы, ужаснувшиеся при одном ее виде, немедленно утратили боевой дух, а Нарушители — наоборот, преисполнились воодушевления. Керборос торжествующе взревел, мгновенно удвоив число своих копий. Дормингдур затрещал так, будто его просмоленные стволы охватил жаркий огонь. Эгнотрон загудел, массово воплощая множество машин. Саугрус, постепенно зажимаемый в угол, одним махом раскидал всех наседавших лурианцев и выпустил серию сокрушительных молний. Зал для заседаний, доселе служивший ареной свирепой битве, превратился в настоящее побоище.

Сибер'юния не церемонилась. Всколыхнув всю накопленную ярость, она практически создавала новую Локализацию налету, обрушивая ее на головы запаниковавших лурианцев. Она давила их и крошила, испепеляла и жгла. Ее неистовый напор разрывал саму ткань реальности, а стены, пол и потолок обращались в невообразимую труху. Энергия, испускаемая Сибер'юнией, сокрушала любые блокировки и пробивала любую защиту. Учитывая подспорье других Нарушителей, лурианцам просто нечего было ей противопоставить. Лавина огненных существ, появлявшихся сразу со всех сторон, и разумные молнии Сибер'юнии довершили дело. Сжимаясь в группу, лурианцы уже и не помышляли о контратаке, окруженные ревущим пламенем. Разгром, чудовищный и неотвратимый, становился очевидным. Они реагировали на зов Агнетто. Создавая единый щит, уцелевшие лурианцы кое-как выдерживали

сыпавшиеся на них удары, огрызаясь фрагментарной дематериализацией. Молния, ударившая из нависших туч, едва не расколола их отряд пополам, а штормовой ветер чуть не разметал по всем остаткам зала. Тем не менее, лурианцы устояли. Те, кто вообще умудрился выжить в столь жуткой мясорубке. Скоординировав силы, они наконец-то пробили блокаду, установленную на пространственные перемещения, и исчезли, причем ценой потери еще троих, распыленных Сибер'юнией прямо в момент ухода.

Зал для совещаний опустел. Опустел во всех смыслах, поскольку теперь в нем не было ни лурианцев, ни какого-либо интерьера. У него не было даже пресловутого купола, обрушенного мельчайшими, разящими все и вся осколками. Теперь на его дымящихся, оплавленных развалинах алела Сибер'юния, окруженная ревущими от восторга Нарушителями. Однако торжествовать было рано. Получив весточку от матери, она велела союзникам умолкнуть и следовать за собой. Те подчинились беспрекословно.

Агнетто довольно быстро разгадал замысел Элайи. Там, впрочем, и разгадывать-то было особо нечего. Намереваясь освободить сестер, она просто не могла обойти центральный энергетический узел. Следовательно, тот и станет ее приоритетной целью, а значит, всем лурианцам надлежит собраться возле него и защищать до последнего завитка энергии. Шансы на успех были довольно велики. Да, велики, особенно если Агнетто снимет изоляцию и в срочном порядке обратится за помощью в Источник. Случай был вопиющий, поэтому как риск, так и само обращение считались вполне оправданными.

Созывая лурианцев, Агнетто ринулся в лучевой зал, единственным назначением которого была связь мини-Вселенной Института со всем остальным мирозданием. Находясь над энергетическим центром, он тоже составлял с ним единое целое, как и узилище сестер. Заблокированный, лучевой узел не позволял выйти за установленные пределы, пока этому препятствовал энергоцентр. Однако Агнетто в любой момент мог активировать его снова, что в планы Элайи никоим образом не входило. Именно поэтому, когда он попытался его включить, у него ровным счетом ничего не вышло. Пробуя снова и снова, Агнетто не сразу осознал, что контрольная матрица лучевого узла повреждена, и повреждена необратимо. На ее восстановление понадобится немало времени и сил, каковых в его распоряжении просто не имелось. Альтернативным способом снять изоляцию было отключение центрального энергоузла, чего как раз добивались восставшие, и что не входило уже в планы самого Агнетто.

Повреждение лучевого узла к побоищу в Институте не имело

никакого отношения. Он не вышел из строя из-за различных потрясений, его не поломали энергетические вспышки и вообще его никто, собственно, и не трогал. Никто, кроме Джулиана. Прикоснувшись к очередной руне, он переместился прямиком в закрытую зону, пользуясь запрограммированной возможностью самой Элайи. Переместился в промежутке между освобождением Нарушителей, когда внимание лурианцев оказалось отвлечено дальше некуда. Очутившись на узле, Джулиан опять же воспользовался данными, переданными ему Элайей напрямую в сознание. Он понятия не имел, как обращаться со столь сложным оборудованием, и даже не смог бы его сломать, учитывая эшелоны защиты. Его научила Элайя. Он просто сделал все так, как она ему мысленно показала, и более чем преуспел. Лучевой узел превратился в набор бесполезного нагромождения техники, а Агнетто, скрежеща зубами, осознал, что его снова провели. Выбора у него не оставалось. Яростно чертыхаясь, Оператор переместился к центральному энергоузлу, куда принялся созывать всех оставшихся лурианцев. А их оставалось еще довольно много, чтобы дать восставшим решительный и потенциально победоносный отпор.

* * *

Фактически, лурианцы бросили весь Институт на произвол судьбы. Собираясь возле центрального энергетического узла, они полностью утратили контроль над любым другим комплексом. Однако Агнетто, возглавивший прибывавших лурианцев, ничем особо не рисковал, прекрасно это сознавая. Восставшие не станут крошить все подряд, распыляя силы на периферии. Собравшись в единый кулак, они атакуют свою приоритетную цель. Там их и надлежало встретить, а все прочие области Института почти наверняка избегут тотального разрушения. Так оно и произошло.

Аскин, Гизмунд, Синотея и Оо-т-Ир возглавили четыре группы, подступавшие к энергоузлу с разных сторон. Они получали приказы напрямую от Сибер'юнии и передавали их Нарушителям. Те подчинялись без возражений, поскольку знали, кто стоит во главе восстания и осуществляет непосредственное командование. Что же касалось Элайи, то она перескакивала с место на место, уточняя координацию и внося необходимые коррективы. Ну и вступала в бой, когда этого требовала оперативная обстановка. Вступала, разумеется, и Сибер'юния, даже не помышляя отсиживаться за спинами союзников. Она рванулась бы в сражение даже одна, не говоря уже про многочисленных сторонников. Объявившись на передовой, Сибер'юния испустила на лурианцев всю свою

мощь, налету поджигая и перекраивая реальность. Она возглавила ударную группировку, пока остальные потихоньку сужали периметр, вынуждая лурианцев растягивать силы.

Купола Безвестности или Ольмикрона в случае с Сибер'юнией становились просто бесполезны. Она сносила их мгновенным усилием воли, отчего лурианцы не растрачивались на никчемные попытки. Прекрасно сознавая, с кем имеют дело, они сосредоточились на эшелонах энергетической и пространственной защиты, нанося в ответ точечные выпады. Не имея возможности для полномасштабной контратаки, они ограничивались скальпельными ударами. Их целью становились Нарушители попроще, дематериализуемые в случае успеха. Ударный же костяк по-прежнему был лурианцам не по зубам. Во всяком случае, до тех пор, пока не останется в одиночестве. Тогда, за счет мощи центрального энергоузла, лурианцы попробуют сокрушить и их.

С узлом ситуация получалась двоякой. С одной стороны, он выступал для лурианцев мощным подспорьем, и хорошо, что предварительно ослабленным войной с Сибер'юнией, иначе у восставших просто не было бы никаких шансов. С другой, расходуя его энергию, лурианцы автоматически играли на руку замыслу Элайи, поскольку разряжали то, что и так требовалось разрядить. Таким образом, получалось: если восставшие выдержат контрудары лурианцев и сумеют их дожать, их задача автоматически упростится. Если же нет… Об этом никто не думал. Все силы, накопленные и бурлившие от гнева и ярости, сейчас были брошены на высокоразвитых тюремщиков, перепутавших высокие идеалы с откровенным фашизмом. На них же были брошены и все помыслы.

Сибер'юния выступала во главе атакующего клина, принимая удары врага собственной грудью. Принимая и прикрывая остальных. Другие Нарушители следовали рядом, используя все свои способности на максимум. Керборос закидывал собственные копии прямиком в ряды лурианцев, скрывавшихся за различными барьерами. Саугрус посылал медуз, прожигавших материю и пространство. Дормингдур наплодил столько свирепых шершней, что от них гудело само мироздание. Эгнотрон больше не воплощал крупных машин и даже мобильную артиллерию. Ограничиваясь глептоноидами, он забрасывал лурианцев микроскопическими существами, способными внедряться в телесную структуру и разрывать ее изнутри. Выглядя своеобразным облаком, эти существа летели в потоках штормового ветра, поднятого всеми Нарушителями сразу. Своих они, разумеется, не атаковали, даже если лурианцы ненадолго обращали ветер вспять. Окружив себя защитны-

ми контурами, лурианцы эффективно противостояли миниатюрной угрозе, но стоило им зазеваться и... Эгнотрон же работал снайпером, держась возле Сибер'юнии. Едва защита врага где-нибудь ослабевала, как он тут же выстреливал туда из своего ружья, пробивая внушительную дыру. Дыру, в которую немедленно устремлялись все прочие творения Нарушителей.

Руд-гоор-Зунд воевал в группе Оо-т-Ира. Крепко обнявшись, эти два мерколита составили отличный тандем. От природы не агрессивный, Оо-т-Ир сосредоточился на защите, в то время как Руд-гоор-Зунд, более на нее не отвлекаясь, сконцентрировался на атаке. Его молот сокрушал барьеры лурианцев будто хрупкое стекло. Они только и успевали их восстанавливать, пока грозный мерколит отвоевывал дюйм за дюймом. Прочие Нарушители держались рядом, эффективно используя укрытия и нападая в наиболее подходящий момент.

Турионой командовал Аскин. По характеру этот древний и когда-то очень опасный хищник больше других подходил на роль ее начальника, заодно вспоминая давно забытые навыки. Пока Змея исторгала полчища свирепых рептилий и плевалась ядом, насквозь прожигавшим любую материю, он сотворял свои мобильные биомы, только в миниатюре. Удильщик, выступавший их центром, насыщал энергией всех прочих созданий, атаковавших лурианцев с невиданным усердием. Плевки Турионы тут приходились весьма кстати. Проделывая в барьерах дыру, она позволяла Аскину забрасывать через нее очередной биом. Сжатый до миниатюры, там он мгновенно разрастался, иногда заполоняя собой все свободное пространство. Лурианцы, отвлекаясь на дематериализацию, тут же теряли очередной оборонительный рубеж, и были вынуждены отступать, если не успевали вернуть над ним контроль.

Грубаурой не командовал никто, исключая прямые указания от Сибер'юнии или Элайи. Перемещаясь вдоль всего фронта, она закидывала лурианцев своими тенетами и высасывала высвобождаемую отовсюду энергию. В какой-то момент она прикрыла даже Сибер'юнию, когда лурианцы, наведя на нее некое подобие рельсотрона, выстрелили мощнейшим пучком лучей. Тряхнув заметно пожирневшим брюхом, Грубаура приподняла свою тыльную часть и выпустила навстречу заряду толстенный сноп искусно переплетенной паутины. Ее часть мгновенно испарилась, но часть прямотаки налилась сияющей мощью, тут же втянутой паучихой в свое чрево. Грубаура тут же стала еще больше и засеменила на другой участок фронта. Туда, где Синотея едва не допустила фатальную ошибку. Появление паучихи, невольно заставившее ее содрогнуть-

ся, пришлось крайне своевременно. Быстро сориентировавшись в обстановке, та сплела целую стену из тенет. Точнее, несколько стен, связанных друг с другом транспортными каналами. Пока лурианцы сносили эту шелковистую и зловещую конструкцию, Синотея успела вернуть себе инициативу. Тут на подмогу ей подоспел Уудун, и ситуация окончательно выровнялась в пользу Русалки.

Уудун тоже происходил из водного мира. Когда-то, в ближайшем сравнении, он был кем-то вроде кита-касатки. Однажды эти киты сумели покинуть родной океан и научились плавать прямо в космосе, не нуждаясь в космических кораблях. Окружив себя защитной слизью, они превратили ее в поистине уникальную субстанцию, позволявшую им как существовать в пустоте, так и быстро в ней перемещаться. Задержка Уудуна, прибывшего одним из последних, объяснялась просто. Он воссоздавал эту самую слизь, которая теперь покрывала его с ног до головы. Похожий на лурианца, он пучил из-под нее огромные черные глаза, высматривавшие подходящую цель.

Уудун, в прямом и переносном смысле, был крайне скользким типом. В отличие от Синотеи, он не излучал миролюбия, а его созидание граничило с перекраиванием доступных ресурсов. Возможно, лурианцы излишне перестраховались, заключая его в Смещение, а возможно и нет. Как бы там ни было, Уудун проторчал в заключении довольно долго и, как и прочие, симпатий к своим тюремщикам ничуть не испытывал. К Синотее его определила лично Элайя. Противоположности, как говорится, сходятся. Русалка Уудуну очень даже понравилась. Посмеиваясь в душе над ее наивным мировоззрением, он тут же взял Синотею под свое покровительство и показал, на что способен. А способен он оказался на многое. Слизь Уудуна была ему как небесная благодать, в то время как лурианцам — строго наоборот. Ее хлопья, осыпавшиеся липким градом, причиняли им максимум неудобств, отвлекая от всего остального. Тем временем Уудун воплощал воду. Только не простую воду. Заливая пространство, она внезапно начинала втягиваться внутрь самой себя, заодно прихватывая и любое другое вещество. Работало это по принципу черной дыры. Уудун совмещал память о своем океане с бескрайними просторами пустоты. Вокруг лурианцев образовывался своеобразный вакуум, который сперва засасывал материю и энергию, а затем, когда те достигали критической точки сжатия, взрывообразно выбрасывал их обратно. Эффект получался весьма впечатляющим и довольно разрушительным.

Различных существ Уудун творил так, по мелочи. Они допол-

няли Радужных рыбок Синотеи, не воевавших, но накачивавших свою хозяйку дополнительной энергией. Рыбки помогали ей, а создания Уудуна защищали рыбок. Таким образом, у двух Извлеченных, столь отличавшихся по характеру, происхождению и возможностям, тоже сложился неплохой тандем, отчего помощь Грубауры уже не требовалась.

Гизмунду оказывал поддержку Дормингдур, периодически наведываясь к нему из ударной группы Сибер'юнии. Они были родом из разных Юнисанциумов, но Дормингдур считал своим долгом подсобить восставшему собрату. Правда, собрат и сам неплохо справлялся. Это задумчивое, печальное Дерево, вроде бы до сих пор не обладавшее особыми талантами, внезапно показало себя весьма впечатляюще. Вероятно, горечь Джулиана усилила в его душе тоску по собственной семье, а это, в свою очередь, неожиданно налило его новой силой. Силой, порожденной нерастраченным чувством любви. Лурианцев атаковал целый лес, вздымавшийся по воле своего предводителя. Треща ветвями, деревья тянули к ним свои длинные ветви и опутывали гибкими, коварными корнями. Пол, потолок и стены пошли густыми мшаниками, скрадывавшими большинство видов энергии. Трава, вздымавшаяся из пола, сковывала лурианцам движения. Плесень, разраставшаяся на энергетических щитах, проедала их как металл ржавчина. В довершении всего Гизмунд сотворил множество белок. Сами по себе неопасные, они срывали с него жемчужные сферы жизни и швыряли во врагов. Но этой самой жизни сферы в себе теперь не несли. Налитые гневом, они взрывались, испуская всепрожигающие лучи. После этого шершням Дормингдура оставалось лишь дополнить начатое и внести в ряды противника смятение и хаос.

Очередной выпад не застал Сибер'юнию врасплох. Небрежно выставив руку, она направила враждебную энергию вокруг себя. Там ее тут же подхватили транспликаторы, непрерывно уничтожаемые лурианцами, но непрерывно же и появлявшиеся. Часть их добычи Сибер'юния забрала себе. Другую направила в тенета Грубауры, помаленьку достигавшей поистине огромных размеров. Блестя своими жутковатыми глазами, паучиха пировала так, как никогда в жизни, упиваясь битвой и своей законной добычей. Сконцентрировавшись на ударе по Сибер'юнии, лурианцы на мгновение приподняли защитные эшелоны, чем Грубаура тут же и воспользовалась. Молниеносный выброс тенет — и вот один из лурианцев уже опутан ими с ног до головы. Дернув лапами, паучиха рванула его к себе, но лурианец до ее хищных жвал так и не долетел. Сеть растворила его прямо на лету.

Другой выпад едва не достал Эгнотрона, который лурианцам

до смерти надоел. Его микроскопические творения были им как кость в горле, поэтому они, улучив момент, перестали отстреливать мелких Нарушителей и направили в него всю ударную мощь. Предварительный обманный маневр удался, и тут бы Эгнотрону и конец, если бы не Сибер'юния. Успев среагировать, она фактически закрыла его собой. Любой другой Нарушитель или лурианец испарился бы на месте, но Сибер'юния выдержала. Она окружила себя подобием балахона, сотканного из миниатюрных транспликаторов. Тысячей тончайших балахонов, последовательно уничтоженных за кратчайший миг. Каждый из них немного ослаблял входящий поток, поэтому до Сибер'юнии дошла лишь половина враждебной энергии. Половина, встреченная той, которую "балахоны" напрямую передали своей владелице. В итоге разделенный заряд полностью нивелировался сам о себя, а Сибер'юния, породив ураган живых молний, швырнула их туда, откуда он вылетел. Серия чудовищных взрывов, сотрясшая оборонительный рубеж лурианцев, заставила их ретироваться, стремительно теряя позиции.

Когда Элайя говорила Джулиану, что лурианцы не нуждаются в телах, она заодно и упомянула про некие связанные с ними удобства. Так оно и было. Лурианцы могли воевать и в бесплотной форме, напоминая золотистое, порхающее в воздухе облачко. Однако в такой форме они, как ни странно, становились и более уязвимыми. Тела позволяли им лучше концентрироваться и эффективнее оперировать сразу множеством процессов. Бестелесный же облик даровал им известные преимущества, но перечеркивался рядом недостатков. К примеру, утратив тело в подобии черной дыры, лурианец имел возможность тут же воплотиться в новое. В противном случае в дыру засосало бы его бесплотную сущность, а последующий взрыв отправил бы его прямиком в Террикл. Отсутствие тела отлично увязывалось с созиданием и перемещением в пространстве, однако для внезапной и жестокой войны не очень-то подходило. Именно поэтому все лурианцы были воплощены в свои физические оболочки. Воплощены так же, как и Сибер'юния с Элайей.

Группы Оо-т-Ира, Аскина, Синотеи и Гизмунда действовали весьма неплохо, постепенно тесня лурианцев и сжимая периметр. Сами по себе они, конечно, давно были бы разбиты и даже уничтожены, но не тогда, когда основные силы защитников энергоузла сковал ударный кулак Сибер'юнии. И сковал очень эффективно, постепенно продвигаясь к своей цели. Красная богиня, налитая внезапным для самой себя воодушевлением, развернулась на прежде невиданную мощь. Вероятно, на то повлияло содействие ма-

тери, желание освободить сестер и воскресшие мечты о новом мире. Сибер'юния прямо-таки заливалась энергией, своеобразным танком проходившей через рубежи обороны лурианцев. Она швыряла в них целые континенты, сжатые до небольшого астероида и внезапно раскрывавшиеся в пространстве. Она сжимала это самое пространство самими стенами Института, стремясь раздавить очутившихся внутри лурианцев. Она воплощала у них под ногами разумные вулканы, исторгала потоки лавы и превращала позиции врага в огненный ад. Туда сыпались гремучие метеориты, там зажигались и взрывались звезды, а планеты, внезапно разрастаясь из микроскопической точки, расшвыривали лурианцев как худых котят.

Нарушители, сражавшиеся с Сибер'юнией бок о бок, взирали на нее с трепетом и благоговением, пока те же лурианцы не могли смотреть на красную богиню без ярко выраженного ужаса. Если до сих пор у Турионы или Грубауры и имелись какие-то свои планы, шедшие вразрез с данным обещанием, они однозначно решили от них отступиться. Прочувствовать на себе ярость Сибер'юнии не хотелось никому. А эта ярость нарастала тем больше, чем она оказывалась ближе к цели. Нарастал и страх лурианцев, начинавших подозревать, что остановить дочь Элайи у них попросту не хватит сил. Да, дочь, ибо Агнетто, стремясь утвердить свою правоту и превосходство, сообщил всем коллегам, кто кому приходится. И сообщил крайне вовремя. Часть лурианцев и прежде сомневалась в справедливости решения насчет сестер. Она уже была готова вступить с Элайей в переговоры, однако речь Агнетто выставила ее подлой предательницей. Предательницей, замышлявшей свое гнусное деяние уже давно и своевременно, увы, не выведенной на чистую воду. Это кардинально повлияло на умы лурианцев, и они, отринув всякие помыслы о переговорах, настроились сопротивляться предательнице до конца.

Обеспечив себе лояльность коллег, Агнетто решил только одну из задач. Центральный энергоузел по-прежнему оставался его головной болью, ибо если восставшие добьются своего — всему конец. А они, похоже, добьются, поскольку на то указывало текущее развитие событий. Лурианцы потихоньку отступали, сжимаясь вокруг узла, и если не произойдет чего-нибудь непредвиденного, там они, видимо, и полягут, один за другим отправленные в Терриклы. Да, они пока держались, но как долго это продлится — никто не знал. Аналитика оказалась бессильна перед лицом такого несметного количества переменных. Однако и без нее Агнетто прекрасно понимал — если он ничего не предпримет, поражение практически неминуемо.

Мощь Стратуронов казалась подходящим выходом, но только на первый взгляд. Уничтожая все и вся, они уничтожат и самих лурианцев, но то еще полбеды. Агнетто вполне пошел бы на такую жертву, не опасайся он, что сокрушающие иглы зацепят центральный энергетический узел. Последующий катаклизм был просто гарантирован. Существовал и второй вариант. Агнетто мог обратить Стратуроны в ту область, где сидели в заключении эти чертовы сестры. Тогда, отправленные в вечное ничто, они лишат восставших самой сути своего восстания, а там и видно будет. Вот только отправленные ли? Если треклятые девчонки уже обрели бессмертие лурианцев, их ждал всего лишь Террикл, откуда Элайя легко и с воодушевлением их быстро вытащит.

Агнетто чертыхнулся. Командуя сопротивлением, он одновременно размышлял над создавшейся ситуацией, стараясь придумать, как выпутаться из угрожающего положения. Положения, которое продолжало ухудшаться. Его коллеги это чувствовали и ждали от него, как от спонтанно назначенного руководителя, стратегических решений. Однако Агнетто было далеко до Элайи и Сибер'юнии. По-своему он воевал очень даже неплохо, выстроив эффективную оборону и удерживая ее достаточно продуктивно. Ланцетные контрвыпады периодически приносили свои плоды, устраняя кого-нибудь из Нарушителей. Увы, ему было не сравниться с матерью и дочерью, внезапно объединившихся на пути к единой цели. Агнетто, скрежеща зубами, прекрасно это понимал, отчего понимал и то, что вряд ли выстоит, если так все пойдет и дальше. Энергетический узел продолжал слабеть, а это автоматически сказывалось и на возможностях лурианцев. Черт бы побрал этих Извлеченных, неожиданно обративших свои таланты в пользу Элайи и Сибер'юнии! Они умело подпитывали их силы, не говоря уже о том, что красная богиня искусно пополняла их за счет самих же лурианцев. И эта Грубаура! Разжиревшая паучиха прямо-таки заставляла Агнетто трястись от бешенства. Он лично попытался ее уничтожить, но в запале едва и сам не отправился в Террикл, вовремя спасенный соратниками. Нет, в открытом бою Агнетто решительно не превзойдет мать и дочь, усиленных целой сворой освобожденных Нарушителей. Тут требовалось нечто иное. Нечто такое, что заставило бы их пойти как минимум на переговоры. Только не те переговоры, о которых недавно подумывали лурианцы. Никакого мира, и уж тем более восстановления отношений с Элайей! Их следовало осадить раз и навсегда. Вынудить отказаться от наступления и подавить вопиющее, немыслимое восстание. А для этого… Продолжая раздавать ментальные указания, Агнетто покинул передовую и исчез.

Джулиан маялся. Ощущая, как содрогается Институт, он жалел, что не может принять участие в бою, защищая самое дорогое на свете. Однако он и так защищал. Защищал здесь и сейчас, карауля запертое Смещение, где томились его любимые дочери. Но вдруг Элайя излишне перестраховалась? Вдруг он больше нужен там, в кипевшем сражении, по мере сил помогая восставшим? Восставшим, чьей конечной целью было освобождение Аманды и Сесилии. Расхаживая туда-сюда, Джулиан все больше сомневался, пока вдруг не убедился в прозорливости Элайи.

Агнетто появился словно из ниоткуда. Вероятно, он тоже оставил где-то здесь скрытую Зарницу, которую второпях проглядела Сибер'юния. Или даже серию Зарниц, ведущих в соседние Смещения, откуда легко можно было пройти в это. Джулиан и охнуть не успел, как его окружил Декартрон. Дополненный энергетической дымкой, он блокировал ментальное пространство, не позволяя пленнику связаться с кем-либо за его пределами.

— С тобой я разберусь позднее, — злобно произнес Агнетто, совсем по-человечески погрозив Джулиану кулаком. — От целого и невредимого пока от тебя больше пользы. Твои так называемые дочурки очень дорожат своим папулей, а дочурками дорожат все остальные. Из вас выйдут отличные заложники, способные остановить всю эту вакханалию раз и навсегда!

Джулиан что-то кричал, но Агнетто, более не удостаивая его вниманием, направился прямиком ко входу в Смещение. Было очевидно: что бы он ни задумал, ничем хорошим это не кончится. Воплотив в пространстве управляющий интерфейс, Агнетто уже собрался снять блокировку, как вдруг…

— А я тебя ждала, — сказала Элайя, объявившись от Оператора буквально в нескольких шагах.

Вытянув лицо, тот попытался снять последний барьер и ускользнуть в Смещение. Тугой удар сгустившегося воздуха отшвырнул его прочь будто тряпичную куклу. Взвившись на ноги, Агнетто ощерился, обращая против ненавистной лурианки эстиловый жезл. Это был особый сплав, суть которого составляли энергетические потоки, переплетавшиеся в весьма специфических контурах. Талантливый строитель иногда использовал его для воплощения своих способностей. Умелый воин тоже мог сделать им очень многое. Что-либо строить Агнетто не собирался, хотя и воин из него был так себе. Однако не в том случае, когда он имел дело с ослабленной дальше некуда противницей. Элайя никак не успела бы восстановиться после путешествий в Терриклы. Если уж она заявилась сюда одна, без своей дражайшей дочурки — ей же хуже. Теперь Агнетто наконец-то сокрушит эту зарвавшуюся лурианку,

бросившую вызов всем их вечным устоям. Что ж, приступим… Гаденько улыбаясь, Агнетто размахнулся и всадил в Элайю и впрямь сокрушительную молнию, разрывавшую материю и пространство.

Элайя даже не пошевелилась. Она лишь ярко вспыхнула глазами, как вспыхнула и вся ее изумрудная фигура. Выстрел Агнетто разошелся вокруг нее речными рукавами и растворился где-то далеко за ее спиной.

— Но как?!. — отвесил челюсть Оператор, решительно ничего не понимая. — Ты же была слабее дохлой мухи!

— Ты себе не представляешь, на что способны мои дорогие Извлеченные. Мои дорогие воспитанники, друзья и союзники, — зловеще-ласково произнесла Элайя. — Гранатовое Солнце Оо-т-Ира и его Колокол Пустоты творят настоящие чудеса. И жизненная сила Гизмунда. А чего стоят Удильщики Аскина и Радужный водопад Синотеи! Кстати, надеюсь, тебе будет приятно узнать, что все это было существенно улучшено при помощи Аманды и Сесилии. Если не ошибаюсь, ты сейчас намеревался взять их в заложники? Прикованные к центральному энергоузлу, они будут необратимо уничтожены, если тот внезапно взорвется. Да, уничтожены вместе со всей Вселенной Института, но ты готов был на это пойти, прекрасно зная, что МЫ на такое не пойдем никогда. Я верно угадала твой замысел, не так ли?

Агнетто заскрежетал зубами. Элайя словно прочитала его мысли. Более того, прочитала не здесь и сейчас, а предвидела их заранее, и заранее же ждала того момента, когда он лично и в одиночестве объявится здесь, подле заветного Смещения.

Попытка сбежать ожидаемо не удалась. Элайя, налитая прежней мощью, с легкостью пресекла намерения Агнетто, практически приковав его к этой комнате. Она даже не прибегала к вспомогательной технике вроде Нейтрализаторов и Поглотителей, настолько хорошо контролировала все пространственные возмущения. Агнетто сглотнул. Теперь ему только и оставалось, что вступить в решительный бой, поскольку было очевидно — всякие переговоры с Элайей заведомо исключались. И он вступил, просто от безысходности. Вскинув эстиловый жезл, он ринулся на ненавистную лурианку, взбешенный ее невыносимым превосходством.

Мало кто помнил, какой страшной и могучей воительницей когда-то была Элайя. Теперь Агнетто узрел это лично, ужаснувшись своей грядущей судьбе. Увеличившись в размерах, она вдруг стала будто соткана из чистой плазмы, гудящей наполнявшей ее энергией. По всей фигуре лурианки перебегали яркие, слепящие огоньки, разраставшиеся до жаркого пламени. Теперь, и только

теперь стало ясно, в кого пошла огненная природа Сибер'юнии. Красная, как заходящая звезда, Элайя и сама превратилась в звезду, горящую как сверхновая и сокрушительную будто миллион ядерных зарядов. Она больше не несла созидание и жизнь — вся ее сущность источала разрушение и погибель. Воздев воплощенный меч, сверкнувший неистовой яростью, она обрушила его на обомлевшего Агнетто.

Бой был скоротечен. Оператор, утративший боевой дух, не мог противостоять той, кто некогда испепеляла целые армии. Он отчаянно отбивался, силясь поразить Элайю, но та даже не парировала его удары. Словно в насмешку, она пропускала их прямо в себя, лишь еще больше раскаляясь огнем и яростью. Живая звезда, она начинала плавить все вокруг, грозя проделать одну сплошную брешь в Пустоту. Агнетто запаниковал. Его эстиловый жезл потек крупными каплями, обжигая задрожавшую руку. Потек — и в мгновение ока испарился. Агнетто создал новый, но и тот продержался ненамного дольше. А Элайя разила его мечом, суть продолжением своей собственной сущности. Разила с медленного размаха, ударяя так, как кузнец бьет огромным молотом по наковальне. И каждый удар, наносимый с запредельной силой, вызывал яркую вспышку, разбрызгивая вокруг сверкающие, дымящиеся капли. То были капли воплощения самого Агнетто.

Агнетто таял на глазах. Все его защитные барьеры, все блокирующие матрицы пробивались насквозь, лишая жизненной силы и энергии. Его структура распадалась, как распадалось и тело, не способное выносить пламя живой звезды. Злоба, перемешанная с умопомрачением, давно сменилась отчаянием и паникой, заливавшей все сознание Оператора. Настолько, что среди этого кошмара внезапно промелькнула мысль попросить пощады. Все-таки Элайя считалась одной из самых мудрых и добрых лурианок. Авось и смилостивится. В ответ Агнетто услышал ужасающий хохот, от которого застыло его несуществующее сердце. Да, Элайя именно таковой и была, и была уже давно. Но не сейчас. Сейчас она воссоздала в себе то, чем являлась когда-то, а в душе ТОЙ Элайи не нашлось места ни состраданию, ни жалости. Угадав трусливые помыслы Агнетто, она хохотала так, что от этих звуков содрогалась вся эта часть Института. А затем нанесла удар. И еще один, и еще! Агнетто стал будто призраком, каким-то чудом до сих пор цеплявшимся за реальность.

— Помолись своим богам! — громыхнула Элайя. — Помолись, ибо сейчас ты отправишься в небытие!

Нынешние лурианцы знали, что настоящих богов не существует. То была древняя речь, произносимая перед уничтожением врага.

— Ты не можешь! — набравшись остатков смелости, выпалил Агнетто. — Сколько бы мне ни бродить в Террикле, я еще вернусь! Вернусь, обращусь к Источнику, и тогда посмотрим, на чьей стороне окажется правда!
— Не в этот раз! — громыхнула Элайя, да так, что задрожала сама реальность. — Знай же, ничтожный червь, что мне по силам уничтожить тебя навечно!
Агнетто внезапно осознал, что живая звезда ничуть не преувеличивает. Обуянный смертным ужасом, он попытался уклониться от разящего удара, но его словно сковали невидимые цепи. Воздев пылающий меч, Элайя обрушила его прямо на голову врага. В то же мгновение раздался оглушительный треск, с которым распадалась сама сущность Агнетто. Отчаянно завопив, тот испустил растворявшуюся волну самой жизни и исчез, поглощенный ослепительной вспышкой. Исчез навсегда.

Джулиан был в ужасе. Пребывая в клетке Декартрона, он видел и слышал все происходящее. Элайя, представшая в столь ужасном образе, заставила его похолодеть телом и душой. Когнитивный диссонанс, возникший в его сознании, никак не увязывал мудрую и рассудительную лурианку с видом самой смерти, лучившейся вселенским распадом. А что если она не остановится? Что если эта звезда, гудевшая и ревевшая огнем и плазмой, обратит свое убийственное сияние на всех и вся? Тогда им конец. Восстание, поднятое против лурианцев, захлебнется в ярости собственного лидера. Не просто захлебнется — растворится в нем без остатка, сожженное возрожденным могуществом воительницы прошлого. Наблюдая необратимую смерть Агнетто, Джулиан словно и сам испытал на себе разящий удар, настолько сильным оказалось пространственное возмущение. И вот Элайя оборотилась к нему. Шаг, еще шаг. Пол под ней оплавлялся, а воздух дрожал от нестерпимого жара. Сияние живое звезды заполоняло само мироздание, едва не распадавшееся от ее полыхавшего гнева. Взмах ослепительного меча — и клетка Декартрона испарилась, будто ее никогда и не было. Еще один взмах и… Джулиан сжался в комок, воображая, что сейчас последует за Агнетто.
— Вы молодец. Успели меня позвать. Я в вас не ошиблась, — внезапно сказала Элайя своим привычным, приятно-мелодичным голосом.
Джулиан заморгал. Пылающая звезда исчезла. Теперь перед ним стояла прежняя Элайя — такая, какую он привык видеть с первого же мгновения Извлечения.
— Простите, что нагнала на вас такой жути, — смущенно произнесла Элайя. — Такой я была когда-то. Надеюсь, впредь мне не

придется возвращаться к этому облику. Однако теперь я вас покину. Несите свою вахту дальше, а я вернусь к нашим друзьям, ибо ничего еще не кончено.
— Так вы вернитесь этой звездой! — воскликнул, враз забывая все свои страхи Джулиан. — Вы же сокрушите кого угодно!
— Нельзя, — покачала головой Элайя. — Сейчас я вернулась в свой мирный облик лишь величайшим усилием воли. Второй раз может и не получиться.
— Тогда удачи, — только и сказал Джулиан.
Ободряюще ему улыбнувшись, Элайя исчезла. Ей ведь и вправду предстояло еще многое сделать. Очень многое.

Грохот, поднимаемый ударной мощью Сибер'юнии, раскатывался по всем закоулкам Института, заставляя его содрогаться до основания. По монолитам нерушимых стен пошли глубокие трещины, откуда сыпались ядовитые пресмыкающиеся Турионы. Пол дымился, с трудом выдерживая энергетические выбросы красной богини. Потолок трещал, грозя осыпаться лурианцам на головы. Они сузили периметр едва ли не до самого энергоузла, оставив львиную долю обороняемых площадей. Впрочем, в данном случае это сыграло в их пользу. Став меньше, периметр стал и крепче, питаясь от всех лурианцев сразу. Они пробовали изолировать себя непроницаемыми барьерами, как бы разделив реальность надвое. Не вышло. Мгновенно такое не получалось, а Сибер'юния пресекала все их попытки, разгадывая замысел налету. Начиная впадать в отчаяние, лурианцы использовали каналы аварийных выбросов, направляя их в Нарушителей так, как некогда направили в Пирокластическую Локализацию. Часть Нарушителей они и впрямь дематериализовали вместе с их грозными творениями. Побочным эффектом стали значительные повреждения самого Института. Ревущий поток энергии, пробивая все и вся, едва не проделал в нем сквозную брешь. В образовавшемся тоннеле теперь полыхало и искрило поврежденное оборудование, а часть помещений охватило жаркое пламя. Тушить его пришлось Аскину и Синотее, не желавших тотального уничтожения. Сотворив множество водных существ, они направили их своеобразной пожарной командой. Помогла им и Элайя. Оставив Джулиана у Смещения дочерей, она стала наводить порядок там, где основательно напахали лурианцы. Затем объявилась на передовой.

Сибер'юния и ее отряд практически вплотную подступили к центральному энергоузлу. Теперь до него оставалось всего ничего, однако это автоматически осложняло им задачу. Шарахни теперь красная богиня чем-нибудь помощнее — и защита узла может не выдержать, а его необратимого взрыва ни одна из сторон допус-

кать не хотела.
— Как успехи? — риторически осведомилась Элайя, поскольку и так все прекрасно ощущала.
— Более-менее, — коротко отозвалась Сибер'юния.
Выставив перед собой импровизированный щит, по сути составленный из фрагмента сжатой Локализации, она парировала удары лурианцев. Такие же щиты она периодически воздвигала и перед союзниками. Прикрываясь ее защитной мощью, те переключили львиную долю способностей на атаку, обрушивая оборонительные эшелоны врага.
— Где Грубаура? — прислушавшись к пространству, спросила Элайя.
— На крыше, — так же лаконично ответила дочь.

Речь шла про крышу Института. Разросшись до немыслимых размеров, Грубаура просто перестала хоть как-то помещаться внутри и перебралась на купола. Теперь она сидела там каким-то исполинским чудовищем, плетя свои сети и развешивая их вдоль внешних стен и окон. Извлеченные со всей Локализации, потрясенно прислушивавшиеся к побоищу в Институте, не менее потрясенно созерцали гигантскую паучиху, чье брюхо и лапы накрыли добрую половину его крыш. Зрелище было то еще, равно как и звуки, доносившиеся с поля боя. Однако Извлеченные не вмешивались. Согласно плану, в нужный момент каждому из них было доставлено послание, составленное всем ядром восставших, кроме Сибер'юнии. Извлеченных призывали оставаться на своих территориях и не воевать ни за одну из сторон. Восставшие не просят их сложить головы за свои замыслы, так пусть они не сложат их и за лурианцев, с чьей несправедливостью пришла пора покончить. Хорошенько поразмыслив, Извлеченные решили сохранить нейтралитет, тем более что очень уважали Элайю, всегда относившуюся к ним с теплом, вниманием и заботой. Поэтому тогда, когда от лурианцев пришел запрос о помощи, никто из них на него не откликнулся. Пусть сами разбираются, если их выяснение отношений не распространится за пределы Института. Оно и не распространялось. Восставшие не желали причинять вреда Локализации, а лурианцам там было попросту некого атаковать.

— Ясно, — усмехнулась Элайя, наконец-то сумевшая достучаться до сознания Грубауры.
Увлеченная фантастической трапезой, та позабыла про все на свете, отчего и не слышала вызывавшую ее лурианку.
— Грубаура, вы помните, о чем мы договаривались? — сурово отчеканила Элайя. — Еще раз своевременно не отзоветесь — и мы сделаем так, что ваше брюхо разлетится по всей Вселенной. Это

ясно?
— Извиняюсь, увлеклась, — прострекотала паучиха. — Впредь буду внимательнее.
— Хорошо. Будьте готовы оплести сетями энергоузел, — велела Элайя.
— Это я всегда готова! — с энтузиазмом ответила Грубаура.

— Мама, а где Агнетто? — в свою очередь осведомилась Сибер'юния, швыряя в лурианцев очередную вулканическую долину. — Я больше не ощущаю его в ментальном поле.
В качестве ответа Элайя послала ей мысленную картинку. Точнее, целый эпизод, где она сразилась с Оператором.
— Ого! — присвистнула Сибер'юния, искоса глянув на мать удивленными глазами. — Теперь ясно, в кого я пошла. Не хочешь повторить? Нам бы тут помощь не помешала.
Очередная мысленная картинка коротко объяснила ей, насколько чреватым может оказаться повторное возвращение к образу древней воительницы. Раз загоревшись, живая звезда, служившая живым же оружием, не факт что скоро погаснет, если вообще погаснет. Столкнувшись с Агнетто, Элайя дала волю гневу, прорвавшему все моральные заслоны. Она воздала ему за все, начиная от своей дочери и заканчивая пленением Аманды и Сесилии. И за нарушение их договора, а заодно и фашистское толкование лурианских идеалов. Правда, теперь Элайя начинала об этом жалеть. Вне всяких сомнений, Агнетто оказался тем еще мерзавцем, чей консерватизм и отторжение перемен заменили ему разум. Вот только она давно отказалась от подобного насилия, недопустимого для высших существ. Защищать свои идеалы — это одно, а превращаться в мстительное, карающее чудовище — совсем другое.

— Что ж, мама, теперь ты и сама прочувствовала, каково приходилось мне. Хотя бы в малой степени, — заметила, вздымая огненные скалы, Сибер'юния.
Элайя не ответила. Ее чувство вины еще больше усилилось, поскольку теперь, после этого срыва с Агнетто, она окончательно поняла, какие силы передались ее дочери и бушевали в ее душе. И что ее сподвигло на радикальные поступки. Чему и удивляться последующим событиям.
— Об этом поговорим позже, — сказала Сибер'юния, угадав мысли матери. — Сейчас у нас есть дела поважнее. Кажется, лурианцы что-то затевают. Я улавливаю изменение их настроя.

А лурианцы и впрямь изменяли поведение. Защитные барьеры перестраивались, и явно с каким-то умыслом. Все энергетические контуры, поступавшие из узла, начинали расходиться по другим каналам, а в ментальном поле возникло ощутимое напряже-

ние.
— Где Агнетто?! — внезапно послышался, раскатился в пространстве общий вопрос, адресованный всем вместе и никому в отдельности.
Возмущение, вызванное необратимым уничтожением Оператора, не прошло незамеченным. Обычный уход в Террикл ничего подобного не провоцировал. Теперь же лурианцы почувствовали нечто новое. Нечто, чего никто из них никогда не ощущал. На фоне внезапного молчания Оператора это выглядело весьма неоднозначно.
— Вашего лидера больше нет, — вышла в эфир Элайя.
Она не стала отпираться. Ложь была не к лицу лурианцам. Пускаясь на хитрости, они ходили, что называется, по краю. Лживый Агнетто, обманувший ее и предавший их договор, стал тому прямым олицетворением. Элайя не желала ему уподобляться. Она не стала врать и изворачиваться, а коротко изложила все как есть. Агнетто сражен, и сражен навсегда.
— Значит, он был прав! — ужаснулись лурианцы. — Вы — само зло! Вы, и ваша чудовищная дочь! Что ж, тогда вы и получите то, что заслужили!
И больше на связь не выходили, как к ним не взывала Элайя. Затем стало ясно, к чему были все их переподготовки.

Произошло то, что предполагалось с самого начала. Загнанные в угол, предчувствующие поражение лурианцы более не церемонились. Смерть Агнетто окончательно сорвала у них все предохранители. Теперь лурианцы не ограничивали себя ни в чем и не боялись навредить Институту. Развернувшись на полную катушку, они обрушили на восставших всю свою мощь, перемешивая небо и землю, реальность и Пустоту. А мощь у них была велика.

Грохочущие выбросы дематериализации стали стирать все вокруг, отправляя залы и комплексы Института в небытие. Отправляя вместе со всеми, кто там находился. Центральный энергетический узел вторично стал своеобразным оплотом, вокруг которого лурианцы уничтожали все живое и неживое. Уничтожали все сразу, нанося гремучие удары по площади. Это было сродни атомной бомбардировке, только не одной бомбой, а целой ковровой дорожкой, да еще множеством таких дорожек.

Сибер'юния не оплошала. Предполагая подобное развитие событий, она тут же переключилась с атаки на… защиту Института. Вот когда поистине пригодились ее способности воплощать целые Локализации. Вся мощь красной богини обратилась на поддержание того, что лурианцы теперь стремились всеми силами уничтожить. Огромные пространства Института прямо-таки заколебались в самом пространстве, зависнув между существованием и то-

тальным распылением. Пожираемые дематериализацией, они одновременно восстанавливались Сибер'юнией, удерживавшей их структуру неизменной. Однако и ее способностей не хватило бы нейтрализовать столь интенсивное испарение, не поддержи ее Элайя. Подключившись к энергетическим потокам дочери, она усиливала их, как могла, корректируя процесс удержания и восстановления по мере необходимости.

Ударил Колокол Пустоты. Тот самый, модернизированный при помощи Аманды и Сесилии. Затем еще раз и еще, помогая сдерживать распад Института. За рядами восставших полыхнули, ярко засияли Гранатовые Солнца, перенесенные Оо-т-Иром. Хорошенько поднатужились биомы Аскина, исторгая живительную энергию. Исторгал ее и Радужный водопад, который Синотея, используя лично воздвигнутые Лучи, направила в Институт напрямую. Старался и Гизмунд. Его семена вновь обрели живительную силу, распространявшуюся вокруг мягким сиянием. Затрещав ветвями, он неожиданно создал целую рощу, которая, как и ее творец, начала порождать жемчужные шары, преисполненные животворящей энергией.

Выглядело это поистине невероятно и даже фантасмагорично, ибо стороны вдруг поменялись местами. Теперь восставшие защищали то, что прежде старались сохранить лурианцы, а те, в свою очередь, силились уничтожить все и вся без разбору.

— Вот тебе и пример, дочь моя, что насилие — не выход, — вздохнула Элайя, максимально выплескивая свои возможности. — Всего одна вспышка гнева, принесшая смерть — и погляди, во что это обратилось.

— Они бы и так на это пошли, мама, — усомнилась Сибер'юния.

— Они могли бы вступить в переговоры. Теперь — нет, — покачала головой Элайя. — Лучше бы я только припугнула Агнетто. Совсем как тогда, когда он выслеживал девочек, а я устроила ему небольшой фейерверк.

Элайя подразумевала тот случай, когда Агнетто со своей группой шел по следу Аманды и Сесилии. Внезапная атака Сибер'юнии, заставившая его ретироваться, таковой ничуть не была. Это постаралась Элайя, напугав Оператора до полусмерти. Она всего лишь модифицировала обычные развлекательные огни, сами по себе безобидные, но выглядевшие весьма впечатляюще. Засыпав целую долину, они казались настоящим огненным армагеддоном. А у страха, как говорится, глаза велики. Агнетто удрал, поджав хвост, и местонахождение сестер так и осталось тайной.

С натужным гулом, сотрясшим всю локализацию, исчез один из институтских комплексов. Борьба энергетических стихий, не-

прерывно противодействующих друг другу, просто не могла обходиться без жертв. Мало-помалу растворялись в Пустоте залы и коридоры, транспортировочные узлы и галереи. С грохотом обрушилась одна из башен, на которую опиралась лапа Грубауры, разраставшейся на крыше до поистине немыслимых размеров. Затем другая. Подвинувшись, паучиха оплела брешь слоем тенет, а затем отправила на разведку миллионы крошечных паучков.

— Эй, у вас там все в порядке? — ментально осведомилась Грубаура. — Тут что-то затевается.

Она подразумевала Стратуроны, начинавшие проявлять подозрительную активность. Их иглы недвусмысленно разворачивались в сторону Института.

— Это уже по твоей части, дочь моя, — сказала Элайя, уяснив происходящее. — Давай, я возьму на себя часть твоих потоков.

Взяла, и тут же аж закряхтела от натуги, словно на ее плечи положили целую звездную систему с пятью солнцами и двумя дюжинами планет. Но то была необходимость. Сибер'юния, уставившись куда-то в пространство, воплотила по всему Институту те самые глаза, некогда послужившие ей для захвата контроля над армадой машин. Ситуация повторилась. Элайя едва не сдала, когда дочь наконец-то отключила Стратуроны, заблокировав их от лурианцев, и вернулась к поддержанию реальности. Вернулась крайне своевременно, поскольку одна Элайя долго выстоять не могла.

Пустоты становилось все больше. Пустоты, образованной стараниями лурианцев. Ее бреши зияли тут и там, а в некоторых местах поглотили целые сегменты или этажи. Но Институт все еще держался, спасаемый матерью и дочерью, а также всеми их союзниками.

— Грубаура! Закрывай Пустоту тенетами! — велела Элайя.

Паучиха тут же принялась за дело. Оно ей не слишком-то нравилось, поскольку Пустота не приносила энергетическую пищу, а наоборот — высасывала, но ничего не попишешь. Ее паутина, ловко и быстро сплетаемая вокруг разраставшихся брешей, немедленно остановила этот рост. Не обратила вспять, но хотя бы остановила.

— Мама, мы долго не продержимся! — воскликнула Сибер'юния.

— Долго и не надо! Энергоузел на последнем издыхании! — пропыхтела Элайя. — Теперь я боюсь лишь одного. Того, что эти упрямые болваны сами перейдут черту и спровоцируют детонацию!

Опасения были не лишены оснований. Лурианцы, вольно или невольно, вполне могли устроить глобальный катаклизм, если иссякший энергетический узел разорвет на мелкие клочья. В запале ли, либо намеренно, они были способны отправить мини-

Вселенную в небытие, из которого мало кто выберется. До падения узла оставалось всего ничего, поэтому Элайя лихорадочно искала выход из потенциально критического положения. И вдруг…
— Джулиан! Вскрывай Смещение! — воскликнула она, уловив пространственные перемены.
Собирая остатки энергии, лурианцы отключали все подряд, в том числе и блокаду Смещения сестер. Теперь его вход закрывала обычная матрица, структуру которой Элайя мгновенно и передала Джулиану. Взвившись будто ужаленный, тот рванулся к управляющему интерфейсу и в мгновение ока влетел туда, где томились его дочери.

Тоска, в которой пребывали Аманда и Сесилия, не могла сравниться даже с чувствами Сибер'юнии. Едва появившись на свет, они были объявлены какими-то вселенскими преступницами и заключены в такую клетку, за пределами которой не существовало просто ничего. Стараясь не сойти с ума, девушки развлекали друг друга различными историями и воспоминаниями, воплощая в доступном им пространстве разнообразные вещи и модели существ. Именно модели. Жизнь сестры не творили, не желая, чтобы какие-нибудь существа страдали вместе с ними в вечном заключении. Негромко переговариваясь, они как раз мастерили миниатюру их недавнего острова, когда белесая завеса внезапно спала, а Декартрон наполнил гул гремучего удара. Еще один удар — и бесследно исчез сам Декартрон. Пораженные до глубины души, девушки обернулись и увидели отца, рядом с которым стоял коренастый искрящийся мерколит. Помахивая громадным молотом, он удовлетворенно созерцал плоды своих разрушений.
— Папа! — воскликнули девушки.
Не говоря ни слова, едва не разревевшийся Джулиан бросился в их объятия.
— Так, вы тут давайте рыдайте, сколько влезет, а я обратно в бой, — улыбнулся Руд-гоор-Зунд, прозорливо присланный Элайей на помощь любящему отцу.
С этими словами он исчез, но вскоре за ним исчезли и Джулиан с дочерьми. Теперь, свободные от узилища, они хотели помочь тем, кто все это время самоотверженно помогал им.

Сражение дошло до критической точки. Если лурианцы не остановятся, энергетический узел взорвется, а вместе с ним взорвется и все, что он поддерживал в самом своем основании. Оставалось надеяться на благоразумие его защитников. В конце концов, фанатизм им был не присущ, и самоубийство во имя нежелания проигрывать — тоже. Агнетто может и пошел бы на такое, но другие лурианцы — вряд ли. Во всяком случае, в это очень хоте-

лось верить.
— Остановитесь, безумцы! — взывала в ментальный эфир Элайя. — Вы же уничтожите все до последней частицы!
Сибер'юния молчала, и не только потому, что к ней вряд ли бы кто-то стал прислушиваться. Она максимально сконцентрировалась на удержании Института, который теперь прямо-таки трещал по швам, визуально уподобляясь миражу в пустыне.
— Грубаура! Будь готова в любой момент! — только и сказала она, обращаясь к паучихе.
Той совершенно не хотелось разлетаться по всей Пустоте, особенно после столь обильной трапезы, поэтому она выказала высшую степень внимания. И вдруг все стихло.

По замыслу Элайи, в нужный момент они должны были закидать лурианцев Грабберами, чтобы те затянули всех куда-нибудь подальше. Если туда попадет и кто-то из Восставших — не страшно. Главное что узел уцелеет, а вокруг не останется никого из его защитников. Однако планы планами, а реальность проявилась совсем иначе.

Институт внезапно затрясло. Затрясло совсем не так, как прежде, когда он содрогался от хода свирепой битвы. Мелко задрожав, он вдруг начал терять частички стен, перекрытий, и вообще всего, что наполняло его изнутри. Это выглядело как снег, крупными хлопьями срывавшийся с любой материальной поверхности. Крыша затрещала, как затрещали башни, купола, балконы и галереи. Этот треск пришел на смену тишине. Той тишине, что установилась после того, как лурианцы прекратили боевые действия. В пространстве отчетливо раздался их призыв о помощи. Почуяв неладное, Элайя и Сибер'юния ринулись прямиком к узлу, благо что все защитные эшелоны оказались сняты. Ловушки они не опасались, а если и опасались, то этим страхом пренебрегли, ощущая нутром, что положение более чем критическое. К тому же Аманда и Сесилия, старавшиеся проникнуть в мысли лурианцев, сообщили об их искренности. Остальные восставшие проследовали за своими предводительницами, согласно приказу прекратив всякую агрессию.

С первого же взгляда все стало ясно — лурианцы перестарались. Перестарались в запале, ибо в противном случае не перестали бы сражаться и не позвали на помощь. Центральный энергетический узел распадался. К великому счастью всех присутствующих, он не детонировал сразу, но счастье это было недолговечным. В распоряжении восставших и лурианцев оставались считанные… Что? Никто не знал!
— Вы можете это остановить? — спросил Элайю кто-то из лурианц-

цев.
Кто именно — она не разобрала, поскольку они собрались вблизи всем уцелевшим составом. Перед лицом тотального уничтожения к ним вернулось благоразумие. Выбирая перед всеобщим концом или координацией с нападавшими, лурианцы не пошли по пути, который наверняка бы выбрал Агнетто.
— Грубаура! Бегом сюда! — вместо ответа воскликнула Элайя, наблюдая, как по стенам энергетического узла разрастаются светящиеся, сочившиеся плазмой щели.
— Как?! — ошеломленно воскликнула паучиха. — Я же к вам не пролезу!
Обвинять ее в трусости или неподчинении не приходилось. Она разрослась до таких размеров, что теперь практически целиком покрывала крышу Института. Ту крышу, что еще уцелела после всех пространственных потрясений.
— Прогрызай! Прогрызай сюда путь! Я помогу! — грохотнула Сибер'юния, заставив лурианцев поежиться.
— А! Это можно! — согласилась Грубаура.
И тут же впилась хелицерами в перекрытия Института, разрывая их на мелкие кусочки. Сибер'юния ударила снизу, проделывая над энергетическим узлом огромную брешь. Достаточно огромную, чтобы в ней, в конце концов, объявилась голова Грубауры.
— Паутина! Заливай ей узел! Весь! Целиком и как можно плотнее! — командовала Элайя.
Растерянные лурианцы, только что воевавшие с ней, ее дочерью и целой толпой Нарушителей, теперь спрашивали указаний. Как бы там ни повернулось дело, мать и дочь явно не желали гибели Вселенной Института, а его не желали и сами лурианцы.
— Сжимайте пространство! — крикнула Элайя. — Это удержит физическую оболочку узла. — Ненадолго, но удержит!
Мгновенно усвоив, что к чему, лурианцы направили остатки своей энергии так, как было велено. Частично этим занялась и Сибер'юния, продолжая поддерживать рассыпавшуюся структуру Института.

Повреждения оказались критическими. Элайя поняла это сразу, когда внимательно изучила структуру узла и обозрела пространственные искажения. Дополнительный анализ, наспех произведенный лурианцами сканирующей техникой, только подтвердил ее пугающее предположение. Совместными усилиями лурианцы и восставшие удержат узел лишь на какое-то время, однако его нестабильность нарастала. И закончиться она могла только одним.
— Кажется, доигрались, — шепнул Аскин Синотее. — Что ж, рад

был нашему знакомству.
— Не верю, чтобы ничего нельзя было сделать! — воскликнул Джулиан.
Едва обретший своих дочерей, он просто не мог их потерять. Снова! Помогая Элайе, он и впрямь не верил в то, что эта всесильная лурианка не в состоянии сама вновь прийти на помощь.
— А если замкнуть утечку обратным контуром? — предложила Сесилия.
Она еще не очень хорошо разбиралась в институтской технике, но довольно приличное представление о ней все-таки имела.
— Да, замкнуть с положительной обратной связью, — прибавила Аманда.
Как и сестра, она отнюдь не пренебрегала научными познаниями, хотя предпочитала теории практику. В частности, на озере Синотеи. Чуть повернувшись, Элайя окинула их грустным ласковым взглядом. Прибежав на передовую, отец и дочери помогали восставшим чем могли. Сестры, в том числе, старались прочесть мысли лурианцев, отчего их призыв о помощи воспринимался вполне искренним. Жаль, повоевать они толком не успели, однако это к лучшему.
— Не выйдет, — отозвалась, сжимая пространство, Элайя. — Узел распадается изнутри. Утечка тут не при чем. Распадается сама его структура.
— Да не может быть, чтобы это нельзя было починить! — упрямо воскликнула Сесилия.
— Можно, — неожиданно подала голос Сибер'юния. — Другой структурой.
Бросив взгляд на дочь, Элайя закусила губу. Она-то знала, в чем тут суть, но не хотела, чтобы знал кто-то еще. Однако Сибер'юния ничего не успела объяснить. Центральный энергетический узел загремел, разрывая слои паутины, и вырвался из оков пространственного сжатия. В следующее мгновение все вокруг поглотила свирепая ослепительная вспышка.

* * *

Среди просторов мироздания неспешно летели из ниоткуда в никуда каменистые планетоиды. Лишенные жизни, они выглядели обычными нагромождениями вулканической породы, не представляющими никакого интереса. И эти планетоиды тоже ничего не интересовало. Не интересовало уже давно, отчего они и уподобились такой простой и абсолютно неактивной форме. Древние лурианцы, стоявшие у истоков образования Вселенной, повидали

все и вся. Их больше ничем нельзя было удивить. Они достигли абсолютных возможностей, а жизнь, ее интриги и перипетии с незапамятных времен стали банальны и предсказуемы. Настолько, что Древние оставили все мирские дела и погрузились в вечную спячку. Они лишь передавали знания своим потомкам, служа им вечным проводником, но больше ничего делали. И вот что-то произошло. Озарившись слабым сиянием, планетоиды пробуждались, ощутив какое-то необычное веяние из далекой Вселенной.

Кругом расстилался один лишь свет. Чистый белый свет без какой-либо примеси. В нем не было ничего — ни неба и звезд, ни цветов и трав, ни деревьев, ни зданий, ни даже самой материи. Преисполненный пустоты, он разливался мерно и ровно, словно озарял кому-то вечный путь. Но в этой пустоте была и жизнь. Паря в абсолютном нигде, Сибер'юния, Аманда и Сесилия ошеломленно смотрели друг на друга. Их мысли, лихорадочно вертевшиеся миллионами обрывочных видений, сновали из сознания в сознание, обмениваясь чувствами, воспоминаниями и репликами. Все трое, ничего не понимая, пытались воссоздать картину того, что произошло.

Даже в краткий миг лурианцы могли сделать очень и очень многое. Их мысли текли огромным объемом, и этот объем быстро предавался из одного разума в другой. Таким образом, за условную секунду, ничего не значащую для моделей из Юнисанциумов, они были в состоянии принять важное решение. Не только принять, но и исполнить.

Центральный энергетический узел был не обычным образованием вроде генератора или преобразователя звездного излучения. По сути, он представлял собой жизненную суть лурианцев, олицетворяя ее сознание, созидание и вечную жизнь. Он был их квинтэссенцией — концентрированным могуществом, порожденным наиболее одаренными мастерами и самостоятельно функционировавшим в пространстве. Именно поэтому он питал все творения лурианцев, поддерживал их материальные воплощения и мог все то же, что могли и они, ибо основа, сама структура его энергии была им изначально родной. И уж где-где, а в Институте Моделирования Разума нечто подобное удивления не вызывало. Таким образом, не вызывали удивления и слова Сибер'юнии, что починить структуру такого уникального творения можно только другой структурой.

Элайя, сбросив физическую оболочку, ринулась в самый центр распадавшегося узла. Ринулась в тот момент, когда пространственные оковы пали, и он вот-вот должен был детонировать, ввергая Вселенную Института в необратимый катаклизм. За

ней последовал Джулиан. Элайя пыталась его остановить. С ее точки зрения, если уж кто и должен был пожертвовать собой, так это она. Все равно лурианцы никогда не простят ей смерти Агнетто. Да она и сама себя не простит. Оператор стал лишь последней каплей. Вина перед дочерью станет грызть и терзать ее до конца времен, и что может быть лучше, чем во имя искупления отдать за нее жизнь? Отдать, и забыться в вечном покое.

Джулиан заупрямился. Как бы ни была велика сила Элайи, одной ее могло и не хватить. Две структуры лучше, чем одна. Это понимал даже он, вкратце уловив то, что успела транслировать Сибер'юния. Принципиально разные, они вольются в энергетический узел самой своей сущностью и растворятся в нем без остатка. Но растворятся не просто так. Поглотив их структуру и энергию, узел уцелеет. Его распад остановится, словно цепочка ДНК, починенная фрагментами других цепочек. И этого будет достаточно, чтобы все остальные удержали его в стабильном состоянии. Тогда не произойдет и взрыва, до которого оставалось какое-то мгновение; тогда не погибнет Колыбельная Локализация и все, кто ее населял. Тогда выживут все, включая Аманду, Сесилию и Сибер'юнию. А ради такого и умереть не грех!

Элайя попыталась вытолкнуть Джулиана прочь, но тот оказал решительное сопротивление, вцепившись в нее мертвой хваткой. Может она дать гарантию, что одной ее жертвы будет достаточно? Не может? Значит, и говорить тут не о чем! Если мать готова отдать жизнь за свою дочь, то и отец способен на такое ради своих девочек! И так тому и быть!

Элайя, озарившись печальной улыбкой, взяла Джулиана за руки. В последнее мгновение она показала ему, как родилась, росла и взрослела Сибер'юния. А Джулиан ответил ей детством Аманды и Сесилии, видениями их старой и новой жизни. Затем их поглотила вспышка. Та, что вырвалась было наружу, но так никого и не уничтожила, втянувшись обратно внутрь.

Аманда, Сесилия и Сибер'юния молча переглядывались. В глазах их стояли слезы. Самые настоящие слезы, вроде бы не присущие бесплотной форме жизни. Тем более что сейчас они были лишены физических оболочек и выглядели по-прежнему исключительно в мыслях друг друга. Но как они здесь оказались? Сообразив, что задумали их мать и отец, они рванулись за ними следом. Сибер'юния, изначально планировавшая уничтожить энергоузел Института, хорошо разбиралась, что к чему. Да, теперь она старалась его сохранить, но не такой же ценой! Взрыв должен был уничтожить все сущее, но самые сильные все-таки могли уцелеть. Тех же, кто находился в его эпицентре, выбрасывало в Луч, свя-

зующий Вселенную Института с остальным мирозданием. Падение узла автоматически открывало заветный проход. Именно в этом и заключался изначальный замысел Сибер'юнии, собиравшейся ускользнуть из Колыбельной Локализации. Однако она не знала, сработает ли ее план в случае Аманды и Сесилии — слишком молодых и неопытных, чтобы выдержать подобный катаклизм. И, тем не менее, все трое рванулись спасать отца и мать, не желая их необратимой гибели. Но не успели.

Однако где же они теперь? Белый свет, ровно лучившийся со всех сторон, не содержал в себе какого-либо ответа, ибо он вообще ничего не содержал. Все трое словно застряли в Луче на пути из одной точки в другую. Во всяком случае, именно это пришло в голову Сибер'юнии, поделившейся своими соображениями с Амандой и Сесилией. Те нашли ее предположение достаточно убедительным, только легче никому из них ничуть не стало. Здесь, в белой пустоте, они оказались лишены всех своих способностей и только и могли, что парить в абсолютном нигде друг возле друга.

— Что будем делать? — спросил чей-то спокойный голос.

В огромной сфере, расположенной посреди звездных просторов, были отчетливо видны три фигуры, зависшие посреди океана белого света. Фигуры дочерей отца и матери, отдавших жизни ради своих детей.

— Случай необычный, — произнес один из пробудившихся планетоидов.

— Вероятность разума составляет девяносто девять и девяносто семь сотых процента, — подал голос другой, озарившийся мягким сиянием.

— Любовь, дружба, самоотверженность, самопожертвование, чувство долга, мечты и надежды. Подтверждаю, это высокоразумные существа, — сказал третий, пробуждаясь от давнего сна.

— Они непредсказуемы, — заметил четвертый планетоид, испустив ровное голубое свечение.

— Как раз то, что и требуется от по-настоящему высокоразвитого сознания, — вступил в разговор пятый. — Я — за!

— В своих устремлениях и амбициях они едва всех не погубили, — заметил шестой планетоид, испуская легкую желтую дымку сомнения.

— Чуть-чуть, как вы знаете, не считается, — усмехнулся седьмой, наливаясь насыщенным синим светом.

— Голосуем? — осведомился восьмой.

— Что с Элайей и Джулианом? — выразительно изрек девятый.

— Боюсь, здесь бессильны даже мы. Всю свою любовь они передали своим детям, — вздохнул десятый. — И с нашей стороны было

бы крайне жестоко оставить их жертву напрасной.
— Я согласен, — произнес первый.
— Так что будем делать? — повторно осведомился одиннадцатый.
— Голосуем? — снова спросил восьмой.
Вокруг сферы, по-прежнему показывавшей три одинокие фигуры, ненадолго воцарилось молчание.
— Решено! — подвел итоги двенадцатый, доселе молчавший голос. — Завершаем Извлечение!
— Бардак в Институте там разберут и сами, — добавил третий.
— Синотея, Оо-т-Ир, Аскин и Гизмунд — довольно перспективные Модели. Мы за ними присмотрим, — констатировал пятый.
— Пожалуй, стоит сделать тамошним лурианцам наставление. Они несколько сбились с пути. Приговоры Нарушителям также следует пересмотреть, — веско молвил десятый.
— Ну а за этими тремя девчонками присмотрим лично мы, — усмехнулся первый.
— Принято! — лаконично произнес двенадцатый.

Аманду, Сесилию и Сибер'юнию мало-помалу охватывало отчаяние. Они решительно ничего не понимали. Не понимала Сибер'юния, чей возраст начитывал миллионы условных лет, не понимали сестры, молодые, но обладавшие незаурядными талантами. В пространстве было пусто. Сибер'юния не улавливала ни малейшего энергетического возмущения, а девушки не слышали хоть чьих-нибудь сторонних мыслей. Все трое не могли уйти даже в Пустоту. Они застряли в сплошном белом свете и решительно не понимали, на время или навсегда.
— Смотрите! — внезапно воскликнула Сесилия, протягивая руку.
Там, куда она указывала, белый свет внезапно разошелся. Сквозь образовавшуюся, растущую прореху показалось иссиня-черное небо, где алмазами горели бесчисленные звезды.
— Глазам не верю! — ахнула Сибер'юния.
Проем все ширился, являя их взорам далекую, усыпанную огнями Вселенную. Вселенную, ничуть не похожую на Вселенную Института.
— Чего же мы стоим?! — воскликнула Аманда.
Схватив сестру и Сибер'юнию, она рванулась навстречу открывавшемуся видению, и потянула их за собой. Но те уже летели и сами, ибо видели куда лететь и страстно желали этого всем сердцем. Вселенная становилась все ближе, а скорость их все ускорялась по мере того, как вспыхивала, росла в сердцах возродившаяся надежда. Мгновение, еще мгновение — и вот белый свет остался позади, растворяясь в великом ничто. Теперь вокруг Аманды, Сесилии и Сибер'юнии расстилалась огромная прекрасная галак-

тика, преисполненная живых веяний энергии.
— Летите, творите свой новый мир, — тихо произнес двенадцатый.
И Сибер'юния, взяв Аманду и Сесилию за руки, полетела. Источник отворил им врата в мироздание.

К О Н Е Ц